

Федеральное государственное казенное  
образовательное учреждение высшего образования  
«Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя»

На правах рукописи

Шкабин Геннадий Сергеевич

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ  
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:  
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Специальности:

12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;

12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность;

оперативно-розыскная деятельность

Диссертация на соискание ученой степени

доктора юридических наук

**Научные консультанты:**

заслуженный юрист Российской Федерации,

доктор юридических наук, профессор

Валерий Павлович Кувалдин,

доктор юридических наук, профессор

Александр Михайлович Плешаков

Москва – 2018

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Введение</b> .....	3
<b>Глава 1. Теоретические основы уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности</b>	
§ 1. Понятие и элементы уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности.....	24
§ 2. Соотношение задач и целей о противодействии преступности в уголовном и оперативно-разыском законодательстве.....	46
<b>Глава 2. Уголовно-правовая категория вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности</b>	
§ 1. Категория вреда в уголовном праве и оперативно-разыском законодательстве.....	66
§ 2. Классификация оперативно-разыскных мероприятий, при проведении которых причиняется вред объектам уголовно-правовой охраны.....	104
§ 3. Понятие оперативного внедрения и его уголовно-правовые признаки.....	127
<b>Глава 3. Зарубежный опыт уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности</b>	
§ 1. Правовое обеспечение причинения вреда при проведении тайных операций в странах общей системы права.....	142
§ 2. Сочетание материальных и процессуальных норм в регулировании причинения вреда при проведении тайных операций в системе континентального права.....	159
§ 3. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскных мероприятий в странах ближнего зарубежья.....	174
<b>Глава 4. Институт соучастия в преступлении и проблемы проведения оперативно-разыскных мероприятий</b>	
§ 1. Объекты оперативного внедрения и проблемы соучастия в преступлении.....	184
§ 2. Формы правомерного поведения лица, участвующего в проведении оперативно-разыскного мероприятия среди соучастников преступления...	212
<b>Глава 5. Основания правомерности причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий</b>	
§ 1. Проблемы уголовно-правового регулирования правомерного причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий.....	234
§ 2. Обстановка причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий.....	266
§ 3. Пределы причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий и их уголовно-правовая оценка.....	288
§ 4. Причинение вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия: направления совершенствования уголовного закона.....	312
<b>Заключение</b> .....	321
<b>Список литературы</b> .....	325
<b>Приложения</b> .....	393

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность темы исследования.** Уголовное право по своему социальному содержанию есть одно из главных средств защиты правоохраняемых интересов от преступных посягательств. Однако трудно достичь высокой степени эффективности в данном направлении государственной деятельности, используя лишь это средство. Уголовное право является основной частью большой юридической системы, представляющей собой комплекс отраслей права, направленный на противодействие преступным проявлениям. Согласованность положений в этой системе имеет принципиальное значение. Отсутствие единого подхода к правовому обеспечению негативно влияет на всю практику правоохранительной деятельности. В результате не достигаются цели многоаспектной деятельности по правовому, социальному и организационному регулированию выявления, пресечения, раскрытия, расследования преступлений, осуществления уголовного правосудия и устранения или ослабления факторов, порождающих запрещенные уголовным законом деяния.

Базовая, фундаментальная роль в этом блоке отраслей принадлежит уголовному праву. Оно не только определяет основные направления уголовной политики государства и конкретные деяния, являющиеся объектом воздействия правоохранительной системы, но и обеспечивает это воздействие необходимыми средствами, устанавливая границы правомерного поведения и меру возможного, допустимого, с точки зрения общества, причинения вреда.

В современном мире постоянно возникают новые, все более опасные формы уже достаточно устоявшихся видов социальных угроз. Это террористическое насилие с его идеей самопожертвования, незаконный оборот оружия и наркотиков с их профессиональной организацией, разнообразные формы экстремизма с их крайним проявлением, детальная подготовка преступ-

ных финансовых операций с их тщательной конспиративностью и другие виды преступных посягательств.

Указанные негативные явления требуют существенного пересмотра одного из основных средств противодействия преступности – оперативно-разыскной деятельности<sup>1</sup>. Без теоретического обоснования законодательного совершенствования этого направления правоохранительной деятельности невыполнимо решение одной из главных задач уголовного закона – предупреждение преступлений.

Однако данная проблема с уголовно-правовых позиций анализируется весьма ограниченно, даже несмотря на то, что при проведении практически любого оперативно-разыскного мероприятия может причиняться вред объектам уголовно-правовой охраны. Вместе с тем принятая на 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Конвенция против транснациональной организованной преступности (12–15 декабря 2000 г., г. Палермо, Италия) декларирует необходимость предоставления иммунитета от уголовного преследования лицу, которое существенным образом сотрудничает в расследовании или уголовном преследовании<sup>2</sup>. Такая возможность предоставления лицам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, полномочий по вынужденному причинению вреда и вероятность нарушения условий правомерности в подобных случаях свидетельствуют о необходимости и актуальности исследования уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскных мероприятий.

Состояние преступности в стране свидетельствует о том, что существуют проблемы в противодействии наиболее опасным видам преступлений, таким как террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват заложников (ст.

---

<sup>1</sup> Удельный вес преступлений, по которым лица, их совершившие, установлены подразделениями органов внутренних дел, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, за последние более чем пять лет составляет стабильно около 50 %. См. : Состояние преступности в России за 2012 – ноябрь 2017 года. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai> (дата обращения 20.12.2017).

<sup>2</sup> См.: Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 3–33; СПС «КонсультантПлюс».

206), бандитизм (ст. 209), организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 210 УК РФ). Проведение одного из наиболее эффективных оперативно-разыскных мероприятий – оперативного внедрения – в отношении перечисленных преступлений является весьма затруднительным. Это обусловлено в том числе и недостаточной правовой защищенностью лиц, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность в различного рода криминальных образованиях. Действуя вынужденно, такие лица с внешней стороны выполняют различные роли соучастников преступлений. Однако существующие на сегодняшний день предложения о введении в уголовное законодательство понятий «мнимый соучастник», или «имитация преступления», не соответствуют ни логике уголовного законодательства, ни потребностям практики оперативно-разыскной деятельности. Отсутствие в УК РФ нормы, регулирующей такие ситуации, их толкования со стороны Пленума Верховного Суда РФ, неразработанность критериев разграничения крайней необходимости и причинения правомерного вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий не способствуют единой практике применения закона. В результате процесс охраны законных интересов личности, общества и государства становится недостаточно эффективным.

На сегодняшний день, по нашему мнению, именно институт крайней необходимости является правовым основанием причинения правомерного вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий. Аналогичная позиция высказывается и в теории уголовного права и оперативно-разыскной науке. Однако судебная практика в абсолютном большинстве случаев этого не признает. При правовой оценке вреда, причиненного в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий, уголовный закон фактически не применяется. Не используются и соответствующие статьи Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016)

«Об оперативно-розыскной деятельности»<sup>1</sup> (далее – Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», или Закон). В связи с этим теоретическая и практическая важность соотношения уголовного законодательства о предупреждении преступлений, стадиях совершения преступления, соучастии в нем, а также о роли и значении обстоятельств, исключающих преступность деяния, с фактическими ситуациями, возникающими при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, становится очевидной.

Оперативно-розыскная деятельность в конечном счете направлена на предупреждение вреда. Юридический парадокс в данном случае состоит в том, что достижение этой цели нередко осуществляется с помощью такого же причинения вреда, но уже правомерного. Однако ни в уголовном праве, ни в теории оперативно-розыскной деятельности комплексно не рассмотрен вопрос о роли и значении категории вреда для осуществления последней.

Необходимо также отметить, что недостаточно внимания уделяется использованию зарубежного опыта уголовно-правового обеспечения причинения вреда при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Отсутствует надлежащий анализ так называемой теории «необходимого зла», получившей свое развитие в англо-саксонской системе права и содержащей теоретическое обоснование правомерности совершения полицейскими и другими представителями государства при проведении тайных операций деяний, запрещенных законом.

В настоящее время нет согласованности и в практике применения положений о провокации преступления. Противозаконность провокации в абсолютном большинстве случаев не получает уголовно-правовой оценки. В свою очередь, границы между «дозволенной хитростью и запрещенным обманом» при проведении оперативно-розыскных мероприятий в практическом плане не установлены. В результате сотрудники правоохранительных органов для обоснования своего формально правильного применения закона ис-

---

<sup>1</sup> См.: Российская газета. 1995. 18 авг.

пользуют личные контакты и корпоративную солидарность и не дают какой-либо уголовно-правовой оценки действиям провокатора.

Подобная негативная практика в последнее время приобрела международно-правовой характер. Осужденные обжалуют действия российских правоприменителей и добиваются оправдательных решений и материальных компенсаций в международно-правовых инстанциях уже в качестве потерпевших. Недавно появившееся законодательное понятие провокации преступления (ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») в значительной мере не соответствует доктринальным положениям уголовного права. Данное обстоятельство негативно сказывается на осуществлении оперативно-розыскной деятельности в отношении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, оружия, коррупционных и других преступлений.

Необходимость тщательного анализа и решения выявленных проблем подтверждают актуальность избранной темы исследования.

**Степень разработанности научной проблемы.** Уровень разработки заявленных направлений исследования представляется явно недостаточным. В специальной литературе роль уголовного права в правовом обеспечении оперативно-розыскных мероприятий не получила должного освещения ни в монографических, ни в диссертационных работах. Тем не менее отдельные уголовно-правовые аспекты оперативно-розыскной деятельности рассматривались в трудах по смежным проблемам. Прежде всего это касалось межотраслевых связей уголовного права и оперативно-розыскной деятельности, которые рассматривались в трудах М. П. Карпушина (1965), А. Г. Лекаря (1967), А. Ф. Возного (1973), С. В. Дьякова (1988), В. С. Овчинского (1994), А. Ю. Шумилова (1997), Н. И. Пикурова (1998), С. С. Галахова (2001), М. А. Шматова (2001).

В последнее время значение уголовного права для оперативно-розыскной деятельности частично анализировалось при исследовании обстоятельств, исключающих преступность деяния, соучастия в преступлении, не-

оконченного преступления, освобождения от уголовной ответственности, квалификации должностных преступлений. Эти проблемы затрагивались в работах П. В. Агапова, В. Н. Боркова, А. С. Вандышева, В. Н. Винокурова, А. П. Дмитренко, Ю. Г. Железнякова, С. Ф. Милюкова, Г. М. Миньковского, В. И. Михайлова, В. В. Орехова, С. В. Пархоменко, А. В. Петровского, А. М. Плешакова, А. В. Савинского и других ученых.

Вопросам уголовно-правовой оценки правомерности вреда, причиненного при проведении оперативно-разыскных мероприятий, обращали свое внимание ученые, занимающиеся оперативно-разыскной наукой : О. А. Вагин, Н. П. Водько, К. К. Горяинов, В. И. Диденко, Н. С. Железняк, О. Д. Жук, И. А. Зинченко, В. И. Елинский, Ю. Ф. Кваша, В. П. Кувалдин, В. Ф. Луговик, В. В. Николук, С. С. Овчинский, И. Н. Озеров, В. В. Ожкало, В. Н. Омелин, А. В. Опалев, Н. В. Павличенко, С. Н. Полегаев, В. Г. Самойлов, Г. К. Синилов, А. В. Тямкин, А. Е. Чечетин, С. Е. Шокин и др.

В ходе анализа проблем провокации преступлений оперативно-разыскной аспект анализировался Е. В. Говорухиным, А. Д. Назаровым, А. В. Никуленко, А. Б. Мельниченко, А. А. Мастерковым, М. А. Фоминым, А. В. Чуркиным, П. С. Яни и др.

Отметим несомненную научную и практическую значимость трудов всех авторов как основу для нашего изучения. В то же время обратим внимание на то, что большинство исследований выполнялось в иной социально-правовой и криминальной ситуации в стране. Деятельность же подразделений органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, непрерывно меняется, то есть перед нами уже новая эмпирическая реальность. Соответственно накопленный материал нуждается в комплексном осмыслении, обобщении и теоретическом анализе.

Приведенные выше обстоятельства определяют направление исследования и позволяют сформулировать его основную **проблему** – это недостаточная разработанность теоретических воззрений об уголовно-правовом обеспечении оперативно-разыскной деятельности, а также пробельность и



противоречивость межотраслевых связей положений уголовного и оперативно-разыскного законодательства.

Необходимость решение данной проблемы обуславливает **объект исследования**, содержанием которого являются общественные отношения, складывающиеся как в процессе реализации норм уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, так и в результате их теоретического обоснования для дальнейшего правотворчества.

**Предмет исследования** составляют нормы российского уголовного, оперативно-разыскного и других отраслей законодательства, международные и зарубежные нормативные акты об уголовно-правовом обеспечении оперативно-разыскной деятельности; материалы правоприменительной практики; данные статистики и социологических исследований; труды российских и зарубежных ученых, посвященные настоящему научному направлению.

**Целью работы** является разработка и теоретическое обоснование предложений по уголовно-правовому обеспечению оперативно-разыскной деятельности, а также формулирование научно обоснованных выводов и предложений по совершенствованию отдельных норм и институтов уголовного и оперативно-разыскного законодательства и практики их применения.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие задачи:

- разработано теоретическое понятие уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности, выделены и рассмотрены его элементы;
- осуществлен анализ генезиса и современного состояния правовой основы уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности;
- проанализировано соотношение задач и целей о противодействии преступности в уголовном и оперативно-разыском законодательстве;
- определено значение категории вреда в уголовном праве и оперативно-разыском законодательстве;
- классифицированы оперативно-разыскные мероприятия, при проведении которых возможно причинение вреда объектам уголовно-правовой

охраны;

– проведен сравнительно-правовой анализ нормативного обеспечения причинения вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности по законодательству зарубежных стран с разными правовыми системами;

– определены объекты проведения оперативно-разыскных мероприятий с учетом положений института соучастия в преступлении;

– обоснованы предложения по уголовно-правовой оценке действий лиц, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность в преступных группах и сообществах;

– сформулированы предложения по определению пределов вынужденного причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий и установлению правовых гарантий для лиц, участвующих в их проведении;

– разработаны предложения по совершенствованию законодательства в сфере уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности и ее предупредительного значения для противодействия преступности.

**Методология и методика исследования.** Исследование проведено на основе принципов системности. Это позволило рассмотреть межотраслевые связи уголовного права и оперативно-разыскной деятельности как комплексную проблему. Методологической основой является диалектический метод познания, позволяющий отразить взаимосвязь теории и практики уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности, а также форму и содержание исследования, процессы развития и качественные изменения рассматриваемых явлений.

В целях обеспечения достоверности и полноты исследования использовались следующие специальные методы: формально-логический, сравнительно-правовой, экспертных оценок, конкретно-социологический (опросы, анкетирование, интервьюирование) и др.

Формально-логический метод позволил определить современное состояние проблемы уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности. Умозаключения автора легли в основу формирования поня-

тийного аппарата и классификации оперативно-разыскных мероприятий, при проведении которых возможно причинение вреда, позволили предложить варианты решения возникающих проблемных ситуаций.

Использование метода сравнительно-правового анализа дало возможность изучить международно-правовые акты, практику Европейского Суда по правам человека, а также зарубежную судебную практику и научные публикации в части, касающейся уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности. Это способствовало формулированию ряда предложений по совершенствованию отечественного законодательства, позволило учесть рекомендации международных органов и зарубежный опыт регулирования правомерного причинения вреда при проведении операций, аналогичных оперативно-разыскным мероприятиям.

Метод исследования экспертных оценок использовался при анализе мнений ученых, рассматривавших проблемы, обозначенные в диссертации. Обобщение данного материала было положено в обоснование предложения *de lege ferenda* о совершенствовании законодательства.

Конкретно-социологический метод исследования позволил получить реальные результаты эмпирических исследований. Они были систематизированы, проанализированы и обобщены.

Применение совокупности указанных и некоторых других методов привело к получению новых знаний о проблемах уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности, а также обеспечило межотраслевой характер исследования.

**Нормативная и информационная база исследования.** Нормативной основой диссертации являются Конституция Российской Федерации, нормы международного права, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности», иные федеральные законы, подзаконные нормативные акты. Информационную базу составили законодательство иностранных государств,

решения Европейского Суда по правам человека, решения Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и СССР.

**Эмпирическая база исследования.** В период с 2009 по 2017 год в семи субъектах Российской Федерации (Владимирской, Московской, Рязанской, Тамбовской, Тульской, Тюменской областях и городе Москве) по специально разработанной анкете были опрошены 453 респондента. Из них 83 доктора и кандидата юридических наук по научным специальностям 12.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право) и 12.00.12 (криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность), 206 сотрудников органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, 79 следователей, 57 работников прокуратуры, 28 судей.

При подготовке диссертации были изучены материалы 153 уголовных дел (рассмотренных судами Владимирской, Московской, Рязанской, Тамбовской, Тульской, Тюменской областей и города Москвы в 2009–2017 гг.), в которых использовались результаты оперативно-разыскных мероприятий, по различным преступлениям (ст. 105 УК РФ (убийство), ст. 126 (похищение человека), ст. 127.1 (торговля людьми), ст. 162 (разбой), ст. 209 (бандитизм), ст. 210 [организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)], ст. 222 (незаконный оборот оружия), ст. 228.1 УК РФ (незаконные производство, сбыт или пересылка наркотиков) и 63 отказных материала. Отдельно проанализированы опубликованные на сайтах судов общей юрисдикции 302 приговора по уголовным делам, по которым осуществлялось оперативное внедрение и другие оперативно-разыскные мероприятия. В их числе 100 приговоров об убийствах, совершенных по найму (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Использовались результаты эмпирических исследований других авторов.

**Научная новизна диссертации** обусловлена тем, что в российской правовой науке оно является одним из первых монографических исследова-

ний, результаты которого восполняют существенные пробелы межотраслевых связей науки уголовного права и оперативно-разыскной науки и практики их реализации. В основу положена совокупность не исследованных до настоящего времени с позиций уголовного права юридических ситуаций, возникающих при осуществлении оперативно-разыскной деятельности и требующих уголовно-правовой оценки.

Наиболее значимые результаты исследования, характеризующиеся новизной, состоят в следующем:

- установлены системные связи целей и задач в уголовном и оперативно-разыскном законодательстве, в соответствии с которыми разработано перспективное направление межотраслевых исследований общественных отношений, возникающих при осуществлении оперативно-разыскной деятельности;
- сформулировано понятие и выделены элементы уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности, исследован зарубежный опыт в этой сфере;
- раскрыто содержание уголовно-правовой категории вреда, причиняемого при осуществлении оперативно-разыскной деятельности;
- предложена авторская редакция определения оперативного внедрения применительно к ситуациям, имеющим уголовно-правовое значение, а также определены формы правомерного поведения лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность среди соучастников преступления;
- разработаны научно обоснованные рекомендации по реализации норм уголовного права при осуществлении оперативно-разыскной деятельности;
- обоснованы предложения *de lege ferenda* по совершенствованию соответствующих норм уголовного законодательства и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

**На защиту выносятся следующие основные положения:**

1. Понятие уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности как комплексного теоретического, законодательного и правоприменительного явления. Под ним следует понимать процесс и результат правоформирования, а также реализацию уголовно-правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в ходе деятельности, осуществляемой гласно и негласно уполномоченными на то оперативными подразделениями государственных органов в пределах своих полномочий посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий.

2. Вывод о том, что для уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности характерны только две формы реализации норм уголовного права – их соблюдение и использование. Соблюдение норм состоит в несовершении преступления лицом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Использование норм уголовного закона при оперативно-разыскной деятельности выражается в осуществлении права на причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны. Возникающие при этом общественные отношения по своему характеру являются уголовно-правовыми, что обуславливает необходимость их уголовно-правового обеспечения.

3. Вывод о том, что задачи уголовного законодательства по своей социальной сущности едины с целями оперативно-разыскной деятельности. Это делает их частями целостной правовой системы и позволяет относить оперативно-разыскное законодательство к комплексу отраслей права, направленных на противодействие преступности, где основополагающая роль принадлежит уголовному праву. При разном объеме нормативно определенных целей и задач в обоих законах закреплена одна и та же структурированная социально обусловленная система: защита (охрана) личности, общества и государства. Соответственно одна из главных задач по предупреждению преступлений, ее понимание и использование и в том и другом законе соотносятся как категории общего и частного.

4. Уголовно-правовое понятие вреда, под которым следует понимать возникшие вследствие совершения деяния такие изменения объективной действительности, которые выражаются в разрушении или деформации социальных связей, охраняемых уголовным законом. В зависимости от социального (материального) и формального содержания вред в уголовном праве подразделяется на преступный (понимается в негативном смысле и всегда общественно опасный) и не являющийся преступным [может быть как общественно опасным (непреступный), так и социально полезным или нейтральным (правомерный)]. Однако при осуществлении оперативно-разыскной деятельности причиняется только правомерный вред, социальное содержание которого характеризуется общественной полезностью или допустимостью. Неправомерный (в том числе и преступный) вред при проведении оперативно-разыскного мероприятия возможен лишь при нарушении условий правомерности осуществления оперативно-разыскной деятельности.

5. Предложение о дифференциации оперативно-разыскных мероприятий в зависимости от количества объектов уголовно-правовой охраны, которым может быть причинен вред, на две группы: 1) оперативно-разыскные мероприятия, при проведении которых возможно причинение вреда ограниченному кругу объектов уголовно-правовой охраны; 2) оперативно-разыскные мероприятия, проведение которых может повлечь за собой причинение вреда неограниченному количеству объектов, находящихся под защитой уголовного закона.

К первой группе относятся опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочная закупка; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; контролируемая поставка; получение компьютерной инфор-

мации. Вторая группа включает в себя оперативный эксперимент и оперативное внедрение.

6. Вывод о том, что фактические основания проведения оперативно-разыскных мероприятий представляют собой существование в объективной действительности описанных в законе источников опасности для правоохраняемых интересов. Наличие такой опасности, с одной стороны, цели и задачи оперативно-разыскной деятельности – с другой, характеризуют обстановку проведения оперативно-разыскного мероприятия состоянием вынужденности. Обстановка вынужденности при проведении оперативно-разыскного мероприятия позволяет дифференцировать причиняемый при этом вред на вспомогательный (направлен на создание условий, необходимых для благополучного проведения оперативно-разыскного мероприятия) и сопутствующий (причиняется самим фактом проведения оперативно-разыскного мероприятия).

7. Определение понятия «оперативное внедрение», под которым, с точки зрения уголовного права, следует понимать деяние (действия или бездействие) сотрудника органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, или лица, сотрудничающего с таким органом, имеющее внешнее сходство с соучастием в преступлении, совершаемое с целью предотвращения, пресечения или раскрытия преступления и сопряженное с вынужденным причинением правомерного вреда объектам уголовно-правовой охраны.

8. Предложение о рассмотрении с учетом положений о стадиях совершения преступления сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, как основание проведения оперативно-разыскных мероприятий. При этом подготавливаемое противоправное деяние соответствует приготовлению к преступлению, совершаемое – покушению на преступление, а совершенное – оконченому преступлению.



9. Вывод о том, что не образуют признаков соучастия действия лица, участвующего в проведении оперативно-разыскного мероприятия при нахождении среди других лиц, совершающих преступление в соучастии. Данный вывод обуславливается отсутствием альтернативно одного или совокупности двух признаков соучастия. Во-первых, отсутствует признак умышленности участия в преступлении, так как действия лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, имеют иную субъективную направленность по сравнению с участниками преступления. Во-вторых, помимо умышленного характера отсутствует и совместность участия в совершении преступления. Лицо, участвующее в проведении оперативно-разыскного мероприятия, не желает общего преступного результата. Оно стремится к прямо противоположному и предпринимает усилия, направленные на то, чтобы поставленная другими цель не была достигнута.

10. Вывод о том, что поведение внедренного лица может внешне совпадать с действиями непосредственного исполнителя, соисполнителя или пособника преступления. В качестве исключения допустимо выполнять роль посредственного исполнителя, подстрекателя, организатора или руководителя совершения преступления. Следует признать допустимым при проведении оперативно-разыскного мероприятия склонение лиц, подготавливающих или совершающих преступление к действиям, причиняющим меньший по объему или характеру вред. Такие ситуации соответствуют условиям правомерности крайней необходимости.

11. Предложение о дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации нормой о правомерности причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия:

«Статья 39.1. Причинение вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия.

1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при проведении оперативно-разыскного мероприятия уполномоченным лицом, которое действует в целях предотвра-

щения, пресечения или раскрытия преступления, если при этом не было допущено превышения пределов причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия.

2. Превышением пределов причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия признается умышленное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью другого человека либо нарушение половой неприкосновенности или половой свободы личности либо умышленное причинение иного вреда, явно не соответствующего характеру и степени общественной опасности предотвращаемого, пресекаемого или раскрываемого преступления.».

12. Вывод о нецелесообразности дополнения Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации нормами, устанавливающими ответственность за причинение вреда при превышении пределов причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия. Такие уголовно-правовые ситуации необходимо оценивать с учетом характера и степени общественной опасности содеянного при назначении наказания. В связи с этим в уголовное законодательство следует внести следующие изменения:

– дополнить перечень обстоятельств, смягчающих наказание (п. «ж» ч. 1 ст. 61) указанием на совершение преступления при нарушении условий правомерности причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия;

– дополнить ст. 62 частью 1.1 следующего содержания:

«1.1. При наличии смягчающего обстоятельства – совершение преступления при нарушении условий правомерности причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия (пункт «ж» части 1 статьи 61 настоящего Кодекса) и при отсутствии отягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «б», «г», «е», «е.1», «ж», «з», «и», «п», и «р» части 1 статьи 63 настоящего Кодекса, срок или размер наказания не могут превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого ви-

да наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.».

13. Предложение о внесении следующих изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»:

– дополнить перечень целей оперативно-розыскной деятельности в статье 1 указанием на предупреждение преступлений, исключив его из числа задач в статье 2;

– дополнить перечень задач в статье 2 указанием на выявление лиц, имеющих намерение совершить преступление, для проведения с ними профилактической работы, а также предотвращение преступлений;

– включить Уголовный кодекс Российской Федерации в перечень нормативных актов, составляющих правовую основу оперативно-розыскной деятельности (ч. 1 ст. 4);

– часть 1 статьи 15 дополнить пунктом 6 следующего содержания:

«6. В целях предупреждения преступления при наличии достаточных и предварительно подтвержденных сведений о действиях физического лица, намеревающегося совершить преступление, и при отсутствии оснований для его привлечения к уголовной ответственности должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, может объявить этому лицу обязательное для исполнения официальное предостережение о недопустимости совершения преступления.

Порядок объявления официального предостережения о недопустимости совершения преступления, включая порядок его направления (вручения), форма официального предостережения, а также перечни категорий должностных лиц, уполномоченных объявлять официальное предостережение, устанавливаются нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, имеющих право осуществлять оперативно-розыскную деятельность.»;

– часть 4 статьи 16 изложить в следующей редакции:

«Должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, а также лицо, оказывающее ему содействие, имеют право на причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны в случаях, предусмотренных статьями главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации.»;

– часть 4 статьи 18 изложить в следующей редакции:

«Лицо, совершившее преступление и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, может быть освобождено от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.».

14. Рекомендации теоретического и практического характера по совершенствованию деятельности правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, реализующих нормы уголовного права:

– по уголовно-правовому анализу объектов оперативного внедрения, где раскрываются признаки сложных форм соучастия, в отношении которых проводится оперативно-разыскное мероприятие;

– по толкованию признаков, характеризующих условия правомерности причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия, где рассматриваются субъекты, уполномоченные на причинение вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия, обстановка, цели и пределы причинения вреда, которые дифференцируются на конкретно-определенные и относительные;

– по отграничению провокации преступления от оперативно-разыскных мероприятий по юридической форме, а также объективным и субъективным признакам.

**Теоретическая значимость** результатов исследования заключается в том, что в них определены основные направления эволюции взаимодействия уголовного права и оперативно-разыскной науки, расширены познания в данной сфере, что позволяет устранить существующие противоречия и восполнить пробелы. Понятийный аппарат, определенный в диссертации, может

служить теоретико-правовой основой для дальнейших исследований межотраслевых связей соответствующих наук. Положения, изложенные в работе, развивают теоретические представления об отдельных институтах уголовного права (соучастие в преступлении, неоконченное преступление, обстоятельства, исключающие преступность деяния) и разделах оперативно-разыскной науки (правовые основы оперативно-разыскной деятельности, социально-правовая защита участников оперативно-разыскной деятельности)

**Практическое значение диссертации** заключается в возможности использования ее результатов в правотворческой деятельности законодательной власти и разработке подзаконных нормативных актов органами исполнительной власти. Для органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, органов предварительного расследования и судов могут представлять интерес материалы по уголовно-правовой оценке причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий, основаниям их проведения, отграничению от провокации преступления. Сделанные выводы могут быть полезными в образовательном процессе при изучении учебных дисциплин «Уголовное право», «Оперативно-разыскная деятельность», основанных на них спецкурсов, а также при подготовке учебных и методических материалов.

**Апробация результатов исследования.** Основные положения, выводы и рекомендации, выработанные по результатам проведенного исследования, докладывались и обсуждались на совместных и отдельных заседаниях кафедры уголовного права и кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, на 11 международных, 11 всероссийских и 17 межвузовских и межведомственных научно-практических конференциях (Волгоград – 2015, 2016; Воронеж – 2013; Екатеринбург – 2016; Иркутск – 2015; Москва – 2012, 2013, 2015, 2016, 2017; Нижний Новгород – 2016; Ростов-на-Дону – 2017; Московская область, г. Руза – 2014–2017; Рязань – 2005–2017; Санкт-Петербург – 2012, 2013, 2015, 2016).

Основные результаты диссертации отражены в 73 опубликованных работах автора общим объемом 68,23 п. л. Из них три монографии (две в соавторстве, 2005 г. и 2006 г.), один учебник (в соавторстве), комментарий к закону (в соавторстве), три учебных пособия, методические рекомендации, научно-аналитический обзор (в соавторстве), шестьдесят три научные статьи, двадцать из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Отдельные вопросы темы исследования обсуждались на специально организованных двух круглых столах на тему «Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности» (Рязань, 2015 г. и 2016 г.), а также межведомственной научно-практической конференции «Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования» (Рязань, 2017 г.).

Результаты проведенного исследования, основанные на них выводы, положения, предложения и рекомендации прошли апробацию при проведении занятий (лекционных, семинарских и практических) по уголовному праву и оперативно-разыскной деятельности в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя (акт о внедрении от 15 ноября 2017 г.), Санкт-Петербургском университете МВД России (акт о внедрении от 17 ноября 2017 г.), Омской академии МВД России (акт о внедрении от 23 ноября 2017 г.), Югорском государственном университете (акт о внедрении от 27 октября 2017 г.).

Результаты диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность Главного управления уголовного розыска МВД России (акт о внедрении от 8 декабря 2017 г.), Рязанского областного суда (акт о внедрении от 14 декабря 2017 г.), Управления Следственного комитета России по Рязанской области (акт о внедрении от 7 ноября 2017 г.), УМВД России по Костромской области (акт о внедрении от 23 ноября 2017 г.).

**Структура работы** определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы и приложений.

# Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

## § 1. Понятие и элементы уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности

Термин «правовое обеспечение» (как и производное от него понятие «уголовно-правовое обеспечение») в юридической литературе используется достаточно часто, при этом его значение раскрывается далеко не всегда. Представляется совершенно естественным, что это базовое понятие должно быть разработано в теории права. На данное обстоятельство указывали ученые еще во второй половине прошлого века<sup>1</sup>. Однако представители соответствующей научной специальности явно не уделяют этому вопросу необходимого внимания. Так, содержание рассматриваемой категории не раскрывается ни в классических работах<sup>2</sup>, ни в современных учебниках<sup>3</sup> по теории государства и права. Встречающиеся немногочисленные определения в опубликованных исследованиях по различным отраслям правовой науки отличаются отсутствием единства взглядов авторов. Сложившееся разнообразие мнений по данному вопросу влечет за собой появление диссонанса в системе юридических понятий, что противоречит природе правовой науки, которая по своей сущности стремится к гармонизации.

Об обеспечении в уголовном праве упоминается довольно часто. Например, Ю. И. Ляпунов считал, что регулятивная функция уголовного

---

<sup>1</sup> См.: Правовые проблемы РАСУ / АН УССР, Институт государства и права. Киев, 1985. С. 103–107. Цит. по Редкоус В. М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах–участниках Содружества Независимых Государств. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 36.

<sup>2</sup> См., напр.: Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. М., 1981. Т. 1; 1982. Т. 2.

<sup>3</sup> См. напр.: Малахов В. П. Теория государства и права. М., 2015; Оксамытный В. В. Общая теория государства и права. М., 2015; Бабаев В. К. Теория государства и права. М., 2016.



права состоит в том числе и в «обеспечении нормального функционирования наиболее ценных позитивных общественных отношений, регулируемых другими отраслями права (гражданского, государственного и др.)»<sup>1</sup>.

В. В. Мальцев упоминает об уголовно-правовых отношениях, которые обеспечивают предмет уголовно-правовой охраны<sup>2</sup>.

По мнению Ю. Е. Пудовочкина и С. С. Пирвагидова, уголовное право обеспечивает равные средства правовой охраны человека, общества и государства<sup>3</sup>.

А. П. Бойко считает, что уголовное право имеет обеспечительный характер по отношению к «созидательным» отраслям права<sup>4</sup>.

Л. И. Гаманенко рассматривает понятие уголовно-правового обеспечения применительно к реализации назначенного наказания. Под ним он понимает гарантирование реального осуществления наказания при помощи уголовно-правовых средств<sup>5</sup>.

С. С. Кузьмин пишет о том, что уголовное право обеспечивает различные виды общественно полезной деятельности. В частности, это выражается в «поддержании уголовно-правовыми средствами установленного порядка осуществления оперативно-разыскной деятельности, в защите ее от разрушающего внутреннего и внешнего преступного воздействия»<sup>6</sup>.

Термин «уголовно-правовое обеспечение» нередко употребляется и в названиях диссертаций по уголовному праву. К их числу можно отнести сле-

---

<sup>1</sup> Уголовное право. Общая часть / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1997. С. 32.

<sup>2</sup> См.: Мальцев В. В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2000. С. 108.

<sup>3</sup> См.: Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 111.

<sup>4</sup> См.: Бойко А. П. Системная среда уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 10.

<sup>5</sup> См.: Гаманенко Л. И. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначенного наказания. Пермь, 2012. С. 14.

<sup>6</sup> Кузьмин С. С. Проблемы уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы регион. круглого стола (Рязань, 9 апр. 2015 г.) / под ред. Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. Рязань, 2015. С. 18.

дующие: «Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение экономической безопасности Российской Федерации в сфере таможенной деятельности»<sup>1</sup>; «Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту»<sup>2</sup>; «Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии»<sup>3</sup> и др.

Между тем анализируемая форма встречается и в официальных документах Верховного Суда РФ. Так, высший судебный орган в трех своих постановлениях обращает внимание на то, что в целях уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму<sup>4</sup>, коррупции<sup>5</sup> и легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем<sup>6</sup>, Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за соответствующие преступления.

Таким образом, термин «уголовно-правовое обеспечение» не только активно используется в теории уголовного права, но и, исходя из правовой позиций законодателя и Верховного Суда РФ, служит одной из наиболее важных целей по противодействию совершению наиболее опасных преступлений. Однако, несмотря на достаточно распространенное применение, в об-

---

<sup>1</sup> См.: Кочубей М. А. Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение экономической безопасности Российской Федерации в сфере таможенной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

<sup>2</sup> См.: Меркурьев В. В. Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006.

<sup>3</sup> См.: Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

<sup>4</sup> См.: О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> См.: О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> См.: О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 // СПС «КонсультантПлюс».

ширной научной юридической литературе подробного анализа содержания этого термина не содержится. Подобное объяснимо тем, что в своих публикациях авторы используют это словосочетание как общепонятное и не вызывающее вопросов. Как правило, исходя из содержания опубликованных работ, в названиях которых встречается термин «уголовно-правовое обеспечение», можно сделать вывод о том, что под таковым подразумевается не более как совокупность уголовно-правовых норм, направленных на охрану или регулирование определенной группы общественных отношений<sup>1</sup>.

Такой вывод, сделанный исходя из контекста, не отвечает уровню и потребностям нашего исследования, поэтому попытаемся дать собственное определение данного понятия. Для этого обратимся к другим отраслям правовой науки, где говорится как в целом о правовом, так и о других видах правового обеспечения, а также рассмотрим гносеологию слова «обеспечение». Определив коренное понятие, мы сформулируем собственное, применительно к уголовному праву.

В основе анализируемого термина находится слово «обеспечение». В русском языке оно означает предоставить кому-нибудь достаточные средства к жизни для дальнейшего существования<sup>2</sup>, снабдить чем-либо в необходимом количестве<sup>3</sup>.

Исходя из анализа доступных научных источников, можно утверждать, что термин «правовое обеспечение» становится предметом рассмотрения ученых примерно с середины второй половины XX века. В работах того времени высказывались первые предложения о необходимости научного определения рассматриваемого понятия для его использования

---

<sup>1</sup> См., напр.: Рябченко О. Н. Уголовно-правовое обеспечение предметов управленческой деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Титов С. Н. Уголовно-правовое обеспечение охраны интеллектуальной собственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Саркисова В. Г. Уголовно-правовое обеспечение безопасности объектов транспортной инфраструктуры : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.

<sup>2</sup> См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000. Т. 2. С. 633.

<sup>3</sup> См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1992. С. 427.

в сфере правового обеспечения автоматизированных систем управления. Следует согласиться с мнением И. Л. Бачило о том, что в основе формирования новой правовой категории «правовое обеспечение» находятся не столько особенности объекта правового регулирования, сколько проблемы в праве в связи с необходимостью урегулирования нового направления<sup>1</sup>.

Ю. А. Копытов под правовым обеспечением систем управления понимал, во-первых, наличие юридических средств регулирования, а во-вторых, упорядоченность систем управления в результате действия юридических средств<sup>2</sup>. А. Г. Ольшанецкий также считал, что правовое обеспечение шире понятия правового регулирования и помимо совокупности нормативных актов включает в себя комплекс мероприятий организационно-правового и правоприменительного характера<sup>3</sup>.

Позже рассматриваемая категория также становится предметом анализа как в научных исследованиях, так и в учебной литературе. Существует мнение, что правовое обеспечение представляет собой фактически лишь правовую основу, то есть совокупность норм права, регулирующих определенные общественные отношения<sup>4</sup>. Однако в публикациях обращается внимание на то, что анализируемое понятие по своему содержанию шире, чем понятия «правовая основа» и «правовое регулирование»<sup>5</sup>, поэтому многие авторы более подробно исследуют этот вопрос.

Например, В. В. Дралов указывает на двойственное понимание правового обеспечения. Он считает, что это, с одной стороны, система правил

---

<sup>1</sup> См.: Бачило И. Л. Организация советского государственного управления. Правовые проблемы. М., 1984. С. 202, 205–206.

<sup>2</sup> См.: Копытов Ю. А. Правовое обеспечение организации и деятельности систем управления. Свердловск, 1977. С. 22.

<sup>3</sup> См.: Ольшанецкий А. Г. Правовое обеспечение автоматизированных систем управления. М., 1979. С. 7–8.

<sup>4</sup> См., напр.: Правовое обеспечение предпринимательства / под ред. М. П. Ринга. М., 1996. С. 116; Шиткина И. С. Правовое обеспечение деятельности акционерного общества. М., 2001.

<sup>5</sup> См.: Лаутс Е. Б. Правовое обеспечение стабильности рынка банковских услуг. М., 2008. С. 40.

(норм), предусмотренных правовыми актами, а с другой – нормотворческая деятельность, направленная на формирование этой системы норм<sup>1</sup>.

Н. Н. Толмачева правовое обеспечение деятельности государственного органа рассматривает также в двух аспектах. Во-первых, как совокупность правовых актов, регулирующих вопросы формирования государственного органа и осуществления им определенных функций, а также определяющих его юридический статус. Во-вторых, как совокупность имеющих правовое значение действий, обеспечивающих реальное исполнение такого рода норм, законность и обоснованность принимаемых правовых актов<sup>2</sup>.

В. А. Козбаненко в своей работе «Правовое регулирование и правовое обеспечение государственного управления: сущность и содержание» более подробно раскрывает рассматриваемую проблему. В целом правовое обеспечение он определяет как систему «социально-правовых элементов и юридически значимых мер (средств, приемов и способов), влияющих на формирование и реализацию права»<sup>3</sup>. При этом автор разделяет правовое обеспечение в широком и узком смысле. В широком понимании это вся система социально-правовых элементов и весь процесс выработки юридически значимых мер (средств, приемов и способов) и использования их в практической деятельности субъектов права по воздействию на предмет юридической регуляции для достижения фактических результатов в конкретной сфере общественных отношений. В узком смысле слова правовое обеспечение есть система законодательных, иных нормативных и других актов, регулирующих организацию и деятельность субъектов права в конкретной сфере общественной жизни. В таком понимании анализируемый термин в целом совпадает с понятием правового регулирования и подразумевает урегулированность тех или иных от-

---

<sup>1</sup> См.: Дралов В. В. Теоретические и организационно-методические вопросы совершенствования правового обеспечения управления органами внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 38.

<sup>2</sup> См.: Толмачева Н.Н. Правовое обеспечение деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 18.

<sup>3</sup> См.: Козбаненко В. А. Правовое регулирование и правовое обеспечение государственного управления: сущность и содержание. М., 2002. С. 20.

ношений нормативно-правовыми актами<sup>1</sup>. Предложенный В. А. Козбаненко подход разделяется и другими учеными<sup>2</sup>.

Схожая позиция высказывается С. М. Зубаревым, который также рассматривает правовое обеспечение в широком и узком смысле. В первом случае – это процесс выработки средств юридической регуляции и использования их в практической деятельности субъектов права для достижения фактических результатов в конкретной сфере общественных отношений. В узком понимании правовое обеспечение – это совокупность нормативно-правовых и иных актов, регулирующих определенный вид деятельности<sup>3</sup>.

Анализ научной литературы по исследуемой проблематике позволяет выделить несколько элементов, имеющих существенное значение. Во-первых, правовое обеспечение включает в себя правоформирование (В. В. Дралов, С. М. Зубарев, В. А. Козбаненко). Считаем, что следует согласиться с перечисленными авторами. Термин «обеспечение» необходимо рассматривать в двух значениях. Одно из них состоит в предоставлении необходимых средств как процесс. Применительно к праву это «предоставление» выражается в правоформировании (правообразовании). Оно также представляет собой достаточно широкую сферу деятельности и включает в себя правотворчество и предшествующее ему в том числе и научное обеспечение. Кроме того, «обеспечение» понимается и как результат. В этом смысле правоформирование включает в себя сам факт наличия совокупности правовых средств (В. В. Дралов, С. М. Зубарев, В. А. Козбаненко, Ю. А. Копытов, А. Г. Олышанецкий, Н. Н. Толмачева).

Вторым элементом правового обеспечения, на наш взгляд, следует считать реализацию правовых средств (норм права) в процессе законодательного

---

<sup>1</sup> См.: Дралов В. В. Указ. соч. С. 18–19.

<sup>2</sup> См., напр.: Макарова Т. В. Правовое обеспечение коллегиальности в уголовно-исполнительной системе // Управление и экономика в условиях модернизации: проблемы и пути их решения : материалы науч.-практ. конф. (г. Вологда, 12 апр. 2013 г.). Вологда, 2013. С. 79–84.

<sup>3</sup> См.: Зубарев С. М. Правовое обеспечение реформы уголовно-исполнительной системы. М., 2004. С. 73–74.

регулирования общественных отношений (С. М. Зубарев, В. А. Козбаненко, Ю. А. Копытов, А. Г. Ольшанецкий, Н. Н. Толмачева).

Таким образом, в самом общем виде под правовым обеспечением следует понимать совокупность формирования норм права и их реализации в процессе правового регулирования общественных отношений. В этом смысле следует согласиться с В. М. Редкоусом, который считает, что в рамках правового обеспечения объединяется как правотворческая деятельность по созданию правовой основы, сама правовая основа, так и деятельность по ее реализации<sup>1</sup>.

С учетом проведенного анализа рассматриваемого понятия, используемого различными отраслями права, можно сделать вывод о том, что уголовно-правовым обеспечением является совокупность формирования норм уголовного права и их реализации в процессе уголовно-правового регулирования общественных отношений. Приведенное нами определение в целом совпадает с мнениями представителей наук уголовного права и оперативно-разыскной деятельности, которые были высказаны в ходе проведенного нами социологического опроса (прил. 1). Так, на вопрос «Что, на Ваш взгляд, включает в себя термин «уголовно-правовое обеспечение»?» только 3,9 % ответили, что в рассматриваемое понятие входит лишь процесс формирования уголовно-правовых норм. Синонимизируют его с правовым регулированием 7,7 % опрошенных. Большинство (76,9 %) ответили, что правовое обеспечение включает в себя и правоформирование, и правовое регулирование. Остальные 11,5 % респондентов рассматривают уголовно-правовое обеспечение как более широкое понятие.

Уголовное право обеспечивает различные виды деятельности, в том числе и оперативно-разыскную. Понятие оперативно-разыскной деятельности является законодательно определенным. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» под ней понимается вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно уполномоченными на то оперативными подразделениями государственных органов в пределах

---

<sup>1</sup> См.: Редкоус В. М. Указ. соч. С. 37–38.

своих полномочий посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Обратим внимание, что в оперативно-разыскной науке данное определение подвергается критике. Некоторые авторы справедливо обращают внимание на то, что такое понимание является узким и не соответствует фактическому состоянию<sup>1</sup>. Не вступая в дискуссию по данному вопросу, так как он непосредственно не относится к предмету нашего исследования, отметим, что в настоящей работе мы ведем речь о тех действиях, правомерность которых предусмотрена вышеназванным законом. Только в этом случае могут возникнуть соответствующие правоотношения. По этой причине и понятие оперативно-разыскной деятельности мы будем использовать такое, которое предусмотрено действующим законодательством.

В целом вопросы уголовного права при оперативно-разыскной деятельности в большей степени исследуются представителями науки о сыске<sup>2</sup>. Одними из первых, кто разрабатывал данную проблему еще во второй половине XX века, были М. П. Карпушин и А. Ф. Возный<sup>3</sup>. На сегодняшний день вопросы рассматриваемых межотраслевых связей освещаются либо в общем виде в учебной литературе<sup>4</sup> или научных статьях<sup>1</sup>, либо в монографических

---

<sup>1</sup> См., напр.: Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения. СПб., 2004. С. 4; Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации : в 3 т. М., 2013. Т. 1: Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. С. 125–162; Омелин В. Н. Проблемы совершенствования законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности // Алтайский юридический вестник. 2017. № 18. С. 124–125.

<sup>2</sup> А. Ю. Шумилов, используя сочетание русского слова «сыск» и греческого *lygos* – наука, предлагает называть оперативно-разыскную науку одним словом – сыскологией (См.: Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации : в 3 т. М., 2014. Т. 2: Философия оперативно-разыскной науки. С. 153–164). Мы считаем данное предложение рациональным и поддерживаем его.

<sup>3</sup> На данный факт в своей работе указывает А. Ю. Шумилов. См.: Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации. М., 2013. Т. 1. С. 89.

<sup>4</sup> См., напр.: Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. М., 2018. С. 80–98.



или диссертационных работах, посвященных узким проблемам<sup>2</sup>. Такое положение вещей сложилось не только вследствие обозначенных А. А. Чистяковым психологических и методологических проблем межотраслевых исследований<sup>3</sup>. Одной из причин этого является так называемая проблема секретности исследований, видимо по которой представители уголовного права избегают разработок в данной области. При этом в самой оперативно-разыскной науке неоднократно обращалось внимание на то, что вопросы правового регулирования оперативно-разыскных мероприятий носят открытый, несекретный характер<sup>4</sup>.

Более того, потребность в исследованиях именно с точки зрения уголовного права инициируется самими представителями оперативно-разыскной науки<sup>5</sup>. В этом отношении весьма интересными являются труды А. Ю. Шумилова, в которых анализируются отдельные уголовно-правовые аспекты оперативно-разыскной деятельности<sup>6</sup>. Однако комплексные монографические исследования проблем именно уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности на сегодняшний день практически отсутствуют.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Галахов С. С. Роль уголовно-правовых норм в регулировании оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации и возможные направления их совершенствования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2013. № 4. С. 26–31.

<sup>2</sup> См., напр.: Назаров А. Д. Провокации в оперативно-разыскной деятельности. М., 2010.

<sup>3</sup> См.: Чистяков А. А. Уголовное право и оперативно-разыскная деятельность: проблемы межотраслевых исследований // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы регион. круглого стола (Рязань, 9 апр. 2015 г.) / под ред. Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. С. 6–9.

<sup>4</sup> См., напр.: Луговик В. Ф. О концепции правового регулирования оперативно-разыскной деятельности // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2012. С. 71–86; Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-разыскная деятельность в XXI веке. М., 2015. С. 119–120.

<sup>5</sup> См., напр.: Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Указ. соч. С. 104.

<sup>6</sup> См., напр.: Шумилов А. Ю. Основы уголовно-правовой оценки сыскной информации. М., 2000; Его же. Проблемы законодательного регулирования в оперативно-разыскной деятельности: десять лет спустя (конституционные, административные, уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-сыскные аспекты). М., 2008; Его же. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации. М., 2013. Т. 1.

Таким образом, предложенное нами ранее общее понятие и приведенное законодательное определение позволяют сформулировать содержание уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности. Под ним следует понимать процесс и результат правоформирования, а также реализацию уголовно-правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие при деятельности, осуществляемой гласно и негласно уполномоченными на то оперативными подразделениями государственных органов в пределах своих полномочий посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Раскрывая элементы данного понятия, отметим, что правоформирование (правообразование) в данном случае практически ничем не отличается от общего понимания данного юридического явления. К нему относят в первую очередь процесс, осуществляющийся под воздействием разнообразных факторов общественного развития, которые получают свое отражение в юридически значимых социальных интересах и последующем их воспроизведении в правовых идеях и научных исследованиях. Поэтому представленный нами труд является частным примером одной из первоначальных стадий правоформирования, состоящей в теоретическом осмыслении проблемы и выработке соответствующих предложений. В современной теории права рассматриваемый элемент сочетает в себе спонтанное (общесоциальное) и планомерно-рациональное (правотворческое) «формирование системы правовых норм, **обеспечивающих** упорядоченность общественных отношений»<sup>1</sup> (выделено авт. – *Г. Ш.*). В этом смысле тема проводимого нами исследования в большей степени соответствует его содержанию, чем если бы речь шла об уголовно-правовом регулировании оперативно-разыскной деятельности. В последнем случае можно говорить об анализе тех общественных отношений,

---

<sup>1</sup> Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. С. 10.

которые уже получили статус правовых в результате появления соответствующих законодательных норм. Предметом же нашего исследования, помимо уголовно-правовых, являются прежде всего общественные отношения, которые по своему характеру следует относить к таковым, но, в силу отставания законодателя, прямо не урегулированные нормами уголовного права.

Таким образом, необходимо отличать уголовно-правовое обеспечение от такого же регулирования оперативно-разыскной деятельности. Последнее выражается в реализации уголовно-правовых норм, воздействующих на общественные отношения, возникающие при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. «Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности» – более широкое понятие, включающее в себя и создание, и законодательное закрепление уголовно-правовых норм, а также их реализацию в процессе правового регулирования соответствующих общественных отношений. Другими словами, о рассматриваемом обеспечении в самом полном объеме следует вести речь в тех случаях, когда существуют общественные отношения, являющиеся по сути уголовно-правовыми, но при этом необходимые предписания уголовного закона отсутствуют. Если же соответствующие нормы уже имеются, то следует говорить прежде всего о правовом регулировании.

В рассматриваемых нами случаях нормы уголовного законодательства выступают средствами уголовно-правового обеспечения<sup>1</sup>. При этом следует иметь в виду, что к таковым относятся лишь те из норм, которые могут реализовываться при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Переходя к анализу второго элемента уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности, отметим, что правореализация выражается в следующих четырех формах, выделяемых в теории права:

---

<sup>1</sup> Об уголовно-правовых средствах см. подробнее: Петрова Г. О. Уголовно-правовое регулирование и его средства: норма и правоотношение : дис ... д-ра юрид. наук. Новгород, 2003. С. 88–101; Сидоренко Э. Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 249–360.

применение, исполнение, соблюдение и использование норм права<sup>1</sup>. Реализация средств уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности осуществляется лишь в рамках правоотношений. Их субъектами в данном случае являются, с одной стороны, должностные лица органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, а также лица, оказывающие им конфиденциальное содействие<sup>2</sup>, с другой стороны – государство в лице уполномоченных органов и должностных лиц. Содержанием таких правоотношений являются взаимные права и обязанности, которыми наделены субъекты.

Прежде чем перейти к анализу форм правореализации, обратим внимание на то, что сфера уголовно-правового обеспечения направлена только на те социальные явления, которые тем или иным образом связаны с причинением или воздержанием от причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам. Именно эти обстоятельства являются теми юридическими фактами, которые порождают уголовно-правовые отношения.

Учитывая, что оперативно-разыскная деятельность предусмотрена действующим законодательством, она соответственно не может быть по определению противоправной, а, напротив, является общественно полезной. Данное обстоятельство указывает на то, что случаи совершения преступлений лицами, которые ее осуществляют, к самой такой деятельности имеют лишь опосредованное отношение, так как она не предусматривает преступного поведения, поэтому формулировки типа «преступления, совершенные при осуществлении оперативно-разыскной деятельности» являются неверными. Преступления в рассматриваемой сфере можно совершить только при нару-

---

<sup>1</sup> См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 164; Наумов А. В. Реализация уголовного права. Волгоград, 1983. С. 6 и др.

<sup>2</sup> Согласно ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для конфиденциального сотрудничества могут заключать контракты только с совершеннолетними дееспособными лицами. Запрещается использовать конфиденциальное содействие по контракту депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений.

шении требований, предъявляемых к ее проведению. В связи с этим вопросы квалификации злоупотребления должностными полномочиями или их превышения (ст. 285, 286 УК РФ), фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) либо совершения иных преступлений против личности, собственности, интересов государственной власти и интересов государственной службы и др., которые, безусловно, могут иметь место при нарушении условий правомерности оперативно-разыскных мероприятий, находятся за пределами уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности.

Приведенные аргументы позволяют определить границы анализируемого понятия и проводимого исследования. Они состоят в ситуациях воздержания от совершения преступления, а также общественных отношениях, возникающих при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, в результате которой причиняется вред объектам уголовно-правовой охраны. Реализация же норм уголовного права в таких случаях может происходить только в рамках позитивных (предупредительных) правоотношений<sup>1</sup>, а также правоотношений, складывающихся при совершении деяний, причиняющих правомерный вред<sup>2</sup> (часть регулятивных правоотношений).

Рассмотрим конкретные формы реализации норм уголовного права при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Применение

---

<sup>1</sup> О позитивных правоотношениях см. подробнее: Елеонский В. А. Проблема позитивной ответственности в советском уголовном праве // Проблемы юридической ответственности и совершенствования законодательства в свете новой Конституции СССР : сб. науч. тр. Рязань, 1979. С. 64–87; Чистяков А. А. М. Д. Шаргородский о теории позитивной уголовной ответственности // Актуальные проблемы уголовного права в новом тысячелетии : материалы межвуз. науч.-практ. семинара, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора М. Д. Шаргородского (г. Рязань, 24 апр. 2004 г.). Рязань, 2004. С. 14–20; Литвинов А. С. Механизм и формы реализации норм уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 125–130.

<sup>2</sup> Правоотношения, возникающие в результате причинения правомерного вреда, в своих работах подробно рассматривает В. И. Михайлов. См. подробнее: Михайлов В. И. Правомерный вред в уголовном законодательстве и правовой доктрине. СПб., 2011; Его же. Отраслевая принадлежность норм главы 8 УК // Уголовное право. Общая часть. Преступление : академ. курс : в 10 т. Т. 10. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2016. С. 123–140.

норм права представляет собой осуществляемую в специально установленных законом формах государственно-властную, организующую деятельность компетентных органов государства, заключающуюся в вынесении на основе норм права и соответствующих фактических обстоятельств индивидуально-конкретных правовых предписаний (индивидуальных правоприменительных актов)<sup>1</sup>.

Нормы уголовного права применяются в связи с привлечением к уголовной ответственности, освобождением от нее, назначением и освобождением от наказания, со снятием судимости<sup>2</sup>, а также в связи с решением вопроса о наличии или отсутствии обстоятельств, исключающих преступность деяния<sup>3</sup>.

Применение уголовно-правовой нормы предполагает властные полномочия того, кто ее применяет, и возможность оказать в соответствующих случаях принудительное воздействие в целях реализации закона. Эти полномочия заключаются не только в реальной возможности применить уголовно-правовую норму в действие, но и в особом праве решать вопрос о соответствии закона тем отношениям или тем фактам, по поводу которых он реализуется<sup>4</sup>. Такими полномочиями наделены соответственно только суд, органы дознания и предварительного следствия<sup>5</sup>. Лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, такой компетенцией не обладают, поэтому непосредственно и в полной мере не применяют уголовный закон. Однако необходимо признать, что они участвуют в некоторых из начальных стадий этой формы правореализации – выявление и раскрытие преступления, розыск лиц, скрывающихся от дознания, следствия или суда, уклоняющихся от уголовного наказания. Такие действия практически всегда совершаются в рамках негатив-

---

<sup>1</sup> См.: Правоприменение в Советском государстве. М., 1985. С. 18–23.

<sup>2</sup> См.: Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм. По материалам следственной и прокурорско-судебной практики. Волгоград, 1973. С. 43.

<sup>3</sup> См.: Дмитренко А. П. Применение уголовно-правовых норм, регламентирующих обстоятельства, исключающие преступность деяния, как форма их реализации // Рос. криминол. взгляд. 2007. № 2. С. 127–131.

<sup>4</sup> См.: Наумов А. В. Реализация уголовного права. С. 82.

<sup>5</sup> См.: Литвинов А. С. Указ. соч. С. 167.

ных (охранительных) правоотношений. При этом происходит обратный исследуемому нами процесс воздействия. В этих случаях не уголовное право обеспечивает оперативно-разыскную деятельность, а, наоборот, уже оперативно-разыскная деятельность направлена на обеспечение решения задач уголовного законодательства. Именно такому аспекту посвящены большинство из известных работ, рассматривающих соотношение уголовно-правовых и оперативно-разыскных отношений<sup>1</sup>. Так, совершенно справедливо, на наш взгляд, отметил А. Ф. Возный, что возникшие в момент совершения преступления уголовно-правовые отношения достаточно часто являются теоретической абстракцией и для того, чтобы они таковой не оставались, и осуществляется оперативно-разыскная деятельность<sup>2</sup>.

Исполнение права состоит в поведении субъектов охранительного уголовного правоотношения, направленного на реализацию юридических прав и обязанностей, закрепленных в уголовно-правовой норме, после принятия решения в стадии применения<sup>3</sup>. Оно считается завершающей формой реализации права, следующей за его применением. Для исполнения характерны охранительные уголовно-правовые отношения. Исполнение прав и обязанностей, предусмотренных уголовно-правовой нормой, означает реализацию санкции уголовно-правовой нормы<sup>4</sup>. В данном случае лицо, совершившее преступление, является одновременно и субъектом уголовно-исполнительного правоотношения. Осуществление в данном случае оперативно-разыскной деятельности органами Федеральной службы исполнения наказаний, как справедливо отмечает

---

<sup>1</sup> См., напр.: Возный А. Ф. Оперативно-розыскная деятельность и уголовно-правовое отношение // Сборник статей адъюнктов и соискателей. М., 1968. С. 129–137; Титова Н. В. Проблемы сопоставления оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных и уголовно-правовых правоотношений // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2009. № 4. С. 134–136 и др.

<sup>2</sup> См.: Возный А. Ф. Роль оперативно-розыскной деятельности в реализации уголовно-правовых отношений // Юридические гарантии применения советских правовых норм и укрепление социалистической законности : тез. докл. и сообщ. (Киев, 5–7 окт. 1971 г.). Киев, 1971. С. 48–52.

<sup>3</sup> См.: Сулейманов Т. А. Реализация уголовно-правовой нормы в форме исполнения // Рос. следователь. 2006. № 9. С. 17.

<sup>4</sup> См. подробнее: Сулейманов Т. А., Павлухин А. Н., Эриашвили Н. Д. Механизм и формы реализации норм уголовного права. М., 2015. С. 172–183.

А. В. Кудрявцев, есть один из способов обеспечения исполнения наказания<sup>1</sup>. По этой причине мы не можем при исполнении норм уголовного права говорить об уголовно-правовом обеспечении оперативно-разыскной деятельности.

Соблюдение права характеризуется таким поведением лиц, которое соответствует правовым запретам. Фактически эта форма реализует запретительные нормы<sup>2</sup>. Сущность соблюдения состоит в воздержании от совершения действий, запрещаемых законодателем<sup>3</sup>. Таким образом, под соблюдением уголовно-правовой нормы понимается правомерное поведение лица, выраженное в ненарушении предписанных установлений уголовно-правовой нормы<sup>4</sup>. Применительно к теме нашего исследования соблюдение состоит в том, что лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, воздерживаются от совершения преступлений. Другими словами, как указывает А. А. Чистяков, физическое лицо и государство взаимодействуют по поводу необходимости соблюдения норм уголовно-правовых запретов<sup>5</sup>.

Данной форме правореализации характерны позитивные уголовно-правовые отношения. В подавляющем большинстве случаев оперативно-разыскная деятельность здесь не является объектом специального воздействия. Лица, ее осуществляющие, на общих основаниях несут позитивную уголовную ответственность, воздерживаясь от совершения преступления.

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Кудрявцев А. В. Оперативно-розыскная деятельность в системе средств обеспечения безопасности при исполнении наказания в виде лишения свободы // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2010. № 3. С. 21–23; Его же. Проблемы оперативно-разыскного обеспечения исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы // Там же. 2011. № 2. С. 29–31 и др.

<sup>2</sup> См.: Грачева Ю. В. Соблюдение и исполнение как самостоятельные формы реализации уголовно-правовых норм // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 388–395; Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть : в 4 т. Т. 2. Уголовный закон : научное исслед. М., 2016. С. 325 и др.

<sup>3</sup> См., напр.: Решетов Ю. С. Реализация норм советского права: системный анализ. Казань, 1989. С. 11; Вопленко Н. Н. Реализация права. Волгоград, 2001. С. 13.

<sup>4</sup> См.: Литвинов А. С. Указ. соч. С. 114.

<sup>5</sup> См.: Чистяков А. А. Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме, формирующем ее основание : автореф. дис. д-ра юрид. наук. Рязань, 2003. С. 40.



Однако, как это обычно бывает, из любого правила есть исключения. Это касается двух обстоятельств. Первое – в уголовном законодательстве закреплена норма, предусматривающая уголовную ответственность за отдельные случаи злоупотребления в рассматриваемой сфере. Это фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ). Соблюдение указанных в ней запретов представляет собой фактически специальное уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности. Такие действия могут совершить только лица, уполномоченные на проведение оперативно-разыскных мероприятий. Возникающие при этом отношения уже подробно рассматривались в уголовном праве<sup>1</sup> и поэтому нами в данной работе не исследуются.

Вместе с тем по данному вопросу в уголовном праве встречаются и иные мнения. Отдельными авторами приводится классификация уголовно-правовых норм, соблюдение которых обеспечивает оперативно-разыскную деятельность. Так, С. С. Кузьмин делит их на три группы:

1) нормы УК РФ, непосредственно обеспечивающие оперативно-разыскную деятельность путем установления запретов на незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ), и фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ);

2) нормы УК РФ, регулирующие оперативно-разыскную деятельность в рамках правоохранительной деятельности путем установления ответственно-

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Плешаков А. М. Уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности: проблемы правового регулирования // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы регион. круглого стола (Рязань, 9 апр. 2015 г.) / под ред. Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. С. 42–44; Радионов Г. Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015; Борков В. Н. Нужно предусмотреть ответственность за участие в фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. Рязань, 2016. С. 24–30 и др.

сти за неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа (ст. 286.1 УК РФ), разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса (ст. 311), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317), применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318), оскорбление представителя власти (ст. 319), разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа (ст. 320), дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ);

3) иные положения уголовного законодательства (отдельные преступления против конституционных прав и свобод человека с использованием служебного положения [ч. 2 ст. 137, ч. 2 ст. 138, ч. 3 ст. 139, ст. 140 УК РФ и др.); преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 275, 283, 283.1, 284 УК РФ и др.); должностные преступления (ст. 285, 286, 290, 291.1, 292, 293 УК РФ и др.); преступления против правосудия (ст. 302, 304 УК РФ и др.)]<sup>1</sup>.

Мы не можем согласиться с приведенной точкой зрения. Субъектами перечисленных преступлений являются не только лица, имеющие право на осуществление оперативно-разыскной деятельности, но и другие, которые таким правом не обладают. По этой причине считаем недостаточно обоснованным выделение по рассматриваемому критерию в самостоятельную группу уголовно-правовых норм, кроме ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Второе обстоятельство, указывающее на особенность соблюдения норм уголовного закона в сфере оперативно-разыскной деятельности, касается проведения оперативно-разыскных мероприятий. Так, лица, участвующие в некоторых из них, часто совершают деяния, которые по своему характеру граничат с преступными, поэтому в таких случаях принципиальным является следование уголовно-правовым запретам, поскольку «перейдя границу» лицо может стать субъектом преступления. Данная ситуация характерна прежде

---

<sup>1</sup> См.: Кузьмин С. С. Указ. соч. С. 19–21.

всего для соблюдения норм уголовного закона, которые относятся к институтам неоконченного преступления, соучастия в преступлении и обстоятельств, исключающих преступность деяния. Например, не соблюдая положения нормы о приготовлении к преступлению, отграничивающей преступное деяние от обнаружения умысла, лицо, участвующее в проведении проверочной закупки или оперативном эксперименте, может совершить провокацию преступления. В случае игнорирования норм о соучастии в преступлении правомерные действия внедренного лица могут перерасти в подстрекательство к преступлению или его организацию.

Использование норм уголовного права при оперативно-разыскной деятельности состоит в осуществлении субъективных прав, предоставляемых участникам правовых отношений. Таковыми прежде всего являются права на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных статьями гл. 8 УК РФ<sup>1</sup>. Использование этих прав является реализацией возможностей и дозволений, которые законодатель предоставляет участникам отношений. В целом, использование уголовно-правовых норм зависит от усмотрения субъекта, который может и отказаться от такового. Однако для лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, при определенных обстоятельствах это право может перерасти в обязанность. Проблемы использования норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния при осуществлении оперативно-разыскной дея-

---

<sup>1</sup> Формы реализации данных норм были подробно рассмотрены А. П. Дмитренко. См., напр.: Дмитренко А. П. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации. М., 2010. С. 66–120; Его же. Реализация уголовно-правовых норм, регламентирующих обстоятельства, исключающие преступность деяния // Черные дыры в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 126–127.

тельности, ранее частично рассматривались в уголовном праве<sup>1</sup>, в том числе и нами<sup>2</sup>.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что в большинстве случаев причинение вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий происходит в рамках общественных отношений, прямо не урегулированных ни одним из предусмотренных гл. 8 УК РФ обстоятельств, исключающих преступность деяния. Именно такое положение вещей и является основной причиной говорить именно об уголовно-правовом обеспечении подобных отношений.

Определившись с формами реализации норм уголовного права, при которых происходит обеспечение оперативно-разыскной деятельности, ответим на вопрос: все ли ее виды может обеспечивать уголовное право? На наш взгляд, одна из наиболее полных классификаций, которую мы и возьмем за основу, предложена А. Ю. Шумиловым. Он выделяет уголовно-сыскную работу (деятельность); смешанную оперативно-разыскную деятельность и «неуголовно-сыскную» работу<sup>3</sup>.

Уголовно-сыскная работа состоит в осуществлении гласной или негласной деятельности субъектами, уполномоченными на то Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», по предупреждению и обнаружению преступлений, розыску лиц, их совершивших и (или) уклоняющихся от правосудия либо исполнения уголовного наказания<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Миньковский Г. М. Криминальная милиция (полиция) : проблемы организации, функции, содержания и формы деятельности // Криминальная милиция (полиция): проблемы организации, функции, содержания и формы деятельности. М., 1991. С. 12; Вандышев А. С. Проблема обстоятельств, исключающих преступность деяния при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. / под ред. К. К. Горяинова, И. А. Климова. М., 2002. С. 226–234.

<sup>2</sup> См.: Шкабин Г. С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Проблемы теории и практики крайней необходимости в уголовном праве. М., 2005.

<sup>3</sup> См.: Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации. Т. 1. С. 125–162.

<sup>4</sup> См.: Там же. С. 131.

Смешанная оперативно-разыскная деятельность связана не только с преступлениями, но и с обнаружением иных правонарушений или угроз безопасности обществу или государству. Автор выделяет следующие направления этого вида деятельности<sup>1</sup>: информационно-аналитическая работа по обеспечению безопасности государства; оперативно-разыскное направление обеспечения собственной безопасности; удостоверительно-разыскная работа; обеспечение режимов в уголовно-исполнительной системе посредством оперативно-разыскной деятельности; осуществление оперативно-разыскной деятельности в экстремальных условиях (в чрезвычайной ситуации, боевой обстановке, военное время); оперативно-разыскное противодействие коррупции.

«Неуголовно-сыскная» работа не предназначена для защиты от преступных посягательств<sup>2</sup>. В ее содержание входят следующие направления: административная оперативно-проверочная работа; справочно-информационная работа с зарубежными контрагентами; работа по подготовке и предоставлению результатов оперативно-разыскной деятельности в арбитражный и гражданские процессы.

Не вдаваясь в подробный анализ приведенных видов и их направлений оперативно-разыскной деятельности, отметим, что уголовное право обеспечивает каждое из них. Это происходит в рамках позитивных правоотношений и состоит в том, что уголовный закон устанавливает границы, которые лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, соблюдают.

Вместе с тем такое обеспечение нельзя считать абсолютным, поскольку использование норм уголовного права как формы их реализации в полном объеме возможно не при всех видах оперативно-разыскной деятельности. Так, право на причинение вреда возникает только в тех случаях, когда встает вопрос о защите объектов уголовно-правовой охраны. Такие ситуации возможны практически во всех случаях уголовно-сыскной, а также в

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Там же. С. 135–146.

<sup>2</sup> См. подробнее: Там же. С. 146–160.

большинстве вариантов «смешанной» и «неуголовно-сыскной» деятельности. Несмотря на то что в последних двух вариантах оперативно-разыскная деятельность не всегда осуществляется в отношении преступных деяний, ее цели и задачи, как правило, направлены на защиту объектов уголовно-правовой охраны.

Таким образом, уголовно-правовому обеспечению оперативно-разыскной деятельности характерны только две формы реализации норм уголовного права – это соблюдение и использование. При реализации уголовного права в форме исполнения или применения происходит обратный процесс. В возникающих при этом общественных отношениях лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, участвуют в обеспечении задач уже уголовного или уголовно-исполнительного права.

## **§ 2. Соотношение задач и целей о противодействии преступности в уголовном и оперативно-разыском законодательстве**

Предоставление средств уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности вполне естественно предполагает вопрос: для чего они предоставляются? Для достижения каких целей и решения каких задач необходимы эти средства? Ответы на эти вопросы логично обращают наше внимание на соотношение задач уголовного законодательства с целями и задачами, предусмотренными Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности».

В современный период ситуация в сфере противодействия преступности складывается таким образом, что решение задач уголовного законодательства невозможно без осуществления оперативно-разыскной деятельности. Не будет ошибочным утверждение того, что оперативно-разыскная деятельность стала в некоторых случаях практически единственным

результативным средством защиты правоохраняемых интересов от преступных посягательств. Это обусловлено прежде всего тщательной подготовленностью и конспиративностью совершения не только преступлений, вызывающих большой общественный резонанс (террористические акты, диверсии, заказные убийства), но и преступлений, которые в силу своей распространенности и доходности фактически превратились в нелегальный бизнес. К ним относятся общественно опасные деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков и оружия, захватом заложников, торговлей людьми и др. Применяемые ранее к таким случаям меры предупреждения преступлений, как показывает практика, стали, мягко говоря, малоэффективны.

Очевидно, что в сложившихся условиях взаимодействие норм уголовного и оперативно-разыскного законодательства социально обусловлено и объективно необходимо. Каждое из них входит в структуру отраслей права, которые направлены на противодействие преступности<sup>1</sup>. В теории уголовного права и в криминологии такую систему норм вполне оправданно, на наш взгляд, предлагают называть предупредительным<sup>2</sup> или уголовно-превентивным<sup>3</sup> правом.

Трудность в данном случае состоит в том, что достаточно сложно установить соотношение между материальным и административно-процессуальными законами, какими являются соответственно уголовный и оперативно-разыскной. Принимая во внимание принцип системности права, эти нормативные акты, на наш взгляд, требуют взаимосвязанного анализа, который следует проводить в двух направлениях. Первое состоит в соотно-

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Кирин В. А. Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь. М., 1978; Гончаров Д. Ю. Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014.

<sup>2</sup> См.: Барина Л. В., Миньковский Г. М., Ревин В. П. Концепция проекта федерального закона «Об основах предупреждения преступлений» // Гос-во и право. 1998. № 3. С. 43–49.

<sup>3</sup> См.: Трунцевский Ю. В. Российское уголовно-превентивное право: признаки отрасли // Рос. криминол. взгляд. 2010. № 3. С. 165–173.

шении содержания определений, понятий и терминов одного федерального закона с другим. Главное – это то, что они должны толковаться логически одинаково. Второе направление вытекает из первого и связано с необходимостью детального анализа юридического языка (понятийного аппарата), то есть с использованием приемов и способов семантики для смыслового объяснения словесных форм закона (единиц языка) в соответствии с правилами лингвистики.

На единство задач и целей уголовного и оперативно-разыскного законодательства не раз обращалось внимание в оперативно-разыскной науке. По мнению А. М. Шматова, задачи рассматриваемых отраслей являются общими<sup>1</sup>. С. С. Овчинский выделяет цели и задачи уголовного законодательства, которые имеют значение межотраслевого института для оперативно-разыскной деятельности и судопроизводства<sup>2</sup>. Такое сравнение позволит выявить базисные точки соприкосновения между законами, которые находятся в основе правомерного причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 2 формально выделяет три самостоятельные задачи: охрану социальных объектов от преступных посягательств, предупреждение преступлений и обеспечение мира и безопасности человечества. В отношении последней следует сказать, что национальная обеспечительная задача<sup>3</sup> представляет собой часть глобальной задачи, характерной для всех мировых уголовно-правовых систем. Преступные деяния, направленные на основы мирового правопорядка и безопасные условия существования всего человечества, чрезвычайно объемны по содержанию и многообразию и соответственно защита от них силами одного государства

---

<sup>1</sup> Шматов А. М. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук. Волгоград, 2001. С. 131.

<sup>2</sup> См.: Овчинский С. С. Значение уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов для оперативно-розыскной деятельности в борьбе с организованной преступностью // Следователь. 1999. № 9. С. 26–31.

<sup>3</sup> Н. Г. Иванов называет такую задачу, но относит ее к разновидности предупреждения преступлений. См.: Иванов Н. Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части. М., 2003. С. 43.



вряд ли достижима. В связи с этим обеспечительную задачу российского уголовного права<sup>1</sup> мы будем рассматривать в дальнейшем в рамках общей задачи по охране социальных интересов, в том числе и международно-правового характера.

Остановимся более подробно на других специальных задачах, стоящих перед уголовным законом: на охране и предупреждении.

В русском языке термин «охранять» означает оберегать, стеречь, защищать, а также принимать меры для безопасности, для сохранения<sup>2</sup>. Другими словами, охрана выражается в создании условий для недопущения негативных изменений в защищаемом объекте, то есть в блокировании возможностей наступления противоправного вреда. Таким образом, понятие «охрана» по своему смыслу является весьма близким термину «предупреждение». Как видим, и в том и в другом случае речь идет о деятельности, предшествующей преступному посягательству, которая имеет протяженность во времени и рассчитана на будущее негативное поведение кого-либо.

В теории уголовного права при анализе предупредительной задачи выделяют, как правило, две ее стороны, так называемую общую и частную превенции<sup>3</sup>. Это, во-первых, предупреждение совершения преступления всеми законопослушными гражданами под воздействием уголовно-правового запрета и, во-вторых, теми лицами, кто уже раньше совершал какое-либо преступление. Эта последняя, частная превенция прямо указана в ст. 43 УК РФ «Понятие и цели наказания» и заключается в предупреждении (недопущении) совершения новых преступлений со стороны осужденных.

Вместе с тем предупредительная задача реализуется и в случаях применения других положений уголовного закона. Здесь следует выделить

---

<sup>1</sup> См.: Бойко А. И. Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Бойко. Ростов-н/Д, 1996. С. 30; Уголовное право. Общая часть / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой. М., 1998. С. 18.

<sup>2</sup> См.: Толковый словарь русского языка. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2 С. 1028.

<sup>3</sup> См.: Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд. М., 2007. С. 25.

два аспекта проблемы. Во-первых, это касается использования законодательного термина «предупреждение» в конкретных статьях УК РФ. Во-вторых, это фактическое предупреждение преступлений, которое латентно заложено как в нормах Общей, так и Особенной части Уголовного кодекса РФ. Однако в любом случае речь идет о недопущении деформации социальных связей.

Официально термин «предупреждение» употребляется в уголовном законе девять раз и связан, как правило, с доведением до сведения виновных или других лиц или правоохранительных органов (органов власти) информации о возможности наступления значимых, в том числе преступных, последствий. Ведь предупредить – это значит и заранее известить, уведомить, предостеречь от чего-либо. В этом плане «предупреждение» преступлений шире, чем понятие «охрана».

Подобные действия осуществляются:

- при отсрочке отбывания наказания (ч. 2 ст. 82 УК РФ);
- отмене отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ч. 2 ст. 82.1);
- перечислении и раскрытии содержания принудительных мер воспитательного воздействия (п. «а» ч. 2 ст. 90 и ч. 1 ст. 91);
- применении принудительных мер медицинского характера (ст. 98);
- освобождении от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией (примечание к ст. 122);
- освобождении от уголовной ответственности за участие в подготовке террористического акта (примечание к ст. 205);
- раскрытии состава разглашения данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).

В отличие от законодательного, фактическое предупреждение преступлений регулируется теми положениями Общей части УК РФ, в которых нет об этом прямого указания. Так, общую превенцию уголовного закона детер-

минируют так называемые дозволительные нормы, прежде всего касающиеся обстоятельств, исключающих преступность деяния (необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость и др.). В теории уголовного права их подчас правильно, на наш взгляд, называют нормами, как стимулирующими предупреждение преступлений, так и регулирующими правомерное поведение вообще<sup>1</sup>. К такого рода нормам следует отнести и достаточно многочисленные примечания к статьям, регламентирующие специальные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания в случаях позитивного поведения виновного после совершения преступления<sup>2</sup>.

В свою очередь, в Особенной части УК РФ также содержится ряд статей, практически направленных на предупреждение не только описанных в них деяний, но и других преступлений. Это так называемые нормы двойной превенции. Например, норма об ответственности взрослых (достигших 18 лет) за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) по своему социальному содержанию ориентирована и на предупреждение преступных посягательств со стороны самих лиц, достигших 14 лет. Норма об ответственности за незаконное изготовление оружия (ст. 223 УК РФ) направлена в том числе и на предупреждение любых преступлений, которые могут совершаться с использованием предметов, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели (в основном, конечно, людей). К таким социально-предупредительным нормам относятся и другие статьи УК РФ: вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ); небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224); ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия или взрывчатых веществ (ст. 225) и т. д.

Предупреждение преступлений, то есть недопущение противоправного вреда в оперативно-разыском законодательстве, как и в уголовном, также

---

<sup>1</sup> См.: Наумов А. В. Указ. соч. С. 21.

<sup>2</sup> См.: Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения. М., 2004.

относится к числу основных задач (ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»)<sup>1</sup>. Однако здесь имеется ряд особенностей, которые, на наш взгляд, требуют детального рассмотрения. Дело в том, что цели оперативно-розыскной деятельности юридически гораздо меньше по объему, чем задачи уголовного законодательства. Это защита (в УК РФ – охрана) жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» отсутствует прямое указание на необходимость защиты общественного порядка, общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя, а также на обеспечение мира и безопасности человечества. Однако, по существу, на наш взгляд, правовое положение от этого принципиально не меняется. Это обусловлено тем, что и в том и в другом законе фактически закреплена одна и та же структурированная трехзвенная система: защита (охрана) личности, общества и государства. Таким образом, цели оперативно-розыскной деятельности и задачи уголовного закона по своему социальному смыслу совпадают, а словосочетание «предупреждение преступлений» и в том и в другом законе соотносятся как категории общего и частного<sup>2</sup>. Об этом свидетельствует и то положение, что, в отличие от уголовно-правового предупреждения, оперативно-розыскное может осуществляться только субъектами оперативно-розыскной деятельности<sup>3</sup>.

Вместе с тем следует сказать и о соподчинении целей и задач в самом Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». По своему правовому содержанию эти понятия представляют собой иерархическую си-

---

<sup>1</sup> О соотношении предупреждения преступлений в уголовном и оперативно-розыскном законодательстве см. также: Галахов С. С. Проблемы применения норм Уголовного кодекса Российской Федерации в решении превентивных задач оперативно-розыскной деятельности // *Международ. пенитенциар. журн.* 2016. № 4. С. 10–16.

<sup>2</sup> См.: Шкабин Г. С. Цели и задачи предупреждения преступлений в уголовном и оперативно-розыскном законодательстве // *Сибир. юрид. вестн.* 2015. № 2. С. 74–81.

<sup>3</sup> См.: Бодренков В. А. Проблемы оперативно-розыскного обеспечения предупреждения совершения преступлений / под ред. В. К. Зникина, А. Г. Халиулина, А. Ю. Шуилова. М., 2009. С. 46.

стему. Логически цель – это то, что необходимо достигнуть, а задача – это то, что требует исполнения или решения для достижения все той же цели<sup>1</sup>. Соответственно достижение целей оперативно-разыскной деятельности является средством решения ее задач, способом выполнения основных функций. И та и другая категории (цель и задачи), хотя и сохраняют свою самостоятельность, находятся в такой структуре соподчинения, что решение задач более низкого уровня может являться средством решения задач и достижения цели более высокого уровня. Следовательно, цели и задачи оперативно-разыскной деятельности всегда взаимосвязаны и на различных уровнях способны меняться местами. Иными словами, то, что в стратегическом плане является целью, в тактическом – может стать задачей. Однако в любом случае (стратегическом или тактическом) субъект оперативно-разыскной деятельности должен всегда стремиться к одному: не допустить вред общественным отношениям, избежать негативных изменений в социальной жизни, предотвратить преступный результат и т. п.

В Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» не выделяются цели и задачи конкретных оперативно-разыскных мероприятий. Следовательно, можно утверждать, что они в полном объеме совпадают с общими положениями оперативно-разыскного законодательства. Из этого заключения следует простой методологический вывод: целью всех оперативно-разыскных мероприятий и каждого в отдельности является защита охраняемых интересов от преступных посягательств, а задачей – их предупреждение. В конечном итоге оперативно-разыскное мероприятие по сфере своего предупредительного воздействия всегда охватывает преступное поведение конкретного человека (группы лиц), что и является определяющим при установлении основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Разумеется, это положение не имеет абсолютного характера. При реализации уголовно-правовой задачи по предупреждению преступлений в значительном числе случаев субъекты правоотношений вполне способны обойтись и

---

<sup>1</sup> См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 206.

без своего вспомогательного инструмента – оперативно-разыскных мероприятий.

В понятийном аппарате уголовного и оперативно-разыскного законодательства, посвященного предупреждению преступлений, содержатся и другие определения и словосочетания, близкие по этимологическому смыслу и социальному содержанию. Речь идет о таких терминах, как «выявление», «предотвращение», «пресечение», «раскрытие» и «установление», которые, по существу, представляют собой отдельные формы предупреждения преступлений и соответственно отдельные виды недопущения противоправного вреда.

Сразу оговоримся, что мы не анализируем специальные категории, которыми оперирует криминология. Так, вне нашего внимания в данном разделе остаются, например, такие понятия, как «профилактика правонарушений<sup>1</sup> и преступлений (общая и специальная)», ее формы, которые определяются как виды или уровни предупредительной деятельности, причины, условия совершения преступлений и меры по их устранению, и др.<sup>2</sup> Это обусловлено тем, что ни в уголовном, ни в оперативно-разыском законе подобные термины и словосочетания не используются.

Перейдем к анализу следующего понятия, которое используется в уголовном и оперативно-разыском законодательстве, – «предотвращение преступлений». В русском языке предотвратить – значит «заблаговременно устранить, заранее отвратить»<sup>3</sup>. По сравнению с предупреждением о процессе предотвращения можно говорить как о более узком по содержанию.

---

<sup>1</sup> Профилактика правонарушений – это совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. См.: Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Рос. газ. 2016. 28 июня.

<sup>2</sup> См.: Криминология / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 2007. С. 88–89.

<sup>3</sup> Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. С. 720.

В уголовном законе термин «предотвращение» используется двенадцать раз. В частности, об этом говорится при раскрытии содержания легкомыслия (ч. 2 ст. 26 УК РФ), двойной формы вины (ст. 27) и невиновного причинения вреда (ст. 28); при описании условий правомерности крайней необходимости (ч. 2 ст. 39) и обоснованного риска (ч. 2 ст. 41); при закреплении условий освобождения от уголовной ответственности за государственную измену (примечание к ст. 275 УК РФ).

О предотвращении собственно преступлений говорится в следующих шести случаях: три раза при изложении признаков добровольного отказа от совершения преступления (ч. 5 ст. 31 УК РФ); при описании условий освобождения от уголовной ответственности за участие в подготовке террористического акта (примеч. к ст. 205), за содействие в террористической деятельности (примеч. к ст. 205.1) и за финансирование экстремистской деятельности (примеч. к ст. 282.3 УК РФ).

Предотвращение преступлений с позиции уголовного права состоит в недопущении выполнения объективной стороны состава преступления. Оно возможно с момента начала реализации в объективной действительности преступного умысла до момента начала покушения на совершение преступления. Фактически из всех стадий совершения преступления оно может быть направлено только на приготовление<sup>1</sup>.

Вместе с тем в оперативно-разыскном законодательстве формально нет такой задачи, как предотвращение преступлений (нет такого термина). Однако это не значит, что подобной задачи нет в принципе. Дело в том, что в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» процесс предотвращения преступлений прописан детально, с использованием таких словосочетаний, как «выявление преступлений» и «установление и выявление лиц, их подготавливающих». Вполне понятно, что предотвратить преступление (заблаговременно его устранить) невозможно, если перед этим не выявить

---

<sup>1</sup> См.: Лазуткин Н. Н. Предупреждение преступлений на различных стадиях их совершения : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. С. 116–134.

или не установить того, кто собирается его совершить, кто готовится причинить неправомерный и конкретный вред.

Выявить преступление и/или выявить и установить такое лицо означает одновременно и процесс и результат по обнаружению и доказыванию фактических обстоятельств приготовления к преступному посягательству, то есть действий, которые превращают скрытое преступное поведение в явное, точно известное событие. Другими словами, усилия оперативно-разыскных подразделений направлены на установление преступных намерений и принятие мер по недопущению их реализации и наступлению преступного вреда. Таким образом, перед нами не что иное, как предотвращение преступлений.

Вместе с тем «оперативно-разыскное предотвращение» – весьма объемная категория, поскольку включает в себя и задачу по добыванию социально значимой информации. Без такой информации предотвратить ничего невозможно. Это сведения о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации. Базовым термином здесь является понятие «угроза», то есть возможная опасность и вероятность наступления социально значимого вреда.

Следует отметить определенную несогласованность буквального и систематического толкования данного понятия (угроза). Так, угрозу могут составлять не только деяния людей, но и различные события или явления, порождаемые другими источниками опасности. Соответственно по формальным основаниям предотвращение угроз, вызванных природным или стихийным явлением, не соответствует законодательно определенным задачам оперативно-разыскной деятельности, которые состоят в защите только от преступных посягательств (в недопущении вреда), то есть совершенных человеком. Тем не менее, на наш взгляд, такое положение следует толковать в широком его значении. Ведь возникновение иных источников опасности может быть детерминировано противоправным и предшествующим поведением все тех же людей, например, угрозы техногенной



катастрофы, экологического бедствия, распространение эпидемий или эпизоотий.

В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»<sup>1</sup> нет ее самостоятельного определения. Ранее действовавший Закон РФ от 5 марта 1992 г. с таким же названием, определял безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз<sup>2</sup>. По нашему мнению, это правильно по существу.

Однако на сегодняшний день единственное легальное понятие этой категории используется только в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации<sup>3</sup>. Согласно данному документу, не имеющему силу закона, национальная безопасность – «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации». В этом определении более подробно перечислены объекты безопасности, однако центральным фактически осталось прежнее понятие – «состояние защищенности».

Следующая частная форма предупреждения преступлений – пресечение. Подобное деяние осуществляется в отношении преступных посягательств, совершение которых уже начато, то есть осуществляется в реальности. В Толковом словаре русского языка слово «пресечь» означает прекратить сразу, остановить резким вмешательством<sup>4</sup>. Как видим, смысл термина свидетельствует о том, что пресечение – это некий одномомент-

---

<sup>1</sup> См.: Российская газета. 2010. 29 дек.

<sup>2</sup> См.: Там же. 1992. 6 мая.

<sup>3</sup> См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. С. 750.

ный, скоротечный и «жесткий» процесс предотвращения общественно опасного вреда.

В Уголовном кодексе Российской Федерации термин «пресечение» употребляется шесть раз. Из них один раз – относительно возможности совершения новых преступлений, при описании условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (ч. 1 ст. 38 УК РФ). Во всех остальных нормах УК РФ говорится о пресечении преступлений в специальных случаях освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: за содействие террористической деятельности (примечание к ст. 205.1 УК РФ); за организацию преступного сообщества (примечание к ст. 210); за незаконный оборот наркотиков (примечания к ст. 228 и 228.3); за финансирование экстремистской деятельности (примечание к ст. 283.3, употребляется дважды); за посредничество во взяточничестве (примечание к ст. 291.1 УК РФ).

В уголовном праве пресечение преступлений, на наш взгляд, представляет собой деятельность, связанную с незамедлительным прерыванием стадии покушения. Иными словами, это пресечение умышленных действий (бездействия), непосредственно направленных на причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны. Об этом свидетельствует и составная часть оперативно-разыскной задачи по установлению лиц, совершающих преступление, то есть фактически речь идет о деяниях, которые уже осуществляются «в данный момент», но еще не окончены. С. С. Галахов считает пресечение преступлений главной задачей оперативно-разыскной деятельности<sup>1</sup>. Однако однозначного определения этого понятия в оперативно-разыскной теории нет. Так, мы не можем согласиться с мнением О. А. Вагина, К. К. Горяинова, В. С. Овчинского и А. В. Федорова, которые под рассматриваемой задачей понимают «при-

---

<sup>1</sup> См.: Галахов С. С. Роль уголовного законодательства в решении превентивных задач оперативно-разыскной деятельности // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. С. 36.

менение таких оперативно-розыскных мер, при помощи которых прекращается начатая преступная деятельность лица или группы лиц на стадии неоконченного преступления (покушения) либо оконченного, но непосредственно после его совершения»<sup>1</sup>. Полагаем, что в данном случае имеет место расширительное толкование нормы. На наш взгляд, пресечение – это прерывание процесса непосредственного исполнения преступного посягательства, то есть недопущение еще большего вреда, на одном из ранних этапов и который, с позиции уголовного права, еще не закончен. Пресекать преступление после его совершения в принципе невозможно, это логически неправильный вывод.

В свою очередь, пресечение преступлений как самостоятельная задача оперативно-розыскной деятельности тесно связана с процессом выявления и установления лиц, совершающих преступления. Соответственно пресечение преступного посягательства силами оперативно-розыскного подразделения представляет собой воздействие на конкретное лицо или группу лиц с целью лишить их реальной возможности завершить начатое преступление, довести его до конца, не допустить вредных последствий<sup>2</sup>. Способы ее решения могут быть самыми разными: начиная с причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, и заканчивая возбуждением уголовного дела и применением уголовно-процессуальных мер принуждения.

В теории оперативно-розыскной деятельности получило распространение и расширительное толкование рассматриваемого термина. Так, А. Г. Лекарь считал, что «пресечение преступлений – это выявление лиц, подготавливающих совершение преступления, и принятие к ним мер в целях недопущения перерастания приговорительных действий в покушение, а покушения – в оконченное преступление»<sup>3</sup>. В настоящее время аналогичной точки зрения

---

<sup>1</sup> Вагин О. А., Горяинов К. К., Овчинский В. С., Федоров А. В. Задачи оперативно-розыскной деятельности // Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. М., 2018. С. 20.

<sup>2</sup> См.: Зеленская Т. В. Соотношение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 74.

<sup>3</sup> Лекарь А. Г. Профилактика преступлений. М., 1972. С. 3–4.

придерживаются и другие авторы, которые считают, что пресечение преступлений необходимо именовать оперативно-разыскной профилактикой<sup>1</sup>.

В принципе у нас нет возражений по поводу этих криминологических установлений. Однако есть ряд теоретических соображений уголовно-правового характера, которые необходимо учитывать при осуществлении оперативно-разыскной деятельности по пресечению приготовительных действий.

Во-первых, никаких общих принципов перерастания приготовления в покушение, а покушения в оконченное преступление не существует, поскольку каждая стадия имеет самостоятельный характер. Выделение в теории уголовного права этапов развития преступления вовсе не означает, что каждое преступное деяние в обязательном порядке проходит все три из них. Нередки случаи, когда приготовительных действий нет и преступное деяние осуществляется минуя их.

Во-вторых, в случаях, когда преступлению присущи все три стадии или даже две из них, самостоятельное значение приобретает последняя, поскольку каждая последующая охватывает или поглощает предыдущую. О приготовлении, например, речи не идет вообще, когда установлено покушение и соответственно никакого «перерастания» не происходит.

В-третьих, приготовительные действия к тяжким и особо тяжким преступлениям, как показывает практика, иногда бывает весьма трудно доказать. Нередко совершение приготовительных действий само по себе не свидетельствует о преступных намерениях лица и может оцениваться как малозначительное. Подобная малозначительность может выражаться либо в неопределенно большом отдалении от последующего покушения, либо в незначительности самих приготовительных действий. Допустим, если лицо гипотетически планирует убийство и покупает для этого столовый нож, то

---

<sup>1</sup> См., напр.: Галахов С. С., Ибрагимов Х. М. Проблемы и перспективы оперативно-разыскной профилактики // Научный портал МВД России. 2010. № 2. С. 82–88.

привлечение его за такие действия к уголовной ответственности (как за приготовление) представляется практически невозможным.

В-четвертых, приготовление к преступлению, в зависимости от ситуации, бывает достаточно проблематично отграничить от добровольного отказа от совершения преступления. Данное обстоятельство активно используется адвокатами в уголовном процессе. На этот факт указали 34,8 % респондентов проведенного нами интервьюирования<sup>1</sup>. По их данным, по уголовным делам о приготовлениях к убийствам, предотвращенным в результате проведенных оперативно-разыскных мероприятий, одним из основных аргументов стороны защиты о якобы невинности подсудимого было то, что тот еще до момента задержания якобы «добровольно отказался от доведения преступления до конца».

Отметим, что на практике существует некоторая неопределенность относительно правильности соотношения задач и целей оперативно-разыскной деятельности со стадиями совершения преступления. Так, в результате анализа изученных нами материалов уголовных дел (прил. 2) о преступлениях, прерванных по обстоятельствам, не зависящим от виновных лиц, на стадии приготовления, в 18,3 % случаев в качестве цели оперативно-разыскного мероприятия вместо «предотвращения преступления» ошибочно указывалось на его «пресечение». 10,6 % мероприятий проводились именно для предотвращения преступлений, а 11,8 % – в целях так называемого документирования. В качестве обоснования основной массы оперативно-разыскных мероприятий (59,3 %) указывалась, в различном сочетании, совокупность целей: «пресечение преступлений», «предотвращение преступлений», «прекращение преступной деятельности», «документирования», «защиты потерпевшего», «контроля действий преступной группы».

---

<sup>1</sup> Нами проводилось нарративное интервьюирование 56 руководителей территориальных подразделений правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также 39 сотрудников участвовавших в проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Таким образом, прерывание деяния на стадии приготовления, с позиции уголовного права, является предотвращением преступления, но не его пресечением.

Следующей оперативно-разыскной задачей, связанной с предупреждением, является раскрытие преступлений, а также установление причастных к этому лиц с добыванием значимой информации и т. д. Отметим лишь, что на социологическом уровне существует постоянная соподчиненность таких задач. Так, в результате проведенного нами социологического исследования установлено, что в подавляющем большинстве случаев (около 80 %) раскрытие преступлений с использованием оперативных внедрений проводилось по условной схеме «от лица – к преступлению»<sup>1</sup>. Суть этих мероприятий состоит в том, что в окружение лица, подозреваемого в совершении преступлений, внедряется сотрудник органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, и собирает данные о новом, готовящемся или совершаемом преступлении. Следовательно, почти всегда в этой схеме имелась совокупность задач по выявлению, установлению и раскрытию, а в конечном итоге – по предупреждению преступления.

Тем не менее необходимо отметить, что раскрытие преступлений – более независимая от предупреждения задача. Следует иметь в виду, что рассматриваемый термин является уголовно-процессуальной, криминалистической и оперативно-разыскной категорией и носит собирательный характер<sup>2</sup>. Раскрытие может выражаться в установлении фактических обстоятельств, во-первых, неоконченных преступлений, во-вторых, преступных действий, которые уже завершены. В таких случаях можно говорить соответственно как о

---

<sup>1</sup> Это подтверждается и результатами других исследований. См.: Топильская Е. В. Уголовно-правовая оценка действий членов организованных преступных групп, привлеченных к сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. С. 154.

<sup>2</sup> См.: Зникин В. К. Уголовный процесс и раскрытие преступлений // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 361. С. 109–110.

частной, так и об общей превенции. Однако в первую очередь этот процесс направлен на привлечение виновных к уголовной ответственности и в этом состоит его особенность.

В нормах Уголовного кодекса Российской Федерации термин «раскрытие преступлений» применяется пятнадцать раз: при перечислении обстоятельств, смягчающих наказание (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ); при раскрытии правил назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ч. 1 ст. 64); при описании условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75); в специальных случаях освобождения от уголовной ответственности, в связи с деятельным раскаянием за торговлю людьми (примечание к ст. 127.1); за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (примечание к ст. 178); за коммерческий подкуп (примечание к ст. 204); за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (примечание к ст. 205.3); за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (примечание к ст. 210); за массовые беспорядки (примечание к ст. 212); за незаконный оборот наркотиков (примечания к ст. 228 и 228.3); за дачу взятки (примечание к ст. 290); за посредничество во взяточничестве (примечание к ст. 291.1); за фиктивную регистрацию гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивную регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации (примечание к ст. 322.2); за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации (примечание к ст. 322.3 УК РФ).

Во многом понятие «раскрытие преступлений» сопрягается со смыслом таких словосочетаний, как «розыск лиц, скрывающихся от следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания», «розыск без вести пропавших». Термин «розыск» употребляется в уголовном законе только один раз – в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Однако в УК РФ содержание этого термина фак-

тически завуалировано, хотя и является весьма значительным по объему. Дело в том, что в уголовном законодательстве достаточно часто употребляется понятие «уклонение» (по нашим подсчетам, 57 раз) и, разумеется, рано или поздно в установленном порядке начинают разыскивать тех, кто уклоняется от предписанного поведения. Так, например, в ч. 3 ст. 78 УК РФ говорится о том, что «течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда», то есть его все равно будут разыскивать. То же самое можно сказать и о ст. 198 УК РФ (уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица); ч. 3 ст. 314 (уклонение от применения принудительных мер медицинского характера к лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения); ст. 314.1 (уклонение от административного надзора); ст. 328 (уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы) и др.

Последняя из задач оперативно-разыскной деятельности, перечисленных в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», – это установление имущества, подлежащего конфискации. В соотношении с уголовно-правовыми задачами, очевидно, что она в конечном счете направлена на достижение общей превенции.

Подводя итоги этого параграфа работы, можно сделать следующие выводы. Исходя из общего теоретического положения о системности права, которое подразумевает применение единого понятийного аппарата, учитывая, что и в уголовном, и в оперативно-разыском законе нередко используются одни и те же термины, вполне ясно, что они должны пониматься одинаково. При этом необходимо исходить из двух важнейших положений.

Во-первых, по смыслу принципа, закрепленного в ст. 3 УК РФ, законность в сфере противодействия преступности состоит и в требовании подчинения текстового выражения норм единому критерию, что должно отражаться в общем юридическом аппарате всего соответствующего комплекса отраслей права. В данном случае значение понятий уголовного права является главенствующим (базовым). Соответственно терминология, применяемая в



Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», должна логически соотноситься по своему содержанию с уголовно-правовыми установлениями.

Во-вторых, поскольку в целях и задачах оперативно-розыскной деятельности речь идет о преступлении, то, безусловно, необходимо учитывать положения ст. 8 УК РФ, в соответствии с которой единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Это принципиальное положение, поскольку социальный смысл всей оперативно-розыскной деятельности подчинен противодействию преступности, краеугольным камнем которой и является уголовно-правовое понятие «преступление». Иначе говоря, без преступления нет и преступности, то есть нет предмета для дальнейшего анализа.

## **Глава 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ ВРЕДА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

### **§ 1. Категория вреда в уголовном праве и оперативно-разыскном законодательстве**

Несмотря на достаточно широкое распространение, термин «вред» как в научном языке и законодательной практике, так и на общебытовом уровне не имеет общепринятого определения.

В зависимости от различных обстоятельств это слово может пониматься совершенно по-разному. Определенно сказать об отраслевой принадлежности рассматриваемой категории вряд ли возможно. Данное правовое установление употребляется если не во всех, то в достаточно большом количестве нормативных правовых актов. Как отмечал Н. С. Малеин, вред – это прежде всего социальное понятие, неотъемлемый признак всякого правонарушения. «Последствия правонарушения могут иметь материальный и нематериальный, имущественный и неимущественный, измеримый и неизмеримый, возместимый и невозместимый характер. Совокупность отрицательных последствий правонарушения мы называем вредом»<sup>1</sup>.

Этот термин употребляется в Конституции Российской Федерации, согласно которой: «Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.» (ст. 53). О вреде говорится и в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Этот термин упоминается при характеристике крайней необходимости

---

<sup>1</sup> Малеин Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968. С. 89–90.

(ст. 2.7); целей административного наказания (ст. 3.1); мер административного наказания (ст. 3.4); возмещения морального вреда, причиненного административным правонарушением (ст. 4.7) и в других статьях. Кроме того, синонимично употребляются понятия «вредные последствия» (ст. 2.2, 4.2); «ущерб» (ст. 5.13, 7.17 и др.); «убытки» (ст. 3.5, 15.30, 15.21).

В теории административного права достаточно распространенным является мнение, что административное правонарушение обладает таким признаком, как общественный вред (общественная опасность)<sup>1</sup>. При этом само понятие вреда, как правило, не раскрывается, а если и разъясняется, то через определения сущности вреда в материальном праве<sup>2</sup>.

В уголовно-процессуальном законодательстве также применяется анализируемая категория. Например, непосредственно термин «вред» употребляется в ст. 5 УПК РФ (Основные понятия), ст. 11 (Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве), ст. 20 (Виды уголовного преследования), ст. 23 (Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации) и др. Слово «ущерб», которое используется в качестве синонима слова «вред», встречается в ст. 28.1 (Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности), ст. 45 (Представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя), ст. 125 (Судебный порядок рассмотрения жалоб) и др. В ч. 1 ст. 42 (Потерпевший) законодатель классифицирует вред на физический, имущественный и моральный. Более того, в теории уголовного судопроизводства предлагается даже законодательно закрепить понятие экологического вреда<sup>3</sup>.

Наиболее широко категория вреда используется в гражданском праве. Именно ГК РФ в самом общем виде указывает на вред и определяет его ви-

---

<sup>1</sup> См.: Мелехин А. В. Административное право Российской Федерации : курс лекций // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> О соотношении преступлений и административных правонарушений см. подробнее: Борков В. Н. Должностные преступления и административные правонарушения: два уровня охраны // Б-ка криминалиста. Науч. журн. 2013. № 2. С. 62–67.

<sup>3</sup> См.: Герасименко А. С. Возмещение вреда, причиненного преступлением, как институт уголовно-процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7.

ды. Этот термин встречается во всех четырех частях Гражданского кодекса Российской Федерации. Часть вторая ГК РФ содержит целую главу, посвященную обязательствам вследствие причинения вреда (гл. 59). Помимо собственного обозначения, в гражданском законодательстве вред раскрывается через использование слов «убытки» и «ущерб». Иными словами, эти термины из одного логического и семантического ряда.

Термин «вред» для гражданского права имеет одно из центральных значений. Видимо, это и обуславливает постоянный и повышенный интерес к категории вреда в цивилистике<sup>1</sup>. Наиболее распространенным в гражданском праве является определение вреда, данное в свое время М. М. Агарковым. Он предлагал под ним понимать «всякое умаление того или иного личного или имущественного блага», а вред, нанесенный имуществу и выраженный в денежной сумме, называть убытком<sup>2</sup>. Подобное определение в общем виде, на наш взгляд, сохраняет свою актуальность и в настоящее время.

Так, в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2002 год при толковании ст. 1084–1094 ГК РФ (§ 2 гл. 59 Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина) говорится, что «под вредом понимается материальный ущерб, который выражается в уменьшении имущества и (или) умалении нематериального блага»<sup>3</sup>.

Вместе с тем категория «вред» не только упоминается непосредственно в уголовном законодательстве, так и находится в основе многих уголовно-правовых понятий и определений, используемых в теории уголовного права. Более 250 лет назад Чезаре Беккариа писал, что «настоящим мерилom пре-

---

<sup>1</sup> См., напр.: Богданов О. В. Вред – как условие гражданско-правовой ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001; Романов В. С. Моральный вред как институт гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

<sup>2</sup> См.: Агарков М. М. Гражданское право. М., 1944. Т. 1. С. 328.

<sup>3</sup> Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2002 года // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2002. № 12.

ступлений является вред, причиненный им обществу»<sup>1</sup>. Этот индикатор социальной опасности используется в законодательстве и в современный период. На сегодняшний день в Уголовном кодексе РФ термин «вред» употребляется наиболее часто. Данное слово используется более чем 130 раз в 93 статьях (39 раз в 21 статье Общей части и 94 раза в 72 статьях Особенной части).

Под вредом в уголовном праве, на наш взгляд, следует понимать возникшие вследствие совершения деяния такие изменения объективной действительности, которые выражаются в разрушении или деформации социальных связей, охраняемых уголовным законом. В целом рассматриваемую категорию нельзя однозначно отнести исключительно к негативным понятиям. Социальное содержание вреда не только относительно, но и зависит от множества факторов и прежде всего от интересов общества. В зависимости от социального (материального) и формального содержания в уголовном праве вред подразделяется на преступный (употребляется в негативном плане) и не являющийся преступным (может быть как общественно опасным, так и социально полезным или нейтральным).

Исследованием и анализом преступного вреда в уголовном праве занимались немногие авторы. Среди них следует отметить прежде всего С. В. Землюкова, который более 20 лет назад посвятил этой проблеме свое докторское исследование<sup>2</sup>. Выделяя его существенные признаки, он, под преступным вредом понимает:

– конструктивный элемент преступного деяния, свидетельствующий об окончании преступления – достижении поставленной цели или реализации созданной действиями лица опасности;

– нарушенное состояние охраняемых законом общественных отношений, при котором существенно снижены либо утрачены их социально полезные свойства;

---

<sup>1</sup> Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 91.

<sup>2</sup> См.: Землюков С. В. Преступный вред: теория, законодательство, практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.

– объективный критерий тяжести совершенного деяния, подлежащий учету при привлечении к уголовной ответственности, квалификации преступлений и назначении наказания<sup>1</sup>.

Проблемы рассматриваемой категории были также исследованы И. В. Бондаренко, который под уголовно-правовым вредом понимает неблагоприятные, социально опасные последствия, которые наступают в результате преступного посягательства на конкретные общественные отношения, то есть те, которые и выражаются (объективизируются) в форме социально вредных деформаций в структуре таких отношений<sup>2</sup>.

Следовательно, понятие преступного вреда употребляется, как правило, применительно к двум случаям: во-первых, будучи аккумулятивным в общественной опасности и представляющий ее основное содержание, как ее синоним и фактически признак преступления, другими словами, говоря о преступлении, мы всегда подразумеваем его вредоносность; во-вторых, в качестве объективного признака (объекта преступления и объективной стороны) состава преступления.

Оценку причинения уголовно-правового вреда необходимо проводить в первую очередь во взаимосвязи с одним из центральных признаков преступления – его общественной опасностью.

Способность преступного посягательства причинять существенный вред охраняемым уголовным законом отношениям есть объективное свойство преступления. Выделение вреда в качестве признака понятия преступления происходит опосредованно через раскрытие содержания общественной опасности. В науке уголовного права эту категорию (вред) традиционно определяют как материальный признак общественно опасного деяния, который раскрывает его социальную сущность. Причинение существенного вреда интересам личности, общества и государства «по сути дела есть синоним

---

<sup>1</sup> См.: Землюков С. В. Указ. соч. С. 32.

<sup>2</sup> См.: Бондаренко И. В. Уголовно-правовое понятие вреда, причиненного преступлением, и проблемы его возмещения : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. С. 59.

признака общественной опасности деяния, его расшифровка»<sup>1</sup>, уяснение его смысла и содержания.

В научной литературе при определении общественной опасности преступления, как правило, указывается на способность противоправного деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам, ценностям, благам)<sup>2</sup>. В данном случае вред является не только признаком преступления, но и критерием, отграничивающим его от малозначительного деяния. Так, качественно-количественным индексом измерения вреда, характеризующим преступление, является его «существенность», которая, в свою очередь, является относительно-оценочной категорией. Например, для признания тайного хищения преступным необходимо, чтобы, согласно ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, сумма похищенного превышала две тысячи пятьсот рублей (количественный показатель) и/или использовался квалифицированный способ совершения деяния (качественный показатель), например кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Однако для значительной части составов преступлений Особенной части УК РФ определение существенности вреда является достаточно сложным делом, зависящим от множества обстоятельств. Наиболее наглядно это проявляется в преступлениях против чести и достоинства (например, ст. 128.1 УК РФ), должностных преступлениях, повлекших за собой нарушение прав и свобод человека, интересов общества и государства (например, ст. 285, 286), и других составах преступлений с оценочными признаками.

Вред имеет объективный характер, и в теории уголовного права вред упоминается при характеристике объекта преступления или объективной стороны состава преступления. Так, в специальной литературе получило распространение мнение, согласно которому объектом преступления является то

---

<sup>1</sup> Наумов А. В. Указ. соч. С. 275.

<sup>2</sup> См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М., 2015. С. 43 и др.

благо, которому преступление причиняет вред либо создает угрозу причинения такого вреда<sup>1</sup>. Н. Д. Дурманов в свое время отмечал, что под преступным результатом следует понимать «те качественные изменения, которые причинены объекту посягательства действием или бездействием субъекта»<sup>2</sup>.

Однако наиболее часто этот термин используется при характеристике объективной стороны состава преступления. В частности, понятие общественно опасных последствий в различных юридических источниках раскрывается через обобщенную категорию «вред»<sup>3</sup>.

В некоторых случаях понятие вреда фактически подменяет собой понятие последствий. Например, по мнению С. В. Краснопеева, к общественно опасным последствиям преступления относится реальный вред, причиняемый общественным отношениям, «выражающийся в совокупности причинно связанных с преступным поведением негативных изменений, которым подвергаются социальные, правовые, экономические, нравственные и иные ценности общества»<sup>4</sup>.

В таких случаях совершенно логично возникает вопрос о соотношении смежных понятий. Системный анализ норм Уголовного кодекса РФ позволяет нам сделать вывод о том, что понятие вреда является родовым и включает в себя несколько более узких по своему содержанию категорий<sup>5</sup>. Так, в УК РФ вред, помимо собственного значения, выражается в ущербе, убытках, тяжких последствиях. В некоторых случаях в уголовном законе используются конкретные формы выражения вреда: причинение смерти человеку (ст. 105 УК РФ и др.); прерывание беременности или потеря зрения или пси-

---

<sup>1</sup> См., напр.: Уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. для вузов / Н. И. Ветров, Г. В. Дашков, В. И. Динека и др.; под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2006. С. 116 и др.

<sup>2</sup> Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М., 1948. С. 56–57.

<sup>3</sup> См., напр.: Степанов В. Г. Общественно опасные последствия в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 7; Афанасьева О. Р. Теоретические основы криминологического исследования и минимизации социальных последствий насильственной преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 13–17.

<sup>4</sup> Краснопеев С. В. Последствия преступления в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2003. С. 8.

<sup>5</sup> См. также: Бабаев М. М. Социальные последствия преступности. М., 1982. С. 11.



хическое расстройство и др. (ст. 111 и др.); заражение венерической болезнью, ВИЧ-инфекцией (ст. 121, 122, 131 и др.); отравление людей (ст. 236); массовая гибель животных (ст. 246 и др.); загрязнение, отравление или заражение окружающей среды (ст. 247); распространение эпидемий или эпизоотий (ст. 248) и т. д.

В уголовно-правовой литературе преступный вред, как правило, разделяется на материальный и нематериальный. В теории уголовного права предлагается и другая систематика. Так, например, Э. Э. Нагиева предлагает различать вред, входящий в состав преступления, который влияет на квалификацию преступного деяния, и вред, причиненный преступлением, который подлежит возмещению<sup>1</sup>.

Материальные следы лежали в основе формирования понятия состава преступления (*corpus delicti*) еще в германском уголовном праве в XVI – XVII столетиях. Без вещественных предметов (например, трупа) не могло быть и преступления<sup>2</sup>. В современном уголовном праве материальный вред – это прежде всего последствия имущественного характера, например, уничтожение или повреждение имущества. К материальному вреду относится и вред жизни или здоровью человека, например, наступление смерти или причинение телесных повреждений. Его принято называть «физический вред», он всегда связан с негативными изменениями в организме человека (органический характер вреда).

Наиболее часто встречающейся в УК РФ формой материального вреда является ущерб. Это последнее понятие является составной частью уголовно-правового вреда как обобщенной категории, то есть между ними существует соотношение как между целым и частью. Термин «ущерб» в уголовном законодательстве употребляется 105 раз (8 раз в 4 статьях Общей части и 97 раз в 49 статьях Особенной части). Во всех случаях понятие «ущерб» применяется

---

<sup>1</sup> См.: Нагиева Э. Э. К вопросу о соотношении терминов «вред», «ущерб», «последствия», «результат» // Рос. следователь. 2009. № 18. С. 12–16.

<sup>2</sup> См. подробнее: Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции : в 2 т. М., 1994. Т. 1. Часть общая. С. 141.

к последствиям, имеющим имущественный характер и исчисляемым в денежном выражении. Так, в статьях Особенной части УК РФ размер ущерба в значительном числе случаев регулируется примечаниями к уголовно-правовым нормам и, как правило, определяется в рублях. Например, значительный ущерб от совершения кражи не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей (примеч. 2 к ст. 158 УК РФ), а крупным ущербом за ряд преступлений в сфере экономической деятельности считается ущерб в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, особо крупным – девять миллионов рублей (примечание к ст. 170.2). Точное установление размера ущерба, разумеется, влияет на квалификацию посягательства, а также позволяет отграничивать преступление от малозначительного деяния.

В юридической литературе встречаются мнения о том, что понятия «вред», «ущерб», «убытки» являются синонимами<sup>1</sup>. На наш взгляд, эта точка зрения не соответствует не только гражданскому, но и уголовному законодательству. В УК РФ прямо предусмотрен подчиненный характер ущерба по отношению к вреду. Это прослеживается в нормах, где встречаются оба термина. Так, в отдельных положениях уголовного законодательства об освобождении от уголовной ответственности или наказания в качестве условия указывается на то, что виновное лицо должно возместить причиненный ущерб или иным образом загладить вред, причиненный в результате преступления (ч. 1 ст. 75 УК РФ; ч. 4.1 ст. 79; ч. 4 ст. 80; примеч. 3 к ст. 178). Из этого следует, что ущерб можно компенсировать, то есть предоставить эквивалент его стоимости. Вред же можно «загладить» и иным способом, так как он не всегда носит имущественный характер.

В других случаях ущерб упоминается вместе с вредом здоровью [ч. 1 и ч. 2 ст. 163 УК РФ (Вымогательство); ч. 1 ст. 215.1 (Прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения); ч. 1 ст. 216 (Нарушение правил безопасности при ве-

---

<sup>1</sup> См.: Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 456, 473.

дении горных, строительных или иных работ)], а также вместе с иными тяжкими или общественно опасными последствиями [ч.1, п. «в» ч. 2 ст. 205 (Террористический акт); ч. 1 и ч. 2 ст. 207 (Заведомо ложное сообщение об акте терроризма); п. «б» ч. 2 ст. 281 (Диверсия)].

При рассмотрении вопроса о вреде некоторую сложность представляет его определение через понятие «убытки». В ГК РФ (п. 2 ст. 15) говорится об убытках прежде всего в связи с их возмещением. Для этого выделяют два элемента: реальный ущерб («положительный ущерб») и неполученные доходы (упущенная выгода).

Реальный ущерб – это прежде всего расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, а также прямая утрата или повреждение его имущества. Упущенная выгода – это неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было бы нарушено.

В Уголовном кодексе РФ упущенная выгода прямо не предусматривается в качестве разновидности вреда. Однако исходя из логико-юридического анализа отдельных норм следует сделать вывод о том, что об этом виде последствий речь все же может идти. Это касается прежде всего преступлений в сфере экономики (ст. 165 УК РФ (Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), ч. 2 ст. 169 (Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, причинившее крупный ущерб), ст. 180 [Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)], ч. 3 ст. 183 (Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, причинившие крупный ущерб) и др.).

Вместе с тем в уголовном законодательстве имеется исключение из приведенных правил. Так, ст. 104.3 УК РФ называется «Возмещение причиненного ущерба». Однако в содержании нормы условия возмещения такого ущерба раскрываются через понятие вреда, то есть эти два термина употреб-

ляются как синонимы. В связи с этим было бы логично такую норму называть «возмещение причиненного вреда». Но в приведенной статье, судя по всему, имеют место недостатки законодательной техники.

Следующая форма преступного вреда – это та, которая не имеет материального содержания. Классификация такого вреда представляется достаточно широкой. Он может быть причинен правам и законным интересам граждан, организаций, обществу или государству, бывает политическим, идеологическим либо организационным. Такого рода вред характерен для преступлений против свободы, чести и достоинства личности (гл. 17 УК РФ); половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18); конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 19); семьи и несовершеннолетних (гл. 20); общественной безопасности (гл. 24); здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25) и др. Например, организационный вред может состоять в нарушении нормальной деятельности организаций и учреждений при дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ). Нормальная деятельность в данном случае – это та, которая подчиняется установленному правопорядку и/или регулируется нормативными актами.

К нематериальному вреду также относится умаление личных благ и немущественных прав конкретного человека. В данном случае речь идет о так называемом моральном вреде, под которым в соответствии со ст. 151 ГК РФ понимаются физические или нравственные страдания. Через аналогичные признаки раскрывает эту категорию и высшая судебная инстанция. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»<sup>1</sup> под таким вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями, посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновен-

---

<sup>1</sup> См.: СПС «КонсультантПлюс».

ность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.) или нарушающими его личные неимущественные либо имущественные права.

Описание морального вреда как страданий означает, что действия причинителя вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать негативную психическую реакцию. Это выражается в форме негативных ощущений (физические страдания) или эмоциональных переживаний (нравственные страдания). Переживания, в свою очередь, могут быть в виде страха, стыда, унижения или иного неблагоприятного в психологическом аспекте состояния<sup>1</sup>. Примером может служить вред, наносимый клеветой, когда порочат честь и достоинство гражданина либо подрывают его репутацию (ст. 128.1 УК РФ). Такой вред подлежит компенсации в гражданско-правовом порядке<sup>2</sup>.

Анализируя нематериальный вред, следует сказать, что его виды достаточно многообразны. Формулируя такие последствия в уголовно-правовой норме, законодатель иногда описывает фактически невообразимые его варианты. Так, при описании признаков возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства говорится о возможности унижения достоинства группы лиц (ст. 282 УК РФ). Мы не можем согласиться с буквальным толкованием этого положения и поддерживаем тех авторов, которые считают, что достоинство присуще только отдельной личности. Группа лиц таким качеством обладать не может<sup>3</sup>.

По своему содержанию понятие «преступный вред» нередко синонимизируется с понятиями «преступные последствия» и «результат преступления». В данном случае мы согласны с мнением А. П. Козлова о том, что результат (последствие) и вред выступают в качестве двух сторон одного

---

<sup>1</sup> См.: Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда // СПС «КонсультантПлюс». 2013.

<sup>2</sup> См.: Воробьев С. М. Социально-экономическая методика определения размера компенсации морального вреда потерпевшим от преступлений в России: постановка проблемы // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 14–17.

<sup>3</sup> См.: Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. М., 2015. С. 166.

явления – «преступного изменения объективного мира: одна сторона обращена к действию как производителю изменений, а вторая – к общественному отношению как «жертве» изменения»<sup>1</sup>. Из приведенного тезиса следует очевидный вывод, состоящий в том, что общественно опасные последствия, а значит, и вред как их выражение имеют значение только для конструирования объективной стороны состава преступления. Законодатель формализует вред только в тех пределах, которые, по его мнению, необходимы для признания деяния преступлением. Но это совсем не исключает существование вреда, направленного на прерывание или деформацию общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Таким образом, в рамках учения о составе преступления вред является связующим звеном между объективной стороной состава преступления и объектом преступления.

Однако в теории уголовного права имеет место неоднозначная позиция относительно вредоносности (наличия общественно опасных последствий) преступлений с формальными и усеченными составами, а также неоконченных преступлений. При раскрытии собственной позиции по данному вопросу отметим: еще С. Н. Таганцев считал, что любое преступление повреждает правоохраняемый интерес, другими словами, нельзя «себе представить какого-либо человеческого действия, которое бы не сопровождалось изменениями внешнего мира»<sup>2</sup>. Аналогичных взглядов придерживаются и представители современной доктрины уголовного права, мнения которых мы разделяем. Так, Г. П. Новоселов считает, что преступные последствия в их действительном смысле представляют собой «факт порождаемых преступлением изменений окружающего мира»<sup>3</sup>. Н. Ф. Кузнецова совершенно справедливо указывала на принципиальную невозможность существования безвредных преступлений<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Козлов А. П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 274.

<sup>2</sup> Таганцев С. Н. Указ. соч. С. 277.

<sup>3</sup> Новоселов Г. П. Без преступных последствий нет преступления // Рос. юстиция. 2001. № 3. С. 56.

<sup>4</sup> См.: Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 2007. С. 172.

Правильно полагает Ю. Е. Пудовочкин, что «нет преступлений, которые не влекли бы за собой негативных изменений в объекте охраны»<sup>1</sup>.

На наш взгляд, любое правонарушение, а тем более преступление, является общественно вредным. Преступное посягательство дезорганизует урегулированные правом общественные отношения, вносит в общество негативные изменения уже тем, что нарушает общественный порядок, совершается вразрез с нормами права, закрепляющими общественную дисциплину<sup>2</sup>.

Другими словами, если бы такие деяния были безвредными, то они не были бы общественно опасными и не признавались бы преступными. Социальный вред всегда влечет за собой неблагоприятные изменения в окружающей действительности и соответственно в объектах правовой охраны. Всегда есть негативные социальные последствия от совершения любого посягательства, независимо от того, является ли оно по своей конструкции материальным, формальным, усеченным или так называемым составом создания опасности<sup>3</sup>.

Последний достаточно редко упоминается в качестве самостоятельной классификационной единицы и, как правило, рассматривается либо как разновидность формального<sup>4</sup> либо материального<sup>5</sup> составов преступлений. В качестве аргумента отнесения «составов создания опасности» к материальным авторы указывают на то, что факт создания опасности и является самим по-

---

<sup>1</sup> Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления : учеб. пособие. М., 2009. С. 95.

<sup>2</sup> См.: Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962. С. 63–64.

<sup>3</sup> См.: Состав создания опасности (состав поставления в опасность) – это такой состав преступления, в котором момент окончания преступления связывается не с наступлением общественно опасных последствий и не с начальными действиями посягательства, а с моментом возникновения реальной опасности наступления общественно опасных последствий. См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков и др.; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2015. Т. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> См.: Новосельцев С. П. Преступления с формальным составом в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 1998. С. 49.

<sup>5</sup> См.: Полупан Г. Ю. Уголовная ответственность за создание опасности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9.

следствием преступления<sup>1</sup> либо что такие последствия возможны в будущем<sup>2</sup>. Позволим себе не согласиться с приведенными мнениями. Мы поддерживаем тех авторов, которые считают, что создание опасности является признаком общественно опасного деяния<sup>3</sup>, последствия которого находятся за рамками формального закрепления в статье УК РФ, поэтому в данном случае, на наш взгляд, правильнее говорить о подвиде формальных составов.

Как было сказано выше, вред является обязательным признаком любого преступления. Однако следует отличать последствия как конструктивный признак состава преступления, получивший юридическое отражение в уголовно-правовой норме, и последствия, находящиеся за пределами формализованной конструкции. В тех случаях, когда вред от преступления нормативно не отражен в диспозиции уголовно-правовой нормы (формальные и усеченные составы преступлений), это не означает, что его не существует в общественной практике. Законодатель использует конструкции таких составов преступлений, когда невозможно конкретно определить характер общественно опасных последствий либо когда существуют значительные трудности (в том числе процессуального характера) при таком определении. Нередко законодатель не включает вредные последствия в состав преступления, когда преступное деяние имеет высокую степень общественной опасности уже в момент совершения самого преступного посягательства (например, разбой, пиратство).

В формальных и усеченных составах преступлений социально-негативные изменения (опасный для социума вред) не принимаются во внимание при установлении основания уголовной ответственности. Разумеется, такие неблагоприятные последствия могут иметь и другое уголовно-правовое значение: для назначения наказания, для определения его размера, при учете

---

<sup>1</sup> См.: Полупан Г. Ю. Указ. соч. С. 91–92.

<sup>2</sup> См.: Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль. 2014. С. 229–230.

<sup>3</sup> См.: Михлин А. С. Последствия преступления. М., 1969. С. 31–32; Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под ред. А. В. Наумова. М., 2007. С. 773 и др.



в качествеотягчающего обстоятельства и т. п. Соответственно деление составов преступлений на материальные, формальные и усеченные связано только с содержанием объективной стороны, с определением лишь указанных в законе конкретных последствий и моментом окончания преступного посягательства.

Для наглядности приведем пример с незаконной куплей-продажей наркотических средств. Предположим, что продавец совершает преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, а покупатель – ч. 1 ст. 228 УК РФ. Оба состава являются формальными. По мнению законодателя, общественная опасность таких преступлений заключается уже в самом факте совершения деяния. Для установления преступности действий покупателя и продавца не имеет значения, с какой целью приобретались наркотики. Диспозициями соответствующих статей не предусматривается никаких последствий. Тем не менее это не исключает наличие социально опасного вреда, который находится за рамками объективной стороны. Вред в рассматриваемом случае причиняется объектам уголовно-правовой охраны: во-первых, общественной безопасности и общественному порядку (родовой объект); во-вторых, здоровью населения и общественной нравственности (видовой объект); в-третьих, общественным отношениям, складывающимся в связи с охраной здоровья населения, которые фактически являются результатом законно установленного порядка оборота наркотических средств (непосредственный объект). Вследствие этого в данном случае прерываются связи, сложившиеся по поводу соблюдения этого порядка, который определяется рядом нормативных актов, в первую очередь Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»<sup>1</sup>. Другими словами, реальный вред причиняется, но он находится за рамками конструкции ст. 228 и 228.1 УК РФ.

Вред также рассматривается и в усеченных составах преступлений. При их совершении он не имеет значения для квалификации. Однако это не

---

<sup>1</sup> См.: Российская газета. 1998. 15 янв.

исключает его объективного существования. Так, при совершении разбоя (ч. 1 ст. 162 УК РФ) вред в конечном счете выражается в прерывании общественных отношений, состоящих в недопущении действий, направленных на противоправное завладение чужим имуществом с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Следует отметить, что аналогичным образом определяется вред неоконченного преступления и деяния соучастника преступления. Предположим, что лицо решило совершить убийство своего родственника и для этого приискало исполнителя преступления. Однако виновные на данной стадии преступного деяния были задержаны. Вред в данном случае состоит в деформации социальных связей, сложившихся в обществе по поводу неприкосновенности жизни человека и недопустимости совершения приготовительных действий к убийству. Конечно, объем вреда (степень общественной опасности) в данном случае гораздо меньше, чем при покушении или оконченом преступлении. При приготовлении к преступлениям небольшой или средней тяжести вред причиняется настолько малый, что это фактически делает такие деяния малозначительными, исключаящими уголовно-правовые последствия. Вместе с тем приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлениям влечет за собой существенные негативные изменения в общественных отношениях. Именно по этой причине законодатель в таких ситуациях установил уголовную ответственность (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

Во всех приведенных случаях общественные отношения, которым причиняется вред, возникают и существуют не сами по себе, а имеют правовую основу. Центральными здесь являются положения ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, в соответствии с которыми граждане обязаны соблюдать как Основной Закон, так и другие законы, в том числе предписания материального права о запрете совершения определенных деяний.

Переходя к анализу вреда, не являющегося преступным («непреступный» – в широком смысле слова), отметим, что под ним следует понимать такой вред, который имеет внешнее сходство с преступлением (преступным

вредом), но не признающийся таковым в силу отсутствия общественной опасности и/или противоправности. Ввиду схожести классификация преступного вреда идентична формам проявления результата преступного деяния (материальный вред, нематериальный и т. д.).

Юридическая природа рассматриваемого вреда имеет дуалистичный характер. Исходя из совокупности социального и формального критериев, правильным, на наш взгляд, будет выделить два его вида – преступный вред в узком смысле и правомерный вред.

Преступный вред в узком понимании по социальному значению близок к преступному и считается общественно опасным. С формальной позиции такой вред не является разрешенным. Однако законодатель не признает соответствующие деяния и преступлениями.

В основе неправомерности такого вреда лежат определенные обстоятельства. Они, как правило, обусловлены следующими социально-психологическими факторами: 1) проявлением гуманизма – при совершении деяния лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности (ст. 20 УК РФ); 2) определенными интеллектуально-волевыми свойствами лица – состоянием невменяемости (ст. 21); 3) отсутствием вины – при невиновном причинении вреда (ст. 28); 4) наличием в деянии небольшой общественной опасности – приготовлением к преступлениям небольшой или средней тяжести (ч. 2 ст. 30); 5) стимулированием отказа от доведения преступления до конца и причинением более тяжких последствий – добровольный отказ от преступления (ст. 31)<sup>1</sup>.

Учитывая формальный критерий, такой вред не является преступным. В случае причинения вреда при указанных обстоятельствах принято говорить об исключении уголовной ответственности<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> В теории уголовного права выделяют и другие обстоятельства. См., напр.: Ендольцева А. Классификация обстоятельств, позволяющих не привлекать лицо к уголовной ответственности // Уголовное право. 2003. № 3. С. 24–25; Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. М., 2013. С. 495–521.

<sup>2</sup> См., напр.: Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб., 2003. С. 20; Орешкина Т. Ю. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния // Lex russica. 2015. № 3. С. 73–85; СПС «КонсультантПлюс».

Правомерный вред, в отличие от неправомерного в узком смысле слова, имеет позитивное значение. С позиции социального содержания его принято называть социально допустимым или общественно полезным<sup>1</sup>. Мы согласны с В. И. Михайловым в том, что в основе допустимости вреда находится представление социума о вынужденности таких действий<sup>2</sup>. Сущность же полезности составляет, по справедливому мнению В. Н. Кудрявцева, желательность для общества тех или иных действий в конкретной обстановке<sup>3</sup>. Исходя из этого критерия именно к правомерному вреду следует относить вред, причиняемый при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

О вреде в оперативно-разыскной науке упоминается редко. Один из немногих авторов, который причинение вреда правоохраняемым интересам называет обязательным объективным признаком оперативно-разыскной деятельности, является А. Ю. Шумилов<sup>4</sup>. Большинство же других ученых пишут об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-разыскных мероприятий<sup>5</sup>. Данное обстоятельство объясняется тем, что такая формулировка получила нормативное закрепление. В Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» оно употребляется шесть раз, пять из которых в ст. 9, которая называется «Основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-разыскных мероприятий». Вместе с тем это словосочетание по своей юридической природе является родственным с содержанием понятия вреда объектам уголовно-правовой охраны. В последнем случае вред практически всегда затрагивает права и свободы, предусмотренные

---

<sup>1</sup> См.: Дмитренко А. П. Институт обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 12.

<sup>2</sup> См.: Михайлов В. И. Отраслевая принадлежность норм главы 8 УК. С. 131–133.

<sup>3</sup> См.: Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 94.

<sup>4</sup> См.: Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации : монография : в 3 т. : Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. Т. 1 / А. Ю. Шумилов. М., 2013. С. 129.

<sup>5</sup> См., напр.: Захарцев С. И. Указ. соч. С. 30; Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-разыскных мероприятий : монография. СПб., 2016. С. 85–86.

Конституцией Российской Федерации. Кроме того, на внешнюю схожесть с преступлением в таких случаях указывает и Конституционный Суд Российской Федерации, который в своем определении отметил, что проведение ряда оперативно-разыскных мероприятий «может содержать объективные (формальные) признаки преступления»<sup>1</sup>.

Продолжая анализ уголовно-правового значения правомерного вреда, обратим внимание на некоторую парадоксальность ситуации. В одном словосочетании находят свое выражение два противоположных понятия. С одной стороны, имеет место полезное или допустимое для общества (правомерное) деяние, с другой – это деяние влечет за собой изменения в объективной действительности (вред) и имеет сходство с преступлением. На схожесть правомерного вреда с преступными деяниями неоднократно указывалось и в специальной литературе<sup>2</sup>. Подтверждением этому служит то, что каждая статья гл. 8 УК РФ начинается со слов «не является преступлением», то есть обращается внимание на отсутствие именно социально-негативного характера вреда. Следовательно, употребление в теории уголовного права формулировки «деяние, внешне схожее с преступлением» вполне применимо, по нашему мнению, к правомерному вреду.

Несмотря на то что исследуемая категория является необходимым элементом института обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в теории отечественного уголовного права непосредственно проблеме правомерного вреда посвящено ограниченное количество работ. Наиболее полно, на

---

<sup>1</sup> Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дворянкина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 8, статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 23 декабря 2014 г. № 2980-О // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> См., напр.: Келина С. Г. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Уголовное право. 1999. № 3. С. 4; Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 91; Орешкина Т. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Уголовное право. 2013. № 2. С. 23–28; СПС «КонсультантПлюс»; Блинников В. А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве России. М., 2014. С. 21.

наш взгляд, эти вопросы рассмотрены А. А. Арямовым<sup>1</sup> и В. И. Михайловым<sup>2</sup>. Последний исследует данный правовой феномен сквозь призму так называемых уголовных правоотношений вреда.

В то же время, если говорить об отраслевой принадлежности юридической категории правомерного вреда, следует обратить внимание на то, что данный вопрос исследовался в уголовном праве<sup>3</sup>. С формальной точки зрения такой вред и условия его причинения, должны быть предусмотрены уголовным законом. Как правило, речь идет о гл. 8 УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния либо о примечаниях к конкретным статьям Особенной части (например, примечание к ст. 151 УК РФ).

Однако факт уголовно-правовой принадлежности не является совершенно очевидным. Существует достаточно большая масса нормативных актов, не относящихся к уголовному законодательству, в которых идет речь о возможности причинения правомерного вреда. В связи с этим, говоря о юридическом закреплении такой дефиниции в зависимости от ее уголовно-правового значения, следует, на наш взгляд, различать три группы норм о правомерном вреде. Во-первых, это нормы, сочетающие в себе процессуальный и материальный характер. Во-вторых, нормы, конкретизирующие положения уголовного закона. В-третьих, это нормы, предусматривающие новые обстоятельства, исключающие преступность деяния по отношению к действующей законодательной системе.

Первая группа юридических установлений состоит в детальном описании определенного порядка совершения действий, фактически выражающихся в причинении вреда объектам уголовно-правовой охраны. Это, например, некоторые следственные действия и уголовно-процессуальные меры при-

---

<sup>1</sup> См.: Арямов А. А. Правомерное причинение вреда. Челябинск, 2004.

<sup>2</sup> См.: Михайлов В. И. Правомерный вред в уголовном законодательстве и правовой доктрине.

<sup>3</sup> См.: Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков, 1991. С. 31–113; Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. С. 97; Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 98–119; Дорогин Д. А. Указ. соч. С. 312–357 и др.

нуждения (обыск, выемка, заключение под стражу и др.), а также отдельные оперативно-разыскные мероприятия. К числу последних относятся: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации, а также оперативно-разыскные мероприятия, проведение которых связано с необходимостью проникновения в жилище. Отличительной чертой таких действий является то, что они, как правило, достаточно подробно регламентируются в соответствующих законах и чаще всего сопровождаются санкцией (согласием или разрешением) либо руководителя правоохранительного органа, либо суда.

По нашему мнению, такого рода нормы в своей основе фактически сочетают процессуальные и материальные начала, а значит, встает вопрос об их соотношении с уголовным правом. Несмотря на то что межотраслевым связям материального и процессуального права посвящались специальные исследования<sup>1</sup>, вопросы уголовно-правовой природы процессуальных норм, предусматривающих возможность причинения вреда, не получили достаточного научного обоснования<sup>2</sup>. Социальная полезность и допустимость предусмотренного в них поведения должностных лиц считается «не вызывающими сомнений». Именно такой ответ на вопрос о необходимости уголовно-правовой оценки прослушивания телефонных переговоров дали 46,2 % практических сотрудников правоохранительных и судебных. Еще 19,2 % – посчитали, что подобные нормы имеют исключительно процессуальный характер и предусмотренные в них действия не требуют уголовно-правовой оценки. Оставшиеся 34,6 % респондентов высказали мнение о необходимости оценивать рассматриваемое оперативно-разыскное мероприятие с пози-

---

<sup>1</sup> См. напр.: Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998; Васильченко А. А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

<sup>2</sup> О правомерном характере вреда, причиняемого мерами государственного принуждения, фрагментарно говорится в некоторых работах по теории права. См., напр.: Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов. М., 2002. С. 312–314.

ций гл. 8 УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (прил. 1).

Приведенные данные социологического исследования указывают на отсутствие единства взглядов по данному вопросу. Вместе с тем этот аспект проблемы является предметом исследований в немецком уголовном праве. Так, по мнению У. Хелльманна при расследовании уголовного дела правоохранительные органы, заключая обвиняемого под стражу, проникая в жилое помещение, применяя насилие при оказании сопротивления, нарушают правоохраняемые блага. В соответствии с немецким уголовным законодательством такие действия подпадают под соответствующие составы преступлений. Однако ввиду их нормативного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве они становятся дозволенными. В таких случаях «уголовно-процессуальные нормы являются уголовно-правовыми основаниями, исключающими преступность деяния»<sup>1</sup>. В другой работе У. Хелльманн подчеркивает, что основой допустимости таких мер будет их соразмерность с предотвращаемым вредом<sup>2</sup>. По нашему мнению, в целом с такой позицией следует согласиться.

Анализируя рассматриваемую группу норм, следует обратить внимание на то, что нельзя говорить о причинении вреда объектам уголовно-правовой охраны при использовании в целях конспирации, при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, документов, зашифровывающих личность лица, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств<sup>3</sup>. Данный вывод объясняется тем, что в большинстве случаев, когда совершаются подобные действия,

---

<sup>1</sup> Хелльманн У. Уголовно-процессуальные полномочия как уголовно-правовые основания исключения противоправности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (24–25 янв. 2013 г.). М., 2013. С. 404–406.

<sup>2</sup> Hellmann, Strafprozessrecht. Springer-Lehrbuch. 2006. С. 73–75. (Хельманн, Уголовно-процессуальное право).

<sup>3</sup> Подробнее о конспирации в оперативно-разыскной деятельности см.: Павличенко Н. В. Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории: препринт. М., 2008; Гордиенко В. В., Лобзов К. М. Конспирация и конспиративность в оперативно-разыскной деятельности (теоретико-методологический анализ) // Оперативник (сыщик). 2012. № 2. С. 6–11.



они имеют схожесть с объективной стороной составов преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ с бланкетными диспозициями. Это, например, незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1); незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2) и др. Соответственно общественная опасность этих преступлений напрямую зависит от наличия или отсутствия установленного порядка выдачи и использования соответствующих предметов. Законность же таких деяний предусматривается п. 4 ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Вторая группа в нашей классификации – это конкретизирующие нормы. Они представляют собой фактически комментарий уголовных правонарушений. В них более подробно описывают частные случаи уже существующих обстоятельств, исключающих преступность деяния. Однако здесь имеет место не конкуренция с уголовно-правовыми нормами, а их дополнение<sup>1</sup>. Как пишет С. В. Пархоменко, в других отраслях законодательства регламентируются не отдельные обстоятельства, исключающие преступность деяния, а «различные аспекты их проявления»<sup>2</sup>. Ничего нового (в уголовно-правовом смысле), как правило, они не несут и не регулируют уголовно-правовых отношений. В случае противоречия со статьями гл. 8 УК РФ применению, ввиду предмета правового регулирования, подлежат нормы уголовного законодательства<sup>3</sup>.

Их основная роль (предназначение) состоит в конкретизации и детализации действий специальных субъектов в определенной обстановке. В организационном плане они влекут за собой повышение внимания, формирование чувства ответственности лиц, их использующих, создание впечатления повышенной правовой защищенности, а в конечном итоге стиму-

---

<sup>1</sup> См.: Цуканов Н. Н. О соотношении норм Закона «О полиции» и УК РФ в регулировании права сотрудника полиции применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 68–71.

<sup>2</sup> Пархоменко С. В. Указ. раб. С. 105.

<sup>3</sup> См.: Шкабин Г. С. Правомерное причинение вреда сотрудниками полиции: законодательные и прикладные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 3. С. 50–53.

лирование и повышение эффективности соответствующего вида деятельности. Для адресатов, которым может быть причинен указанный в нормах-комментариях вред, они имеют общепредупредительное значение. К таким нормам относятся, например, положения раздела V Закона РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»<sup>1</sup>; главы 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»<sup>2</sup>; ст. 22 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»<sup>3</sup> о правомерном причинении вреда; главы 3 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»<sup>4</sup> о применении физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники и т. д.

Достаточно большое количество описанных законов приводит к тому, что в теории высказываются мнения, указывающие на несоответствие норм о правомерном вреде объектам уголовно-правовой охраны предмету соответствующей отрасли. Как следствие, делаются предложения о выделении из числа уголовно-правовых категорий норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, и отнесении их к другим отраслям законодательства. Так, В. Н. Козак считал, что институт крайней необходимости не относится к числу уголовно-правовых, а является частью государственного права<sup>5</sup>. Н. Д. Дурманов, полагал, что обстоятельства, исключающие противоправность «необязательно должны относиться к уголовному праву, так как последнее трактует о преступлениях и наказаниях, здесь же речь идет об одном из правомерных действий»<sup>6</sup>. Отдельные ученые считают неправильным включение в гл. 8 УК РФ всех обстоятельств, исключающих преступность

---

<sup>1</sup> См.: Российская газета. 1992. 30 апр.

<sup>2</sup> См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

<sup>3</sup> См.: Российская газета. 2006. 10 марта.

<sup>4</sup> См.: Там же. 2016. 6 июля.

<sup>5</sup> См.: Козак В. Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. С. 60–61.

<sup>6</sup> См.: Дурманов Н. Д. Указ. соч. С. 206.

деяния, так как «в этом случае возникнет обременительная и не оправданная во всех отношениях необходимость процессуальной проверки каждой, даже самой заведомо правомерной ситуации, связанной с данными обстоятельствами»<sup>1</sup>. В. И. Михайлов рассматривает в качестве равнозначных ситуации причинения правомерного вреда, предусмотренные в гл. 8 УК РФ и в иных нормативных актах Российской Федерации<sup>2</sup>.

Оппонируя указанным выше авторам, отметим, что, на наш взгляд, отраслевую принадлежность в данном случае следует определять исходя из объекта причинения вреда, а следовательно, и предмета правового регулирования. Если вред причиняется объектам уголовно-правовой охраны, то, очевидно, логичным является то, что и исключение преступности таких деяний должно определяться также Уголовным кодексом РФ. Аналогичную позицию занимают и другие исследователи проблемы<sup>3</sup>.

Третья группа норм других отраслей законодательства фактически вторгается в сферу действия уголовного права путем его дополнения собственными положениями о правомерном вреде. Таким образом, возникает конкуренция норм разных отраслей. К числу таких примеров можно отнести ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» о правомерном вреде при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, ч. 3 ст. 7 и ч. 2 ст. 8 Федерального закона «О противодействии терроризму» о возможности уничтожения воздушного судна и плавательного средства при пресечении террористического акта и др.

---

<sup>1</sup> Савинский А. В. О перечне обстоятельств, исключающих преступность деяния // Рос. юстиция. 2014. № 5. С. 57–59; СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> См.: Михайлов В. И. Защита интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и иных угроз: проблемы правоприменения // Журн. рос. права. 2015. № 2. С. 91–101.

<sup>3</sup> См. напр.: Ткаченко В. Принуждение к повиновению и выполнение профессиональной обязанности // Сов. юстиция. 1990. № 3. С. 28; Милуков С. Ф., Побегайло Э. Ф. Актуальные проблемы применения оружия сотрудниками правоохранительных органов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 11. С. 39–54; Пархоменко С. В. Юридическая характеристика нормативной основы деяний, преступность которых исключается // Сиб. юрид. вестн. 2013. № 1. С. 74–81.

На наш взгляд, подобного рода коллизии должны решаться в пользу материального права. О приоритете уголовного законодательства в этом вопросе можно сделать заключение и исходя из системного толкования постановления Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»<sup>1</sup>. В нем подтверждается конституционность приоритета норм Уголовно-процессуального кодекса РФ над нормами конкурирующих с ним иных федеральных законов и подзаконных актов. Этот приоритет предусмотрен в ч. 1, 2 ст. 7 УПК РФ. В основу данного решения положен в том числе и предмет правового регулирования, который является критерием построения российского законодательства (п. «о» ст. 71, ч. 1 ст. 76 Конституции РФ). Суд приходит к логическому выводу о том, что в отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы применяется правило, в соответствии с которым «независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений». Конституционный Суд РФ и в других своих решениях обращает внимание на необходимость учета особенностей предмета правового регулирования законов при их коллизии с другими нормативными актами<sup>2</sup>. Несмотря на то что в приведенных случаях речь непосредственно не идет об уголовном законе, эти общие правила распространяется на все отрасли права, в том числе и уголовное.

---

<sup>1</sup> См.: Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 4.

<sup>2</sup> См., напр.: По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В. М. Гурджиянца, В. Н. Синцова, В. Н. Бугрова и А. К. Никитина : постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 г. № 8-П // СПС «КонсультантПлюс»; По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Л. Верещака, В. М. Гладкова, И. В. Гольшева и К. П. Данилова : постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2003 г. № 1-П // СПС «КонсультантПлюс»; По жалобе граждан С. В. Бородина, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О // СПС «КонсультантПлюс».

Предложенный вывод подтверждается и юридической практикой. Так, согласно ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам. Подобные вредоносные действия возможны со стороны должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лица, оказывающего ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении последним своего служебного или общественного долга. По своей сути данная норма представляет собой обстоятельство, исключающее преступность деяния при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, которое не нашло отражения в уголовном законе<sup>1</sup>.

Однако по результатам проведенного нами экспертного опроса (прил. 1) только 9,8 % респондентов дали положительный ответ на вопрос о возможности использования указанной нормы при правовой оценке действий лица, осуществляющего оперативное внедрение и умышленно причинившее вред объекту уголовно-правовой охраны. Большинство же (90,2 %) посчитали, что такое деяние следует оценивать с учетом положений главы 8 УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Видимо, практические сотрудники воспринимают рассматриваемую норму как правовую декларацию, как формальность, то есть законодательную дефиницию, не имеющую рационального прагматического содержания.

Анализ правоприменительной практики также показал, что это положение почти не применяется. Нам удалось обнаружить лишь один случай использования этой нормы (прил. 2). В принципе его можно было бы не упоминать и списать на погрешность ввиду несоответствия принципу репре-

---

<sup>1</sup> См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / отв. ред. А. Ю. Шумилов. М., 1997. С. 153; Вагин О. А., Исиченко А. П., Четчин А. Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). М., 2009 // СПС «КонсультантПлюс».

зентативности исследования. Но субъект, применивший ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», заставляет обратить внимание на этот факт.

23 августа 2011 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ вынесла кассационное определение на приговор Челябинского областного суда, по которому был осужден Лаврентьев за получение взятки в крупном размере (п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ). При выявлении данного преступления проводилось оперативно-розыскное мероприятие – оперативное внедрение. Внедренным лицом являлся сотрудник милиции Л., представлявший организацию, от которой Лаврентьев пытался получить взятку. В ходе проведения оперативного внедрения Л., по поручению Лаврентьева, вносил ложные сведения в договоры, подписывал фиктивные заявки на участие в открытых конкурсах от имени компании. Представители защиты поставили перед судом вопрос о правовой оценке незаконных действий внедренного лица. На это Судебная коллегия в своем определении ответила, что «Л. при проведении оперативно-розыскного мероприятия выполнял указания и рекомендации Лаврентьева, в том числе по составлению необходимых документов задним числом. Данные действия допустимы частью 4 статьи 16 Закона "Об оперативно-розыскной деятельности"»<sup>1</sup>. Иными словами, была признана законность поведения внедренного лица, причинившего вред правоохраняемым интересам.

De facto здесь имеет место аналогия закона, формально недопустимая в уголовном праве. Суд при возникновении уголовно-правовых отношений ввиду отсутствия в уголовном законодательстве соответствующей правовой конструкции применил норму другой отрасли права. Однако возникает совершенно справедливый вопрос: а насколько верно законодателем определена отраслевая принадлежность этой статьи? На наш взгляд, содержание ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», исходя

---

<sup>1</sup> Кассационное определение Верховного Суда РФ от 23 августа 2011 г. № 48-О11-81. URL : <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 25.07.2015).

из предмета регулирования, носит уголовно-правовой характер. Следовательно, имеет место своего рода коллизия, при которой возникшие отношения причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны не урегулированы материальным законом, а существующая норма в другом законе, носящая уголовно-правовой характер, не применяется ввиду иной отраслевой принадлежности.

Выход из сложившейся ситуации можно было бы найти в применении к рассматриваемым случаям ст. 39 УК РФ о крайней необходимости<sup>1</sup>. Такое предложение высказывается и некоторыми авторами как в науке уголовного права<sup>2</sup>, так и в оперативно-разыскной теории<sup>3</sup>. Однако судебная практика в абсолютном большинстве случаев этого не признает. Кроме того, следует согласиться с теми учеными, которые полагают, что условия крайней необходимости не в полной мере соответствуют обстоятельствам причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Более подробно проблемы применения ст. 39 УК РФ о крайней необходимости рассматривались нами ранее. См.: Шкабин Г. С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве. М., 2006.

<sup>2</sup> См., напр.: Орешкина Т. Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера // Уголовное право. 2016. № 4. С. 66–76.

<sup>3</sup> См., напр.: Фирсов О. В. Правовые основы оперативно-разыскных мероприятий. М., 2016. С. 89; Теория оперативно-разыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. С. 80.

<sup>4</sup> См., напр.: Петровский А. В. Оперативно-разыскная деятельность и обстоятельства, исключающие преступность деяния // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне : сб. науч. тр. М.; Ставрополь, 2007. С. 212–214; Лапшин В. Ф. Совершение уголовно наказуемого деяния лицом, внедренным в преступную группу: проблемы регламентации и квалификации // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы регион. круглого стола (Рязань, 9 апр. 2015 г.) / под ред. Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. С. 39; Бохан А. П. Уголовное законодательство и оперативное внедрение // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. С. 32; Дмитренко А. П., Русскевич Е. А. Социально-правовая обусловленность регламентации правомерного причинения вреда при проведении оперативного внедрения // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Рязань, 2016. С. 52–53.

Основным отграничивающим критерием является наличие опасности<sup>1</sup>. Действительно, в отличие от крайней необходимости, при осуществлении оперативно-разыскной деятельности достаточно часто опасность имеет вероятностный характер. Ее наличие и реальность точно еще не установлены. На тот момент, когда уже планируется возможность причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий, сама опасность имеет абстрактный характер и, как правильно пишет В. И. Михайлов, непосредственно еще не проявилась<sup>2</sup>. Обычно в таких ситуациях нет достаточных доказательств преступной деятельности группы, не установлены все участники, нет сведений о планируемых посягательствах и т. п. Сотрудники правоохранительных органов реализуют положения ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», как правило, в отношении предполагаемых преступных деяний или лиц, их совершающих. Иначе если бы факты совершения преступления или причастности к нему лица, в отношении которого проводится оперативное внедрение, были уже установлены, то следовало бы такое преступление пресечь, а лицо задержать и привлечь к уголовной ответственности. На данное обстоятельство указывается и в подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», согласно которому проведение оперативно-разыскных мероприятий возможно, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В случае же, когда такая деятельность осуществляется в отношении совершенного преступного деяния или лица, его совершившего, опасность и вовсе уже миновала и говорить о крайней необходимости еще более проблематично.

Помимо сложностей с установлением наличия опасности, весьма затруднительно однозначно сделать вывод и по некоторым другим призна-

---

<sup>1</sup> См.: Дмитренко А. П. Проблемы законодательной регламентации совершения преступления при оперативном внедрении как обстоятельства, исключающего преступность деяния // Современное уголовное законодательство России и вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. ст. по итогам науч.-практ. семинара в Московском университете МВД России, посвященного 10-летию принятия УК РФ. М., 2007. С. 82.

<sup>2</sup> См.: Михайлов В. И. Развитие уголовного законодательства и некоторые вопросы оперативно-разыскной деятельности спецслужб государств – участников СНГ // Вестн. Межпарламент. ассамблеи. 1995. № 4. С. 69.



кам крайней необходимости. Так, прав В. В. Уханов, обращая внимание на то, что в рассматриваемых нами случаях «нелегко соотнести величину причиненного и предотвращенного вреда», а также «обосновать невозможность решения оперативно-разыскных задач способом, не связанным с причинением вреда охраняемым уголовным законом интересам»<sup>1</sup>. Таким образом, содержание ст. 39 УК РФ хотя и имеет некоторую схожесть с ситуациями причинения вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, но все же не может в полном объеме регулировать все многообразие существующих вариантов таких действий.

Решение данной проблемы, на наш взгляд, видится в замене существующего положения ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» указанием на то, что должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, а также лицо, оказывающее ему содействие, имеют право на причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны в случаях, предусмотренных статьями главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (прил. 3). При этом УК РФ следует дополнить ст. 39.1 УК РФ с предположительным названием «Причинение вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия»<sup>2</sup>. Такое расположение нормы *de lege ferenda* обусловлено тем, что причинение вреда правоохраняемым объектам в подобных случаях имеет определенное сходство с положениями о крайней необходимости. Новая норма фактически происходит из института крайней необходимости, то есть по мере «вызревания» она «отпочковывается» в самостоятельную правовую единицу<sup>3</sup>.

К сожалению, пример с «обстоятельством, исключаящим преступность деяния в оперативно-разыском законодательстве», далеко не един-

---

<sup>1</sup> Уханов В. В. Освобождение от уголовной ответственности и исключение ее в отношении лиц, внедренных в организованные преступные группы: взгляд через положения оперативно-разыскной науки // *Оперативник (сыщик)*. 2014. № 4. С. 40.

<sup>2</sup> Ее содержание мы будем рассматривать в пятой главе диссертации.

<sup>3</sup> См.: Михайлов В. И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключаящих преступность деяния // *Гос-во и право*. 1995. № 12. С. 66.

ственный. Аналогичные по правовой природе положения содержатся и в других нормативных актах<sup>1</sup>.

Сложившаяся в законодательстве ситуация по данному вопросу указывает на существование негативной тенденции. Она связана с дестабилизацией системы построения отрасли уголовного права, что выражается в появлении норм, имеющих уголовно-правовой характер в других отраслях права.

Подводя итоги исследования правовой природы и видов вреда, предпримем попытки уголовно-правового прогноза разрешения проблемы<sup>2</sup>. Нам видятся три варианта дальнейшего развития нормативно-правового регулирования правомерного причинения вреда.

Первый. Размывание основ кодифицированного построения уголовного права будет продолжаться и дальше. В законах иной отраслевой принадлежности будут и в последующем появляться «свои» обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, по примеру Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» или Федерального закона «О противодействии терроризму». В итоге это станет шагом к формированию отраслевого (дополнительного) уголовного права по примеру Германии, где уголовно-правовые нормы, помимо УК ФРГ, содержатся еще более чем в 400 законах<sup>3</sup>. Однако стоит сказать, что сегодня в этой стране идут совершенно противоположные процессы<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Орешкина Т. Ю. Соотношение ряда положений Федерального закона «О противодействии терроризму» и некоторых других федеральных законов с нормами Уголовного кодекса об обстоятельствах, исключаяющих преступность деяния // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 200–204 и др.

<sup>2</sup> Уголовно-правовое прогнозирование – это научно обоснованный анализ перспектив развития уголовного права с целью получения информации о направлениях, путях и средствах его совершенствования. См.: Клейменов М. П. Уголовно-правовое прогнозирование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 9.

<sup>3</sup> См.: Шулепова Л. Ф. Дополнительное уголовное право Федеративной Республики Германии: понятие, система, источники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11; Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть = Strafrecht. Allgemeiner Teil : пер. с нем. 5-е изд. М., 2013. С. 13 и др.

<sup>4</sup> См.: Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 348; Хелльманн У. Критический анализ современного уголовного законодательства ФРГ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 янв. 2011 г.). М., 2011. С. 579.

Второй вариант. Не исключено существование симбиоза уголовно-правовых и специально-отраслевых видов правомерного причинения вреда. Так, в Уголовном кодексе будут закреплены их общие виды (по типу исполнения закона или выполнения профессиональных функций), которые не будут иметь самостоятельного значения. Специальные же виды, в зависимости от субъекта или сферы применения, получают закрепление в иных нормативных актах.

Третий. Принцип системности права будет соблюден, и все новые законы, предусматривающие возможность причинения правомерного вреда объектам уголовно-правовой охраны, согласно ч. 1 ст. 1 УК РФ, будут включены в Уголовный кодекс.

Считаем, что вполне возможен каждый из вариантов. Однако последний сценарий, на наш взгляд, соответствует не только требованиям законодательства и традициям уголовного права, но и потребностям правоохранительной практики в рассматриваемой сфере, что подтверждают и приведенные выше результаты нашего исследования.

Вместе с тем, отстаивая идею уголовно-правовой природы правомерного вреда охраняемым уголовным законом интересам, считаем необходимым обратить внимание на то, что возникающие при его причинении отношения указывают на некоторую особенность и обособленность соответствующих норм<sup>1</sup>. Данное обстоятельство позволяет прийти к логическому заключению, состоящему в следующем. В будущем, в рамках развития третьего из предложенных нами вариантов, институт обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ) и других норм о правомерном причинении вреда, возможно, трансформируется в подотрасль уголовного права<sup>2</sup>, выраженную в

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Михайлов В. И. Правомерный вред в уголовном законодательстве и правовой доктрине; Его же. Отраслевая принадлежность норм главы 8 УК. С. 123–140.

<sup>2</sup> В целом подотрасль права можно определить как общность группы правовых институтов отрасли права, направленной на регулирование определенного круга однородных общественных отношений. См. подробнее: Шаповалов А. А. Отрасль современного российского права: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011. С. 8.

самостоятельном разделе или части Уголовного кодекса либо даже Кодексе о правомерном вреде.

В ходе анализа нормативного регулирования причинения вреда возникает закономерный вопрос: как, с точки зрения права, необходимо оценивать общественно полезные (социально допустимые) деяния, причиняющие вред объектам уголовной охраны, если их правомерность не предусмотрена уголовным законодательством? Отвечая на него, отметим, что, к сожалению, современное отечественное уголовное законодательство не предусматривает понятие обстоятельства, исключающего преступность деяния. Существование такой общей нормы позволило бы решить подобные ситуации, которые, несомненно, еще будут возникать в дальнейшем. В ее отсутствие, на наш взгляд, логичным выходом является применение по аналогии уголовно-правовой нормы об одном из закрепленных обстоятельств, исключающих преступность деяния, имеющего наибольшее сходство.

Несмотря на существующий запрет применения аналогии в ч. 2 ст. 3 УК РФ, такое решение проблемы является «меньшим злом» по сравнению с отсутствием правового регулирования данного вопроса. Аналогия в нашем случае выступает в качестве механизма воспроизведения в последующем из института обстоятельств, исключающих преступность деяния, новых норм о правомерных деяниях и находится в основе репродуктивной функции уголовного права<sup>1</sup>.

Положение о недопустимости применения уголовного закона по аналогии<sup>2</sup> в науке уголовного права и в учебном процессе является табуированным. Иными словами, это строго и однозначно запрещенный процесс и результат в виде нарушения принципа законности (ч. 2 ст. 3 УК РФ).

На самом деле все не так, по крайней мере, по двум обстоятельствам общеправового порядка. Первое заключается в том, что в жизни людей до-

---

<sup>1</sup> См.: Шкабин Г. С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. С. 9, 43–62.

<sup>2</sup> Об аналогии в уголовном праве см. также: Кругликов Л. Л. Аналогия в уголовном праве: миф или реальность? // Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права : избр. ст. 2000–2009 гг. Ярославль, 2010. С. 176–186.

статочно часто возникают социальные факторы, определяющие существование негативного явления, состоящего в причинении вреда. При этом правовое регулирование таких ситуаций отсутствует, однако оно, безусловно, требуется.

Второе обстоятельство состоит в том, что существует скрытое использование аналогии на правотворческом уровне. Такие правоустановления содержатся в нормах как Общей, так и Особенной части УК РФ. Например, уголовная ответственность за незаконный оборот аналогов наркотических средств, психотропных веществ (ст. 228, 228.1 УК РФ и др.) или фактическое применение аналогии при оценке физического или психического принуждения по правилам о крайней необходимости (ч. 2 ст. 40 УК РФ). Кроме того, использование аналогии встречается и в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации<sup>1</sup>, и в судебной практике по уголовным делам<sup>2</sup>.

Так, до момента вступления в действие УК РФ 1996 года российское законодательство знало только два обстоятельства, исключающих преступность деяния, – необходимую оборону и крайнюю необходимость. Однако это не означало, что действия субъектов правоотношений по причинению вреда охраняемым законом интересам, носившие социально полезный характер, совершались только в рамках этих обстоятельств.

В уголовном праве отсутствовали нормы, предусматривающие исключение ответственности за какие-либо общественно полезные поступки, связанные с причинением вреда и не являющиеся ни необходимой обороной, ни крайней необходимостью. Правоприменитель был поставлен в такое положение, когда необходимо было дать оценку юридическому факту, а правовых норм для такой оценки не существовало. Выход из этой ситуации был найден в применении аналогии законов в отношении норм о необходимой обороне и крайней необходимости.

---

<sup>1</sup> См.: Бриллиантов А. В., Яни П. С. Применение норм о соучастии: аналогия или толкование? // Законность. 2013. № 6. С. 31–36.

<sup>2</sup> См.: Каплунов В., Широков В. Уголовно-правовая охрана детства // Законность. 2007. № 8. С. 46–48.

Примеров аналогий обстоятельств, исключających преступность деяния, в правоприменительной практике было множество. Так, например, очевидна фактическая аналогия закона в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств», согласно которому причинение вреда преступнику при его задержании следует рассматривать как совершенное в состоянии необходимой обороны<sup>1</sup>.

В теории уголовного права советского периода уже тогда сложилось мнение, что причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, является самостоятельным институтом уголовного права. Однако, поскольку иное не было предусмотрено законодателем, подобные действия предлагалось рассматривать по правилам о необходимой обороне<sup>2</sup>.

Проведенный нами по данной проблеме опрос профессорско-преподавательского состава юридических вузов (прил. 1) показал, что только 36,7 % респондентов посчитали запрет на применение аналогии незыблемым правилом, нарушать которое ни при каких условиях нельзя. Большинство же (63,3 %) рассматривают возможным в той или иной форме применение аналогии уголовного закона. Из них 51,8 % указали на это как на свершившийся факт. Запрет, предусмотренный ч. 2 ст. 3 УК РФ, фактически не соблюдается, и аналогию в принципе следует признать допустимой. На возможность применения аналогии только норм Общей части УК РФ указали еще 11,5 % опрошенных.

В целом наша позиция совпадает с мнением большинства респондентов. Мы считаем, что применение аналогии уголовно-правовых норм при правовой оценке правомерного вреда интересам, охраняемым уголовным за-

---

<sup>1</sup> См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984, № 5.

<sup>2</sup> См., напр.: Курляндский В. И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965. С. 5–55; Козак В. Н. О расширении уголовно-правовых гарантий участия граждан в укреплении правопорядка в свете новой Конституции СССР // Вопросы развития и защиты прав граждан и социалистических организаций. Калинин, 1978. С. 143–144 и др.

коном, на наш взгляд, является вполне допустимым. Это будет наиболее рациональным механизмом устранения пробельности уголовного права в этой сфере.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы<sup>1</sup>:

1. Под вредом в уголовном праве следует понимать возникшие вследствие совершения деяния такие изменения объективной действительности, которые выражаются в прерывании (разрушении) или деформации социальных связей (общественных отношений), охраняемых уголовным законом. Уголовно-правовое значение вреда зависит от его социального содержания, выраженного в интересах общества, которые, в свою очередь, формализованы в уголовном законе.

2. В зависимости от материального и формального критериев вред в уголовном праве подразделяется на две категории: преступный и не являющийся преступным. Последний, по тому же основанию, может быть не преступным в узком смысле слова и правомерным.

3. Вред характерен для любого преступного деяния, независимо от упоминания о нем в уголовно-правовой норме, стадии совершения преступления или поведения любого из соучастников. В составе преступления вред является связующим звеном между общественно опасным деянием и объектом преступления.

4. Непреступный вред в узком смысле является общественно опасным, но ввиду наличия определенных обстоятельств, предусмотренных в УК РФ, не считается преступлением.

5. Правомерный вред по социальному содержанию имеет позитивный характер и является общественно полезным или допустимым. С формальной точки зрения такой вред является правомерным ввиду специального указания об этом в уголовном законе. Именно к правомерному относится вред, причиняемый в результате осуществления оперативно-разыскной деятельности.

---

<sup>1</sup> См.: Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex russica. 2016. № 8. С. 62–80.

б. В случае совершения деяния, причинившего вред объекту уголовно-правовой охраны, при отсутствии в уголовном законодательстве соответствующей нормы правоприменителю следует применить предусмотренное УК РФ обстоятельство, исключающее преступность деяния, имеющее наибольшее сходство с совершенным деянием.

## **§ 2. Классификация оперативно-разыскных мероприятий, при проведении которых причиняется вред объектам уголовно-правовой охраны**

В переводе с латинского слово классификация означает систематическое деление и упорядочение понятий и предметов<sup>1</sup>, распределение явлений по классам, отделам, разрядам в зависимости от их общих признаков<sup>2</sup>. Под этим термином также следует понимать и процесс ее построения, и саму классификацию, и процедуру использования классификации<sup>3</sup>. Научно обоснованная классификация различных явлений и предметов ведет к получению новых знаний, являющихся более глубокими по сравнению с прежними<sup>4</sup>. Действительно, социальные явления гораздо легче исследовать, когда они дифференцированы и систематизированы.

Уголовное право интересуют все деяния, которые причиняют существенный вред охраняемым законом интересам либо создают угрозу его причинения. Формы такого поведения предусмотрены и в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». К ним следует отнести оперативно-

---

<sup>1</sup> См.: Философский словарь : пер. с нем. / под ред. Г. Шишкоффа ; общ. ред. В. А. Малинина. М., 2003. С. 210.

<sup>2</sup> См.: Философский словарь / под. ред. И. Т. Фролова. М. 2001. С. 427.

<sup>3</sup> См.: Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1996. С. 6.

<sup>4</sup> См.: Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 19.



разыскные мероприятия. Их проведение, в определенных случаях, может иметь внешнее сходство с составами конкретных преступлений, а также причинять правомерный вред объектам уголовно-правовой охраны. Причем вред может быть причинен как тем, в отношении кого они проводятся, так и третьим лицам. Под третьими лицами в данном случае следует понимать тех, кто не имеет непосредственного отношения к лицу, в отношении которого проводится мероприятие. Например, при наблюдении может быть нарушена личная тайна не только тех, кто представляет оперативный интерес, но и лица, находящегося от них в непосредственной близости; при прослушивании телефонных переговоров соответствующая тайна нарушается как того абонента, в отношении которого проводится мероприятие, так и того, кто с ним говорит.

Понятие оперативно-разыскного мероприятия законодательно не определено. Однако оно неоднократно становилось предметом исследований в оперативно-разыскной науке<sup>1</sup>. Ввиду иных целей нашего исследования мы не будем дискутировать на эту тему, но отметим, что отсутствие нормативного определения как оперативно-разыскных мероприятий в целом, так и его видов является очевидным недостатком законодательной техники, который создает существенные сложности в правоприменительной деятельности. В настоящей работе мы будем использовать некоторые определения, которые предусмотрены в Модельном законе СНГ об оперативно-розыскной деятельности, который был принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ<sup>2</sup> (далее – Модельный закон). Согласно этому источнику оперативно-разыскные мероприятия – это установленная национальным законом

---

<sup>1</sup> См., напр.: Чечетин А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура. Барнаул, 2004; Омелин В. Н. Понятие оперативно-розыскных мероприятий // Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики : материалы науч.-практ. семинара. М., 2005. С. 18–23; Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность: вопросы и ответы : в 2 кн. Кн. 2: Оперативно-розыскные мероприятия и меры. М., 2010.

<sup>2</sup> См.: Модельный закон СНГ об оперативно-розыскной деятельности (новая редакция): принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ : постановление от 16 ноября 2006 г. № 27-6. URL : <http://docs.cntd.ru> (дата обращения: 17.05.2017).

система мер, осуществляемых гласно и негласно уполномоченными государственными органами в целях решения задач оперативно-разыскной деятельности.

Исчерпывающий перечень оперативно-разыскных мероприятий дан в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности». К ним относятся следующие:

1. Опрос.
2. Наведение справок.
3. Сбор образцов для сравнительного исследования.
4. Проверочная закупка.
5. Исследование предметов и документов.
6. Наблюдение.
7. Отождествление личности.
8. Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.
9. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений.
10. Прослушивание телефонных переговоров.
11. Снятие информации с технических каналов связи.
12. Оперативное внедрение.
13. Контролируемая поставка.
14. Оперативный эксперимент.
15. Получение компьютерной информации.

В публикациях, посвященных проблемам сыска, обоснованно утверждается, что, несмотря на формально исчерпывающий перечень перечисленных мероприятий, в оперативно-разыскной деятельности встречаются и такие действия, которые не предусмотрены Законом. Это, например, сыскное наблюдение с проникновением в жилище, сбор образцов голоса человека<sup>1</sup>, покупка информации о преступлении или лице, его подготавливающем, со-

---

<sup>1</sup> См.: Оперативно-разыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2001. С. 305.

вершающем или совершившем, засада<sup>1</sup>, использование экстраординарных психофизиологических возможностей человека, оперативные переговоры<sup>2</sup> и др. Однако здесь и далее мы будем вести речь о тех действиях, которые предусмотрены ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», поскольку только в этом случае могут возникать правоотношения, являющиеся объектом нашего исследования.

Вопросы классификации оперативно-разыскных мероприятий на протяжении длительного времени привлекают к себе внимание ученых – представителей оперативно-разыскной науки. Она становилась предметом исследований многих авторов<sup>3</sup>. В большинстве из них критерии классификации имели оперативно-разыскной характер. Систематизация же с точки зрения уголовной правомерности практически не проводилась. Однако некоторые основания дифференциации рассматриваемых деяний представляют интерес и для нашего исследования.

Так, А. Ю. Шумилов в своих ранних работах разделял оперативно-разыскные мероприятия на «обычные» и «острые»<sup>4</sup>. По мнению автора, они отличались тем, что проведение первых не предполагало ограничение прав человека, а вторые – их ограничивали. В дальнейшем ученый отказался от такого вывода и в одном из последних исследований указывает на то, что все оперативно-разыскные мероприятия могут причинять вред законным правам и интересам<sup>5</sup>.

Следует обратить внимание на монографию А. Е. Чечетина «Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий».

---

<sup>1</sup> См.: Захарцев С. И. Указ. соч. С. 5.

<sup>2</sup> См.: Аتماжитов В. М., Бобров В. Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности. М., 2003. С. 14–18.

<sup>3</sup> См., напр.: Захарцев С. М. Указ. соч. С. 22–32; Фирсов О. В. Указ. соч. С. 19–24; Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. С. 81–92.

<sup>4</sup> См., напр.: Шумилов А. Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий : учеб. пособие. М., 1999. С. 9–10.

<sup>5</sup> См.: Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации : монография : в 3 т. Т. 1: Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. С. 129.

В ней одним из оснований деления оперативно-разыскных мероприятий на группы выделяется «характер и глубина ограничения конституционных прав»<sup>1</sup>. Автор анализирует их в том числе и с точки зрения их вредоносности для конституционных прав. При этом упоминаний о возникновении уголовно-правовых отношений не делается.

Выделение в качестве критерия классификации ограничение конституционных прав, на наш взгляд, не может в полной мере соответствовать уголовно-правовой характеристике оперативно-разыскных мероприятий. Это объясняется прежде всего тем, что степень ограничения таких прав влияет на определение той отрасли права, которая охраняет конкретные общественные отношения. Наглядным примером является предусмотренное Конституцией РФ право собственности (ст. 35). Оно охраняется нормами и уголовного, и административного законодательства. Разница состоит в размере причиненного ущерба [например, ч. 1 ст. 158 УК РФ (кража) и ч. 1 ст. 7.27 КОАП РФ (мелкое хищение)]. Таким образом, понятие «ограничение конституционных прав граждан» – более широкое, чем понятие «вред объектам уголовно-правовой охраны».

Прежде чем перейти к собственной классификации рассматриваемых деяний, отметим, что в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-разыскные мероприятия могут проводиться как гласно, так и негласно. А. Е. Чечетин под гласной формой понимает такие действия, которые не скрываются от окружающих и лиц, в отношении которых они проводятся. Негласная форма оперативно-разыскных мероприятий, по мнению того же автора, состоит в сокрытии от заинтересованных лиц факта осуществления в отношении их оперативно-разыскной деятельности<sup>2</sup>. Следует отметить, что в большинстве случаев вред объектам уголовно-правовой охраны может

---

<sup>1</sup> См.: Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. С. 90.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 88.

быть причинен при проведении оперативно-разыскных мероприятий в негласной форме.

В качестве критерия рассматриваемой нами классификации мы предлагаем принять ограниченность объектов уголовно-правовой охраны, которым может быть причинен вред при проведении того или иного оперативно-разыскного мероприятия. В зависимости от этого признака все действия, предусмотренные ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», можно разделить на две группы:

1. Оперативно-разыскные мероприятия, при проведении которых возможно причинение вреда ограниченному кругу объектов уголовно-правовой охраны.

2. Оперативно-разыскные мероприятия, проведение которых может повлечь за собой причинение вреда неограниченному количеству объектов, находящихся под защитой уголовного закона.

Переходя к анализу конкретных оперативно-разыскных мероприятий, отметим, что мы не ставим перед собой цели дать собственное понятие каждого из них – это относится к предмету исключительно оперативно-разыскной науки, поэтому далее мы будем использовать определения, которые выработаны оперативно-разыскной теорией или другими источниками.

К первой группе, на наш взгляд, следует отнести опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочную закупку; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; контролируемую поставку; получение компьютерной информации.

Несмотря на то что в Законе не раскрываются их понятия, исходя из самих названий мероприятий можно предполагать, какие действия входят в

их содержание. Соответственно в силу специфики способов осуществления можно делать вывод о том, что их проведение затрагивает лишь ограниченный круг общественных отношений.

Хотя практически вся оперативно-разыскная деятельность направлена на получение информации<sup>1</sup>, из приведенной группы можно выделить подгруппу оперативно-разыскных мероприятий, проведение которых состоит непосредственно в получении или предоставлении информации. К таким мероприятиям относятся опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; получение компьютерной информации. Из них большинство связано со сбором информации, которая может представлять различного рода тайны<sup>2</sup>.

Отдельно следует сказать об отождествлении личности, при проведении которого информация не только получается, но и предоставляется лицу, производящему опознание. Только в последнем случае возможно причинение вреда правоохраняемым интересам. Например, свидетелю преступления демонстрируются фотографии, содержание которых составляет личную тайну. Таким образом, при определенных обстоятельствах проведение практически всех из перечисленных мероприятий причиняет вред общественным отношениям, обеспечивающим неприкосновенность личной или семейной тайны (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), которые охраняются ст. 137 УК РФ (Нарушение неприкосновенности частной жизни).

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Шумилов А. Ю. Основы уголовно-правовой оценки сыскной информации; Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация. М., 2017.

<sup>2</sup> См. подробнее: Кадников Н. Г., Кадников Б. Н. К вопросу об ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни граждан при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий, связанных с негласным получением информации // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.). Рязань, 2016. С. 66–71.

Понятие «частная жизнь» раскрывается в нескольких решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Под ней следует понимать «область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер»<sup>1</sup>.

В качестве примера можно привести ситуацию, когда при опросе граждан о личности их соседа оперативный сотрудник может получать сведения о факте усыновления или удочерения, интимной жизни лица и т. п. Такого рода сведения могут быть получены при проведении почти любого из перечисленных мероприятий.

Неочевидным является вопрос об уголовно-правовом значении причинения вреда при названных оперативно-разыскных мероприятиях отношениях, обеспечивающим неприкосновенность коммерческой, налоговой или банковской тайны. Данные виды тайн прямо не предусмотрены в Конституции РФ, но при этом они являются составляющей объекта преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ (Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну). Вместе с тем эта норма имеет бланкетный характер, а поэтому, ввиду прямого указания в Законе, такие действия не будут иметь сходство с соответствующим преступлением.

Помимо тайны частной жизни, сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, при проведении снятия информации с технических каналов связи, контроля почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, а также при прослушивании телефонных переговоров вред может причиняться и общественным отношениям,

---

<sup>1</sup> См., напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 26 января 2010 г. № 158-О-О // СПС «Консультант-Плюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богородицкого Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона Российской Федерации «О милиции» : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 мая 2010 г. № 644-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

обеспечивающим тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, ст. 138 УК РФ). Следует обратить внимание на то, что при данных оперативно-разыскных мероприятиях вред может причиняться каждому из абонентов либо только одному из них. Так, если ни одна из сторон не уведомлена о факте прослушивания переговоров или контроля сообщений, то соответствующая тайна нарушается у обоих. В случае если прослушивание телефонных переговоров осуществляется, в соответствии с ч. 6 ст. 8 Закона, по заявлению лица, жизни, здоровью или собственности которого существует угроза, то вред может причиняться только тому абоненту, который не осведомлен о таких действиях.

Помимо названных объектов уголовно-правовой охраны, такое оперативно-разыскное мероприятие как получение компьютерной информации, может причинить вред общественным отношениям, охраняемым гл. 28 УК РФ (Преступления в сфере компьютерной информации). Как и в случае с получением сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, при проведении рассматриваемого мероприятия нельзя говорить о внешнем сходстве с неправомерным доступом к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Такие действия прямо предусмотрены законодательством и не являются неправомерными. Проблема в данном случае состоит в том, что негласное получение компьютерной информации может быть осуществлено в том числе путем применения специально созданных информационных продуктов<sup>1</sup>. В таком случае уже возникает вопрос о сходстве действий оперативных сотрудников с преступлением, предусмотренным ст. 273 УК РФ (Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ). Таким образом,

---

<sup>1</sup> См.: Баженов С. В. Оперативно-разыскное мероприятие «Получение компьютерной информации» // Науч. вестн. Ом. акад. МВД России. 2017. № 2. С. 32; Дубоносов Е. С. Оперативно-разыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»: содержание и проблемы проведения // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2017. № 2-2. С. 28–29.



в рассматриваемом аспекте данное оперативно-разыскное мероприятие может причинить вред объектам уголовно-правовой охраны и иметь внешнее сходство с совершением преступления<sup>1</sup>.

Отметим, что некоторые из названных оперативно-разыскных мероприятий могут быть связаны с нарушением неприкосновенности жилища. Так, для проведения негласного наблюдения может понадобиться проникнуть в дом или квартиру. Такой же вред может быть причинен в результате проведения и других оперативно-разыскных мероприятий, например сбора образцов для сравнительного исследования. При проведении последнего также может быть причинен вред и отношениям, обеспечивающим право собственности.

Отдельно следует остановиться на обследовании помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – обследование). Модельный закон СНГ «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет его как проникновение и осмотр указанных объектов с целью обнаружения следов преступления, орудий совершения преступления, иных предметов, веществ или документов, вероятно имеющих отношение к совершению преступления, а равно и для решения иных конкретных задач оперативно-разыскной деятельности.

Данное мероприятие может повлечь за собой причинение вреда наибольшему количеству правоохраняемых интересов из всех мероприятий рассматриваемой группы. Это связано не только с осмотром различного рода объектов, что может нарушить неприкосновенность частной жизни, жилища или другие блага.

Наибольшую остроту проблема рассматриваемого мероприятия приобретает при его гласном проведении. Дело в том, что Федеральный закон «Об

---

<sup>1</sup> См.: Русскевич Е. А. Уголовно-правовые аспекты проведения оперативно-разыскного мероприятия «Получение компьютерной информации» // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования : сб. науч. ст. по итогам межвед. науч.-практ. конф. (Рязань, 20 окт. 2017 г.). Рязань, 2017. С. 114–117.

оперативно-розыскной деятельности» не устанавливает ограничений к такой форме. Это порождает вопрос о возможности принудительного обследования перечисленных объектов<sup>1</sup>, что может повлечь за собой нарушение физической неприкосновенности лица, повреждение или уничтожение имущества и т. п. В теории оперативно-розыскной деятельности существуют две противоположные точки зрения по данному вопросу.

Одна из них состоит в том, что проведение обследования, в том числе и жилых помещений, возможно против воли лиц, там находящихся<sup>2</sup>. В таком случае, по мнению авторов, при наличии судебного решения на проведение мероприятия допустимы вскрытие или взломы запертых помещений и хранилищ<sup>3</sup>.

Позиция других ученых состоит в том, что гласное обследование может проводиться лишь при условии согласия лица – собственника, иного владельца или пользователя соответствующего объекта<sup>4</sup>. Наиболее убедительно и аргументированно эту точку зрения отстаивает А. Е. Чечетин<sup>5</sup>.

Анализируя данную проблему, отметим, что она становилась предметом рассмотрения как в международной, так и в отечественной судебной практике. Так, Верховный Суд РФ прекратил производство по уголовному

---

<sup>1</sup> Вопросы принуждения получили свое освещение в уголовном праве. Однако авторы, затрагивая уголовный процесс и административную деятельность, обходили стороной данную проблему применительно к проведению оперативно-розыскных мероприятий. См., напр.: Шевелева С. В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2015.

<sup>2</sup> См., напр.: Важенин В. В. Гласное обследование: подготовка, проведение, использование результатов / В. В. Важенин, С. В. Баженов, А. А. Сафронов // Общество и право. 2014. № 3. С. 183–189; Бакланов Л. А. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Тюмень. 2015. С. 24–25; Фирсов О. В. Указ. соч. С. 69.

<sup>3</sup> См.: Важенин В. В. Указ. соч. С. 186.

<sup>4</sup> См., напр.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / отв. ред. А. Ю. Шумилов. С. 61; Климов И. А. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / И. А. Климов, Е. С. Дубонос, Л. Л. Тузов. М., 2014. С. 211–212; Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. С. 304.

<sup>5</sup> См.: Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. С. 150–167; Его же. Гласные оперативно-розыскные мероприятия и принуждение // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 13-1. С. 66–68.

делу в отношении Рычковой и Криницыной ввиду отсутствия в их деяниях составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30, пп. «а», «б», ч. 2 ст. 228.1 УК РФ (приготовление к незаконному сбыту наркотических средств в крупном размере, совершенное группой лиц по предварительному сговору)<sup>1</sup>. Наркотики были обнаружены в ходе проведения гласных обследований жилых помещений, санкционированных судом. В мотивировочной части Верховный Суд РФ указал, что предусмотренное п. 8 ч. 1 ст. 6 Федерального закона об исследовании помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, по смыслу Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», «осуществляется негласно и не может быть направлено на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу»<sup>2</sup>.

В последующем, в 2014 г., Европейский Суд по правам человека рассмотрел жалобу Аванесяна на незаконное ограничение его права на неприкосновенность жилища в результате проведения с санкции суда рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия. Судом по делу был сделан вывод о том, что сотрудники правоохранительного органа, проводившие принудительное гласное обследование жилого помещения, нарушили права заявителя. Одним из основных аргументов в пользу такого решения было отсутствие в постановлении суда, санкционировавшего проведение оперативно-розыскного мероприятия, надлежащих и достаточных оснований нарушения права на неприкосновенность жилища<sup>3</sup>.

Однако приведенные решения не возымели прецедентного значения. Нижестоящие суды по-разному оценивают результаты рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия, проведенного гласно при схожих обстоятельствах. В одних случаях, указывая на недопустимость использования

---

<sup>1</sup> Редакция УК РФ по состоянию на 14 сентября 2012 г. – дата вынесения приговора

<sup>2</sup> Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 января 2013 г. № 45-О12-77 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Постановление ЕСПЧ от 18 сентября 2014 г. по делу «Аванесян (Avanesyan) против Российской Федерации» // Бюл. Европейского Суда по правам человека. Рос. изд. 2015. № 5. С. 2, 53–62.

гласного способа, уголовное преследование прекращалось<sup>1</sup>. В других – проведение оперативно-разыскного мероприятия признавалось законным ввиду того, что, по мнению суда, «выбор методики и тактики проведения оперативно-разыскных мероприятий относится к компетенции органов, их осуществляющих»<sup>2</sup>.

Проблема принуждения при проведении оперативно-разыскных мероприятий<sup>3</sup> характерна и для обследования объектов и сбора образцов для сравнительного исследования. Ранее рассмотренные – наведение справок, прослушивание телефонных переговоров и некоторые другие оперативно-разыскные мероприятия – по своему содержанию предполагают причинение вреда конкретным объектам уголовно-правовой охраны. Свобода действий лиц, их осуществляющих, ограничена содержанием самих мероприятий. Содержание же обследования составляют более разнообразные действия, которые состоят в разных способах осмотра, являющегося его синонимом<sup>4</sup>. В сочетании с правом при осуществлении оперативно-разыскной деятельности изымать документы, предметы, материалы и сообщения (п. 1 ч. 1 ст. 15 Закона) рассматриваемое мероприятие фактически становится обыском (ст. 182 УПК РФ), проведение которого возможно до возбуждения уголовного дела<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Постановление Президиума Верховного суда Чувашской Республики от 20 марта 2015 г. № 44-У-19/15 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> См., напр.: Постановление Президиума Тверского областного суда от 19 сентября 2016 г. по делу № 44У-118/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Природа данного явления имеет определенное сходство с принуждением в уголовном процессе. См. подробнее: Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003; Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017.

<sup>4</sup> См.: Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 2001. С. 297.

<sup>5</sup> На коллизии рассматриваемого оперативно-разыскного мероприятия с уголовным процессом также обращалось внимание в научной литературе. См., напр.: Поляков М. П., Терехин В. В. Некоторые аспекты нарушения законности при реализации гласного оперативно-обследования (как проявление методологической проблемы проявления дифференциации ОРД на гласную и негласную) // Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 240–244; Агарков А. В. К вопросу о принуждении при проведении гласно оперативно-разыскных мероприятий оперативными подразделениями УИС (приглашение к дискуссии) // Оперативник (сыщик). 2017. № 4. С. 26.

Соответственно гласный сбор образцов для сравнительного исследования фактически является аналогом следственного действия «Получение образцов для сравнительного исследования» (ст. 202 УПК РФ).

Высказывая собственную позицию по данной проблеме, отметим, что, на наш взгляд, она имеет прежде всего процессуальный и законотворческий характер. С точки зрения материального права нельзя признать уголовно-противоправным предусмотренное законом причинение в допустимых пределах вреда правоохраняемым объектам в общественно полезных целях. На сегодняшний день, как мы уже говорили, уголовную правомерность таких деяний обеспечивает ст. 39 УК РФ о крайней необходимости.

Наш вывод согласуется с приведенным выше постановлением ЕСПЧ от по делу «Аванесян (Avanesyan) против Российской Федерации», в котором в качестве причин удовлетворения жалобы не только указано на отсутствие необходимого обоснования проведения оперативно-разыскного мероприятия, но и обращено внимание на недостаточное законодательное регулирование подобных действий и соблюдение требований соразмерности ограничения прав<sup>1</sup>. Конвенция о защите прав человека и основных свобод в ч. 2 ст. 8 не только не запрещает причинение вреда органами власти, а напротив, устанавливает основы правового регулирования таких действий, которые должны найти продолжение в национальном законодательстве. О возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина в случаях, предусмотренных федеральным законом, говорится и в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Указаны ли такие случаи в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» применительно к рассматриваемым мероприятиям? На наш взгляд – нет. Не решает проблему и Инструкция о порядке проведе-

---

<sup>1</sup> Принцип соразмерности отражен в ч. 2 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой вмешательство публичных властей в право уважения частной и семейной жизни граждан допустимо «в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц». См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3; СПС «КонсультантПлюс».

ния сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств<sup>1</sup>, которая регламентирует фактически принудительное проведение гласного обследования. Отметим, что данный документ является подзаконным нормативным актом и поэтому в принципе не может регулировать вопросы причинения вреда правоохраняемым объектам. В связи с этим мы в целом согласны с мнением А. Е. Чечетина о том, что на сегодняшний день принудительное проведение гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств не предусмотрено действующим законодательством<sup>2</sup>. Исключение могут составлять случаи, при которых на рассматриваемые действия получено согласие собственника или владельца соответствующего объекта. Данная проблема может иметь только законодательное разрешение, состоящее в детальной регламентации оснований, условий, порядка и пределов проведения обследования. Примером может служить ст. 182 УПК РФ «Основания и порядок производства обыска». При этом материальным основанием совершения таких действий должна стать уголовно-правовая норма о правомерном причинении вреда правоохраняемым интересам при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

В отдельную подгруппу оперативно-разыскных мероприятий, при проведении которых возможно причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны, следует отнести проверочную закупку и контролируруемую поставку. Такая обособленность связана со способом осуществления. Их возможно

---

<sup>1</sup> См.: Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 (в ред. от 17 апреля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> См.: Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-разыскных мероприятий. С. 167.

проводить в отношении тех субстанций, которые в принципе можно приобрести, сбыть, переместить, переслать, транспортировать и т. п.

При изучении материалов уголовных дел установлено, что результаты проверочной закупки использовались в них достаточно часто – в 68 % случаев (прил. 2). Понятие «проверочная закупка» имеет законодательное определение, которое раскрывается в ст. 49 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»<sup>1</sup>. Применительно к наркотикам под ней понимается оперативно-разыскное мероприятие, при котором с ведома и под контролем органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, допускается приобретение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также инструментов или оборудования. В Модельном законе СНГ «Об оперативно-розыскной деятельности» под проверочной закупкой понимается «создание органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, ситуации, в которой под оперативным контролем возмездно приобретаются товары или предметы без цели потребления или сбыта у лица, обоснованно подозреваемого в совершении преступления, с целью получения информации о вероятной преступной деятельности, а также решения иных задач оперативно-розыскной деятельности». При негласном проведении рассматриваемого мероприятия лицо, его осуществляющее, выступает в роли реального («добросовестного») покупателя, при этом истинные его цели состоят не в приобретении, а в решении задач оперативно-разыскной деятельности.

Для уголовно-правового анализа проверочной закупки представляет интерес его предмет. Дело в том, что в определении, приведенном в Модельном законе, которое используется и в ведомственных нормативных актах, говорится о приобретении товаров или предметов<sup>2</sup>, то есть имеются в

---

<sup>1</sup> О наркотических средствах и психотропных веществах : федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2017 г.) // Рос. газ. 1998. № 7.

<sup>2</sup> В. Ф. Луговик и В. В. Лихарев предлагают перечислять эти предметы в законе. См. подробнее: Луговик В. Ф., Лихарев В. В. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации : проект / под общ. ред. А. А. Агеева. М., 2015. С. 51.

виду вещи материального мира. Действительно, чаще всего приобретаются именно такие предметы. В тех случаях, когда их гражданский оборот ограничен или запрещен, в результате проведения оперативно-разыскного мероприятия причиняется вред объектам уголовно-правовой охраны.

Для иллюстрации можно привести следующий пример из правоприменительной практики. В полицию поступила информация о том, что Иванов, Мирзаев и Андалаев занимаются сбытом поддельных денежных средств. Для ее проверки было принято решение о проведении проверочной закупки. В качестве закупщика выступил сотрудник полиции. Достигнув договоренности о приобретении поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, на одной из последующих встреч со сбытчиками мнимый покупатель приобрел у них купюры, имеющие сходство с настоящими денежными средствами, и договорился о приобретении более крупной партии, в случае их удовлетворительного качества. Проведенная экспертиза подтвердила, что приобретенные предметы являются подделками денежных знаков. На следующей встрече сбытчики были задержаны. Их действия квалифицированы по ч. 1 ст. 186 УК РФ как хранение, перевозка в целях сбыта и сбыт заведомо поддельных банковских билетов<sup>1</sup>.

Диспозиция преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 186 УК РФ, не является бланкетной. В ней нет указания на незаконность описанных действий. Буквальное толкование нормы позволяет утверждать, что любой оборот предметов преступления запрещен под угрозой уголовной ответственности, независимо от целей совершаемого деяния. Следовательно, в приведенном примере лицо, проводившее проверочную закупку, причинило вред общественным отношениям, складывающимся в сфере денежного обращения. Данное обстоятельство указывает на необходимость обоснования именно уголовно-правовой правомерности причинения вреда.

---

<sup>1</sup> См.: Приговор Замоскворецкого районного суда Москвы от 14 июня 2013 г. по уголовному делу № 1-240/2013. URL : <http://zamoskvoretsky.msk.sudrf.ru> (дата обращения: 21.02.2017).



Однако если с предметами материального мира никаких противоречий с понятием проверочной закупки нет, то иначе обстоят дела с некоторыми другими объектами закупки. Речь прежде всего идет об известной правоприменительной практике закупки человека.

Так, в 2013 г. Прохорова разместила на одном из сайтов объявление, в котором предлагала девушкам выгодные зарубежные поездки, а также разовые встречи за вознаграждение. В последующем она намеревалась их продавать с целью эксплуатации. Через некоторое время Прохорова вступила в переговоры о купле-продаже одной из девушек с Маликовым (фамилия изменена), который участвовал в проведении проверочной закупки. При совершении сделки и получении оплаты за потерпевшую Прохорова была задержана и впоследствии осуждена. Ее действия квалифицированы по ч. 1 ст. 127.1 УК РФ<sup>1</sup>.

Как и в предыдущем примере, уголовный закон предусматривает безусловный запрет на куплю-продажу человека. Это, с одной стороны, указывает на причинение при проверочной закупке вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, с другой – обращает внимание на несовершенство существующего понятия, рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия. В последнем случае считаем наиболее рациональным понятие проверочной закупки, предлагаемое А. Е. Чечетиным, который пишет о совершении мнимой сделки купли-продажи без указания на предмет закупки<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Приговор Зеленоградского районного суда Москвы от 26 ноября 2013 г. по уголовному делу № 1-370/2013. URL : <https://zelenogradsky--msk.sudrf.ru> (дата обращения: 17.12.2016).

<sup>2</sup> См. подробнее: Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. С. 171.

Переходя к рассмотрению контролируемой поставки<sup>1</sup>, отметим, что ее понятие предусмотрено в Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ<sup>2</sup>. В Российской Федерации законодательное определение, применительно к наркотикам, раскрывается также в ст. 49 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах». Однако наиболее общее понятие закреплено в ст. 319 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2017 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации», согласно которой «контролируемой поставкой товаров, ввозимых в Российскую Федерацию и вывозимых из Российской Федерации, является оперативно-розыскное мероприятие, при котором с ведома и под контролем органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, допускаются ввоз в Российскую Федерацию, вывоз из Российской Федерации либо перемещение по территории Российской Федерации ввезенных товаров»<sup>3</sup>.

Проведенное исследование показало, что рассматриваемое оперативно-розыскное мероприятие применялось относительно нечасто. Оно зафиксировано в 12 % изученных уголовных дел (прил. 2).

Наглядным примером причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны при проведении контролируемой поставки являются случаи контролируемого ввоза в Российскую Федерацию и перемещения по ее территории наркотиков. Так, в 2014 г. в сети Интернет Блохин увидел рекламу семян конопли и связался с модератором данного сайта, находящимся в Польше. Последний в ходе переписки предложил приобрести за 2150 долларов США 200 г марихуаны, на что Блохин согласился. По поддельным документам, перечислив деньги на зарубежный счет отправителей, он получил трек посылки с наркоти-

---

<sup>1</sup> Более подробно о контролируемой поставке см.: Михайлов В. И., Ольцонов Э. В. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция. М., 1998; Кувалдин В. П. Контролируемая поставка оружия и боеприпасов: роль и место оперативных подразделений пограничных органов // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 160–164.

<sup>2</sup> См.: Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации, Вып. XLVII. М., 1994. С. 133–157.

<sup>3</sup> См.: Российская газета. 2010. № 269.

ком для отслеживания состояния ее перемещения. На таможенной границе международное почтовое отправление было досмотрено сотрудниками таможни, в результате чего наркотик был обнаружен и было принято решение о проведении контролируемой поставки. Посылка с каннабисом была передана сотрудникам ФСКН России, которые ее доставили в почтовое отделение по месту назначения. При получении наркотика по поддельным документам Блохин был задержан и впоследствии осужден. Его действия квалифицированы по ч. 3 ст. 229.1 и ч. 3 ст. 30 ч. 2 ст. 228 УК РФ как контрабанда наркотических средств, то есть незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотических средств в крупном размере, а также покушение на незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотического средства в крупном размере<sup>1</sup>.

Как видно из описанной ситуации, сотрудники таможни допустили перемещение через таможенную границу запрещенного предмета, а сотрудники ФСКН России осуществили его перемещение по территории Российской Федерации. При этом в случае с перевозкой наркотика по территории государства в рамках контролируемой поставки нельзя говорить о причинении вреда охраняемым объектам, так как такие действия прямо разрешены ст. 49 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах». Однако контролируемое перемещение через таможенную границу ограниченных или запрещенных к обороту предметов ст. 319 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» прямо не предусмотрено. Более того, если эту норму соотносить с положениями ст. 229.1 УК РФ и другими статьями о различных видах контрабанд, то логично сделать вывод о существовании такого запрета, а значит, и о причинении социально полезного вреда объектам уголовно-правовой охраны.

Подобного рода коллизии законодательства, которые чаще всего встречаются при проведении проверочных закупок и контролируемых поставок,

---

<sup>1</sup> Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 1 сентября 2015 г. по уголовному делу № 1-541/2015. URL : <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 04.01.2017).

можно разрешить двумя способами. Во-первых, казуистично, то есть по примеру Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», дополнять отраслевые законы разрешениями на оборот соответствующих предметов при проведении оперативно-разыскных мероприятий. Однако считаем, что данный вариант нельзя признать рациональным, так как его реализация существенно увеличит объем нормативно-правовой базы, регулирующей схожие общественные отношения. Кроме того, в российской правовой системе просто не существует законов, регламентирующих, например, «оборот» живого человека, а как мы продемонстрировали выше, такие ситуации не являются исключением.

Второй способ устранения коллизий наиболее рациональный и правильный, по нашему мнению. Он состоит в урегулировании правомерности рассматриваемых действий в Уголовном кодексе РФ. Об этом мы будем вести речь в пятой главе диссертации.

Вторая группа оперативно-разыскных мероприятий представлена оперативным экспериментом и оперативным внедрением. При их проведении количество объектов уголовно-правовой охраны, которым причиняется вред, возможно ограничить только пределами допустимости. В остальном, исходя из разнообразности способов их проведения и поливариативности ситуаций, возникающих при их проведении, следует вывод о гипотетической возможности причинения вреда неограниченному кругу объектов.

Отметим, что из всех оперативно-разыскных мероприятий повышенную значимость для нашего исследования имеет оперативное внедрение. Несмотря на относительную нераспространенность, по сравнению с некоторыми другими мероприятиями [результаты оперативного внедрения использовались в 39 % изученных нами материалов уголовных дел (прил. 2)], именно оно может в полной мере отразить всю сущность проблем уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности. По этой причине его понятие и признаки, имеющие уголовно-правовое значение, мы рассмотрим в следующем параграфе.

Описывая ситуации причинения правомерного вреда при оперативном эксперименте, необходимо отметить, что в правоприменительной практике он проводится достаточно часто. Его результаты использовались в 58 % изученных нами материалов уголовных дел (прил. 2).

Это мероприятие является одним из наиболее сложных и спорных действий из перечисленных в ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Подтверждением тому является и тот факт, что каждая десятая жалоба в Конституционный Суд РФ на нормы оперативно-розыскного законодательства связана с оперативным экспериментом и нарушением прав личности при его проведении<sup>1</sup>. В Модельном законе под ним понимается искусственное создание обстановки, максимально приближенной к реальности, с целью вызвать определенное событие либо воспроизведение события или проведение определенных опытов в полностью управляемых условиях и под контролем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с вовлечением лица, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности, без уведомления его об участии в оперативном эксперименте. Цель эксперимента – подтверждение совершения данным лицом противоправных действий, а также предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие менее тяжкого преступления против собственности, порядка осуществления экономической деятельности, общественной безопасности и здоровья населения, тяжкого, особо тяжкого преступления или преступления, могущего нанести вред национальной безопасности.

В соответствии с ч. 9 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а так-

---

<sup>1</sup> См.: Чечетин А. Е. Проблемы применения оперативного эксперимента в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Оперативно-розыскное противодействие организованной преступности (посвящается памяти профессора Д. В. Ривмана) : материалы регион. науч.-практ. конф. СПб., 2015. С. 165.

же в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

В качестве примера причинения вреда при проведении рассматриваемого оперативно-разыскного мероприятия можно привести следующий случай. С декабря 2010 г. по ноябрь 2011 г. УФСБ России по Владимирской области совместно с ГУУР МВД России проводился комплекс оперативно-разыскных мероприятий по установлению лиц, причастных к незаконному обороту оружия и боеприпасов на территории Центрального федерального округа. В ходе проведения мероприятий была получена информация, что жители г. Ковров Владимирской области Дворников и Рогов причастны к совершению преступлений. Для проверки информации в их окружение были внедрены два сотрудника ГУУР МВД России С. и К., которые также приняли участие в проведении оперативного эксперимента. Его суть состояла в том, что Дворников и Рогов сообщили С. и К. о наличии у них возможности за вознаграждение переделать газовые пистолеты в боевое огнестрельное оружие. Внедренные лица, согласившись на предложение, передали им три газовых пистолета марки «Байкал», а через некоторое время получили выполненный заказ. Впоследствии Дворников и Рогов были задержаны и осуждены в том числе и за другие преступления, которые были выявлены в результате оперативно-разыскной деятельности. Их действия по данному эпизоду квалифицированы по ч. 1 ст. 223 УК РФ, как незаконная переделка огнестрельного оружия<sup>1</sup>.

Если рассматривать поведение внедренных сотрудников, участвующих в оперативном эксперименте, то следует отметить, что ни один нормативно-правовой акт не предусматривает возможность передачи оружия лицам, совершающим преступление, для его переделки. Усугубляет проблему и отсутствие в Законе понятия оперативного эксперимента. При этом совершенными действиями вред причиняется общественным отношениям, складывающимся в сфере оборота оружия. Кроме того, действия должностных лиц имеют внешнее сход-

---

<sup>1</sup> См.: Приговор Ковровского городского суда Владимирской области от 20 марта 2013 г. по уголовному делу № 1-2013-30-А/Г. URL : <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 01.03.2017).

ство с превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ)<sup>1</sup>. Вместе с тем общественная полезность оперативного эксперимента не вызывает сомнений и о признаках состава преступления, при соблюдении требований закона, говорить нельзя.

Таким образом, анализ рассмотренных оперативно-разыскных мероприятий наглядно продемонстрировал, что при их проведении возможно причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны. Однако правомерность причинения такого вреда не является очевидной. Это связано с несколькими причинами: во-первых, отсутствие прямого уголовно-правового регулирования подобных ситуаций; во-вторых, отсутствие законодательного определения понятий оперативно-разыскных мероприятий; в-третьих, недостаточная процессуальная регламентация отдельных оперативно-разыскных мероприятий.

### **§ 3. Понятие оперативного внедрения и его уголовно-правовые признаки**

Современная преступность отличается своей латентностью и высоким уровнем сплоченности. Как справедливо отмечает В. П. Кувалдин, в такой ситуации «фактически у государства нет иного средства контроля над организованной преступностью, кроме как через инструмент оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел»<sup>2</sup>. В свою очередь, как показывает прак-

---

<sup>1</sup> Об отсутствии признаков превышения должностных полномочий при проведении оперативного эксперимента подробно пишет О. Д. Жук, с мнением которого мы согласны. См. подробнее: Жук О. Д. К вопросу о должностных лицах, участвующих в проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Оперативник (сыщик). 2014. № 4. С. 29–31.

<sup>2</sup> Кувалдин В. П. К вопросу об организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в преступных сообществах // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 168–169.

тика, без проведения оперативного внедрения в различного рода преступные структуры изболечить виновных представляется весьма затруднительным<sup>1</sup>.

По изученным нами материалам уголовных дел (прил. 2) рассматриваемое оперативно-разыскное мероприятие осуществлялось в 39 % случаев. При этом оно сопровождалось одновременным проведением и других мероприятий. Так, в 68 % случаев оно проводилось в сочетании с прослушиванием телефонных переговоров; в 49 % – с проверочной закупкой; в 31 % – с оперативным экспериментом; в 23 % – с другими оперативно-разыскными мероприятиями. В сумме более 100 %, так как в материалах уголовного дела указывалось на одновременное проведение двух и более оперативно-разыскных мероприятий.

Лица, участвующие в проведении оперативного внедрения, действуют в интересах не только осударства, но и прежде всего общества. Данный фактор указывает на общественно полезную природу рассматриваемого оперативно-разыскного мероприятия. Однако, несмотря на положительную социальную сущность и очевидную эффективность в противодействии преступности, оперативное внедрение нельзя назвать распространенным мероприятием. Это объясняется как организационной сложностью его проведения и высокими морально-психологическими требованиями к внедряемым, так и отсутствием надлежащего правового регулирования и правовой защиты таких лиц.

Вместе с тем оперативное внедрение в наибольшей степени, по сравнению с другими оперативно-разыскными мероприятиями, может быть связано и с возможными нарушениями уголовного закона, и с причинением правомерного вреда. Приведенные обстоятельства обуславливают необходимость определения уголовно-правовых признаков этого мероприятия.

В системе федерального законодательства о противодействии преступности определение понятия оперативного внедрения не существует. В п. 12 ч.

---

<sup>1</sup> См.: Расцветаев А. Ю. Оперативное внедрение в общей системе оперативно-разыскных мероприятий. Краснодар, 2013. С. 19.



1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оно лишь называется. Модельный закон СНГ об оперативно-розыскной деятельности под оперативным внедрением предлагает понимать «проникновение в преступную группу сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или лица, оказывающего ему содействие на конфиденциальной основе, для решения задач оперативно-розыскной деятельности». В то же время в оперативно-розыскной науке предлагается достаточно большое количество его определений и критериев для их классификации. Многие из них отличаются только редакцией и имеют узкое, прикладное значение. Мы не будем судить об их теоретических качествах и чертах, отражающих сущность рассматриваемого явления, с позиции практики и теории оперативно-розыскной деятельности. Нас интересуют лишь те признаки этого мероприятия, которые в той или иной мере затрагивают сферу действия уголовного права.

Первым из таких признаков является объект оперативного интереса<sup>1</sup> внедрения, то есть то, куда может быть внедрено лицо. В оперативно-розыскной деятельности в данном случае принято говорить о так называемой криминальной<sup>2</sup>, или криминогенной<sup>3</sup>, среде.

В Словаре русского языка слово «криминогенный» трактуется как «способный привести к преступлениям, способствующий преступлениям»<sup>4</sup>. Термин «криминальный» означает «уголовный, относящийся к преступлениям, преступный», сюда же относятся понятия «криминальные группировки», «криминальных структур»<sup>5</sup> и иных криминальных объектов. Другими слова-

---

<sup>1</sup> Объект оперативного интереса – это те лица или обстоятельства, в отношении которых проводится оперативно-розыскное мероприятие. См.: Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Указ. соч. С. 185.

<sup>2</sup> См.: Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: науч.-практ. коммент. / под ред. В. В. Николюка. М., 2003. С. 64; Криминальная среда. Понятие, генезис, оперативно-розыскное воздействие / под ред. Б. П. Михайлова, Е. Н. Хазова. М., 2015.

<sup>3</sup> Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. С. 361.

<sup>4</sup> Ожегов С. И. Указ. соч. С. 307.

<sup>5</sup> Там же. С. 307.

ми, речь идет о различных преступных формированиях, имеющих уголовно-правовое значение – организованные группы, преступные организации, экстремистские сообщества<sup>1</sup> и т. д. Данное обстоятельство требует детального рассмотрения вопросов о формах соучастия, о чем мы будем рассуждать ниже.

Перейдем к следующему признаку оперативного внедрения, имеющему уголовно-правовое значение, – это субъект оперативного внедрения, которым является лицо, осуществляющее это мероприятие и соответственно имеющее возможность причинения правомерного вреда. Классификация таких лиц зависит от способов проведения оперативно-разыскного мероприятия. Анализ существующих точек зрения по данному вопросу позволяет выделить две группы авторов.

К первой группе относятся ученые, предлагающие понятия, в соответствии с которыми внедряемое лицо проникает внутрь объекта оперативного интереса извне. Подобные мнения являются наиболее распространенными. Так, авторы учебника «Теория оперативно-розыскной деятельности» считают, что оперативное внедрение – это проникновение сотрудника или конфиденанта в преступную группу для решения задач оперативно-разыскной деятельности<sup>2</sup>.

Авторы монографии «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» под оперативным внедрением понимают «оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в легендированном вводе оперативных сотрудников или лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, в криминальную среду или на объекты оперативной заинтересованности»<sup>3</sup>.

Н. Д. Абдуллаева считает, что «оперативное внедрение – это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в легендированном вводе и продвижении сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел

---

<sup>1</sup> О криминологической характеристике организованной преступности см.: Топильская Е. В. Криминология организованной преступности : в 2 т. СПб., 2015. 2 т.

<sup>2</sup> См.: Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. М., 2018. С. 322.

<sup>3</sup> Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Указ. соч. С. 220–221.

или лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, в криминальную среду и объекты для разведывательно-поискового сбора информации, необходимой для оптимального решения задач борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями в конкретных условиях сложившейся оперативной обстановки, когда решение этих задач с использованием других оперативно-розыскных мероприятий невозможно»<sup>1</sup>.

Во всех приведенных и подавляющем большинстве других понятий оперативного внедрения речь идет о физическом перемещении лица, осуществляющего это оперативно-розыскное мероприятие, из социальных условий, не связанных с объектом оперативного интереса, вовнутрь такого объекта. Это может быть, например, устройство на работу в организацию, где, как предполагается, совершается преступление, либо знакомство и поддержание отношений с лицами, подготавливающими совершение преступления, и т. п.

Исходя из рассматриваемого способа оперативного внедрения, внедрить лицо можно только туда, где его еще пока нет. Следуя логике вышеприведенных авторов, внедряемыми лицами могут быть только сотрудники органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность или лица, оказывающие им конфиденциальное содействие (далее – конфидененты<sup>2</sup>).

Вторая группа авторов полагает, что оперативным внедрением, помимо проникновения извне, также следует считать и выполнение поручений органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, лицом, уже находящимся внутри объекта внедрения и согласным на конфиденциальное сотрудничество. Одним из первых данное мнение высказал А. Ю. Шумилов, который под оперативным внедрением понимает приобретение оперативно-розыскным органом конфиденциального источника информации внутри преступного сообщества, организованной преступной группы или иного объекта

---

<sup>1</sup> Абдуллаева Н. Д. Оперативное внедрение в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 8.

<sup>2</sup> О конфидентах см. подробнее: Павличенко Н. В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность : монография. Омск, 2011.

оперативного интереса либо в его окружении<sup>1</sup>. В рассматриваемом контексте термин «приобретение» занимает центральное место и имеет собирательное значение. Он включает в себя не только физическое проникновение оперативного сотрудника или конфиденнта, например, в преступное сообщество, но и установление конфиденциального сотрудничества с лицом из числа членов этого сообщества.

Позиция А. Ю. Шумилова получила признание и среди отдельных ученых. Так, Ю. П. Дубягин, О. П. Дубягина, Е. А. Михайлычев полагают, что оперативное внедрение состоит во вводе оперативно-розыскным органом оперативника и (или) лица, оказывающего содействие оперативно-розыскному органу на конфиденциальной основе, в объект оперативного интереса «и (или) в вербовке такого лица из числа членов объекта оперативного интереса для решения задач конкретной оперативно-тактической ситуации»<sup>2</sup>. Схожей точки зрения в принципе придерживается А. Е. Чечетин, который считает, что оперативное внедрение заключается «в приобретении (вводе или вербовке) негласного источника информации внутри или в окружении объекта оперативного воздействия...»<sup>3</sup>. В свою очередь, А. В. Савинский указывает на такую форму оперативного внедрения, как установление конфиденциальных отношений с лицами из числа преступных сообществ и сотрудников иностранных спецслужб<sup>4</sup>.

По мнению авторов комментария к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», оперативное внедрение – это «оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в приобретении оперативно-розыскным подразделением негласного источника информации внутри или в

---

<sup>1</sup> См.: Шумилов А. Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий. С. 69.

<sup>2</sup> Дубягин Ю. П., Дубягина О. П., Михайлычев Е. А. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). М., 2005; СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Чечетин А. Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий. М., 2006. С. 110.

<sup>4</sup> См.: Савинский А. В. Актуальные проблемы юридической регламентации оперативно-розыскной деятельности : монография. Архангельск, 2010. С. 127.

окружении объекта оперативного интереса»<sup>1</sup>. В учебнике «Оперативно-розыскная деятельность» под редакцией И. А. Климова, хотя в самом понятии оперативного внедрения и говорится только о вводе лица в криминальную среду, тем не менее, описывая способы этого мероприятия, помимо ввода, указывается и на «привлечение к конфиденциальному сотрудничеству лиц из числа членов преступной группы»<sup>2</sup>. Таким образом, последняя группа авторов, исходя из способов оперативного внедрения, допускает возможность осуществления анализируемого мероприятия в том числе и лицами, которые согласились на конфиденциальное сотрудничество, уже будучи членами преступных групп и сообществ.

Несмотря на увеличивающуюся в последнее время поддержку, приведенная позиция достаточно часто критикуется. При этом большинство авторов декларативно, не объясняя причин, указывают на то, что не образует оперативного внедрения привлечение к негласному сотрудничеству лица, уже находящегося (работающего) на соответствующем объекте, имеющего контакт или устойчивую связь с лицом, представляющим оперативный интерес, либо входящего в состав преступной группы или сообщества<sup>3</sup>. Подобные действия предлагают считать агентурным методом оперативно-розыскной деятельности, суть которого состоит в непосредственном функционировании различных категорий конфиденентов в криминальной среде<sup>4</sup>.

С представленной критикой, на наш взгляд, согласиться можно лишь отчасти. Действительно, в идее А. Ю. Шумилова на первый взгляд имеется определенное противоречие. Мнение ученого и его сторонников не соответствует логике их оппонентов, согласно которой термин «внедрение» предпо-

---

<sup>1</sup> Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / под ред. А. И. Алексеева, В. С. Овчинского. М., 2011. С. 72.

<sup>2</sup> Оперативно-розыскная деятельность / под ред. И. А. Климова. М., 2015. С. 217.

<sup>3</sup> См., напр.: Вагин О. А., Исиченко А. П., Шабанов Г. Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов : учеб.-практ. пособие. М., 2006. С. 28; Фирсов О. В. Указ. соч. С. 90; Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. С. 323.

<sup>4</sup> См.: Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. С. 204.

лагает перемещение лица в среду, где до этого оно не находилось. Попробуем взглянуть на эту проблему несколько с иных позиций.

В русском языке термин «внедрить» означает укоренить, закрепить в чем-нибудь<sup>1</sup>. Другими словами, ключевым моментом является не сам процесс проникновения во что-либо, а прежде всего его результат, то есть факт качественного нахождения где-либо. Следовательно, на наш взгляд, сущность рассматриваемого мероприятия состоит не просто в физическом перемещении человека в какую-либо микросоциальную среду, а в закреплении в ней лица, обладающего определенными социально значимыми свойствами. К таким свойствам относятся в первую очередь наличие желания выполнять задание правоохранительного органа и осознанная решимость совершать действия (бездействие) в целях оперативно-разыскной деятельности. Подобного рода психическое отношение к оперативному внедрению может уже существовать у сотрудника правоохранительного органа или конфиденанта до момента начала проведения мероприятия, либо оно может быть сформировано у лица (внедрено в его сознание), которое уже находится внутри объекта оперативного интереса. При этом мотивы участия в проведении оперативно-го внедрения значения не имеют. Они могут выражаться как в стремлении выполнить свой служебный долг, так и в желании добиться освобождения от уголовной ответственности или смягчения наказания за ранее совершенное преступление.

Вывод о том, что в основу оперативно-го внедрения положен факт нахождения внутри определенной среды, а не процесс проникновения в нее, подтверждается и уголовно-правовым анализом рассматриваемой проблемы. Так, вполне естественно, что конфиденант – член преступной группы, как и лица, проникшие в преступную группу извне, могут выполнять задания правоохранительного органа. При его выполнении в процессе продолжающегося нахождения в криминальной среде, все рассматриваемые категории лиц вполне вероятно будут вынуждены принять участие в причинении вреда пра-

---

<sup>1</sup> См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I. С. 476.

воохраняемым интересам. В такой ситуации для уголовного права равны и штатный сотрудник органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, и конфиденты, как проникшие в криминальную среду извне, так и уже находящиеся внутри.

Следовательно, если исключить из рассматриваемого перечня последнее лицо, то выходит, что оно не осуществляло никакого оперативно-разыскного мероприятия, что по факту не соответствует действительности. Не считая такого человека участником оперативного внедрения, нельзя говорить и о том, что оно действовало от имени государства, а значит, отсутствовала и вынужденность причинения какого-либо вреда. Данное обстоятельство существенно ограничивает право на защиту таких конфидентов. По этой причине мы считаем правильным поддержать толкование понятия оперативного внедрения, предложенное А. Ю. Шумиловым.

Таким образом, на наш взгляд, следует выделить три категории лиц, которые могут осуществлять оперативное внедрение, и соответственно при необходимости вынужденно причинять правомерный вред: во-первых, это должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность; во-вторых, конфидент, проникший в криминальную среду извне; в-третьих, лицо, оказывающее конфиденциальное содействие оперативному сотруднику, уже находясь внутри объекта оперативного интереса.

Третьим признаком оперативного внедрения, на который обращается внимание в теории оперативно-разыскной деятельности и который имеет уголовно-правовое значение, является возможность причинения вреда. Вероятность таких действий в юридической литературе, посвященной правовому обеспечению оперативно-разыскных мероприятий, в большинстве случаев не оспаривается. Причем одни исследователи полагают, что внедренное лицо

должно имитировать преступление<sup>1</sup>, другие – указывают на «допустимость совершения преступлений», то есть обращают внимание на противоправный характер деяния. Рассмотрим мнения этих авторов, поскольку для нас они представляют особый интерес.

Среди юристов, посвятивших свои работы правовому регулированию оперативного внедрения, следует выделить тех, кто считает, что внедренное лицо может совершать «малозначительные преступления», участвовать в планировании и подготовке других, более тяжких преступлений<sup>2</sup>. При этом, что следует понимать под малозначительным преступлением, не разъясняется. Отметим, что данная точка зрения имеет сходство с отдельными положениями нормативного документа, имевшего место в Российской империи начала прошлого века. Так, согласно Инструкции начальникам охранных отделений от 10 февраля 1907 г. «По организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения» агенту разрешалось участвовать в «незначительных преступных действиях» и приговлении к преступлению<sup>3</sup>.

К числу авторов, допускающих причинение вреда, но прямо не называющих его преступным, относятся В. И. Михайлов и А. В. Федоров. Об этом они говорят непосредственно в понятии оперативного внедрения, под которым понимают осуществляемую в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности совокупность взаимосвязанных действий:

---

<sup>1</sup> См.: Железняк Н. С. О правовом обеспечении защиты конфиденентов от неправомерного привлечения к уголовной ответственности // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. Красноярск, 2004. С. 213–230; Основы оперативно-розыскной деятельности. 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. А. Е. Чечетина. Барнаул, 2007. С. 85.

<sup>2</sup> См., напр.: Мешков В. М., Попов В. Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия : учебно-практ. пособие. М., 1999. С. 33; Халиков А. Н., Яковец Е. Н., Журавленко Н. И. Юридическое, техническое и информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / под ред. А. Н. Халикова. М., 2010. С. 101.

<sup>3</sup> См. подробнее: Смирнов М. П., Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность в Российской империи в документах и комментариях (XVIII в. – февраль 1917 г.). М., 2010; Синельников И. Ю., Шкабин Г. С. Агентурная работа правоохранительных структур царской России в начале XX века: проблемы организации и правового регулирования // Рос. науч. журн. 2015. № 3. С. 279–284.



«а) по продвижению сотрудника правоохранительных органов или лица, оказывающего ему содействие, в решении возложенных на них задач, в преступное формирование;

б) совершаемых им в составе преступного формирования общественно опасных действий (бездействия), хотя и имеющих все признаки деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, и причиняющих реальный вред, но вынужденно совершаемых с соблюдением установленных законодательством условий и пределов»<sup>1</sup>.

Аналогичных взглядов придерживается В. В. Петров. Он, раскрывая признаки оперативного внедрения, также указывает на возможность вынужденного совершения общественно опасных действий лицом, внедренным в преступное сообщество<sup>2</sup>.

Несмотря на то что все эти авторы не употребляют термин «преступление», в приведенных дефинициях, тем не менее, речь идет именно о нем. Данный вывод основывается на том, что и в первом и во втором случае указывается на общественную опасность деяния, которая является признаком, в первую очередь преступления. Правомерный же вред, как мы говорили выше, имеет общественно полезный или социально допустимый характер. Эти же признаки, по нашему мнению, при соблюдении необходимых условий, свойственны и вреду, причиненному при оперативном внедрении, поэтому в данных случаях правильнее говорить о внешней схожести с преступлением.

Следует обратить внимание на то, что в отдельных научных источниках распространенными являются высказывания, в которых фактически нивелируется уголовно-правовое значение обстоятельств, исключających преступность деяния и освобождения от уголовной ответственности. Некоторые авторы не видят разницы между этими институтами. Однако в теории уго-

---

<sup>1</sup> Михайлов В. И., Федоров А. В. Таможенные преступления: уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности / под ред. А. В. Федорова. СПб., 1999. С. 157–158.

<sup>2</sup> Петров В. В. Правовое регулирование осуществления оперативно-розыскных мероприятий по противодействию незаконному обороту наркотиков. М., 2005. С. 69.

ловного права вопросов по этому поводу не возникает. В первом случае говорится о правомерном деянии, не являющемся преступлением, а во втором, напротив, о совершении уголовно наказуемого деяния – преступления.

В теории оперативно-разыскной деятельности подобная точка зрения представляет одно из распространенных методических упущений, которым «стираются» границы между указанными обстоятельствами. Так, О. Ю. Сучков считает допустимым при оперативном внедрении вынужденное участие в составе преступной группы и незаконное перемещение через таможенную границу Российской Федерации наркотических средств или психотропных веществ, «подпадающее под признаки контрабанды, при условии освобождения за эти деяния внедренных лиц от уголовной ответственности или наказания в соответствии с российским законодательством»<sup>1</sup>.

В. В. Ожкало и Э. С. Сандрукян обращают внимание на то, что лицо, внедренное в преступную группу или организацию, может оказаться в ситуации вынужденного причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны. В таком случае, по мнению авторов, оно должно быть освобождено от уголовной ответственности на основании деятельного раскаяния<sup>2</sup>.

А. Ю. Шумилов, хотя и пишет о причинении внедренным лицом именно правомерного вреда, далее указывает на возможность освобождения такого лица от уголовной ответственности или наказания. При этом в качестве формальных оснований перечисляет в одном ряду следующие нормы: «ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», ст. 37–42, 75, примечание к ст. 204, 205, 208, 222, 223, 228 и 291 УК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 24, ст. 26 и 28 УПК РФ»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Сучков О. Ю. Особенности производства предварительного расследования по делам о контрабанде наркотических средств и психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 55–56.

<sup>2</sup> См.: Ожкало В. В., Сандрукян Э. С. Освобождение от уголовной ответственности членов преступных групп, активно способствовавших раскрытию и пресечению преступлений // Рос. следователь. 2004. № 9. С. 30–35.

<sup>3</sup> Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности. М., 2006. С. 254.

В своих диссертациях Э. Р. Халишхова<sup>1</sup> и У. А. Хасиев<sup>2</sup> предлагают дополнить главу 8 УК РФ «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния» новым «основанием освобождения от уголовной ответственности» – «исполнение служебного долга или служебных обязанностей». По их мнению, это основание следует применять исключительно к сотрудникам правоохранительных органов и другим лицам, осуществляющим негласную деятельность по разоблачению преступных организаций при вынужденном совершении ими противоправных деяний.

В свою очередь, М. Ю. Воронин считает, что освобождение от уголовной ответственности лиц, причинивших вред объектам уголовно-правовой охраны при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, должно быть предусмотрено в самостоятельной норме уголовного закона. Однако место ее нахождения им определяется в главе 8 УК РФ<sup>3</sup>.

Если логически продолжать идеи приведенных выше и многих других авторов, то получается, что государство в лице должностного лица органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, поручает своему представителю (штатному сотруднику или confidentу) совершить преступление. Данный вывод основан на элементарном уголовно-правовом положении: освобождение от уголовной ответственности возможно лишь при наличии вины. Без сомнений, подобные поручения недопустимы. На наш взгляд, в данных случаях следует вести речь о наличии обстоятельств, исключаящих преступность причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Приведенные признаки оперативного внедрения имеют непосредственное значение для реализации уголовного закона. Оно состоит в том, что во

---

<sup>1</sup> Халишхова Э. Р. Организованная преступность : уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам Южного федерального округа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2006. С. 11, 22.

<sup>2</sup> Хасиев У. А. Организованная преступность в Российской Федерации: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 15.

<sup>3</sup> Воронин М. Ю. Об обстоятельствах, исключаящих преступность деяния в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности // Вестник ВИПК МВД России. 2015. № 1. С. 51.

всех описанных ситуациях возникает вопрос о соотношении действий внедренного лица с действиями различных видов соучастников.

Помимо перечисленных признаков оперативного внедрения, в оперативно-разыскной науке указывается на то, что выполнение данного мероприятия должно закончиться предотвращением подготавливаемого или пресечением совершаемого преступления<sup>1</sup>. В данном случае соответственно речь идет о возможности возникновения ситуации необходимой обороны или причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, либо других обстоятельств, исключающих преступность деяния<sup>2</sup>.

Проведенный анализ позволяет нам сформулировать определение оперативного внедрения применительно к ситуациям, имеющим уголовно-правовое значение. С этих позиций оперативное внедрение – это деяние (действия или бездействие) сотрудника органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, или лица, сотрудничающего с таким органом, имеющее внешнее сходство с соучастием в преступлении, совершаемое с целью предотвращения, пресечения или раскрытия преступления и сопряженное с вынужденным причинением правомерного вреда объектам уголовно-правовой охраны<sup>3</sup>.

Предложенная дефиниция имеет определенное теоретическое и практическое значение и является попыткой сопоставить юридические установления уголовного и оперативно-разыскного законодательства. Научная направленность состоит в том, что, на наш взгляд, намечены основные пути исследования проблем уголовного права при проведении оперативного внедрения. Практическое значение выражается в возможности методического использования данного определения при организации и проведении рассматри-

---

<sup>1</sup> См., напр.: Захарцев С. И. Оперативно-разыскные мероприятия в России и за рубежом / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2004. С. 44.

<sup>2</sup> Подробнее об этом см.: Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / С. В. Борисов, А. П. Дмитренко, Е. А. Русскевич и др.; отв. ред. Н. Г. Кадников. М., 2012.

<sup>3</sup> См.: Шкабин Г. С. Понятие и уголовно-правовые признаки оперативного внедрения // Оперативник (сыщик). 2017. № 1. С. 39–43.

ваемого оперативно-разыскного мероприятия; при оформлении постановления о его проведении; правильном установлении уголовно-правовых оснований и допустимых пределов использования и соблюдения уголовного закона.

### **Глава 3. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

#### **§ 1. Правовое обеспечение причинения вреда при проведении тайных операций в странах общей системы права**

В процессе совершенствования уголовного законодательства необходимо принимать во внимание различные обстоятельства. Не последнее место среди них занимает использование аналогичного опыта других государств. Анализ его положительных моментов и недостатков с учетом потребностей отечественной теории и практики правоприменения позволит сформулировать, на наш взгляд, оптимальный вариант правовых дефиниций.

Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности в целом и оперативного внедрения в частности во многих странах гораздо богаче чем в России. Предварительный анализ, состоящий в переводе и изучении иностранных нормативно-правовых актов, судебной практики и научных источников, указывает на то, что данная проблема заслуживает самостоятельного монографического исследования. Здесь же (в своей работе) мы ограничились лишь основными, принципиальными аспектами данной темы.

Следует пояснить, что термины «оперативно-разыскная деятельность» как и «оперативное внедрение» не всегда имеют аналоги в юридическом языке других государств. В некоторых случаях такие действия называются обобщающими терминами – «тайные», «контролируемые» или «специальные» операции, в других – определяются как действия агента под прикрытием. В данной главе мы также будем использовать подобную иностранную терминологию, исходя из фактического (одинакового) смысла соответствующих действий, то есть понимать их как синонимы отечественных законодательных положений.

Следует отметить, что в отечественной теории оперативно-разыскной деятельности нашли отражение многие вопросы правового регулирования, организации и тактики проведения тайных операций в странах дальнего зарубежья<sup>1</sup>. Однако ситуации причинения правомерного вреда в них описывались фрагментарно и второстепенно. При этом в западной правовой науке данные проблемы получили широкое освещение и, как правило, рассматриваются с точки зрения концепции «необходимого зла». В кратком изложении эта идея выражается в совершении «зла» в виде обмана и причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны при проведении тайных операций правоохранительными органами в целях привлечения виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности<sup>2</sup>. Одной из наиболее известных работ, посвященных содержанию «необходимого зла», которая часто цитируется как в Америке, так и в Западной Европе, является изданная в 1988 г. книга Гари Т. Маркса «Под прикрытием: полицейский сыск в Америке» (здесь и далее пер. авт. – Г. Ш.)<sup>3</sup>. Более ранние публикации о вопросах уголовно-правовой оценки действий внедренных агентов относятся к первой половине прошлого века<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Чечетин А. Е., Буряков Е. В. Опыт борьбы с организованной преступностью в США. Омск, 1998; Смирнов М. П. Оперативно-разыскная деятельность полиции зарубежных стран. М., 2001; Ахкубеков А. Х. Правовое регулирование оперативно-разыскной деятельности за рубежом и использования ее результатов в уголовном процессе. М., 2004; Быков А. В. Особенности проведения оперативно-разыскной деятельности ФБР США // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 23–24; Дикарев В. Г., Гаврюшкин Ю. Б. Некоторые особенности правового регулирования оперативного внедрения в странах Европы и США // Вестник ВИПК МВД России. 2016. № 1. С. 97–101; Дмитренко А. П., Русскевич Е. А. Зарубежный опыт законодательной регламентации причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны при проведении оперативного внедрения // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы регион. круглого стола (Рязань, 9 апр. 2015 г.) / под ред. Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. С. 24–31.

<sup>2</sup> Jacqueline E. Ross Tradeoffs in Undercover Investigations: A Comparative Perspective // The University of Chicago Law Review, 2002, vol. 69, no. 3, pp. 1501–1541 (Компромиссы в тайных расследованиях: сравнительный анализ).

<sup>3</sup> Gary T. Marx Undercover: Police Surveillance in America. Copyright Date: Published by: University of California Press, 1988. 280 p. (Под прикрытием: полицейский сыск в Америке).

<sup>4</sup> См., напр.: Delogu F. La responsabilita penale dell'agente provocatore. Stud. Sassaesi 1938. (Уголовная ответственность агента-provokatora).

В данном параграфе ввиду ограниченности объема нами не ставилась цель раскрыть теоретические положения и законодательный опыт правового регулирования причинения вреда при проведении тайных операций большого количества государств. Мы ограничились анализом норм права отдельных из них. Были рассмотрены правовые источники, относящиеся только к двум правовым системам – общего и континентального права. Причиной такого подхода является прежде всего наибольшая развитость научных публикаций, нормативной базы и судебной практики в области интересующих нас вопросов.

В каждой системе проанализированы правовые источники трех государств. Из стран, относящихся к англо-саксонской правовой семье, рассмотрены правовые положения Австралии, Канады и США. Из представителей романо-германской семьи права проведен анализ нормативных актов Германии, Италии и Франции. Кроме того, считаем целесообразным выделить в самостоятельную группу и опыт нескольких стран ближнего зарубежья, которые сохраняют в той или иной степени одинаковую с Российской Федерацией уголовно-правовую доктрину – Беларусь, Украина и Казахстан.

Следует отметить, что рассматриваемые в западных научно-правовых исследованиях вопросы причинения вреда при проведении тайных операций условно можно разделить на два больших блока. Это проблемы, во-первых, провокации и, во-вторых, непосредственно причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны тайными агентами. В последнем случае чаще всего говорят о совершении преступления или незаконных действиях агентов. Учитывая предмет исследования диссертации, мы в дальнейшем остановимся на некоторых моментах последнего.

1. Австралия. Одним из самых известных уголовных дел Австралии, раскрытым в результате проведения тайной операции, проводившейся в 1989 г., является дело Риджвей против Королевы<sup>1</sup>. Оно имеет прецедентное

---

<sup>1</sup> Ridgeway v The Queen [1995] HCA 66. URL : <http://eresources.hcourt.gov.au> (дата обращения: 30.10.2016) (Риджвей против Королевы).



значение и фактически послужило одной из причин развития законодательства в соответствующей области.

Суть дела в следующем. Житель Австралии обратился к своему знакомому из Малайзии с просьбой доставить ему наркотическое средство. Последний сотрудничал с полицией. В ходе разработанной сотрудниками полиции Австралии и Малайзии совместной операции в Австралию было ввезено 140,4 г героина. Во время пересечения границы наркотик находился у сотрудника малайзийской полиции, сопровождавшего информатора. По прибытии наркотик под контролем уже австралийской полиции за 9000 долларов<sup>1</sup> был продан заказчику, который после сделки был задержан.

В своей апелляционной жалобе подсудимый, гражданин Австралии, требовал исключить героин из доказательственной базы, так как он был незаконно ввезен на территорию государства при активном участии Федеральной полиции. В связи с этим Высокий Суд Австралии, помимо виновности лица в приобретении наркотиков, также был вынужден рассматривать и вопросы законности их контролируемой поставки.

Несмотря на то что между ведомствами правоохранительных органов двух государств существовала официальная договоренность о контролируемых поставках, действия информатора и полиции были признаны Судом незаконными. Они рассматривались с точки зрения контрабанды, за которую агенту и сотрудникам полиции грозило наказание в виде лишения свободы на срок до двадцати пяти лет и штраф в размере до 100 000 долларов.

В результате длительного разбирательства Высокий Суд пришел к выводу о том, что интересы общества, состоящие в необходимости привлечения к уголовной ответственности и наказанию виновного в совершении преступления, являются главенствующими (основными). По этой причине доказа-

---

<sup>1</sup> По завершении операции внедренное лицо получило от полиции вознаграждение, равное этой же сумме.

тельства, полученные в результате тайной операции полиции двух стран, не были изъяты из дела<sup>1</sup>.

Высказывая свою позицию по делу, судья Бреннан (Brennan) отметил, что ситуация, с которой столкнулась полиция должна быть урегулирована законодателем<sup>2</sup>. Данная инициатива была воспринята парламентами стран Содружеств, в том числе Канадой и самой Австралией. Законодательные модели регулирования аналогичных ситуаций заключались в получении предварительного разрешения на проведение полицейских операций, что становилось основанием для исключения уголовной ответственности агентов полиции. Правовая реформа предоставляла иммунитет сотрудникам полиции за совершенные ими действия. Это касалось уголовного законодательства как федерального уровня, так и штатов<sup>3</sup>.

В результате, например, в 1995 г., в штате Южная Австралия был принят Уголовный закон об операциях под прикрытием<sup>4</sup>. В 2001 г. в Австралии вступил в действие федеральный закон «О мерах по борьбе с опасной и организованной преступностью»<sup>5</sup>. Этими нормативными актами устанавливались как порядок проведения контролируемых операций, так и основания исключения уголовной ответственности лиц, в них участвующих. Спустя несколько лет, законодательство Австралии в этой области изменилось. На сегодняшний день вопросы правового регулирования причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны раскрываются в первую очередь, в федеральном за-

---

<sup>1</sup> *Ridgeway v The Queen* [1995] HCA 66.

<sup>2</sup> *Ridgeway v The Queen* [1995] HCA 66.

<sup>3</sup> Bronitt S. *The Law in Undercover Policing: A Comparative Study of Entrapment and Covert Interviewing in Australia, Canada and Europe* // *Common Law World Review*. January 2004, p. 43. (Бронитт С. Законы о полицейских операциях под прикрытием: сравнительное исследование провокации и тайных допросов в Австралии, Канаде и Европе)

<sup>4</sup> *Criminal law (undercover operations). Act 1995*. URL : <https://www.legislation.sa.gov.au> (дата обращения 05.10.2016г.).

<sup>5</sup> *Measures to Combat Serious and Organised Crime Act 2001*. URL : <https://www.legislation.gov.au> (дата обращения: 05.10.2016 г.).

коне «О преступлениях» 1914 г. с изменениями на 1 июля 2016 г.<sup>1</sup> (Crimes act 1914). В нем также устанавливается порядок проведения контролируемых операций. Действие закона распространяется на всю территорию Австралийского Союза. Несмотря на то что в штатах может существовать собственное законодательство, регулирующее проведение тайных операций, Закон о преступлениях 1914 г. в этой части имеет более высокую юридическую силу.

Раздел третий названного Закона посвящен описанию условий правомерности так называемого контролируемого поведения. Под ним понимается такое поведение (деяние), осуществляемое при проведении контролируемой операции, которое является преступлением, но уголовная ответственность за него исключается (предоставляется защита от уголовной ответственности – «protection from criminal responsibility»). Обратим внимание на то, что по законодательству Австралии деяние, причиняющее вред при контролируемой операции, считается преступлением. Это характерно для всех обстоятельств, связанных с определенными внешними факторами, юридическая природа которых аналогична нормам главы 8 УК РФ.

Условиями правомерности рассматриваемых контролируемых действий являются следующие:

– правом на причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны обладает должностное лицо, специально на это уполномоченное в установленном порядке. Если участник контролируемой операции не является сотрудником правоохранительного органа, то он не подлежит уголовной ответственности только при условии действия в соответствии с указаниями сотрудника правоохранительного органа;

– контролируемая операция должна проводиться на основании распоряжения специально уполномоченного должностного лица и в соответствии с

---

<sup>1</sup> Crimes act 1914. URL : <https://www.legislation.gov.au> (дата обращения 05.10.2016). Этот закон представляет собой крупный консолидированный акт в основном уголовно-правовых норм «общего права», положений имперских законов и распоряжений (Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / науч. ред. и предисл. И. Д. Козочкина, Е. Н. Трикоз; пер. с англ. Е. Н. Трикоз. СПб., 2002. С. 12).

ним. Причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны допустимо только в целях контролируемой операции. Таковой является получение доказательств, которые могут привести к судебному преследованию лица за совершение серьезного преступления против Содружества или серьезного государственного преступления, которое имеет федеральное значение;

– не допускается превышения пределов причинения вреда при проведении контролируемой операции. Такими пределами являются, во-первых, запрет на участие в деянии, которое повлекло за собой смерть или серьезную травму любому лицу; во-вторых, недопустимость совершения преступления против половой неприкосновенности или половой свободы личности (*sexual offense* – сексуальное преступление); в-третьих, запрет на провокацию преступления, то есть склонение к его совершению лица, которое не было к этому предрасположено<sup>1</sup>.

В 2010 г. австралийское законодательство было дополнено одним из актуальных на сегодняшний день решений в вопросе правового регулирования контролируемых операций. Речь идет об исключении уголовной ответственности не только за участие внедренного лица в преступлении, доказательства по которому устанавливаются, но и за совершение так называемого вспомогательного преступления (причинение вспомогательного вреда). Действия агента в данном случае называются вспомогательным поведением (*ancillary conduct*). Под вспомогательным преступлением понимается деяние, состоящее, во-первых, в сговоре на совершение преступления, возникшего в рамках контролируемой операции, во-вторых, в пособничестве или проявлении какой-либо заинтересованности в совершении такого преступления.

2. Канада. Для формирования законодательства Канады о правомерности действий полиции при проведении тайных операций, как и в Австралии, сыграло важную роль конкретное уголовное дело. Так, в деле Р. против Кам-

---

<sup>1</sup> См.: Шкабин Г. С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности в Австралии и США: опыт для российского законодателя // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 82–87.

пбела<sup>1</sup> Верховный Суд Канады рассмотрел законность действий сотрудников полиции, проводивших в 1991–1992 гг. операцию под прикрытием. Тогда внедренные агенты предоставили покупателям наркотиков 50 кг каннабиса на сумму 270 000 долларов.

При рассмотрении дела судом первой инстанции возникла проблема правовой оценки конфликта нарушения общественных интересов, с одной стороны, и необходимостью эффективного противодействия преступности – с другой. Предупреждая возможность привлечения к ответственности сотрудников правоохранительных органов, еще до рассмотрения апелляции Верховным Судом, Федеральный парламент создал правовую основу для проведения подобных операций, приняв новый закон о контроле за оборотом наркотических средств в 1996 г. Этим нормативным актом предоставлялась неприкосновенность сотрудникам полиции, которые поставляли наркотики в рамках подобных операций. До принятия данного закона полиция не имела законных оснований для участия в операциях с наркотиками. Существовавшие правовые нормы разрешали только в качестве особых исключений хранение определенного количества наркотических веществ<sup>2</sup>.

В названном уголовном деле Верховный Суд Канады отметил, что Парламент создал законодательные исключения для проведения подобных операций. Было обращено также внимание и на существующие недостатки правового регулирования. Так, по мнению Суда, недостаточно того, что с точки зрения защиты общественных интересов в законе была расширена неприкосновенность сотрудников полиции в рамках противодействия наркопреступлениям. Парламенту необходимо было также определить характер и масштаб распространения данной неприкосновенности, обстоятельства, при которых она является доступной. Только Парламент может

---

<sup>1</sup> R v Campbell [1999] 1 SCR 565. URL : <https://scc-csc.lexum.com> (дата обращения: 10.10.2016).

<sup>2</sup> Op. cit. P. 52.

решить, когда цель оправдывает средства, даже если они были незаконными<sup>1</sup>.

В процессе совершенствования нормативной базы и в целях повышения эффективности противодействия организованной преступности в 2002 г. принимается закон о внесении изменений в Уголовный кодекс Канады (Bill C-24)<sup>2</sup>. Этим законом предоставлялась неприкосновенность полиции за совершение действий в правоохранных целях. В нем же определялись и границы дозволенного поведения. В 2005 г. эти нормы претерпели изменения. На сегодняшний день Уголовный кодекс Канады<sup>3</sup> в разделе 25.1 содержит положения, регулирующие правомерное причинение вреда при проведении расследования. Примечательно, что, в отличие от австралийских коллег, канадский законодатель указывает не на преступление, а на действия или бездействие, которые при иных обстоятельствах считались бы преступлением. При этом закон дифференцирует правовое регулирование в зависимости от субъекта, который проводит тайную операцию. Выделяются условия признания таких деяний оправданными, если они совершены либо сотрудником правоохранительного органа, либо иным лицом, действиями которого руководит такой сотрудник.

В первом случае сотрудником правоохранительного органа должен быть государственный служащий, назначенный на должность в установленном порядке и участвующий в расследовании преступления. Он оправдывается за совершение действий или бездействия, которые в противном случае представляли бы собой преступление, а также за руководство такими действиями или бездействием иного лица при наличии следующих условий.

На совершение указанных действий или бездействия должно быть письменное разрешение вышестоящего должностного лица. Закон также предусматривает и ситуации, когда в сложившихся обстоятельствах имеются

---

<sup>1</sup> R v Campbell [1999] 1 SCR 565.

<sup>2</sup> Bill C-24. URL : <http://www.parl.gc.ca> (дата обращения: 7.10.2016).

<sup>3</sup> Criminal Code of Canada. URL : <http://laws-lois.justice.gc.ca> (дата обращения: 20.10.2016).

основания для получения такого разрешения, но сделать это не представляется возможным. Такое деяние будет считаться оправданным при условии, что оно совершено для достижения хотя бы одной из следующих целей:

- сохранить жизнь или гарантировать безопасность любого лица;
- избежать ситуации раскрытия личности должностного лица, действующего под прикрытием, тайного информатора или лица, действующего тайно под руководством и контролем государственного служащего;
- предотвратить неминуемую утрату или уничтожение доказательств в совершении уголовного преступления.

Сотруднику правоохранительного органа, осуществляющему проведение тайной операции, при принятии решения о совершении деяния, которое при иных обстоятельствах считалось бы преступлением, необходимо учитывать сложившиеся условия и руководствоваться прежде всего принципами разумности и пропорциональности. Другими словами, он должен соизмерить причиняемый им вред с характером преступления, в отношении которого проводится расследование. При этом следует учитывать такие моменты, как характер действий или бездействия, характер проводимого расследования и доступное наличие других средств для осуществления государственным служащим своих профессиональных обязанностей в области правопорядка. Государственный служащий, который руководит действиями иного лица, должен руководствоваться теми же критериями для принятия решения о разрешении или запрете совершить деяние, которое при иных обстоятельствах может считаться преступлением.

Отдельно в законе раскрываются условия оправдания деяния, совершаемого лицом, которое не является сотрудником правоохранительного органа и которым руководит государственный служащий. Такое лицо должно на разумных основаниях полагать, что сотрудник правоохранительного органа, который дает ему указание на совершение соответствующего деяния, имеет право на подобные распоряжения. Кроме того, совершать действия или бездействие, которые при иных обстоятельствах считались бы преступлением, допустимо только

с целью оказания помощи государственному служащему в рамках исполнения его профессиональных обязанностей в области обеспечения правопорядка.

Помимо описания так называемых оправдательных условий отдельно для двух категорий субъектов, участвующих в проведении тайных операций, Bill C-24 предусматривает общие для них ограничения. Так, не могут быть оправданы и соответственно влекут за собой уголовную ответственность следующие деяния:

- которые умышленно или по халатности повлекли за собой смерть или телесные повреждения другому лицу;
- умышленное препятствование, затруднение или искажение хода правосудия;
- поведение, которое можно трактовать как преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

3. США. Юридическая природа правомерности действий агентов ФБР, полиции и их доверенных лиц при проведении тайных операций иная, чем в Австралии и Канаде. В судебной практике США XX века неоднократно рассматривались вопросы возможности причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны при проведении тайных операций. Так, в 1976 г. апелляционный суд девятого округа в деле США против Гонзалеса признал допустимыми действия внедренных агентов, которые участвовали в фальшивомонетничестве. Они не только покупали чернила и помогали устанавливать оборудование, но и печатали и даже распространяли фальшивые банкноты<sup>1</sup>.

Одной из наиболее известных тайных операций, связанной с внедрением агента и имеющей значение для дальнейшего нормативно-правового регулирования причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны, является начатая в 1978 г. так называемая операция Абском (Abscam). Основанием для ее проведения послужила поступившая в ФБР информация о том, что несколько членов Конгресса и Сената США получали взятки. Суть операции

---

<sup>1</sup> United States v. Gonzales, 539 F.2d 1238, 1239 (9th Cir. 1976). URL : <https://casetext.com> (дата обращения: 10.10.2016).



состояла в следующем. Несколько секретных агентов ФБР были представлены членам Конгресса и Сената в качестве арабского шейха Ясира Хабиба из Абу-Даби и его помощников. Предоставлялась информация, что шейх готов сделать большие инвестиции и желает эмигрировать в США. Государственным чиновникам предлагались деньги в обмен на помощь и политическое влияние. В результате собранные доказательства были положены в основу обвинения одного сенатора, шести членов Палаты представителей, мэра города, членов муниципального совета и инспектора службы миграции и натурализации.

Проведенная операция вызвала большой резонанс в обществе. В обеих палатах Конгресса были проведены слушания о тайных операциях ФБР, в которых делался вывод о недостаточном контроле внутри ведомства. Вскоре после того, как результаты внедрения агентов получили огласку в обществе, Генеральный Атторней<sup>1</sup> в 1980 г. издал Инструкцию о проведении ФБР операций под прикрытием. Это был первый нормативный документ, регламентирующий рассматриваемые действия<sup>2</sup>.

С того времени Инструкция неоднократно менялась. На сегодняшний день действует Инструкция 2002 года<sup>3</sup>. Она распространяет свою силу как на штатных сотрудников, так и на лиц, с ними сотрудничающих. Действия агентов, причиняющие вред объектам уголовно-правовой охраны, прямо не называются преступлением или разрешенным преступлением. В документе о них говорится как о «так называемой незаконной деятельности».

---

<sup>1</sup> Атторней – должностное лицо в системе федерального правительства, а также правительства штата и органов местного самоуправления. Одной из его основных обязанностей является проведение расследований, предъявление обвинений по уголовным делам и поддержание его в суде. Часто это слово переводится как «прокурор», однако их функции отличаются. См.: Чечетин А. Е., Буряков Е. В. Опыт борьбы с организованной преступностью в США. С. 74.

<sup>2</sup> Joh Elizabeth E., Joo Thomas Wuil, Sting. Victims: Third-Party Harms in Undercover Police Operations (February 27, 2015). URL : <https://ssrn.com> (дата обращения: 20.08.2016) (Жертвы внедрения: вред третьим лицам в результате операций полиции под прикрытием).

<sup>3</sup> Attorney General's Investigative Guidelines, May 30, 2002. FBI Undercover Operations. URL : <https://fas.org> (дата обращения: 10.03.2016).

Условия и пределы причинения вреда описываются в четвертом разделе Инструкции. По общему правилу ни один сотрудник, работающий под прикрытием, не должен без специального разрешения заниматься деятельностью, которая представляет собой нарушение законов.

Разрешение на все виды деятельности под прикрытием, в том числе и те, при которых причиняется вред, должен дать специально уполномоченный агент. При этом выделяются следующие три альтернативные цели причинения вреда:

- для сбора информации или доказательств, необходимых для завершения расследования, при условии, что без причинения вреда, это не представляется возможным;

- для создания или поддержания надежности легенды лица, работающего под прикрытием;

- для предотвращения смерти или нанесения серьезного вреда здоровью.

К пределам допустимого (правомерного) поведения агента, действующего под прикрытием, относится ряд запретов. Это, во-первых, участие в любом акте насилия, за исключением ситуаций самообороны. Во-вторых, внедренный сотрудник не имеет право провоцировать совершение преступления. Под провокацией преступления понимается убеждение агентом лица, которое не было предрасположено к совершению преступления, а также создание условий и содействие совершению правонарушения с целью преследования за его совершение в судебном порядке. Исключение составляют те ситуации, когда есть основания полагать, что лицо будет предрасположено к совершению предлагаемых незаконных действий. В-третьих, запрещается участвовать в действиях с незаконным использованием технических устройств в рамках расследований. Например, противоправные прослушивание телефонных переговоров, взлом электронной почты, проникновение и вторжение или нарушение границ частной территории с целью незаконного обыска.

Специально уполномоченный агент может дать разрешение:

– на совершение деяния, представляющего собой наименее опасное преступление, граничащее с административным правонарушением (мисдиминор) или похожее мелкое преступление, предусмотренное законодательством федерального, штатного или местного уровней;

– приобретение похищенного или контрабандного товара;

– передачу и сбыт похищенного имущества, владельца которого невозможно установить;

– контролируруемую поставку наркотиков (но не их продажу);

– дачу взятки (для большинства случаев дачи взятки устанавливается особый порядок получения разрешения в штаб-квартире ФБР);

– намеренное заблуждение третьих лиц в отношении сокрытия настоящего удостоверения личности или подлинного владельца хозяйствующего субъекта (за исключением заявления, сделанного под присягой, и дачу ложных показаний);

– проведение не более пяти операций по отмыванию денег, не превышающих максимально установленную сумму в 1 миллион долларов.

В нормативном акте предусматривается также возможность участия агента в деянии, которое является тяжким преступлением или его эквивалентом, не подпадающим под перечисленные выше случаи, а также дача ложного заявления под присягой или дача ложных показаний. В таких ситуациях требуется дополнительное разрешение со стороны помощника Директора ФБР после рассмотрения Комитетом по пересмотру операций, проводимых под прикрытием.

Участие в деятельности, которая предполагает значительную угрозу применения насилия или нанесения физического вреда, требует разрешения со стороны Директора ФБР, его помощника или уполномоченного исполнительного помощника Директора, после рассмотрения Комитетом по пересмотру операций, проводимых под прикрытием.

Если сотрудник, работающий под прикрытием, полагает, что участие в деянии, причиняющем вред, является неизбежным и при этом он не предви-

дел и не ожидал наступления данных событий, то он должен предпринять все возможные меры, чтобы проконсультироваться со специальным уполномоченным агентом. Последний должен при наличии возможности незамедлительно обратиться к уполномоченному помощнику Директора ФБР и в Комитет по пересмотру операций, проводимых под прикрытием, за разрешением на основании чрезвычайного положения.

В случае, когда консультация невозможна и сотрудник, работающий под прикрытием, полагает, что существует прямая и серьезная угроза жизни, физической безопасности или имуществу, он может участвовать в деянии, причиняющем вред, без разрешения. Ограничением являются ситуации, связанные с насилием. В таком случае предпринимаются все возможные меры, чтобы избежать его. Решение сотрудника относительно участия в описанных действиях может быть одобрено задним числом при условии, что оно будет признано допустимым.

Несмотря на то что по общим правилам применение насилия является недопустимым, в Инструкции предусмотрено исключение. Так, если операция, проводимая под прикрытием, приводит в результате к совершению насилия, то специальный уполномоченный агент должен незамедлительно уведомить об этом соответствующего федерального атторнея и штаб-квартиру ФБР, которые информируют помощника Генерального Атторнея по уголовным делам.

Отдельно оговаривается право агента на самооборону с целью сохранить свою жизнь или жизни других лиц против незаконного и необоснованного применения силы. О данных мерах необходимо незамедлительно сообщить соответствующему федеральному атторнею и в штаб-квартиру ФБР, которые должны информировать помощника Генерального Атторнея по уголовным делам. В Инструкции подчеркивается, что во всех случаях при планировании и проведении операции ФБР обязано предпринимать шаги по минимизации участия сотрудников, работающих под прикрытием, в так называемой незаконной деятельности.

Таким образом, в рассматриваемом документе достаточно подробно регламентируются ситуации совершения внедренными лицами деяний, которые причиняют вред объектам уголовно-правовой охраны. Однако следует обратить внимание на одну особенность в отношении данной Инструкции для ФБР. Все перечисленные в ней требования не являются обязательными, и поэтому агенты, их нарушившие, не могут быть привлечены к ответственности<sup>1</sup>. Другими словами, несоблюдение положений Инструкции указывает лишь на совершение дисциплинарного проступка. Более того, подобного рода инструкции разработаны на федеральном уровне. Они не накладывают ограничения на возможность проведения тайных операций полицией, которая в США функционирует в основном на местном уровне.

В правоприменительной практике США случаи привлечения к уголовной ответственности агентов, работающих под прикрытием, являются исключительными. Это объясняется прежде всего тем, что нормы уголовного права фактически играют подчиненную роль по отношению к инструкциям ФБР в регулировании методов работы под прикрытием<sup>2</sup>. Однако если такая вероятность и возникнет, то существуют по меньшей мере два основания, исключающие уголовную ответственность внедренного лица.

1. Внедренное лицо, которое при выполнении операции причинило вред объектам уголовно-правовой охраны, не будет подлежать уголовной ответственности ввиду отсутствия признаков субъективной стороны. Так, в учебнике по уголовному праву 2008 г. указывается на то, что в ряде случаев

---

<sup>1</sup> Wagner Georg A., United States' Policy Analysis on Undercover Operations // Int'l J. Police Sci. & Mgmt. 2007, no 9, p. 373. (А. Вагнер Джордж. Анализ операций, проводимых под прикрытием в США // Междунар. журн. о полиции и управлении. 2007. № 9. С. 373)

<sup>2</sup> Ross E. Jacqueline. Impediments to Transnational Cooperation in Undercover Policing: A Comparative Study of the United States and Italy // American Society of Comparative Law. 52, 2004, no 3, p. 581. (Росс Жаклин И. Препятствия для проведения международных операций под прикрытием: сравнительный анализ США и Италии // Американский журнал сравнительного права. 2004. Т. 52, № 3)

участие офицера полиции в преступлении не будет считаться незаконным, так как у него отсутствовал преступный умысел<sup>1</sup>.

2. Основанием неправомерности поведения внедренного лица является так называемая защита государственной власти. Она также известна как защита авторитета правоохранительных органов, которая оправдывает причинение вреда правоохраняемым объектам сотрудниками полиции или гражданским лицом, действующим по их поручению.

В уголовном праве США выделяется ряд условий защиты государственной власти:

- поведение представителя полиции должно быть разрешенным;
- средства, используемые полицией, должны быть необходимыми;
- причинение вреда правоохраняемым объектам должно совершаться только в целях поддержания законности<sup>2</sup>.

Несмотря на существование данных условий, не имеющих нормативного закрепления, в уголовно-правовой литературе отмечается, что на практике не существует универсального критерия, который может определить ситуации, когда поведение носило незаконный характер в рамках операций, проводимых под прикрытием<sup>3</sup>. Иначе говоря, правовая система Америки предоставляет сотрудникам, осуществляющим операции под прикрытием, в результате которых причиняется вред объектам уголовно-правовой охраны, чрезвычайно широкие права на неприкосновенность.

Обобщая анализ правового обеспечения оперативного внедрения в Австралии, Канаде и США, нельзя сделать однозначный вывод о том, что в этих странах правомерность причинения вреда при проведении тайных операций

---

<sup>1</sup> Wayne LaFave. *Substantive Criminal Law*. 2d ed. 2008. (Уэйн Лафав. Материальное уголовное право. 2-е изд. 2008). Цит. по: E. Joh Elizabeth. *Breaking the Law to Enforce It: Undercover Police Participation in Crime* // *Stanford Law Review*. 2009, vol. 62, Iss. 1, p. 169. (Джо Элизабет И. Нарушить закон, чтобы применить его: участие агентов, работающих под прикрытием, в преступлении // Стэнфорд. юрид. вестн. 2009. Т. 62. Ч. 1)

<sup>2</sup> Joh Elizabeth E. *Breaking the Law to Enforce It: Undercover Police Participation in Crime*. 2009, pp. 169–170.

<sup>3</sup> Ross Jacqueline E. *Impediments to Transnational Cooperation in Undercover Policing: A Comparative Study of the United States and Italy*. P. 571.

предусмотрена нормами исключительно уголовного права. Несмотря на то что в Австралии и Канаде соответствующие положения закреплены в нормативно-правовых актах, которые называются (уголовными кодексами, по своему содержанию их трудно отнести только к уголовному законодательству. Эти законы имеют консолидированный характер. Нормы же, предусматривающие правомерность причинения вреда внедренным лицом, содержат как материальные, так и процессуальные начала. При этом следует отметить четкость описания ситуаций и границ правомерности причинения вреда лицами, осуществляющими оперативное внедрение в этих странах. Данные обстоятельства могут быть учтены при внесении изменений и в российское законодательство.

Из рассматриваемой группы стран выделяются США. Сложившаяся там ситуация характеризуется отсутствием законодательного регулирования данной проблемы. А сформированные правоприменительной практикой и теорией уголовного права правила о неприступности действий представителей государства фактически делают полномочия тайных агентов полиции и ФБР близкими к безграничным.

## **§ 2. Сочетание материальных и процессуальных норм в регулировании причинения вреда при проведении тайных операций в системе континентального права**

Переходя к рассмотрению анализируемой проблемы в государствах континентальной системы права, следует сказать, что в большинстве из них развитие теории и законодательства, как уголовного, так и права в целом, имеет гораздо более давнюю историю, чем в рассматриваемых странах общего права. Это объясняет то, что вопросы причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны при внедрении лица в преступную среду рассматриваются, чаще всего с позиций уголовной ответственности и ее исключения (Италия, Германия). Од-

нако в последнее время в науке и юридической регламентации данный вопрос нередко переходит в процессуальную плоскость (прежде всего Франция).

Кроме того, развитие и состояние правового регулирования действий внедренного лица в Европе обусловлено историческими процессами, происходившими в этих странах в XX веке. В Германии, Италии и во Франции работа полиции под прикрытием с социально-психологических позиций (нередко ошибочно) ассоциируется с практикой фашизма или пособничества ему. После Второй мировой войны, вплоть до 70-х годов прошлого века, полицейские органы Германии и Италии вообще не использовали работу под прикрытием. И только когда остро возникла угроза терроризма и распространения наркотиков, это стало весьма насущным<sup>1</sup>. В современных условиях законодательство этих государств, разумеется имеет в своем арсенале средства обеспечения тайных операций.

1. Германия. Вопросы правового регулирования проведения таких операций в ФРГ стали особенно актуальны после совершения серии террористических актов в последней четверти XX века. Но на законодательном уровне они были реализованы лишь в 1992 г. в Законе «О борьбе с незаконным оборотом наркотиков и другими проявлениями организованной преступности»<sup>2</sup>.

На сегодняшний день одним из основных нормативных актов, регулирующих условия и порядок проведения тайных операций, является Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ<sup>3</sup>. В нем действиям штатных негласных сотрудников, участвующих в проведении операций по внедрению, посвящены §§ 110а–110е. Негласная работа полиции регулируется также законодательством о полиции в 16 немецких землях.

---

<sup>1</sup> Jacqueline E. Ross Undercover Policing and the Shifting Terms of Scholarly Debate: The United States and Europe in Counterpoint // The Annual Review of Law and Social Science is online at [lawsocsci.annualreviews.org](http://lawsocsci.annualreviews.org). 2008. P. 240–241. (Жаклин И. Росс Работа полиции под прикрытием в меняющихся условиях: научная дискуссия. США против Европы // Ежегодный вестник по юриспруденции и социологии. 2008.)

<sup>2</sup> См.: Gesetz zur Bekämpfung des illegalen Rauschgifthandels und anderer Erscheinungsformen der Organisierten Kriminalität. Vom 15. Juli 1992. URL : <https://www.jurion.de> (дата обращения: 21.11.2016).

<sup>3</sup> См.: Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия : науч.-практ. коммент. и пер. текста закона. М., 2012. 408 с.



Штатные негласные сотрудники являются чиновниками полицейской службы, ведущими расследование под другой (залегендированной) личностью, созданной для них на длительное время.

С санкции прокурора эти лица могут использоваться для раскрытия преступления, если существуют достаточные фактические признаки того, что оно имеет важное значение<sup>1</sup>. К таким деяниям относятся следующие:

- 1) преступления в сфере нелегальной торговли наркотическими средствами или оружием, фальшивомонетничества или подделки знаков оплаты;
- 2) преступления, направленные против государственной безопасности;
- 3) совершение преступлений в виде промысла<sup>2</sup> или неоднократно вследствие особой склонности<sup>3</sup>;
- 4) преступления, совершенные бандой или иной организованной преступной группой;
- 5) если есть достаточные основания полагать, что существует опасность рецидива преступлений.

Учитывая сложность и опасность проведения подобных операций, использование штатных негласных сотрудников допустимо, только если раскрытие перечисленных преступлений иными способами, не связанными с проведением оперативного внедрения, было существенно затруднено или невозможно. В качестве исключения из приведенного правила закон предусматривает возможность проведения тайных операций с использованием штатных негласных сотрудников, если это обусловлено целесообразностью в связи с особым значением преступления, а иные меры не способны привести к желаемому результату.

---

<sup>1</sup> Данную формулировку немецкий законодатель использует для обозначения необходимости соблюдения принципа соразмерности. См.: Там же. С. 178.

<sup>2</sup> Преступное деяние совершается в виде промысла, если лицо планирует получать регулярный существенный доход от неоднократного совершения преступного деяния. См.: Там же. С. 146.

<sup>3</sup> При этом преступное деяние должно быть совершено как минимум дважды вследствие склонности, возникшей в результате привычки, даже если преступник не осознает эту склонность. См.: Там же.

На законодательном уровне специально для тайных операций не предусматривается возможность правомерного причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны. Таких норм нет ни в уголовном, ни в других законах. В Уголовно-процессуальном кодексе ФРГ единственным исключением является ч. 3 § 110а. В ней допускается использование заведомо ложных документов в целях создания или поддержания легенды. Более того, в Общих рекомендациях по использованию в правоохранительной деятельности информаторов, доверенных лиц и сотрудников, работающих под прикрытием<sup>1</sup>, разработанных министрами юстиции, внутренних дел и сенаторами земель, прямо говорится о запрете для сотрудников совершать какие-либо преступления. Таким образом, по сравнению с правом вышерассмотренных стран законодательство Германии содержит достаточно строгие ограничения дискреционных полномочий лиц, участвующих в проведении тайных операций.

Однако такая категоричность компенсируется существующими исключениями. В вышеназванных рекомендациях указывается на то, что в исключительных случаях причинение вреда внедренными сотрудниками полиции может быть оправдано в соответствии с уголовно-правовыми нормами о крайней необходимости.

Под крайней необходимостью в немецком уголовном праве понимается состояние грозящей опасности охраняемым правом интересам, устранение которой возможно только за счет чужих интересов<sup>2</sup>. Уголовный кодекс Германии<sup>3</sup> содержит два вида крайней необходимости. Первый, предусмотренный § 34, это так называемая правомерная крайняя необходимость. В данном случае действует требование о недопустимости превышения допустимых

---

<sup>1</sup> Inanspruchnahme von Informanten, Einsatz von V-Personen und Verdeckten Ermittlern vom 21. Februar 1994, zuletzt geändert durch Gemeinsamen Runderlass vom 30. November 2015. URL : <http://bravors.brandenburg.de> (дата обращения: 25.11.2016).

<sup>2</sup> Подробнее о крайней необходимости в уголовном праве ФРГ см.: Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 194–206.

<sup>3</sup> Strafgesetzbuch (StGB) Bundesrecht. URL : <https://www.jurion.de> (дата обращения: 20.11.2016).

пределов. Причиненный в таких условиях вред будет считаться разрешенным, только если он менее значим по сравнению с охраняемыми интересами.

В § 35 УК ФРГ регламентируется извинительная крайняя необходимость. Она устраняет вину, но не исключает противоправность деяния. Ее специфика состоит в том, что при ее наличии противопоставляются два равноценных блага. При этом опасность должна угрожать не любым, а лишь определенным благам. К ним относятся жизнь, здоровье и свобода защищаемого лица или других лиц, находящихся с ним в близких отношениях. Причинение вреда в таких случаях является противоправным, но не преступным<sup>1</sup>.

При решении вопросов о допустимости причинения вреда при проведении операций под прикрытием, § 34 УК ФРГ применялся в правоприменительной практике немецкой полиции достаточно длительное время<sup>2</sup>. Кроме того, в теории высказывалось мнение, что внедренные агенты могут совершать достаточно широкий круг деяний, схожих с преступлениями. Исключения составляют только преступления, связанные с торговлей людьми и сексуальным насилием<sup>3</sup>. Несмотря на это, в современной юридической литературе ФРГ высказываются мнения о том, что для регулирования правомерного причинения вреда внедренными лицами недостаточно существования только общей нормы о крайней необходимости. Законодателю предлагается предусмотреть специальные полномочия для агентов, работающих под прикрытием<sup>4</sup>.

2. Италия. Правовая система Италии допускает проведение операций под прикрытием, в ходе которых возможно причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны. С 1990 г. Парламентом Италии была принята целая

---

<sup>1</sup> См.: Жалинский А. Э. Указ. соч. С. 203.

<sup>2</sup> Kirkpatrick D. Der Einsatz von Verdeckten Ermittlern: Handbuch für die Praxis der Strafverfolgungsbehörde. Verlag Deutsche Polizeiliteratur. Germany. 2011. S. 72. (Киркпатрик Д. Использование тайных следователей : руководство по практике правоохранительных органов. Издательство Немецкая полицейская литература. Германия)

<sup>3</sup> Krey V. Rechtsprobleme des strafprozessualen Einsatzes Verdeckter Ermittler. Wiesbaden, ВКА, 1993. Rn. 80. (Крей В. Правовые проблемы уголовно-процессуального использования тайных агентов. Висбаден, Федеральное ведомство уголовной полиции.)

<sup>4</sup> Kirkpatrick D. Dekret. soch. С. 73.

серия законов, позволяющих агентам в рассматриваемых ситуациях избежать уголовной ответственности. Эти исключения являлись специальными и применялись только в строго определенных случаях. В нормативных актах исключалась уголовная ответственность сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих тайные операции по раскрытию соответствующих преступлений. Например, Сводный текст законов «О регулировании оборота наркотических и психотропных веществ, профилактики, лечения и реабилитации наркомании в государстве» 1990 г., предусматривал возможность покупки наркотиков<sup>1</sup>. В Законе 1992 г. № 356, регулирующем меры борьбы с преступлениями, совершаемыми мафией, предусматривались дискреционные полномочия агентов, участвующих в проведении операций по раскрытию отмывания денег, торговли оружием, ростовщичества, вымогательства<sup>2</sup>. Аналогичные положения предусматривались Законом 1998 г. № 269 в отношении распространения детской порнографии, туризма с целью педофилии<sup>3</sup>. Полномочия агентов, участвующих в операциях, проводимых в отношении преступлений террористического характера, предусматривались в Законе 2001 г., №. 438, посвященном мерам по борьбе с международным терроризмом<sup>4</sup>.

Однако, спустя несколько лет, в 2006 г. парламент Италии принимает Закон «О ратификации и исполнении Конвенции и протоколов Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятых Генеральной Ассамблеей 15 ноября 2000 г. и 31 мая 2001

---

<sup>1</sup> Legge 26 giugno 1990, n. 162. Recante disciplina degli stupefacenti e sostanze psicotrope, prevenzione, cura e riabilitazione dei relativi stati di tossicodipendenza. URL : <http://www.altalex.com> (дата обращения 07.07.2016).

<sup>2</sup> Legge 7 agosto 1992, n. 356. Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 8 giugno 1992, n. 306, recante modifiche urgenti al nuovo codice di procedura penale e provvedimenti di contrasto alla criminalita' mafiosa. URL : <http://www.gazzettaufficiale.it> (дата обращения: 07.07.2016).

<sup>3</sup> Legge 3 agosto 1998, n. 269. Norme contro lo sfruttamento della prostituzione, della pornografia, del turismo sessuale in danno di minori, quali nuove forme di riduzione in schiavitù. URL : <http://www.camera.it> (дата обращения: 07.07.2016).

<sup>4</sup> Legge 15 dicembre 2001, n. 438. Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 18 ottobre 2001, n. 374, recante disposizioni urgenti per contrastare il terrorismo internazionale. URL : <http://www.parlamento.it> (дата обращения 21.07.2016).

г.»<sup>1</sup>. Этим нормативным актом прекращается действие отдельных положений большинства из законов, предусматривавших правомерность причинения вреда при проведении специальных операций полиции<sup>2</sup>. Вместе с тем им же в ст. 9 закрепляются новые, более универсальные условия, при которых такие действия могут совершаться. Данная норма распространяет свое действие на гораздо более широкий круг субъектов и ситуаций, чем те, которые были описаны в специальных законах.

Прежде всего следует отметить, что в основе правового регулирования причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны при проведении специальных операций находятся положения уголовного законодательства. Таковым является ст. 51 УК Италии<sup>3</sup> об осуществлении права или исполнении обязанности. Данная норма предусматривает два обстоятельства, исключающих уголовную ответственности. Это, собственно, осуществление права или исполнение обязанности, а также исполнение приказа.

В первом случае речь идет о праве или обязанности, которые предусмотрены нормой права или законным распоряжением органа государственной власти. Ввиду обязательности наличия корреспондирующих связей, данная часть нормы самостоятельного значения фактически не имеет и носит бланкетный характер. Содержание и условия исполнения приказа имеют существенное сходство с условиями правомерности аналогичного обстоятельства, исключающего преступность деяния, предусмотренного ст. 42 УК РФ.

Субъектами, которым предоставляется право на причинение вреда при проведении тайных операций, являются офицеры судебной полиции Госу-

---

<sup>1</sup> Legge 16 marzo 2006, n. 146 «Ratifica ed esecuzione della Convenzione e dei Protocolli delle Nazioni Unite contro il crimine organizzato transnazionale, adottati dall'Assemblea generale il 15 novembre 2000 ed il 31 maggio 2001». URL : <http://www.parlamento.it> (дата обращения: 11.10.2016).

<sup>2</sup> Исключение составило лишь законодательство об обороте наркотических средств и психотропных веществ, в котором ст. 97, регулирующая условия причинения вреда при проведении полицейских тайных операций, была впоследствии изменена и приведена в соответствие с рассматриваемым законом.

<sup>3</sup> Codice penale Italiano. URL : <http://www.anvu.it> (дата обращения: 07.06.2016).

дарственной полиции Италии; карабинеры; сотрудники финансовой полиции; сотрудники специализированных подразделений по борьбе с мафией; следственного отдела по борьбе с мафией. Такое право принадлежит также лицам, сотрудничающим с правоохранительными органами.

В отдельную группу выделяются сотрудники судебной полиции, принадлежащие к судебным следственным органам Государственной полиции, и карабинеры, специализирующиеся в деятельности по борьбе с терроризмом и подрывной деятельностью, а также сотрудники финансовой полиции, осуществляющие деятельность по противодействию финансированию терроризма. Они, а также лица, оказывающие им содействие, имеют право на причинение вреда в ходе специальных операций полиции с целью получения доказательств в отношении преступлений террористического характера.

Специальные операции, при которых допускается причинение вреда, проводятся в целях получения доказательств в совершении только определенных преступлений. К ним относятся следующие:

- отмывание денег (ст. 648-бис УК Италии);
- использование денег, имущества и преимуществ, полученных незаконным путем (ст. 648-тер);
- преступления против личности: содержание в рабстве или подневольном состоянии (ст. 600), детская проституция (600-бис), детская порнография (600-тер), торговля людьми и другие предусмотренные в книге II разделе XII главе III, разделе I УК Италии;
- все преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;
- преступления, связанные с незаконной миграцией (предусмотрены ст. 12, пп. 3, 3-бис и 3-тер законодательного акта от 25 июля 1998 г., № 286<sup>1</sup>);
- преступления, связанные с организацией проституции (предусмотрены ст. 3 Закона от 20 февраля 1958 г., № 75<sup>1</sup>).

---

<sup>1</sup> Decreto legislativo 25 luglio 1998, n. 286. Testo unico delle disposizioni concernenti la disciplina dell'immigrazione e norme sulla condizione dello straniero. URL : <http://www.normattiva.it> (дата обращения: 07.09.2016).

Все правомерные деяния, причиняющие вред объектам уголовно-правовой охраны в рассматриваемых ситуациях, в правовой науке Италии принято классифицировать на два вида. Так, в зависимости от интенсивности их делят на активные и пассивные<sup>2</sup>.

К числу активных разрешенных действий относится пособничество в совершении преступления (укрывательство лиц, предметов, орудий или средств совершения преступления или иное способствование лицам, совершающим преступление). Внедренные лица могут приобретать, получать, хранить, скрывать от правоохранительных органов и других лиц определенные вещи, которые являются предметом, орудием или средством совершения преступления. Это деньги, оружие, документы, лекарства, другие товары или вещи. Кроме того, агенты могут использовать документы, удостоверение личности или знаки прикрытия для контакта с отдельными лицами или входа на сайты в социальных сетях.

Операции, связанные с причинением вреда объектам уголовно-правовой охраны, проводятся только с разрешения ответственных лиц соответствующего ведомства на уровне провинций. О предстоящей операции и ходе ее проведения уведомляется прокурор<sup>3</sup>. В случае если проводится операция в отношении преступлений, связанных с незаконной миграцией, то необходимо ее согласовать с Центральным управлением по вопросам иммиграции и государственной границы.

Пассивные деяния правоохранительных органов связаны с несовершением тех действий, которые при обычных обстоятельствах должны быть совершены. Речь идет о тех ситуациях, когда необходимо получить важные доказательства или осуществить задержание лиц, совершивших перечисленные

---

<sup>1</sup> Legge 20 febbraio 1958, n. 75. Abolizione della regolamentazione della prostituzione e lotta contro lo sfruttamento della prostituzione altrui. URL : [https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/legge\\_20\\_febbraio\\_1958\\_n\\_75.pdf](https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/legge_20_febbraio_1958_n_75.pdf) (дата обращения: 07.09.2016).

<sup>2</sup> Barrocu G. Le indagini sotto copertura : Tesi di dottorato. Università degli studi di Trieste. 2009. 37. URL : <http://hdl.handle.net> (дата обращения: 07.09.2016). (Барроцу Г. Расследования тайных агентов: докторская диссертация. Университет Триеста.)

<sup>3</sup> Прокуратура в Италии, исходя из своих функций, относится к судебной власти. См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. для вузов / А. А. Мишин М., 2009. С. 119.

выше преступления, а также вымогательство (ст. 629 УК Италии) или ростовщичество (ст. 644). В этих случаях сотрудники правоохранительных органов могут отложить осуществление действий в рамках своей компетенции. Об этом уведомляется прокурор.

По тем же причинам прокурор может отложить исполнение предупредительных мер, задержания подозреваемого в совершении преступления, процедуру ареста или изъятие его имущества. В экстренных случаях распоряжение о задержке исполнения вышеуказанных мер может быть дано в устной форме, но соответствующее постановление должно быть издано в течение следующих сорока восьми часов.

Прокурор также дает полиции необходимые распоряжения для проведения контролируемой поставки, информируя при этом судебные органы места, где осуществляется транзит элементов, которые являются предметом, орудием или средством совершения преступления.

Таким образом, в Италии право внедренного лица на причинение вреда имеет четкие границы и строго регламентировано. Фактически правоприменитель вынужден руководствоваться сочетанием норм материального и процессуального характера. Исходя из буквального толкования законодательства агента могут привлечь к уголовной ответственности, если он причинит вред, но сделает это в целях получения доказательств совершения преступлений, не включенных в приведенный выше перечень. Данные ограничения оказывают соответствующее влияние на деятельность правоохранительных органов.

Тем не менее рано или поздно, внедренные лица оказываются в ситуациях выбора: совершить запрещенные законом действия или быть раскрытым либо упустить возможность внедриться более глубоко в преступную группу и выявить новых соучастников и т. п. В таких случаях действия агентов, как правило рассматриваются с учетом положений ст. 54 УК Италии «Состояние необходимости», которая в целом является аналогом ст. 39 УК РФ. Данная норма исключает наказуемость лица, вынужденно причинившего вред в условиях непосредственно грозящей опасности. Необходимым усло-



вием является пропорциональность причиняемого вреда грозящей опасности. Несмотря на то что рассматриваемая норма отчасти решает проблему, такой вариант возможен только при наличии неофициальной договоренности с прокурором и судьей<sup>1</sup>. Таким образом, несмотря на наличие в итальянском законодательстве казуистичного регулирования причинения вреда агентами при проведении тайных операций, правоприменительная практика все же находит пути решения возникающих проблем путем применения общих норм уголовного права.

3. Франция. Как указывается в юридической литературе, современное состояние французского законодательства, регулирующего ситуации причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны при проведении операций под прикрытием, является следствием устранения политических разногласий и межведомственных конфликтов<sup>2</sup>. Речь идет прежде всего о соперничестве за сферы влияния таможенных органов и национальной полиции. Оба ведомства имели право на осуществление оперативно-разыскной деятельности, результаты которой часто использовались друг против друга. Попытка решения проблемы была найдена в создании при национальной полиции Межведомственной службы по вопросам технической поддержки<sup>3</sup>. Эта организация отвечает за подготовку, организацию и контроль проведения операций по внедрению сотрудниками как полиции, так и таможни.

Методы работы под прикрытием в юридической литературе Франции не рассматривались как проблема уголовной ответственности и ее исключения, что создало вокруг этой проблемы юридический вакуум<sup>4</sup>. Тем не менее законодатель пошел по пути уголовно-процессуального регулирования про-

---

<sup>1</sup> См.: Ross Jacqueline E. Impediments to Transnational Cooperation in Undercover Policing: A Comparative Study of the United States and Italy. P. 593–595, 607.

<sup>2</sup> Ross Jacqueline E. Undercover Policing and the Shifting Terms of Scholarly Debate: The United States and Europe in Counterpoint.

<sup>3</sup> См.: Сайт национальной полиции Франции. URL : <http://www.police-nationale.interieur.gouv.fr> (дата обращения: 03.05.2016).

<sup>4</sup> Levy R. Les Livraisons Surveillees de Stupefiants: Legaliser pour Mieux Controler? // Quest. P'enal. 2002. XV:5. (Леви Р. Контролируемая поставка наркотических средств: легализовать для лучшего контроля? // Уголовный вестник).

ведения тайных операций, причиняющих вред объектам уголовно-правовой охраны. При этом совершенно очевидно, что существующие нормы содержат в себе и материальные начала.

На сегодняшний день ситуации причинения вреда сотрудниками полиции или таможни, осуществляющими операции под прикрытием, регулируются нормами двух законов. Это соответственно Уголовно-процессуальный кодекс Франции<sup>1</sup> и Таможенный кодекс Франции<sup>2</sup>.

В заголовке XXV «О процедуре, применимой к организованной преступной деятельности» УПК Франции содержится раздел 2, который называется «О внедрении». Этот раздел содержит семь статей, регламентирующих порядок проведения операций по внедрению и условия правомерности причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны. Поведение внедренных лиц, совершивших вредоносные действия, в законодательстве Франции именуется преступлением, совершение которого оправдывается ввиду осуществления процедуры внедрения.

Субъектами причинения правомерного вреда являются офицер или агент судебной полиции Франции, уполномоченные проводить операции по внедрению. Мотивированное решение о проведении операции оформляется письменно и заверяется офицером судебной полиции, обязанным ее координировать. Он несет ответственность за необходимость проведения внедрения и создает условия, исключая угрозы для внедренного агента и других задействованных лиц. Все действия по причинению внедренным лицом вреда согласуются и контролируются соответствующим прокурором Республики или при его одобрении судьей, ведущим дело.

Внедрение, при котором допустимо причинение вреда, возможно проводить только для расследования следующих преступлений:

---

<sup>1</sup> Code de procédure pénale en France. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 03.11.2016).

<sup>2</sup> Code des douanes françaises. Version consolidée au 15 novembre 2016. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 03.11.2016).

- убийство, совершенное организованной преступной группой (ст. 221-4 УК Франции<sup>1</sup>);
- применение пыток или жестокого обращения, совершенные организованной преступной группой (ст. 222-4);
- тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (ст. 222-34–222-40);
- похищение человека и незаконное лишение свободы, совершенные организованной преступной группой (ст. 224-5-2);
- преступления, связанные с торговлей людьми (ст. 225-4-2–225-4-7);
- преступления, связанные с организацией занятием проституцией при отягчающих обстоятельствах (ст. 225-7–225-12);
- кража, совершенная организованной преступной группой (ст. 311-9);
- вымогательство, совершенное при отягчающих обстоятельствах (ст. 312-6, 312-7);
- уничтожение или повреждение чужого имущества путем взрыва, поджога или любого другого средства, способного создать опасность для людей, совершенные организованной преступной группой (ст. 322-8);
- фальшивомонетничество (ст. 442-1, 442-2);
- преступления террористического характера (ст. 421-1–421-6);
- преступления, связанные с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ (ст. 222-52–222-54, 222-56–22-59, 322-6-1–322-11-1 УК Франции, ст. L. 2339-2, L. 2339-3, L. 2339-10, L. 2341-4, L. 2353-4 и L. 2353-5 Кодекса обороны<sup>2</sup> и ст. L. 317-2 и L. 317-7 Кодекса внутренней безопасности<sup>3</sup>);

---

<sup>1</sup> Code pénal français. Version consolidée au 16 novembre 2016. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 17.11.2016).

<sup>2</sup> Code de la defense française. Version consolidée au 27 octobre 2016. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 17.11.2016).

<sup>3</sup> Code de la sécurité intérieure france. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 17.11.2016).

– преступления, связанные с незаконной миграцией иностранцев во Франции, совершенные организованной преступной группой (ст. L. 622-1 Кодекса о проживании иностранцев и предоставления им убежища<sup>1</sup>);

– преступления, связанные с отмыванием денежных средств или имущества, приобретенного преступным путем (ст. 324-1, 324-2 УК Франции), и приобретением, хранением или передачей имущества, добытого преступным путем (ст. 321-1, 321-2);

– преступления, связанные с угоном воздушного судна, иного судна или транспортного средства, совершенные организованной преступной группой (ст. 224-6-1);

– различные виды мошенничества (ст. 313-2);

– совершенное организованной преступной группой нарушение работы системы автоматизированной обработки персональных данных, осуществляемой государством (ст. 323-4-1);

– преступления, состоящие в нарушении трудового законодательства, совершенные организованной преступной группой (ст. L. 8221-1–L. 8221-3, L. 8221-5, L. 8224-1, L. 8224 -2, L. 8231-1, L. 8234-1, L. 8234-2, L. 8241-1, L. 8243-1, L. 8243-2, L. 8251-1, L. 8256-2 Трудового кодекса Франции<sup>2</sup>);

– приготовление группой лиц по предварительному сговору или организованной преступной группой к совершению любого из вышеперечисленных преступлений (ст. 450-1);

– преступления, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 321-6-1);

– преступления, связанные с распространением оружия массового поражения (ст. 706-167);

---

<sup>1</sup> Code de l'entrée et du séjour des étrangers et du droit d'asile. Version consolidée au 1 novembre 2016. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 17.11.2016).

<sup>2</sup> Code du travail. Version consolidée au 16 novembre 2016. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 18.11.2016).

– совершение экологических преступлений (ст. L. 512-2 Горного кодекса Франции<sup>1</sup>);

– незаконный импорт, экспорт, транзит, перевозка, хранение, продажа, покупка или обмен культурных ценностей (ст. 322-3-2).

Содержание операции по внедрению состоит в вводе лица в окружение подозреваемых в совершении преступления и в слежении за ними в качестве одного из соисполнителей или пособников совершаемого деяния. В этом случае внедренное лицо вправе совершать при необходимости деяния, характерные для его залегендированной личности. Причинение вреда в таком случае не может служить поводом для возбуждения дела о совершении преступления.

Внедренным лицам разрешается:

1) приобретать, хранить, перевозить, доставлять или выдавать вещества, товары, продукты, документы или информацию, которые добыты в результате совершения преступления или могут быть использованы для его совершения;

2) использовать или предоставлять лицам, совершающим преступление, средства юридического или финансового характера, а также транспортные средства и средства связи, укрывать лиц, совершающих преступление.

Перечисленные действия могут совершаться в двух целях: во-первых, для ввода лица в криминальную среду, то есть совершение так называемых вспомогательных действий; во-вторых, для достижения целей самой операции, состоящих в расследовании соответствующих преступлений.

Статья 67-бис Таможенного кодекса Франции содержит схожие положения. Сотрудники таможни, уполномоченные министром, с согласия прокурора, на основании решения офицера, обязанного координировать проведение тайных операций, также имеют право на проведение контролируемых

---

<sup>1</sup> Code minier (nouveau) français. Version consolidée au 10 août 2016. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 18.11.2016).

поставок и внедрения. Такие мероприятия проводятся при расследовании контрабанды различных предметов. Сотрудник таможни, участвующий в проведении операции, так же как и внедренный офицер судебной полиции или агент, может выполнять роль соисполнителя или пособника в совершении преступления.

Завершая рассмотрение законодательства европейских стран, следует обратить внимание на отсутствие единообразности в решении этого вопроса. Так, в Германии анализируемые ситуации рассматриваются с точки зрения уголовно-правовой нормы о крайней необходимости, при этом высказывается потребность о самостоятельном уголовно-правовом регулировании данного вопроса. В Италии мы уже наблюдаем несколько иной подход, предусматривающий формальное сочетание положений уголовного материального и процессуального законодательства<sup>1</sup>. Во Франции же законодатель ограничился лишь уголовно-процессуальным регулированием таких ситуаций. Несмотря на сложившуюся неоднородность в отраслевой принадлежности регулирования рассматриваемых ситуаций, не вызывает сомнения тот факт, что в их основе находятся начала уголовно-материального характера.

### **§ 3. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскных мероприятий в странах ближнего зарубежья**

С конца XX века в уголовном законодательстве некоторых бывших республик СССР стали появляться новые обстоятельства, исключаящие преступность деяния при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Так, в уголовных кодексах республики Беларусь, Казахстан и Украина

---

<sup>1</sup> См.: Шкабин Г. С. Зарубежный опыт уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 4. С. 15–18.

предусмотрены нормы, позволяющие при осуществлении оперативного внедрения причинять вред интересам третьих лиц.

1. Республика Беларусь. Доктрина уголовного права Беларуси выделяет такое обстоятельство, исключаящее преступность деяния, как «пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию». Оно получило свое закрепление в ст. 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь, принятого в 1999 г.<sup>1</sup> Согласно ч. 1 «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершит преступление». В ч. 2 говорится, что «правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, совершившему особо тяжкое или тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека».

Данная норма определяет условия и пределы допустимости причинения вреда лицом, которое выполняет в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления. Не вдаваясь в подробности комментирования данного законоположения, обратим внимание на несколько, на наш взгляд, противоречивых моментов.

Во-первых, судя по названию и содержанию статьи, белорусский законодатель считает внедренное лицо соучастником преступления, другими словами, лицом, его совершившим. Данное положение противоречит природе обстоятельств, исключаящих преступность деяний, в числе которых закреплена анализируемая норма в главе 6 УК Республики Беларусь.

Во-вторых, обозначенные в рассматриваемой норме в качестве целей выполнения специального задания предупреждение, выявление и пресечение преступлений, по большому счету, дублируют друг друга.

---

<sup>1</sup> См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL : <http://www.etalonline.by> (дата обращения: 10.03.2015).

В-третьих, исходя из содержания ч. 1 лицо, выполняющее специальное задание, может причинять вред, действуя только с другими участниками преступления. Иными словами, речь идет только о соисполнительстве в групповых преступлениях. Следовательно, это исключает законность поведения внедренного лица, выполняющего поручение преступного характера подстрекателя или организатора, не являющихся его соисполнителями преступления.

В-четвертых, в законе не указывается на соотношение вреда причиненного и вреда предотвращенного. Исходя из буквального толкования нормы, получается, что лицо, выполняющее специальное задание в принципе может причинить значительно более существенный вред правоохраняемым интересам, чем тот, который будет причинен или уже причинен преступлением, в связи с которым проводится мероприятие.

2. Украина. Норма, закрепляющая обстоятельство, исключаящее преступность деяния при проведении оперативного внедрения, имеется и в УК Украины, принятом в апреле 2001 г.<sup>1</sup> Она закреплена в ст. 43, которая называется «Выполнение специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы либо преступной организации». Закон не признает преступлением вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам лицом, выполняющим специальное задание, принимающим участие в организованной группе либо преступной организации с целью предупреждения либо раскрытия их преступной деятельности.

В отличие от белорусской нормы в украинском варианте прямо говорится, что такое деяние не является преступлением. Подобное положение соответствует представлениям об обстоятельствах, исключаящих преступность деяния.

Украинский аналог белорусской нормы также регулирует причинение вреда только при осуществлении проникновения в преступную группу неглас-

---

<sup>1</sup> См.: Уголовный кодекс Украины. UR L: <http://zakon4.rada.gov.ua> (дата обращения: 10.03.2015).



ного работника оперативного подразделения либо сотрудничающего с ним лица (п. 8 ч. 1 ст. 8 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности»)<sup>1</sup>.

Уголовный закон Украины выделяет ряд условий правомерности причинения вреда при проведении данного оперативно-розыскного мероприятия. Некоторые из них в точности повторяют условия правомерности белорусского варианта. Это и то, что «специальное задание» выполняется в соответствии с законом, и цели причинения вреда, и вынужденность его причинения. Раскрыв эти условия выше, мы не будем на них останавливаться, а заострим свое внимание на отличиях.

Во-первых, внедренное лицо по украинскому закону может причинять вред, находясь лишь в организованной группе или в преступной организации. Данное положение активизирует противодействие организованной преступности. Однако порой преступления, совершаемые группами лиц по предварительному сговору, не менее общественно опасны, чем совершаемые организованными группами, поэтому положение об ограничении действий конфиденентов в рамках только организованной группы и преступной организации является, на наш взгляд, по меньшей мере, спорным.

Во-вторых, внедренное лицо не должно превысить пределы выполнения специального задания. В ч. 2 ст. 43 УК Украины обозначены ограничения действий внедренного лица. Конфидент подлежит уголовной ответственности, если он умышленно совершит в составе организованной группы или преступной организации особо тяжкое преступление, связанное с насилием над потерпевшим, либо умышленное тяжкое преступление, связанное с причинением тяжкого телесного повреждения потерпевшему или наступлением иных тяжких или особо тяжких последствий.

Следует отметить, что в ч. 3 рассматриваемой нормы имеется новелла для всех обстоятельств, исключаящих преступность деяний. Она состоит в том, что лицо, превысившее пределы выполнения специального задания, то

---

<sup>1</sup> См.: Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. М., 1997. С. 460.

есть совершившее действия, описанные в ч. 2 ст. 43 УК Украины, не может быть приговорено к пожизненному лишению свободы, а наказание в виде лишения свободы не может быть назначено ему на срок, больший, чем половина максимального срока лишения свободы, предусмотренного законом за это преступление.

3. Казахстан. Причинение вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности как обстоятельство, исключающее преступность деяния, получило закрепление в новой редакции Уголовного кодекса Республики Казахстан<sup>1</sup>. Так, статья 35 получила название «Осуществление оперативно-розыскных мероприятий или негласных следственных действий». Данная норма определяет условия и пределы допустимости причинения вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Наименование рассматриваемой статьи уже само по себе говорит о том, что она регулирует правомерность причинения вреда при проведении любых оперативных мероприятий, проведение которых может повлечь за собой негативные изменения объектов уголовно-правовой охраны. Данное обстоятельство выгодно отличает эту норму от аналогов, закрепленных в уголовных законах Беларуси и Украины. В уголовных кодексах этих государств предусматривается возможность правомерного причинения вреда только при проведении оперативных мероприятий, схожих с закрепленным в российском законодательстве об оперативно-разыскной деятельности оперативным внедрением.

Формальным требованием является то, что такое деяние должно выполняться в соответствии с законом. Помимо Конституции, этим законом в первую очередь является Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности»<sup>2</sup>, в котором предусматриваются только процессуальные моменты проведения оперативно-

---

<sup>1</sup> См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL : <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 06.03.2015).

<sup>2</sup> Об оперативно-розыскной деятельности : закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ. URL : <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 06.01.2017).

разыскных мероприятий и негласных следственных действий. Регулирование же причинения вреда относится к компетенции материальной отрасли права.

Казахский законодатель совершенно справедливо ограничил такое право на причинение вреда по субъектам, которым оно представляется. Таких субъектов только два. Первый – это «сотрудник уполномоченного государственного органа». Данное условие оправдано, так как в подобных ситуациях нарушать интересы правопослушных граждан может лишь представитель государства или кто-либо от его имени. Вторым субъектом – это лицо, сотрудничающее с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, но только по поручению этого органа.

Рассматриваемая норма предусматривает цели причинения вреда. К ним относятся предотвращение, выявление, раскрытие и расследование уголовных правонарушений.

Помимо указанных целей, в ч. 1 ст. 35 УК Республики Казахстан выделяется еще одна – изобличение виновных. Это весьма спорное положение, поскольку изобличение виновных является составной частью деятельности по раскрытию преступлений. Кроме того, избыток целей правомерного поведения может обусловить трудности в правоприменительной практике.

Оптимальным для проведения оперативного внедрения, но отнюдь не для других мероприятий, является ограничение действий субъектов по кругу составов преступлений, в отношении которых могут проводиться операции, причиняющие вред правоохраняемым интересам. К ним относятся преступления, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или преступной группой. В соответствии с ч. 3 ст. 31 УК Республики Казахстан преступление признается совершенным преступной группой, если оно совершено организованной группой, преступной организацией, преступным сообществом, транснациональной организованной группой, транснациональной преступной организацией, транснациональным преступным сообществом, террористической группой, экстремистской группой, бандой или незаконным военизированным формированием.

Одним из наиболее важных моментов в приведенной норме, на наш взгляд, является положение, касающееся соотношения вреда причиненного вреду предотвращенному. Согласно ч. 1 ст. 35 УК Республики Казахстан причиненный вред правоохраняемым интересам должен быть менее значительным, чем вред, причиняемый уголовными правонарушениями.

Законодатель фактически указывает также на наличие состояния «вынужденности» применительно к возможности причинения вреда. Согласно нормам уголовного законодательства Республики Казахстан совершать дискреционные действия возможно только при условии, если предотвращение, раскрытие или расследование уголовных правонарушений, а равно изобличение виновных в их совершении лиц не могло быть осуществлено другими способами. Данное правило является логичным и обоснованным. Если можно достичь необходимых целей, не прибегая к причинению вреда третьим лицам, то причинение такого вреда уже нельзя назвать правомерным, а в случае невозможности иным способом достичь целей, такие действия исключают противоправность деяния.

В ч. 2 ст. 35 УК Республики Казахстан говорится об исключении из правил. Положения части первой статьи не распространяются на лиц, совершивших деяния, сопряженные с угрозой жизни или здоровью человека, экологической катастрофы, общественного бедствия или иных тяжких последствий.

Таким образом, в Беларуси, Казахстане и Украине законодатель пошел по пути уголовно-правового регулирования причинения вреда при проведении оперативного внедрения. Причем следует обратить внимание на то, что в отличие от Беларуси и Украины УК Казахстана содержит норму, исключаящую преступность деяния при проведении любого оперативно-разыскного мероприятия. Данное обстоятельство выгодно отличает казахский вариант от других аналогов.

Завершая рассмотрение зарубежного опыта уголовно-правового обеспечения оперативного внедрения, следует сделать несколько методических выводов.

1. Первый вывод касается отраслевой принадлежности способов правового регулирования данной проблемы. В данном случае в зависимости от существующей в конкретном государстве системы права и правовых традиций следует выделить три варианта.

Во-первых, ситуации правомерного причинения вреда регламентируются процессуальными законами. Это прежде всего касается Франции, а также Австралии и Канады. В последних двух случаях, хотя формально интересующие нас положения закреплены в уголовном законодательстве, имеющем консолидированный характер, по своему содержанию и детализации описания поведения субъектов они относятся к процессуальным нормам. Несмотря на это совершенно очевидно, что в их основе находятся установления прежде всего материального характера. Они касаются дозволения причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны.

Во-вторых, действия внедренного лица, которые имеют внешнее сходство с преступлением, регулируются общими нормами уголовного законодательства. Такая ситуация сложилась в Италии и Германии. Однако если в Италии бланкетная ст. 51 УК об осуществлении прав и выполнении обязанностей корреспондируется с нормами в специальных законах, сочетающими в себе и процессуальные и материальные начала, то совершенно иначе обстоит дело в Германии. Там только на подзаконном уровне делается ссылка на возможность в исключительных случаях применения положений о крайней необходимости при проведении тайных операций. Причем сложившееся правовое регулирование не является оптимальным, поэтому в немецкой литературе высказываются предложения о специальном правовом регулировании причинения вреда при проведении оперативного внедрения.

В-третьих, в странах ближнего зарубежья – Беларуси, Казахстане, Украине при разрешении рассматриваемой проблемы законодатель пошел по пути следования логике ее отраслевой принадлежности. По этой причине в уголовных кодексах этих стран появились в свое время новые обстоятель-

ства, исключают преступность деяния. На наш взгляд, такой способ правового регулирования необходимо взять на вооружение и отечественному законодателю. Он является более логичным, соответствующим предметному построению системы российского права.

В нашей классификации не нашла отражения ситуация, существующая в США. Как мы говорили выше, в этой стране отсутствует законодательное регулирование правомерного причинения вреда при проведении тайных операций. Однако неприкосновенность тайных агентов там обеспечивается на основании отсутствия вины или правилом защиты государственной власти. Подобное положение вещей, на наш взгляд, несколько ассоциируется с ситуацией, сложившейся на сегодняшний день в России, о чем будет идти речь в последующих главах.

2. Во всех странах право на причинение вреда при проведении оперативного внедрения принадлежит только специальным субъектам. Как правило, это представители правоохранительных органов и лица, с ними сотрудничающие.

3. Проведение тайных операций, при которых возможно причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны санкционируется вышестоящим руководством, специально уполномоченными сотрудниками правоохранительных органов, прокурором или судьей.

4. В некоторых из приведенных выше норм разных стран при регулировании правомерного причинения вреда законодатель обращает внимание на его соразмерность. В УК Канады это упоминание о необходимости руководствоваться принципами разумности и пропорциональности. В Германии, в соответствии с нормой о крайней необходимости, причинение меньшего вреда, чем тот, который грозил от расследуемого преступления.

5. В законодательстве различных государств всегда указываются определенные цели, для достижения которых проводятся соответствующие операции и причиняется вред правоохраняемым интересам. Как правило, это цели расследования преступлений, получения необходимых доказательств для

привлечения виновных к уголовной ответственности, предупреждения, пресечение, выявления или раскрытия преступлений.

6. Законодательство некоторых государств специально выделяет возможность причинения так называемого вспомогательного вреда (Австралия, Франция). Речь идет о ситуациях, когда внедренному лицу необходимо создать достоверную легенду либо поддержать ее правдоподобность.

Таким образом, проведенный анализ правового регулирования причинения вреда при проведении оперативного внедрения в различных государствах указывает на относительно длительный период существования данной проблемы (в некоторых странах около 50 лет). Зарубежный опыт разрешения данного вопроса и сделанные выводы следует учесть при совершенствовании российского законодательства в рассматриваемой сфере.

## **Глава 4. ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**

### **§ 1. Объекты оперативного внедрения и проблемы соучастия в преступлении**

С позиции уголовного права, криминологии и теории оперативно-разыскной деятельности безусловный интерес, на наш взгляд, представляет проблема объекта оперативного внедрения. Ее рассмотрение предполагает фактологический анализ рассматриваемого оперативно-разыскного мероприятия. Практически оно может осуществляться только внутри микросоциальной среды, члены которой, как правило, постоянно или профессионально занимаются преступной деятельностью, либо объединились для совершения одного или нескольких преступлений. Именно такие преступные группы являются в нашем случае объектами оперативно-разыскной деятельности, а соответственно и оперативного внедрения. В связи с этим для нас важен анализ с точки зрения уголовного права особенностей групповых образований (форм соучастия), в которые может быть внедрено лицо.

В уголовном законе в зависимости от степени согласованности и характера взаимоотношений между членами группы выделяются четыре формы соучастия: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество.

Результаты проведенного исследования (прил. 2) показали, что основная часть оперативного внедрения осуществляется в группы лиц по предварительному сговору – 35,6 %. Более 30,2 % внедрений проводится в организованные преступные группы и около 9,5 % внедрений – в банды и различные преступные сообщества. Примерно 24,7 % оперативных внедрений



осуществляется в окружение одного лица, в отношении которого имеется информация о подготовке или совершении им преступления. Кроме того, оперативное внедрение может осуществляться в микросоциальные группы, которые не имеют прямого отношения к совершению преступлений.

В последнем случае это, как правило, организации и группы людей, работающих в сфере экономики или иной хозяйственной или общественной деятельности, которые используются преступными группами. Это могут быть общественные, политические или религиозные организации, корпоративные сообщества, коммерческие структуры, группы людей, объединенные местом жительства или другими признаками. Данные проведенного нами социологического исследования подтверждаются и другими авторами<sup>1</sup>.

Особенностью совершения преступления группой лиц без предварительного сговора (ч. 1 ст. 35 УК РФ) является отсутствие предварительной договоренности между исполнителями. Учитывая субъективную сторону данной формы соучастия, можно сделать вывод о том, что внедрить лицо в группу лиц, совершающую преступление при отсутствии предварительной договоренности, практически нереально. Внедренное лицо может совершать действия в составе такой группы, но при условии, что оно уже осуществляет оперативное мероприятие в числе более сложного соучастия.

С точки зрения уголовного права лицо может быть внедрено в групповые криминальные образования, характеризующиеся определенной степенью устойчивости. Речь идет прежде всего о сложном соучастии. В Общей части УК РФ они известны как группа лиц по предварительному сговору, организованная преступная группа и преступное сообщество (преступная организация). Только таким групповым образованиям свойственна предварительная преступная деятельность, а следовательно, возможно появление информации о существовании такой группы или сообще-

---

<sup>1</sup> См.: Абдуллаева Н. Д. Указ. соч. С. 44.

ства, которая может быть положена в основу решения о проведении оперативно-разыскного мероприятия.

Группа лиц по предварительному сговору – это первое преступное образование, в которое может быть внедрено лицо. Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Время, в течение которого может существовать такая группа, законодателем не ограничено. Оно может длиться в течение короткого периода и до нескольких месяцев или лет.

Внедрить лицо возможно и в организованную преступную группу. В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Рассмотренные формы соучастия закреплены в качестве квалифицирующих признаков и в 111 статьях Особенной части УК РФ.

Следующей формой соучастия, в которую возможно осуществить оперативное внедрение, является преступное сообщество, или преступная организация. Согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп. В соответствии с законом такой «человеческий аппарат» (инструмент для преступлений) должен обладать рядом признаков. Во-первых, преступное сообщество действует под единым руководством. Во-вторых, его члены объединены общей целью – совместное совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. В-третьих, преступные посягательства совершаются для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Следует иметь в виду, что в Особенной части УК РФ предусмотрены отдельные виды групповых объединений. Их круг достаточно широк, и они используются, как правило, в диспозициях так называемых усеченных соста-

вов преступных деяний, то есть в тех, где момент окончания перенесен на одну из ранних стадий преступления – на покушение или даже на приготовление<sup>1</sup>. Это такие преступные объединения, как:

- террористическое сообщество или структурное подразделение такого сообщества (ст. 205.4 УК РФ);
- террористическая организация (ст. 205.5);
- незаконное вооруженное формирование и его разновидности – объединение, отряд, дружина, иная группа (ст. 208);
- устойчивая вооруженная группа – банда (ст. 209);
- структурные подразделения преступного сообщества, а также собрания организаторов (ст. 210);
- религиозное или общественное объединение, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью (ч. 1 ст. 239);
- некоммерческая организация и некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента, либо структурное подразделение иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний (ч. 2 ст. 239);
- экстремистское сообщество, его структурные подразделения или части, а равно объединение организаторов, руководителей или иных представителей частей, структур подразделений такого сообщества (ст. 282.1);
- общественное или религиозное объединение либо иная организация, осуществляющая экстремистскую деятельность (ст. 282.2 УК РФ).

Определенный интерес представляет теоретический анализ возможности проведения оперативного внедрения «к одному лицу». Некоторые авторы

---

<sup>1</sup> См.: Белоцерковский С. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 9–14.

считают таковым объектом оперативного внедрения<sup>1</sup>. Однако, на наш взгляд, с точки зрения этимологии слова, внедрить, то есть проникнуть, возможно лишь во что-то, а не к чему-то. Говоря о человеке, то, логически размышляя, он может внедриться в какие-либо определенные социально-бытовые условия и соответствующую обстановку. Иными словами, оперативный сотрудник или лицо, сотрудничающее с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, внедряется в какую-либо среду.

Внедриться «в одного человека» с позиций буквального толкования в принципе невозможно. К такому человеку можно только присоединиться, находиться рядом с ним. Один человек социальную среду просто физически создать не может, он не создает ни общности, ни даже микросреды. Положение кардинально меняется, если внедрение осуществляется в ближнее или даже отдаленное окружение лица, подготавливающего, совершающего или совершившего преступление. Это может быть не только какая-либо микросоциальная группа, но и месторасположение человека. Однако в такой ситуации объектом внедрения является уже не конкретное лицо, а определенные социально-бытовые условия, в которых оно находится. Вследствие этого мы считаем, что правы те авторы, которые в подобных случаях указывают на внедрение в «окружение объекта оперативного интереса»<sup>2</sup>.

Некоторую сложность представляет уголовно-правовая характеристика оперативного внедрения в окружение (социально-бытовые условия) лица, подготавливающего преступление. В данном случае возникает вопрос об отграничении преступных действий лица, в окружении которого осуществляется внедрение, от обнаружения им умысла на совершение преступления. Сразу отметим, что, на наш взгляд, проблема обнаружения умысла является од-

---

<sup>1</sup> См., напр.: Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е. Указ. соч.; Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : курс лекций / И. И. Алгазин, Л. А. Бакланов, Д. А. Бражников и др. Тюмень, 2012. С. 96; Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. С. 323.

<sup>2</sup> Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности. С. 252.

ним из камней преткновения в вопросе согласования положений уголовного права и оперативно-разыскной деятельности.

В соответствии с уголовным законом выражение лицом намерения совершить какие-либо действия не является преступным и наказуемым. Ненаказуемость обнаружения мыслей о преступлении уже давно является общепризнанной аксиомой уголовного права. Это установление характерно как для романо-германской, так и для англо-саксонской системы права. Так, еще в XVIII в. Ш. Монтескье утверждал, что закон должен наказывать за одни только преступные действия<sup>1</sup>. В свою очередь, данное утверждение базировалось на положении римского права – «никого не наказывают (только) за намерение»<sup>2</sup>.

В теории уголовного права обнаружение намерения совершить преступное деяние иногда называют «голым» умыслом<sup>3</sup>. Такой умысел выражается лишь в психической деятельности лица, формировании мысленной модели поведения. Однако при этом никакого реального воплощения своих мыслей в объективной действительности не происходит. В таких случаях не только не совершается преступление, но и не создаются условия для его совершения.

Уголовное право не может интересоваться, а соответственно и не влечет за собой уголовной ответственности все, что не нашло своего отражения в общественно опасном деянии, причиняющем либо создающем угрозу причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны. В таких случаях действует принцип римского права – *cogitationis poenam nemo patitur* (мысли ненаказуемы). Это известное теоретическое положение до недавнего времени имело закрепление в рекомендациях Верховного Суда Российской Федерации. Так, в утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 фев-

---

<sup>1</sup> См.: Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999. С. 173.

<sup>2</sup> Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. VII. Полутом 2. М., 2005. С. 183.

<sup>3</sup> См., напр.: Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. П. Ревина. М., 2010. С. 193; Кузнецова Н. Ф. Указ. соч. С. 29.

раля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» было сказано, что «не может быть квалифицировано как покушение на дачу или получение взятки либо на коммерческий подкуп высказанное намерение лица дать (получить) деньги, ценные бумаги, иное имущество либо предоставить возможность незаконно пользоваться услугами материального характера в случае, когда лицо для реализации высказанного намерения никаких конкретных действий не предпринимало»<sup>1</sup>. И хотя в действующем постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» аналогичного положения нет, оно сохраняет свое принципиальное уголовно-правовое значение – мысли не влекут за собой уголовной ответственности. Введение в ст. 291 УК РФ квалифицированного состава (ч. 5) в виде обещания или предложения посредничества во взяточничестве не меняет сути высказанного вывода. Обещание или предложение, адресованные конкретному лицу, и есть фактическая реализация намерения, то есть совершение действий.

Данный вывод можно спроецировать и на другие случаи. Например, если лицо выражает любым способом (в личной беседе, по телефону, в письме, в социальных сетях и т. п.) намерение убить кого-либо (то есть доводит до сведения других свои мысли), не предпринимая после этого никаких реальных действий, то подобное поведение находится вне сферы уголовно-правового регулирования. В принципе такое обнародование своих намерений имеет значение лишь для превентивных целей оперативно-разыскной деятельности<sup>2</sup>.

К сожалению, определенное игнорирование данного, выработанного временем уголовно-правового постулата стало весьма характерным для теории оперативно-разыскной деятельности. Это приводит к предложени-

---

<sup>1</sup> О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 (в ред. от 22 мая 2012 г.) // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2000. № 4.

<sup>2</sup> См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков и др.; под ред. А. В. Бриллиантова.

ям о включении в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в число задач и оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий необходимости выявления и предупреждения «замышляемых преступлений»<sup>1</sup>. В теории оперативно-розыскной деятельности данное словосочетание используется достаточно часто и практически стало общепотребимым. Причем авторы подчеркивают – именно «замышляемого», а не «подготавливаемого» преступления. Такая конструкция встречается и в учебной литературе по оперативно-розыскной деятельности<sup>2</sup>.

Однако каково содержание этого термина, а главное, его соотношение с уголовно-правовым положением о приготовлении к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ), не разъясняется. Нет комментариев и по поводу соотношения «замышляемого» и «подготавливаемого» преступлений<sup>3</sup>.

Более того, этот термин нашел свое официальное закрепление в локальных документах, регулирующих деятельность сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов. Так, в определенной части приговоров о преступлениях, где виновным или потерпевшими признавались лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, приводились выдержки из их должностных инструкций. В процессуальных документах указывалось на обязанность сотрудников организовывать и проводить различные мероприятия, связанные не только с подготавливаем-

---

<sup>1</sup> См.: Аتماжитов В. М., Бобров В. Г. К вопросу о законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности // Гос-во и право. 2004. № 11. С. 29–30; Новая редакция оперативно-розыскного закона России : открытый проект : науч.-справ. пособие / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2004. С. 6, 11; Елинский В. И. Проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2006. № 2. С. 15 и др.

<sup>2</sup> См., напр.: Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. для академ. бакалавриата. М., 2015. С. 68–69; Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. С. 19, 89, 342 и др.

<sup>3</sup> См., напр.: Солодовников С. А. Оперативно-розыскная профилактика: понятие, особенности, сфера функционирования // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2004. № 4. С. 77–79; Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / А. И. Алексеев, О. А. Вагин, Д. В. Закаляпин и др.; под ред. А. И. Алексеева, В. С. Овчинского.

мыми, совершаемыми и совершенными, но и с «замышляемыми преступлениями»<sup>1</sup>.

На наш взгляд, использование данной категории ни в правоприменительной практике, ни в качестве законодательных изменений недопустимо. Если таковое появится в законе, то тем самым вольно или невольно будет нарушен один из основополагающих принципов юриспруденции – принцип системности права, то есть соотносимости и соответствия определений и терминов в различных правовых актах. Ведь само понятие «преступление», раскрытие его признаков и классификация являются исключительной прерогативой уголовного права, поэтому появление «новых» видов преступлений в других отраслях ведет к формированию фантомных, заведомо не действующих норм. Подобное положение неприемлемо. В противоположном случае Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» создаст условия для неразрешимых противоречий с установлениями материального права, что рано или поздно так или иначе вызовет трудности применения на практике.

Кроме того, понятие «преступление» неразрывно связано с уголовной ответственностью, которая наступает в результате его совершения. С лингвистических позиций сам по себе замысел – это мысли наперед, загодя, то есть некий прогноз на будущее. Соответственно «замышляемое преступление», следуя логике, это представление субъекта о своих предполагаемых деяниях и средствах достижения результата. Другими словами, речь идет об обнаружении умысла, за который должна быть установлена уголовная ответственность. Как следствие, такие законодательные изменения могут возродить идею об «опасном состоянии личности», что также недопустимо.

По этому поводу в свое время И. И. Карпец указывал, что в этом случае юридические понятия строятся не на законе, а на предположениях. Извест-

---

<sup>1</sup> См.: Приговор Ингодинского районного суда г. Читы Забайкальского края от 30 сентября 2013 г. по уголовному делу № 1-360/2013. URL : <http://sudact.ru> (дата обращения: 06.09.2015); Приговор Трусовского районного суда г. Астрахани от 1 июля 2011 г. по уголовному делу № 1-129/2011. URL : <http://trusovsky.ast.sudrf.ru> (дата обращения: 06.09.2015) и др.



ный криминалист задавал весьма резонный вопрос: «Разве можно говорить об общественной опасности лица, основываясь... не на фактах объективной действительности, а на предположениях, что оно в будущем может совершить преступление?»<sup>1</sup> Ответ представляется очевидным – нет, нельзя. В связи с этим следует присоединиться к мнению о том, что понятие общественной опасности лица следует рассматривать лишь как вспомогательное при определении общественной опасности преступного деяния и индивидуализации ответственности<sup>2</sup>.

По нашему мнению, установление характера и степени общественной опасности личности, обращенных в некое отдаленное будущее, недопустимо в принципе. У нас уже существовал негативный законодательный опыт в этом направлении и соответствующая практика. Так, в УК РСФСР 1922 г. была предусмотрена возможность применения ссылки и высылки в отношении не только тех, кто совершил преступление, но и лиц, признанных общественно опасными «по связи с преступной средой в этой местности». В свою очередь, Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (ст. 7) предусматривал возможность привлечения к ответственности лиц, «представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности», то есть не совершивших преступление.

Судя по всему, именно в этих нормах и лежали истоки знаменитого уголовно-правового маркера «враг народа». Это псевдоюридическое клише известно очень давно, еще со времен римской юриспруденции и значительно позже из практики Французской революции. Данное словосочетание широко использовалось и в общественно-политической жизни СССР. Справедливости ради стоит отметить, что в уголовном законодательстве (УК РСФСР 1926 г.) была предпринята попытка юридической легализации этого понятия. В санкциях отдельных статей «враг народа» был заменен на «враг трудящихся». Так, в ст. 58.2 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за во-

---

<sup>1</sup> Карпец И. И. Проблемы преступности. М., 1969. С. 99.

<sup>2</sup> См.: Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). М., 1992. С. 37.

оруженное восстание в контрреволюционных целях, устанавливалось наказание в виде высшей меры социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся. То же самое предусматривалось и в санкции ст. 58.4 УК РСФСР за оказание помощи международной буржуазии, а также в ст. 59.6 УК РСФСР – за шпионаж. Следует обратить внимание на чрезвычайную суровость такого наказания, поскольку объявление врагом трудящихся юридически представляло собой альтернативу расстрела.

Подобные законодательные установления являлись результатом научных воззрений социологической школы уголовного права. В начале XX века представители этого направления (Ф. Лист, Ферри Э., Принс А.) преобразовали положения римской юриспруденции и создали теорию «опасного состояния личности»<sup>1</sup>. В соответствии с этой идеей априорно предполагается, что в социуме всегда есть люди, образ жизни которых, их физические и психические особенности потенциально опасны для человеческого сообщества. Такая опасность может быть и не связана с совершением конкретного преступления. Однако их в превентивных целях необходимо изолировать, чтобы обеспечивать защиту социума от возможных вредоносных действий. В нашем случае под такую опасную категорию вполне подпадают граждане, которые якобы могут совершать «замышляемые преступления».

Мы не случайно провели этот экскурс в историю законодательства и в теорию уголовного права, поскольку считаем предложение о «замышляемом преступлении» не мелкой юридической погрешностью, а принципиальным положением. В данном случае хотелось бы подчеркнуть главную мысль: попытки введения в научный оборот, а в дальнейшем и в законодательную практику общебытовых, клишированных, социально доступных понятий и определений (то есть «ясных всем») могут повлечь за собой социально-негативные последствия. История юриспруденции это показывает.

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл.: Овчинский В. С. М., 2004; Ферри Э. Уголовная социология / сост. и предисл.: Овчинский В. С. М., 2012; Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права. М., 1912 и др.

Вместе с тем замысел приобретает совершенно иное уголовно-правовое значение, когда лицо начинает его реализовывать в конкретном деянии. Любые формы поведения виновного, начиная от приискания соучастников (отыскание помощников, разумеется, с обязательным обменом информацией) и заканчивая сговором на совершение преступления (предварительное распределение ролей, разработка планов и т. п.), а также иное умышленное создание условий для совершения преступления (отключение охранной сигнализации, предоставление транспорта и т. п.) становятся тем, что в уголовном законе названо приготовлением к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ). В этих ситуациях никакого замысла уже нет, поскольку он перерос в приготавливаемое (готовящееся, подготавливаемое) преступное деяние. Именно эта граница – начало деяния по осуществлению замысла с обязательным активным вербальным общением и служит барьером между «голым умыслом» (его обнаружением) и приготовлением к преступлению.

Как только в эту структуру будет введено новое отражение психических процессов («замышляемое преступление»), то, разумеется, вся система «приготовления», а затем и учение о стадиях преступления будет разрушена. Следовательно, у рассматриваемого термина нет четких уголовно-правовых границ, есть только точка отсчета для приготовления. Соответственно «замышляемое преступление» – это заведомо не существующее юридическое понятие. Таким образом, попытки его введения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и в дальнейшем (по смыслу системности права) в уголовный закон представляют собой теоретические усилия по формированию так называемой юридической фикции<sup>1</sup>.

Кроме того, использование на сегодняшний день термина «замышляемое преступление» противоречит и действующему оперативно-розыскному законодательству. В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной дея-

---

<sup>1</sup> Этот правовой феномен известен достаточно давно. См. подробнее об этом: Мейер Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях. Казань. 1985; Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875 Ч. 1 и др.

тельности» речь идет именно о подготавливаемом преступлении (ст. 2 «Задачи оперативно-розыскной деятельности»; ст. 7 «Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий»; ст. 8 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий»; ст. 11 «Использование результатов оперативно-розыскной деятельности»). Последнее тоже по-разному трактуется в теории оперативно-розыскной деятельности. Большинство авторов учебной литературы по оперативно-розыскной деятельности уклоняются от раскрытия связи подготавливаемого преступления с неоконченным преступлением. В этом отношении в правовой литературе изобилуют противоречивые утверждения.

Так, Е. С. Дубоносов допускает оперативно-розыскную деятельность в связи с так называемыми замышляемыми преступлениями<sup>1</sup>. Вместе с тем в качестве оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий рассматривает соответствующие стадии совершения преступления, уже не упоминая об обнаружении умысла<sup>2</sup>. И только немногие указывают на то, что содержание подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлений соответствует приготовлению к преступлению, покушению на него и оконченому преступлению<sup>3</sup>.

Однако данное мнение вызывает резкую критику других ученых. Так, С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенко и В. П. Сальников, критикуя по этому поводу А. Ю. Шумилова, разъясняют, что подготовку к совершению преступления следует понимать не с точки зрения норм уголовного права, а гораздо шире. Они считают, что «устойчивый замысел на совершение преступления, появившийся, например, в высказываниях лица, является мыслительной подготовкой к совершению преступления, что дает возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий по указанному ос-

---

<sup>1</sup> См.: Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. и практикум для прикладного бакалавриата. М., 2016. С. 55.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 290.

<sup>3</sup> См., напр.: Шумилов А. Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М., 1999. С. 93; Его же. Основы уголовно-правовой оценки сыскной информации. С. 112; Оперативно-розыскная деятельность / под ред. И. А. Климова. М., 2015. С. 233; Борков В. Н. Оперативная провокация как способ фальсификации (ч. 4 ст. 303 УК РФ) // Законность. 2017. № 6. С. 30–34.

нованию»<sup>1</sup>. Другими словами, по мнению авторов, подготовка к преступлению находится за пределами норм материального права. Подобное разъяснение вызывает недоумение. Выходит, что перед нами то, о чем мы уже говорили ранее: попытка определения юридического понятия «приготовление» через общебытовые и ясные всем термины. В результате такая «гораздо более широкая» трактовка приводит к нарушению системности права.

Высказывая собственную позицию по рассматриваемому вопросу, отметим, что термины «подготовка» и «приготовление» в русском языке являются синонимами<sup>2</sup>. Придание словам «подготавливаемое, «совершаемое и совершенное преступление» смысла иного, чем «приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление» противоречит логике. Это приводит, как мы уже говорили, к появлению параллельного «оперативно-разыскного уголовного права», в котором существуют свои собственные преступления. Другими словами, рассматриваемые категории оперативно-разыскного законодательства, на наш взгляд, необходимо применять исключительно с учетом положений института стадий совершения преступления, поэтому мы согласны с В. Н. Борковым в том, что оперативно-разыскные мероприятия не могут проводиться в отношении «лишь возможных в принципе преступлений»<sup>3</sup>.

Наша точка зрения подтверждается и решением Европейского Суда по правам человека, который еще в 2013 г. применительно к основаниям проведения оперативно-разыскных мероприятий отметил, что правоохранные органы «должны располагать конкретными и объективными доказательствами, свидетельствующими о том, что заявитель осуществил приготовления для совершения действий, составляющих преступление, за которое он в дальнейшем преследовался»<sup>4</sup>. Вполне понятно, что таким конкретным и объ-

---

<sup>1</sup> Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Указ. соч. С. 220–221.

<sup>2</sup> См.: Александрова З. Е. Указ. соч. С. 338, 381.

<sup>3</sup> Борков В. Н. Квалификация должностных преступлений. М., 2018. С. 256–257.

<sup>4</sup> Постановление ЕСПЧ от 30 мая 2013 г. по делу Давитидзе (Davitidze) против России // «СПС «КонсультантПлюс».

активным доказательством никак не может быть замысел (даже устойчивый) на совершение преступного посягательства.

Следовательно, предложения о законодательном закреплении любых из рассматриваемых терминов (замышляемое преступление, мыслительная подготовка и др.) и об их использовании в локальных документах, регламентирующих действия должностных лиц, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, недопустимы. В подтверждение своих выводов обратим внимание на проект федерального закона «Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации», внесенный на рассмотрение в Государственную Думу РФ в июле 2015 г.<sup>1</sup> Он сосредоточивал в себе идеи и мысли, в том числе и представителей оперативно-разыскной науки<sup>2</sup>. В данном законопроекте отсутствует какое-либо упоминание о замышляемом преступлении.

Таким образом, следует закономерный вывод о том, что действующее оперативно-разыскное законодательство не содержит ничего даже похожего на обнаружение умысла. Об этом предпреступном явлении ни прямо, ни косвенно не упоминается ни в перечне задач оперативно-разыскной деятельности, ни в числе оснований проведения оперативно-разыскных мероприятий. Сам же термин «замышляемое преступление» к настоящему времени уже исчез из нормативно-правового оборота<sup>3</sup>, поэтому на сегодняшний день проведение оперативно-разыскных мероприятий в отношении лица, которое довело до сведения других свои мысли о намерении совершить преступление, является незаконным.

---

<sup>1</sup> В связи с отсутствием заключения Правительства Российской Федерации данный законопроект 24.09.2015 г. был возвращен субъекту права законодательной инициативы для выполнения требований Конституции Российской Федерации и Регламента Государственной Думы. URL : <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 05.10.2015).

<sup>2</sup> См.: Луговик В. Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1. С. 109–135.

<sup>3</sup> Одним из последних документов, в котором упоминалось о замышляемом правонарушении была Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденная приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 20 ноября 2006 г. № 333, утратившая силу в 2013 г.

К замышляемым преступлениям нельзя относить случаи, связанные с неполнотой получаемых сведений. Как справедливо на наш взгляд считают О. А. Вагин, А. П. Исиченко и Г. Х. Шабанов, законодатель не ставит жестких требований к появлению таких данных и поэтому для проведения оперативно-разыскного мероприятия достаточно лишь предположения относительно подготовки совершения преступления<sup>1</sup>. Действительно, большинство первичной информации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности носит вероятностный характер. Соответственно оперативный сотрудник, получая сообщение о том, что некое лицо высказало намерение совершить преступление, находится в условиях недостатка достоверных сведений. В такой ситуации вполне естественно полагать, что, возможно, совершается приготовление к преступлению. Следовательно, для проверки этой информации, выявления и предупреждения возможных преступных деяний имеется основание проводить оперативно-разыскные мероприятия. Как видим, даже в таких случаях речи о замышляемом преступлении не идет.

Если же предположение о наличии первоначальной стадии совершения преступления не подтвердилось, то оперативно-разыскные мероприятия следует прекратить. Данный вывод согласуется с мнением Конституционного Суда РФ, который считает, что если в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности обнаруживается, что речь идет не об уголовно наказуемом деянии, то есть преступлении, то оперативно-разыскное мероприятие подлежит прекращению<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Вагин О. А., Исиченко А. П., Шабанов Г. Х. Указ. соч. С. 44.

<sup>2</sup> См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой : определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 34. Ст. 4368; «СПС КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трифоновой Валентины Степановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2004 г. № 304-О // СПС «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новичкова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 388-О // СПС «КонсультантПлюс».

Тем не менее нам понятны мотивы авторов, предлагающих дополнить законодательство термином «замышляемое преступление». Они обусловлены необходимостью государства в лице правоохранительных органов реагировать на граждан, желающих совершить преступление, но еще не совершивших запрещенных деяний. Такое стремление официальной власти обезопасить себя, общество и его членов от преступных проявлений на самой ранней стадии было всегда во многих странах и в разные времена. Наиболее яркой иллюстрацией является законодательное закрепление «опасного состояния личности», о чем мы уже говорили. В принципе эта идея вполне понятна, однако такая реакция, по нашему мнению, должна быть направлена исключительно на профилактику преступлений, то есть недопущение перерастания «голового умысла» в конкретное преступное поведение. Данная идея нашла свое отражение в п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции», согласно которому на полицию возлагается обязанность «выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу».

Законодательным примером, предусматривающим подобную форму реагирования, может служить и ч. 3 ст. 13.1 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности»<sup>1</sup>. В ней говорится о вынесении предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений. Основанием издания такого акта является наличие достаточных данных полагать, что физическое лицо совершает действия, создающие условия для совершения преступлений, но основания для привлечения его к уголовной ответственности отсутствуют. Как видим, перед нами законодательный компромиссный вариант с замышляемым преступлением. Создание условий для преступного деяния, в том числе и обнаружение намерений, не влечет за собой уголовной ответственности. В связи с этим считаем целесообразным включение аналогичной нормы и в Федеральный закон «Об опера-

---

<sup>1</sup> О Федеральной службе безопасности : федер. закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (в ред. от 18.06.2017) // Рос. газ. 1998. 15 янв.



тивно-розыскной деятельности», дополнив ч. 1 ст. 15 пунктом 6 следующего содержания (прил. 3):

«6. В целях предупреждения преступления, при наличии достаточных и предварительно подтвержденных сведений о действиях физического лица, намеревающегося совершить преступление, и при отсутствии оснований для его привлечения к уголовной ответственности, должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, может объявить этому лицу обязательное для исполнения официальное предостережение о недопустимости совершения преступления.». Порядок объявления такого предостережения должен определяться ведомственными нормативными актами органов власти, которые имеют право осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

Правильным было бы также добавить перечень задач оперативно-розыскной деятельности положением о необходимости выявления лиц, намеревающихся совершить преступление, для организации с ними профилактической работы правоохранными органами<sup>1</sup>. В таком случае под оперативно-розыскной профилактикой преступлений можно было бы понимать действия лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, состоящую в выявлении и устранении причин преступлений и условий, им способствующих, установлении лиц, намеревающихся совершить преступление, и оказании на них предупредительно-профилактического воздействия с целью недопущения совершения ими преступлений<sup>2</sup>. На сегодняшний день правовым основанием предупреждения преступлений на раннем этапе может служить Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в соответствии с которым (9 ч. 2 ст. 6) выделяет специальные меры профилактики оперативно-розыскного характера.

---

<sup>1</sup> См.: Шкабин Г. С. Проблема «замышляемого преступления» в науках уголовного права и оперативно-розыскной деятельности // *Оперативник (сыщик)*. 2017. № 2. С. 36–38.

<sup>2</sup> См. подробнее: Борин Б. В., Ишук Я. Г. Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений // *Пробелы в российском законодательстве*. 2017. № 3. С. 381–386.

Предложенная нами идея поддерживается и большинством из опрошенных респондентов. Так, на вопрос о возможности проведения оперативно-разыскных мероприятий в отношении лица, обнаружившего умысел на совершение преступления, 61,5 % – ответили положительно, но лишь в целях проведения профилактической работы с таким лицом. Примерно треть (29 %) допустили такую возможность в целях привлечения к уголовной ответственности лица, выразившего намерение совершить преступление. И только 9,5 % – посчитали проведение таких оперативно-разыскных мероприятий недопустимым (прил. 1).

В соответствии с уголовным законом если после доведения умысла до сведения окружающих лицо начинает действовать с целью реализации своего намерения, то дело меняется коренным образом. Ведь тем самым виновный переступает границу дозволенного и подпадает под власть уголовного закона. Перед нами начало первого этапа неоконченного преступления – приготовительные действия.

В теории отечественного уголовного права приготовление к преступлению определяется как уголовно наказуемое деяние, «при котором начатая умышленная преступная деятельность, достигнув стадии создания условий для совершения преступления, прерывается затем до этапа исполнения самого преступления по не зависящим от лица обстоятельствам»<sup>1</sup>.

Для подтверждения высказанных соображений рассмотрим следующую ситуацию, в которой грань между обнаружением умысла и первоначальной стадией совершения преступления очень тонкая. Правомерность действий сотрудников в таких случаях зависит от правильности уголовно-правовой оценки поступившей информации.

Подобные ситуации имеют типичный (распространенный) характер и в практике оперативно-разыскной деятельности встречаются относительно часто. По данным нашего исследования, в 68 % случаев оперативно-разыскные

---

<sup>1</sup> Кузнецова Н. Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 47.

мероприятия проводились в отношении преступлений на стадии приготовления<sup>1</sup> (прил. 2).

Рассмотрим следующую ситуацию. В орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность, поступает информация о том, что один из граждан подыскивает лиц для убийства своих родственников либо соседа, коллег или конкурентов. С целью «документирования факта подстрекательства к убийству и предотвращения его совершения» (как это обычно указывается в процессуальных документах) принимается решение о проведении оперативного внедрения силами штатных сотрудников оперативного подразделения.

В дальнейшем при встрече оперативные сотрудники играют роль участников организованной преступной группы, занимающихся заказными убийствами. «Заказчик» начинает склонять их к совершению убийства за денежное вознаграждение. Они соглашаются совершить преступление, разрабатывают совместно с «заказчиком» план совершения преступления и обсуждают его детали. На основании задокументированных данных «заказчик» задерживается и, как правило, осуждается. В судебно-следственной практике подобное деяние обычно квалифицируется как приготовление к преступлению в форме приискания соучастников убийства<sup>2</sup>.

Не ставя под сомнение законность проведения подобных мероприятий в подавляющем большинстве случаев, тем не менее обратим внимание и на возможные злоупотребления. К сожалению, в современной правоохранительной практике нередки ситуации, когда от сотрудников требуют формальных показателей своей работы, которые на сегодняшний день все еще выражаются в так называемой палочной системе (системе формальных пока-

---

<sup>1</sup> Оперативно-разыскные мероприятия проводились в отношении преступлений на стадии покушения – в 31 % случаев, в отношении оконченного преступления – в 19 %. В сумме более 100 %, так как действия виновных квалифицировались по совокупности преступлений.

<sup>2</sup> В теории уголовного права анализируются и другие варианты квалификации. См., напр.: Яни П. С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике // Законность. 2013. № 7. С. 44–49; № 8. С. 24–28; СПС «КонсультантПлюс».

зателей). Вот почему не исключены случаи, когда истинный смысл оперативно-разыскного мероприятия в конкретной ситуации может иметь несколько искаженное содержание и состоять не в предотвращении или пресечении преступления и тем более не в его профилактике, а в искусственном создании высоких показателей.

По существу, такое поведение, при определенных условиях, может быть признано провокацией преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов. С позиций как уголовного права, так и оперативно-разыскного законодательства такое недопустимо. Подобные случаи известны судебной-следственной практике.

Так, в феврале 2006 г. Черемисова рассказала знакомому З., работавшему старшим оперуполномоченным по раскрытию умышленных убийств, о своем намерении убить Р., который находился в следственном изоляторе по подозрению в убийстве ее мужа. З. отговорил ее от осуществления преступного умысла, вместе с тем немедленно сообщил об этом сотрудникам УБОП (Управление по борьбе с организованной преступностью<sup>1</sup>), где было принято решение о проведении оперативно-разыскных мероприятий. Через некоторое время З. договорился с Черемисовой о встрече, на которой познакомил ее с У., участвующим в оперативном внедрении в роли лица, готового совершить убийство по найму.

На предложение З. и У. совершить убийство Р. за денежное вознаграждение Черемисова заявила, что ей необходимо решиться на это, для чего отложила принятие своего решения на более поздний срок. Впоследствии Черемисова несколько раз сообщала У., что она не может решиться на убийство и отказывается от его услуг. Несмотря на это, У. продолжал звонить Черемисовой и предлагать свою помощь. Черемисова сообщила У., что окончательно

---

<sup>1</sup> Указом Президента Российской Федерации управления по борьбе с организованной преступностью были расформированы и на их основе были созданы Департамент по противодействию экстремизму МВД России и Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. См.: О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 (в ред. от 05.09.2011) // Рос. газ. 2008. 10 сент.; СПС «КонсультантПлюс».

но отказывается от своего преступного замысла. Несмотря на отказ Черемисовой от каких-либо действий по реализации умысла на убийство Р., оперативные работники милиции продолжали провоцировать ее на совершение преступления. С этой целью они говорили Черемисовой, что в суде Р. оправдают, так как недостаточно доказательств его вины, что он выйдет на свободу, что у нее в связи с этим будут проблемы. Под психологическим давлением Черемисова согласилась нанять У. для убийства Р. и передала ему аванс. В дальнейшем, в рамках оперативно-разыскных мероприятий, была проведена инсценировка убийства Р. При передаче Черемисовой второй части денег У. она была задержана. Ее действия органами предварительного расследования были квалифицированы по ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как приготовление к организации убийства по найму. Судом Черемисова была оправдана. В обоснование своих выводов суд сослался на то, что в отношении ее имела место провокация преступления оперативными сотрудниками милиции<sup>1</sup>.

Проанализируем описанную ситуацию. Органами предварительного расследования Черемисовой вменялось в том числе и приискание соучастников преступления. В основе происхождения термина «приискать» находится глагол «искать». При совершении таких действий лицо, при наличии свободной воли, должно проявить собственную инициативу, направленную на поиски людей, способных совершить задуманное им преступление. С позиции объективной стороны это может выражаться как, например, в самостоятельном или через посредников назначении времени и места встречи с предполагаемыми исполнителями, высказывание им своих намерений, предоставление необходимой информации о предполагаемой жертве, разработка плана совершения преступления, так и снабжении необходимыми техническими средствами или орудием совершения преступления и т. п. Обязательны также и определенные психологические усилия по склонению другого лица к по-

---

<sup>1</sup> См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30 августа 2007 г. № 89-007-33. URL : <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 02.12.2016).

мощи в совершении преступления (убеждение, внушение и т. п.). Только при таком поведении лица оперативно-разыскное мероприятие будет иметь правомерный характер.

Возникает вопрос: осуществлял ли этот процесс в нашей ситуации так называемый заказчик? Ответ, по нашему мнению, должен быть отрицательный. Он не приискивал соучастников. В приведенном примере такие действия, на наш взгляд, ни с внешней (объективной) стороны, ни с субъективных (психических) позиций не соответствуют процессу подыскания помощников в совершении преступления. Следовательно, лицо не подлежит уголовной ответственности.

Внедренные лица, выполнявшие роль «киллеров», вместо того чтобы решить в соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» задачу по предупреждению преступления фактически искусственно, самим фактом своего представления как профессиональных убийц подталкивали лицо к совершению преступления. Другими словами, сами же и превратили «голый» умысел в формальные подготовительные действия. Подстрекатели желали, чтобы «заказчик», пока еще не начавший реализовывать свои намерения, поступил именно таким образом, и приложили для этого максимум усилий.

Описанные ситуации не являются исключением в правоприменительной практике<sup>1</sup>. Руководством к совершению таких действий могут послужить, на наш взгляд, недопустимые предложения, звучащие в теории оперативно-разыскной деятельности. Так, А. Е. Чечетин считает правомерным предложение взятки лицу, лишь обнаружившему умысел на совершение пре-

---

<sup>1</sup> См., напр.: Приговор Тюменского областного суда от 16 марта 2010 г. по уголовному делу № 33-378/2017. URL : <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 12.03.2017); Кассационное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 16 мая 2013 г. по уголовному делу № 22-80/2013. URL : <http://vs.jak.sudrf.ru> (дата обращения: 22.01.2017).

ступления<sup>1</sup>. О. А. Вагин, комментируя положения ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» о запрете провокации, высказывает мнение, что активизация поведения лица, в отношении которого проводится оперативно-розыскное мероприятие и обнаружившего преступные замыслы, направление его поведения к «совершению действий, облегчающих его разоблачение... не образуют провокации преступления и соучастия в нем»<sup>2</sup>.

Считаем, что в данных случаях описаны типичные примеры провокации преступлений. Более того, выскажем предположение, что при привлечении к ответственности такого «преступника» на одной из стадий уголовного судопроизводства он был бы оправдан и получил право на компенсацию в порядке своей реабилитации.

Вывод о недопустимости провокации преступления как метода борьбы с преступностью поддержали большинство респондентов проведенного нами социологического исследования (прил. 1). Так, при ответе на абстрактный вопрос о такой возможности подавляющее большинство (92,3 %) посчитали, что провокация преступления недопустима ни при каких обстоятельствах. Только 3,9 % – высказались о возможности таких действий при условии, что есть предположение, что лицо все равно совершит преступление, но имеющих данных недостаточно для возбуждения уголовного дела. 3,8 % – затруднились с ответом.

Однако мнение участников опроса резко изменилось, когда вопрос был несколько завуалирован применительно к конкретной практической ситуации. Мы задали следующую смоделированную задачу: «Допустимо ли проведение проверочной закупки у гражданина, в отношении которого имеется информация лишь о незаконном хранении им огнестрельного оружия?» Дело

---

<sup>1</sup> Чечетин А. Е. О некоторых проблемах применения оперативного эксперимента в оперативно-розыскной деятельности // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. С. 161.

<sup>2</sup> Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е. Указ. соч.

в том, что в описанных условиях лицо не проявляет намерения сбыть оружие. Соответственно без возбуждения у него такого желания провести проверочную закупку невозможно. Если же это сделать, то, по нашему мнению, будет иметь место провокация сбыта оружия. Утвердительно на поставленный вопрос ответили 57,7 % опрошенных, остальные 42,3 % – высказались о недопустимости проведения оперативно-разыскного мероприятия, так как такие действия, по их мнению, образуют провокацию преступления.

Таким образом, данные исследования показывают, что, несмотря на формальное отрицание провокации преступления в правоохранительной деятельности, среди практических сотрудников отсутствует четкое представление о проблеме. Полагаем, что это может быть обусловлено как неоднозначностью судебно-следственной практики по данному вопросу, так и недостаточностью его освещения при преподавании дисциплин уголовного права и оперативно-разыскной деятельности.

В литературе приводится своеобразный критерий отграничения провокации от правомерных действий. Считается, что провокационно-подстрекательское поведение от оперативно-разыскного мероприятия отличается тем, что оперативник осознает, что его действия направлены на защиту от преступного посягательства и носят общественно полезный характер<sup>1</sup>. Однако для уголовного права не имеет значения, какими мотивами и целями при этом руководствовался подстрекатель – корыстью, ненавистью либо, как в нашем случае, ложно понимаемыми задачами по противодействию преступности или желанием показать свой профессионализм и активность в этой сфере. С позиции уголовного права склонение другого лица к совершению преступления с целью последующего изобличения, то есть провокация преступления, должно влечь за собой уголовную ответственность.

Вместе с тем следует признать стереотипными мнения, наполняющие провокацию исключительно негативным содержанием. Мы поддерживаем

---

<sup>1</sup> См.: Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-разыскной деятельности. С. 253, 277; Хромов И. Л. Противодействие преступности в учреждениях, исполняющих наказания. Криминологические и оперативно-разыскные аспекты. М., 2011. С. 218.



позицию, согласно которой в целом под провокацией следует понимать совершение действий с целью вызвать предсказуемую ответную реакцию. Другими словами, вполне возможна провокация поведения не являющегося противоправным. Именно в последнем значении такие действия получили свое распространение в законной следственной и оперативно-разыскной практике. Так, оперативный сотрудник может осуществить допустимую провокацию путем побуждения другого лица к определенному (непреступному) поведению с целью его негласного оперативного сопровождения (прослушивание телефонных переговоров, наблюдение и др.). Например, среди осужденных распространяется ложная информация о том, что сотрудникам исправительной колонии стали известны лица, совершившие ранее нераскрытое преступление. Это может побудить к изменению поведения виновных и получению необходимой информации<sup>1</sup>.

Правомерную провокацию необходимо отличать от противоправной провокации преступления, которая в уголовном законодательстве не получила своего закрепления. Провокация взятки либо коммерческого подкупа, предусмотренная ст. 304 УК РФ, к общему понятию провокации преступления имеет посредственное отношение и фактически является частным случаем фальсификации доказательств. Данное утверждение совпадает с мнением большинства сотрудников правоохранительных органов и судей, принявших участие в исследовании проблем провокации преступлений<sup>2</sup>. Так, 50 % из числа опрошенных провокацию преступления понимают примерно так же, как она описана в ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». 45 % – ответили, что провокация преступления – это возбуждение желания совершить деяние, запрещенное уголовным законом, у лица, не имеющего на это умысел, с целью привлечения его к уголовной ответствен-

---

<sup>1</sup> См.: Хромов И. Л. Указ. соч. С. 210–212.

<sup>2</sup> При участии автора было проведено анкетирование 419 судей, сотрудников органов внутренних дел, прокуратуры по вопросам провокации преступления. См.: Провокация преступлений в теории и практике уголовного права : науч.-аналит. обзор / под ред. А. А. Чистякова, Г. С. Шкабина. Рязань, 2016. С. 24.

ности. И примерно 5 % – сказали, что провокация преступления – это совершение действий в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа. При этом никто не ассоциирует рассматриваемое понятие с положениями ст. 304 УК РФ<sup>1</sup>.

Современное состояние законодательного регулирования подобных отношений берет свое начало с 2005 г., когда Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) вынес постановление «Ваньян против Российской Федерации»<sup>2</sup>, в котором были обозначены наиболее важные моменты, касающиеся отграничения провокации преступления от оперативно-розыскных мероприятий. Затем, в 2007 г. в ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» было внесено дополнение о запрете для органов (должностных лиц), осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, совершать провокацию, то есть подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Рассматривался этот вопрос и в практике Верховного Суда РФ, который под провокацией сбыта наркотиков понимает подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения ОРМ)<sup>3</sup>. Таким образом, как Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»,

---

<sup>1</sup> Об отграничении провокации преступления от провокации взятки (ст. 304 УК РФ) пишут и другие авторы. См., напр.: Борков В. Н. Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов // Уголовное право. 2015. № 1. С. 16–21; Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Провокация в борьбе с коррупцией: диалектическое противоречие и пути выхода из него // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 4. С. 45–53.

<sup>2</sup> Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. «Ваньян против Российской Федерации» // Бюл. Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7. В практике ЕСПЧ имеются и другие решения в отношении Российской Федерации касающиеся вопросов провокации преступления : постановление ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. «Худобин против России» // Бюл. Европейского Суда по правам человека. 2007. № 11; Постановление ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. «Банникова против Российской Федерации» // Рос. хроника Европейского суда. 2011. № 4; Постановление ЕСПЧ от 2 октября .2012 г. «Веселов и другие заявители против Российской Федерации» // Бюл. Европейского Суда по правам человека. 2013. № 3.

<sup>3</sup> См.: Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 10.

так и Верховный Суд РФ провокацию преступления фактически рассматривают как разновидность подстрекательства к нему<sup>1</sup>.

В уголовно-правовой литературе высказывалось предложение квалифицировать провокацию преступления, совершенную сотрудником правоохранительного органа, как превышение должностных полномочий<sup>2</sup>. Однако данное предложение неприемлемо ввиду отсутствия универсального характера, так как не охватывает аналогичные действия со стороны других лиц, не являющихся должностными.

Встречаются и другие идеи, фактически переводящие провокацию преступления при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий в разряд правомерных деяний, когда ее совершение «является единственным или более эффективным средством обнаружения преступного замысла, предотвращения более тяжких преступлений, раскрытия совершенных»<sup>3</sup>. По нашему мнению, реализация таких предложений в целом безусловно недопустима, прежде всего с социальных позиций<sup>4</sup>. Ведь в подобном случае возникает реальная возможность склонять к совершению преступлений подавляющее большинство граждан, оправдывая это состоянием вынужденности.

Вместе с тем, считаем, что следует признать законным склонение лиц, подготавливающих или совершающих преступление к действиям, причиняю-

---

<sup>1</sup> Данный подход критикует А. П. Исиченко, который считает, что подобное определение провокации преступления «ставит крест на проведении таких оперативно-разыскных мероприятий, в ходе которых обнаруживается явный умысел проверяемых (разрабатываемых) лиц на совершение преступления». См.: Исиченко А.П. Еще раз о языке оперативно-разыскного закона // Научный портал МВД России. 2016. № 2. С. 57–58.

<sup>2</sup> См.: Словарь по уголовному праву / отв. ред. А. В. Наумов. М., 1997. С. 371.

<sup>3</sup> Радачинский С. Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 5, 13–14.

<sup>4</sup> Наша точка зрения по этому вопросу разделяется и другими авторами. См., напр.: Иванов В. Д., Черепяхин В. А. Провокация преступления // Рос. следователь. 2013. № 14. С. 29–32; Дударенко В. В. Юридическая природа провокации преступления в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 130–157.

щим меньший по объему или характеру вред. Такие ситуации, на наш взгляд, полностью укладываются в условия правомерности крайней необходимости<sup>1</sup>.

## **§ 2. Формы правомерного поведения лица, участвующего в проведении оперативно-разыскного мероприятия среди соучастников преступления**

Нахождение лица, участвующего в проведении оперативно-разыскных мероприятий, в криминальной среде может потребовать оценки с позиций норм о соучастии в преступлении. Такие ситуации возможны при проведении прежде всего оперативного внедрения и оперативного эксперимента и реже – при проверочной закупке, контролируемой поставке. Конечно, не исключено развитие событий, когда лицо, участвующее в проведении оперативно-разыскного мероприятия, может выйти за пределы дозволенного и, преследуя свои личные, например, корыстные, цели, совместно с другими лицами совершить преступление. Такие действия не исключают соучастия и преступности деяния, а лицо подлежит уголовной ответственности на общих основаниях<sup>2</sup>.

Однако нормой все же являются правомерные действия оперативных сотрудников и лиц, оказывающих им содействие. В таких случаях говорят о мнимом соучастии<sup>3</sup>. Из выделяемых в уголовном праве четырех признаков

---

<sup>1</sup> См.: Шкабин Г. С. Обнаружение умысла и провокация преступления : проблемы правомерности проведения оперативно-разыскных мероприятий // Евраз. юрид. журн. 2016. № 11. С. 214–216.

<sup>2</sup> См. подробнее: Железняков Ю. Г. Уголовная ответственность субъектов оперативно-розыскной деятельности, совершивших преступления при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

<sup>3</sup> См., напр.: Савинский А. Мнимое соучастие как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Законность. 2005. № 10. С. 32–33; Билык В. И., Петрашева Н. В. «Мнимое соучастие» как обстоятельство, исключающее преступность деяния должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и лиц, оказывающих им содействие // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 141–144.

соучастия<sup>1</sup> (участие двух или более лиц; совместность участия; участие в умышленном преступлении; умышленный характер участия) применительно к рассматриваемым нами случаям не подлежат обсуждению только два. Так, вполне естественно, что оперативно-разыскную деятельность осуществляют лица, которые обладают признаками, позволяющими им в принципе быть субъектами преступления. То же самое можно сказать и о признаке участия в умышленном преступлении: проведение рассматриваемых мероприятий в отношении неосторожных преступлений невозможно. В связи с этим критериями отграничения соучастия в преступлении от правомерного деяния лица, участвующего в негласном мероприятии, могут быть либо совместность участия, либо его умышленный характер. Следует согласиться с Д. А. Мелешко в том, что именно эти признаки позволяют отличать «случаи соучастия от массы иных случаев, при которых к лицу, совершающему преступление, «присоединяется» другое лицо»<sup>2</sup>. В зависимости от отсутствия одного или каждого из этих признаков можно выделить два варианта возможных ситуаций, имеющих сходство с соучастием в преступлении.

Первый вариант: когда в действиях лица, участвующего в проведении оперативно-разыскного мероприятия и находящегося среди членов преступной группы, организованной группы или преступного сообщества, отсутствует только признак умышленности участия в преступлении. Такое возможно в случае, когда оперативный сотрудник или конфидент участвуют совместно с другими членами преступной группы (сообщества) в совершении преступления, которое по характеру или степени общественной опасности менее общественно опасно по сравнению с преступлением, которое

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Динека В. И. Особенности объективных и субъективных признаков соучастия // Значение уголовного закона для подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие преступности : сб. науч. ст. по итогам межвуз. науч.-метод. семинара «Научно-методическое обеспечение подготовки сотрудников органов внутренних дел в целях противодействия преступности (посвященного 20-летию принятия Уголовного кодекса Российской Федерации)» (Моск. обл. фил. Моск. ун-та МВД России им. В. Я. Кикотя, г. Руза, 13 мая 2016 г.) / под ред. Н. Г. Кадникова, И. М. Мацкевича. М., 2017. С. 22–29.

<sup>2</sup> Мелешко Д. А. Сопричинение вреда без признаков соучастия в доктрине уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 76.

предотвращается. Сразу отметим, что нам не удалось найти в опубликованной судебно-следственной практике достаточно наглядной иллюстрации подобной ситуации, поэтому попытаемся ее смоделировать.

Предположим, что в правоохранительные органы поступила информация о том, что некое террористическое сообщество подготавливает теракт в крупном городе. В одно из его структурных подразделений внедряется сотрудник этого органа и подтверждает информацию о готовящемся взрыве. Однако время, место и исполнители преступления неизвестны. Для дальнейшего нахождения в преступном сообществе и получения необходимой информации внедренное лицо вынуждено принять участие в совершении кражи автомобиля (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Давая уголовно-правовую оценку такому деянию, следует иметь в виду, что совершение описанных действий носит промежуточный характер. Проведение оперативно-разыскного мероприятия продолжается до предотвращения другого, более общественно опасного преступления. В таком случае можно говорить о наличии только трех признаков соучастия. Совместность совершения деяния также будет иметь место, поскольку рассматриваемое нами лицо вносит свой вклад в достижение общего результата – завладение автомобилем.

Вместе с тем иначе обстоит дело с содержанием субъективной стороны совершаемого деяния. Следует согласиться с мнением Н. В. Мирошниченко о том, что для правильной социально-правовой оценки причиняемого вреда имеет значение не только сознательно-волевой характер поведения, но и намерения лица<sup>1</sup>. В рассматриваемом случае отсутствует отрицательное психическое отношение (умышленный характер) внедренного лица к действиям совместно с другими участниками деяния. Проведем его анализ более подробно.

---

<sup>1</sup> См.: Мирошниченко Н. В. Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: проблемы уголовно-правовой теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 375–376.

Из трех признаков умысла (два интеллектуальных и один волевой) можно говорить об отсутствии первого интеллектуального момента – осознания общественной опасности совершаемого деяния. В отличие от иных участников, представитель государства понимает, что данный факт причинения вреда является средством в достижении другой, более социально значимой цели. Соответственно такое деяние не должно восприниматься как общественно опасное. Психическое отношение к причинению вреда состоит в осознании социальной полезности или допустимости таких действий.

О наличии других признаков умысла – второго интеллектуального и волевого – можно говорить лишь условно и относительно. Внедренное лицо предвидит наступление последствий от своих действий, однако считать их общественно опасными безотносительно конечной цели было бы неверным.

В большей степени психическое отношение лица, участвующего в проведении оперативно-разыскного мероприятия, совпадает с волевым моментом умысла других участников деяния. Оно, так же как и остальные участники, в зависимости от обстоятельств желает наступления определенных последствий, или допускает их наступление, либо относится к ним безразлично.

Следует обратить внимание на то, что в приведенном примере для определения допустимости или запрещенности объективно причиненного внедренным лицом вреда охраняемым законом общественным отношениям недостаточно лишь положительной направленности его психического отношения, иначе нормативное закрепление всех обстоятельств, исключающих преступность деяния, не имело бы смысла. В связи с этим в приведенной ситуации правомерность на сегодняшний день следует определять в соответствии со ст. 39 УК РФ без какой-либо аналогии. В случае если внедренное лицо не уверено в успехе проводимой операции и допускает возможность наступления более опасных последствий (в нашем примере это совершение теракта), то такие действия следует рассматривать с точки зрения условий правомерности обоснованного риска (ст. 41 УК РФ).

Рассмотрим второй вариант ситуаций проведения оперативно-разыскных мероприятий, схожих с соучастием в преступлении. Они возможны, когда в действиях лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, отсутствует и признак совместности участия, и его умышленный характер.

Уголовные дела, в которых описываются такие случаи, достаточно широко известны судебной-следственной практике. В зависимости от объекта оперативного интереса такие примеры можно классифицировать на две группы. Это, во-первых, когда оперативно-разыскные мероприятия проводятся в отношении нескольких лиц, предварительно объединившихся для совершения преступления, во-вторых, обстоятельства, при которых оперативно-разыскная деятельность осуществляется в отношении одного лица, совершающего неоконченное преступление.

К числу первых можно отнести следующий смоделированный пример, который мы обобщили исходя из типичных случаев, которые нам встречались при изучении судебной практики в различных субъектах Российской Федерации<sup>1</sup>.

Некоторое лицо решает создать организованную преступную группу с целью совершения хищений. Для этого он приискивает других соучастников преступления. Об этом становится известно правоохранительным органам, которые внедряют в группу одного или двух человек. Созданная преступная группа начинает подготовку к совершению преступлений. Внедренные лица участвуют в разработке планов, приискании орудий и средств совершения преступлений, иным образом принимают участие в умышленном создании условий совершения преступления. Во всех изученных нами случаях лица,

---

<sup>1</sup> См., напр.: Приговор Орловского областного суда от 20 марта .2013 г. по уголовному делу № 2-1/2013 (2-22/2012). URL : <http://oblsud.orl.sudrf.ru> (дата обращения: 06.02.2015); приговор Спасского районного суда Рязанской области от 30 июня 2016 г. по уголовному делу № 1-2/2016 // Архив Спасского районного суда Рязанской области; приговор Советского районного суда г. Рязани от 20 декабря 2016 г. по уголовному делу № 1-42/2016 // Архив Советского районного суда г. Рязани; приговор Ленинского районного суда г. Владимира от 10 августа 2017 г. по уголовному делу № 1-5/2017. URL : <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 06.10.2017) и др.



участвующие в оперативно-разыскном мероприятии, выполняли второстепенную (не активную) роль в группе. При этом, благодаря опосредованному нахождению внутри преступной группы, правоохранные органы получали необходимую информацию о подготавливаемых преступлениях и своевременно готовили задержание в местах их совершения. В день совершения преступления внедренные лица принимали участие в роли пособников или соисполнителей. Деятельность такой преступной группы, в зависимости от обстоятельств, предотвращается на стадии приготовления к преступлению либо пресекается на стадии покушения или оконченого преступления (как правило при совершении деяний, содержащих признаки усеченных составов преступлений).

Как видим, в приведенном примере внедренные лица с внешней стороны являлись соучастниками преступления и выполняли свою часть объективной стороны совершаемого деяния. Однако признать это соучастием нельзя по следующим основаниям.

Во-первых, отсутствует совместность действий внедренных лиц и других участников. Этот признак предполагает достижение единого результата. Но лицо, участвующее в проведении оперативно-разыскного мероприятия, не стремится к такому завершению. Оно, напротив, предпринимает действия, направленные на то, чтобы искомый другими преступный результат не наступил, поэтому с целью предотвращения или пресечения совершения преступления своевременно информирует правоохранные органы о предстоящих действиях участников группы. Таким образом, его поведение в группе является лишь внешними усилиями, которые признать равным вкладом в достижение результата нельзя.

Вторым основанием, исключающим соучастие в преступлении, является отсутствие умышленного характера участия лица в совершаемом деянии. Лицо, участвующее в проведении оперативно-разыскного мероприятия, осознает общественно полезный, а не опасный характер своего поведения. Пред-

видит оно то, что социально опасные последствия от совершаемого деяния не наступят, и их наступления не желает.

Несмотря на отсутствие соучастия в преступлении, лицо, осуществляющее оперативно-разыскную деятельность, все же причиняет вред общественным отношениям. Оно совершает действия, входящие в объективную сторону приготовления к преступлению (в некоторых случаях покушения или оконченного преступления). На сегодняшний день правомерность причинения такого вреда следует рассматривать исходя из аналогии закона, по правилам о крайней необходимости, о чем мы говорили ранее.

Типичными примерами второго варианта рассматриваемых ситуаций являются уголовные дела об убийствах по найму (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Достаточно часто при предупреждении этих преступлений проводятся оперативно-разыскные мероприятия (как правило, это оперативный эксперимент, оперативное внедрение или их совокупность) в отношении лиц, подыскивающих исполнителей убийства по найму. При этом нередко возникают вопросы соотношения действий лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, с институтом соучастия в преступлении. По данным проведенного исследования, мы выявили 22 % уголовных дел подобного рода (прил. 2).

Приведем характерный пример. Яушев, являясь одним из основных учредителей общества с ограниченной ответственностью и его исполнительным директором, с целью единоличного осуществления руководства данным предприятием решил подыскать исполнителей убийства второго основного учредителя З. С этой целью он обратился к Н. с просьбой приискать лиц, которые могут за вознаграждение отравить З. ядом. О подготавливаемом преступлении Н. сообщил в правоохранительные органы, а затем принял участие в проведении в отношении Яушева оперативного эксперимента. В ходе проведения оперативно-разыскного мероприятия Н. сообщил Яушеву о том, что он подыскал исполнителей преступления. После этого последний с целью передачи информации предполагаемым исполнителям убийства рассказал Н.

о вкусах, весе и болезнях потерпевшего, передал ему 10 тыс. долларов США и две фотографии будущей жертвы.

Сотрудниками правоохранительных органов в рамках оперативного эксперимента было инсценировано отравление З., изготовлено свидетельство о смерти последнего. В дальнейшем Н. с целью подтверждения смерти З. передал Яушеву флеш-карту с видеозаписью инсценировки отравления, а также копию свидетельства о смерти потерпевшего. В свою очередь, Яушев пообещал отдать оставшуюся сумму денег за убийство, после чего был задержан.

Судом действия Яушева были квалифицированы по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 105 УК РФ как организация приготовления к убийству по найму<sup>1</sup>.

В данном и других подобных случаях лицо, участвующее в проведении оперативно-разыскного мероприятия, давая мнимое согласие на уговоры или предложение совершить убийство, вступает в сговор с «заказчиком» убийства. Однако, как и в предыдущем примере, отсутствие признаков совместности и умышленного характера участия не позволяет говорить о наличии соучастия в преступлении.

Отграничив действия лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность в криминальной среде, от соучастия в преступлении, рассмотрим возможные варианты его поведения, которые имеют внешнее сходство с деяниями различных видов соучастников. Мы считаем, что с точки зрения социальных интересов и позиций уголовного права такое поведение может внешне совпадать с действиями исполнителя (соисполнителя) или пособника, как интеллектуального, так и физического<sup>2</sup>.

Наша точка зрения поддерживается и большинством из опрошенных экспертов (прил. 1). Так, 49,8 % из них посчитали, что внедренное в банду лицо может совершать действия, схожие с поведением исполнителя преступ-

---

<sup>1</sup> См.: Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 1 декабря 2011 г по уголовному делу № 2-77/2011. URL : <http://vs.tat.sudrf.ru> (дата обращения: 11.01.2017).

<sup>2</sup> См.: Шкабин Г. С. Формы правомерного поведения лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность среди соучастников преступления // Полицейская деятельность. 2017. № 5. С. 30–38. DOI : 10.7256/2454-0692.2017.5.24468. URL : <http://e-notabene.ru>.

ления. Еще больше респондентов (61,5 %<sup>1</sup>), допускают возможность действий, схожих с деянием пособника преступления. Примечательно, что приблизительно одинаковое число опрошенных высказались за возможность совершения внедренным лицом действий, схожих с поведением как подстрекателя к преступлению (22,1 %), так и организатора преступления (23,3 %).

Понятие и виды исполнителя преступления предусмотрены ч. 2 ст. 33 УК РФ<sup>2</sup>. Это непосредственный исполнитель, соисполнитель и посредственный исполнитель. Учитывая, что лицо может быть внедрено в преступное сообщество, которое образует состав самостоятельного преступления, или в организованную преступную группу, создание которой тоже в некоторых случаях может признаваться оконченным преступлением (например, банда), особую важность приобретает вопрос об уголовно-правовой оценке нахождения внедренного лица в таких формированиях.

Термин «участие» в русском языке означает «сотрудничество, деятельность по совместному выполнению какого-нибудь общего дела»<sup>3</sup>. В данном случае имеются в виду действия, схожие с соучастием, поэтому необходимо соотнести понятие «участие» с понятием «соучастие».

Понятие «участие» традиционно рассматривается при анализе уголовно-правовых норм о бандитизме, организации преступного сообщества (преступной организации), экстремистского сообщества и некоторых преступлений террористической направленности. Содержание отдельных составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за участие в различных преступных формированиях (ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 209, ч. 2 ст. 210 УК РФ и др.), на первый взгляд позволяет предположить, что участник является самостоятельным видом соучастника, не предусмотренным Общей ча-

---

<sup>1</sup> В сумме более 100 %, так как предусматривалась возможность более одного ответа на поставленный вопрос.

<sup>2</sup> См. подробнее: Питецкий В. В. Виды исполнителя преступления // Рос. юстиция. 2009. № 5. С. 19–22.

<sup>3</sup> Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000. Т. 4. С. 1035.

стью УК РФ. Однако на самом деле законодатель использует этот термин для описания объективной стороны деяния, совершенного именно исполнителем.

Субъективная сторона участия, как правило, не вызывает затруднений. Это деяние может быть совершено только умышленно. Лицо должно осознавать, что оно является членом соответствующей преступной структуры и желает совершать действия в соответствии с ее целями либо иным образом содействовать ее существованию. Вместе с тем содержание объективной стороны участия не так очевидно.

В теории уголовного права существуют разные точки зрения по этому поводу. В литературе высказывается мнение, что роль участника заключается только в достижении договоренности с бандой, преступной организацией или сообществом быть их членом. Например, Ю. Б. Мельникова и Т. С. Устинова приходят к выводу о том, что участие в банде заключается в выраженном устно или письменно согласии на вступление в банду<sup>1</sup>. В. А. Попов, указывая на повышенную общественную опасность преступной организации, полагает, что участие в ней считается оконченным с момента факта вхождения в нее<sup>2</sup>.

Большинство авторов придерживаются иных взглядов. Они считают, что участие не может выражаться в бездейственном членстве в банде или в каком-либо преступном сообществе. Оно должно быть активным, подкрепленным конкретными действиями, направленными на снабжение других членов оружием, финансирование, предоставление транспорта, помещений и иное содействие существованию такой группы или сообщества либо совершению конкретных преступлений<sup>3</sup>. Фактически, по мнению этих уче-

---

<sup>1</sup> См.: Мельникова Ю. Б., Устинова Т. С. Уголовная ответственность за бандитизм. М., 1995. С. 20.

<sup>2</sup> См.: Попов В. А. Преступное сообщество (преступная организация). Вопросы теории и практики. М., 2017. С. 74–75.

<sup>3</sup> См., напр.: Глазкова Л. В. Бандитизм и преступное сообщество: вопросы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 71; Хлебушкин А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. 2014. № 2. С. 82–87; Агапов П. В. Организация террористического сообщества и участие в нем: проблемы криминализации и правоприменения // Рос. юстиция. 2015. № 7. С. 23–25.

ных в понятие «участие» включена объективная сторона пособника, содействие которого носит постоянный характер.

Нет определенности в толковании рассматриваемого термина и Верховным Судом РФ. В четырех его постановлениях<sup>1</sup> признаки этого деяния раскрываются применительно к семи составам преступлений.

В двух статьях Уголовного кодекса РФ речь идет об участии в деятельности террористической (ч. 2 ст. 205.5) или экстремистской (ч. 2 ст. 282.2) организации. Такое участие может выражаться в деяниях, относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации. Например, это может быть проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, непосредственное присутствие на организационных мероприятиях и т. п.

Пятью другими составами преступлений являются участие в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ); участие в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208); участие в банде (ч. 2 ст. 209), участие в преступном сообществе (преступной организации) (ч. 2 ст. 210); участие в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282.1). Применительно к этим преступлениям высший судебный орган выделяет три формы участия: 1) вхождение в состав сообщества или формирования, которое может выражаться в даче устного согласия или подписки, принятии присяги, получении оружия и т. п.; 2) участие в подготовке соответствующих преступлений или их непосредственном совершении; 3) совершение так называемых обеспечительных действий (снабжение информацией, ведение документации, предоставление транспортных средств или помещений, приготовление пищи для других членов и т. п.).

---

<sup>1</sup> См.: О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 17 января 1997 г. № 1 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 1997. № 3; О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 // Там же. 2010. № 8; О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 03.11.2016) // Там же. 2011. № 8; О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (в ред. от 03.11.2016) // Там же. 2012. № 4.

Однако такая форма, как вхождение в криминальную структуру, была признана судом оконченным преступлением только в двух случаях – это участие лица в террористическом (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) или экстремистском сообществах (ч. 2 ст. 282.1). Во всех остальных ситуациях указывается на более активные действия, связанные с подготовкой или совершением конкретных преступлений или с обеспечением функционирования преступной структуры.

Следует обратить внимание на то, что лишь недавними изменениями в соответствующие постановления от 3 ноября 2016 г.<sup>1</sup> высший судебный орган пересмотрел свою позицию по моменту окончания участия в террористическом и экстремистском сообществах. Если ранее такое участие считалось завершенным с момента подготовки и совершения преступления или обеспечительных действий, то в настоящее время предлагается считать, что все признаки состава преступления будут иметь место уже с момента вхождения лица в эти структуры.

Таким образом, Верховный Суд РФ различает объективную сторону участия в зависимости от конкретного преступления. Что послужило критерием такой дифференциации, сказать трудно. Можно предположить, что было сделано исключение для наиболее сложной формы соучастия – отдельных разновидностей преступного сообщества. Однако в постановление «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», где, казалось бы, дается коренное понятие участия, никаких изменений внесено не было. Не изменилось и содержание участия в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ), которое дается в том же постановлении, что и претерпевшее изменение участие в террористическом сообществе.

---

<sup>1</sup> См.: О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 // Рос. газ. 2016. № 259.

На наш взгляд, факт вхождения лица в какое-либо преступное сообщество, незаконное вооруженное формирование или банду причиняет объективный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Оно способствует существованию и развитию этих криминальных структур. У других членов таких групп складывается мнение об их качественном и количественном составе структуры, создает уверенность в совершении новобранцем необходимых действий, в соответствии с разработанными планами, укрепляет надежду на успех в подготавливаемых и совершаемых преступлениях.

Соответственно во всех перечисленных случаях участия его окончание следует, на наш взгляд, признавать с момента фактического вхождения лица в состав различных преступных сообществ, незаконного вооруженного формирования или банды. Мы согласны с мнением Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова, которые считают, что такое вхождение должно выражаться не только в даче согласия быть участником банды или сообщества, но и в «принятии на себя обязательств и функциональных обязанностей, возлагаемых организатором или руководителем сообщества либо сообществом в целом»<sup>1</sup>. Следовательно, все постановления Верховного Суда РФ, в которых раскрывается данный вопрос, необходимо привести к общему знаменателю, то есть к общему пониманию и толкованию (прил. 4).

Таким образом, в рассмотренных случаях участие представляет собой деяние исполнителя преступления. Соответственно лицо, внедренное в террористическое, иное преступное сообщество, незаконное вооруженное формирование или банду, может выполнять роль участника этих криминальных структур в любой из трех форм. При этом не стоит забывать о том, что участие в преступной группе всегда определяется как членство лица в уже созданной преступной организации.

---

<sup>1</sup> Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). М., 1997. С. 15.



Однако, на наш взгляд, лицо при проведении оперативного внедрения может совершить действия, схожие с преступлением, не будучи членом ни одной из структур, описанных в ст. 35 УК РФ. Это возможно, например, когда лицу необходимо для достижения целей оперативного мероприятия войти в состав преступной группы и создать себе «реальный» имидж человека, способного или совершающего преступления.

Наша позиция разделяется и 80,8 % опрошенных экспертов, которые дали положительный ответ на вопрос о допустимости причинения вреда правоохраняемым интересам лицом, внедренным в преступное сообщество, для создания себе образа «преступника». В таком случае действия лица соответственно никакого соучастия образовывать не будут. Примером может служить совершение заранее не обещанного укрывательства<sup>1</sup> или приобретения имущества, заведомо добытого преступным путем. Остальные респонденты либо посчитали, что такие действия недопустимы (7,7 %), либо затруднились с ответом (11,5 %) (прил. 1).

Вместе с тем считаем недопустимыми действия внедренного лица, состоящие в посредственном исполнении. Под ним понимается совершение преступления посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ (ч. 2 ст. 33 УК РФ). Подобные деяния неоднозначно оцениваются в теории уголовного права и судебно-следственной практике<sup>2</sup>. Представляется, что такое поведение практически всегда будет связано со склонением лицом, обладающим признаками субъекта, другого лица, не являющегося таковым, к совершению преступления. Другими словами, речь идет о фактически подстрекательских действиях, ко-

---

<sup>1</sup> См.: Железняков Ю. Г. Указ. соч. С. 176.

<sup>2</sup> См., напр.: Есаков Г. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике // Уголовное право. 2011. № 2. С. 10–15; Аругюнов А. А. Соучастие в преступлении. М., 2013. С. 180–185.

торые в силу отсутствия (в уголовно-правовом смысле) подстрекаемого признаются совершенными исполнителем.

В свое время И. Я. Хейфец писал, что «понятие «посредственное виновничество» создано доктриной для избежания целого ряда неудобных следствий из признаваемого ею акцессорного характера подстрекательства. В целом ряде случаев, при которых логическим следствием акцессорного характера подстрекательства является ненаказуемость подстрекателя, доктрина вводит понятие «посредственный виновник» и спасает этим свою конструкцию подстрекательства от полного крушения. Это прежде всего возможно при тех деликтах, где физическим деятелем является, например, лицо невменяемое»<sup>1</sup>.

Роль внедренного лица, выполняющего функции соисполнителя, может различаться в зависимости от характера и сложности объективной стороны преступления вообще и конкретного преступления в частности. В принципе он может полностью выполнить объективную сторону преступления; либо выполнить какую-то часть действий, предусмотренных в диспозиции статьи Особенной части УК РФ; либо совершить действия, лежащие за рамками конкретного преступления, но которые органически вплетаются в ход его совершения и без которых невозможно или крайне сложно осуществить преступное посягательство<sup>2</sup>.

Наглядным примером может служить следующий случай, получивший отражение в судебно-следственной практике.

Шейбов, имея криминальный опыт совместной преступной деятельности с Алиевым, желая обогатиться преступным путем, решили ограбить своего знакомого С., который работал врачом-стоматологом в частной клинике. У потерпевшего якобы имелись на счету банковской карты денежные средства для покупки квартиры. С целью хищения денежных средств в особо крупном размере Шейбов создал и возглавил организованную преступную группу, сплоченную

---

<sup>1</sup> Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению. М., 1914. С. 28–29.

<sup>2</sup> См. подробнее: Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2013. С. 211.

на основе дружеских доверительных отношений, для совершения ограбления С., в которую добровольно вошел в качестве активного участника Алиев.

Шейбов и Алиев, действуя в составе организованной группы, стали подыскивать соучастников для совершения грабежа. Они подстрекали к совершению преступления своих общих знакомых, физически сильных молодых людей, имеющих в личном пользовании автотранспорт, мобильную связь, средства наблюдения и конспирации. Им отводилась роль соисполнителей и пособников при совершении преступления.

О готовящемся преступлении стало известно сотрудникам уголовного розыска. Было принято решение о проведении оперативно-разыскного мероприятия – оперативное внедрение. В целях предотвращения тяжких последствий в группу Шейбова был внедрен И.

В ходе приискания соучастников Шейбов и Алиев склоняли к совместному совершению преступления девять человек, в том числе и И. По различным причинам восемь человек в разное время добровольно отказались от совершения преступления. Внедренный сотрудник на устные уговоры совместного совершения преступления, дал свое согласие. Ему они планировали отвести роль соисполнителя преступления поручив наблюдение за окружающей обстановкой, разведывательные мероприятия при слежении за потерпевшим, его домом и местом работы, а также непосредственное ограбление, надеясь на физическую силу И., выносливость и иные данные, которые могли пригодиться при лишении потерпевшего свободы и сокрытии с места преступления.

Осуществляя мероприятия по подготовке к преступлению, Шейбов, по согласованию с Алиевым, определял различные варианты внезапного ограбления: в масках возле дома потерпевшего, в подъезде, а также с проникновением в квартиру потерпевшего. Для этого планировалось перерезать телефонный провод на лестничной площадке и дожидаться пока С. выйдет из квартиры проверить провода и соединения. Разрабатывался вариант проникновения в квартиру под видом соседей с нижнего этажа, у которых якобы

протек потолок квартиры, а также под видом специалистов, производящих технический осмотр систем отопления, водоснабжения и канализации, электрических и газовых приборов, кабельного телевидения, под видом сотрудника милиции, «деда мороза», в масках и т. п. В дальнейшем планировалось вывезти С. на автомашине в лесной массив, где с применением насилия получить информацию о месте нахождения его банковской карты и кода к ней, снять денежные средства в особо крупном размере.

В день совершения преступления внедренный в организованную преступную группу И. по плану Шеибова как соучастник ограбления согласно отведенной ему роли отслеживал передвижение С. от места работы до дома. Используя мобильный телефон, передавал данную информацию Шеинову, который находился в районе готовящегося ограбления, и, в свою очередь, передавал полученную информацию Алиеву. Последний ожидал, выбирая наиболее выгодные позиции для ограбления, в подъезде и возле дома потерпевшего для того, чтобы при его появлении совместно совершить его ограбление в масках с последующим вывозом на автомашине в лесной массив. Но Алиев и Шеинов не смогли довести свой преступный умысел до конца в связи с тем, что из подъезда дома вышел посторонний человек. С. успел зайти в подъезд и закрыть за собой дверь.

Через некоторое время попытка совершения ограбления повторилась. Однако преступление вновь не было доведено до конца по не зависящим от виновных обстоятельствам. В дальнейшем Алиев и Шеинов были задержаны.

Благодаря действиям внедренного в преступную группу И. было предотвращено нападение на С., собраны необходимые доказательства для привлечения виновных к уголовной ответственности за совершение данного и нескольких других преступлений. Деяния Алиева и Шеибова по описанному выше эпизоду были квалифицированы по ч. 1 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ как приготовление к грабежу, то есть приготовление к открытому хищению чужого имущества, совершенному с незаконным проникновением

в жилище, с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, организованной группой, в особо крупном размере<sup>1</sup>.

Как видим, внедренное лицо с внешней стороны выполняло роль соисполнителя преступления. Однако на стадии предварительного следствия И. совершенно справедливо не был привлечен к уголовной ответственности. Мы согласны с такой принципиальной позицией и считаем, что совершенные И. действия нельзя считать преступными.

Перейдем к рассмотрению пособничества как одной из допустимых форм поведения внедренного лица. Физическое пособничество состоит в предоставлении средств или орудий для совершения преступлений или в устранении препятствий на пути осуществления преступного намерения и выражается, как правило, в действии. В частности, это может выглядеть в передаче оружия, транспорта и т. д., то есть в снабжении исполнителя предметами материального мира, которые могут обеспечить совершение преступления. Внедренное лицо по приказу организатора или руководителя преступной группы может выполнять и другие действия: отвлекать охранников от места, откуда будет совершаться хищение, отвлекать внимание потерпевших, устранять материальные препятствия, отключить сигнализацию и т. п.

Интеллектуальное пособничество в форме содействия совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации представляет большую сложность при уголовно-правовой оценке оперативного внедрения. В данном случае имеется определенная схожесть с подстрекательством к преступлению. Она состоит не только во внешнем выражении, в форме, но и в содержании. В обоих случаях на исполнителя оказывается психическое воздействие. Оно может выражаться в даче советов, указаний на совершение определенных действий и т. п. Основным отличием следует считать то, что подстрекатель прикладывает усилия для формирования решимости у исполнителя, а интеллектуальный пособник всегда имеет дело с лицом,

---

<sup>1</sup> См.: Приговор Орловского областного суда от 20 марта 2013 г. по уголовному делу № 2-1/2013 (2-22/2012). URL : <http://oblsud.orl.sudrf.ru> (дата обращения: 06.02.2015).

уже имеющим такую решимость, и он ее всего лишь укрепляет. Таким образом, подстрекатель является «идейным вдохновителем», инициатором преступления, а интеллектуальный пособник – нет<sup>1</sup>.

Роль пособника, состоящая в указаниях, советах, предоставлении информации, помогает уяснить имеющуюся обстановку и условия совершения преступления, чтобы выбрать наиболее рациональный его способ. Иначе говоря, внедренное лицо своими советами и информацией члену преступной группы передает ему знания и навыки, обусловленные ситуацией, целями и задачами оперативно-разыскного мероприятия.

Вместе с тем действия оперативного сотрудника или конфиденанта не должны соответствовать поведению организатора или руководителя преступления. С точки зрения права в интересах общества и государства не может быть признано допустимым внедрение в какую-либо социальную группу «организатора» преступления, чтобы в дальнейшем бороться с действиями такой группы.

Как мы уже говорили, оперативное внедрение осуществляется не только путем ввода лица вовнутрь интересующего объекта, но и путем приобретения источника информации, уже находящегося в криминальной среде. Соответственно потенциально вероятно и установление таких контактов с руководителем преступной группы. В этом плане наиболее яркий исторический пример – Евно Азеф, один из руководителей боевой организации эсеров, впоследствии завербованный Департаментом полиции Российской империи<sup>2</sup>. В данном случае следует иметь в виду, что цель оперативного внедрения не только получить интересующую информацию, но и в конечном итоге ликвидировать или предотвратить деятельность преступного формирования.

Тем не менее запрет на организаторские действия может быть исключен. Вероятность такового мала, однако существует. Речь идет о тех ситуаци-

---

<sup>1</sup> См.: Гаухман Л. Д. Указ. соч. С. 220; Шубина В. Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 22.

<sup>2</sup> См.: Гусев К. В. Рыцари террора. М., 1992. С. 50.

ях, когда руководитель организованной группы или преступного сообщества дает указание члену такой группы или сообщества, являющемуся внедренным лицом, организовать совершение преступления или подыскать (склонить к совершению) его исполнителя или пособника.

Допустим, лидер банды приказывает участнику своей вооруженной группы, являющемуся внедренным лицом, организовать угон автомобиля для использования его в нападении на банк. Такой участник также может подыскивать исполнителей, разрабатывать план, распределять роли, совершать иные действия по организации совершения деяния и руководству им.

С одной стороны, исполнитель полученного задания будет являться организатором или руководителем самостоятельного преступления; с другой – такие действия фактически являются исполнением воли другого лица, обладающего в отношении члена группы или сообщества иерархическими, властными, «распорядительными» полномочиями. В таком случае по отношению к этому поручению такие лица, с точки зрения уголовного закона, являются исполнителями.

Данная позиция подтверждается и п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)». Суд разъяснил, что «действия участника преступного сообщества (преступной организации), не являющегося исполнителем конкретного преступления, но в соответствии с распределением ролей в составе этого сообщества выполняющего функции организатора, подстрекателя либо пособника, подлежат квалификации независимо от его фактической роли в совершенном преступлении по соответствующей статье Уголовного кодекса Российской Федерации без ссылки на части 3, 4 и 5 статьи 33 УК РФ, а также по части 2 статьи 210 УК РФ». Несмотря на то что в данной ситуации Пленум дает свои разъяснения относительно преступного сообщества, на наш взгляд, аналогичным образом следует квалифицировать подобные деяния и в составе организованной преступной группы.

Таким образом, действия лица, участвующего в проведении оперативно-разыскного мероприятия, в принципе могут выражаться в поведении организатора или руководителя конкретного преступления, подстрекателя либо посредственного исполнителя при условии, что они явились следствием вынужденного исполнения поручения, указания или приказа руководителя организованной преступной группы либо преступного сообщества.

Оперативный сотрудник или конфидент не должны выполнять и роль подстрекателя, которая состоит в склонении другого лица к совершению преступления путем уговоров, подкупа или угрозы. Подстрекательство может осуществляться и другими способами: просьбами, обещанием, обманом, убеждением, лестью, применением насилия, шантажом. В принципе приемы и методы или форма, используемые при формировании желания совершить преступление, значения не имеют, важен только конечный результат.

В соответствии с теорией уголовного права подстрекательство к преступлению будет иметь место только в отношении конкретного лица или группы лиц. Не адресованные конкретному человеку общие призывы противоправной деятельности не влекут за собой уголовной ответственности, кроме случаев, когда такие действия образуют состав преступления, предусмотренный Особенной частью уголовного закона. В настоящее время таких составов пять: ст. 205.2 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности»); ст. 212 («Призывы к массовым беспорядкам»); ст. 280 («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»); ст. 281.1 («Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»); ст. 354 УК РФ («Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны»).

Представитель государства не может осознанно возбуждать решимость или намерение совершить противоправные действия с целью дальнейшего привлечения виновных к уголовной ответственности. Такие действия являются провокацией преступления, которая в соответствии со ст. 5 Федераль-



ного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» запрещена. Однако из этого правила имеется маловероятное, тем не менее возможное исключение. Оно было описано нами в предыдущем параграфе и состоит в правомерности склонения лиц, готовящихся или уже начавших совершать преступление к совершению других действий, которые повлекут за собой менее тяжкие последствия.

Таким образом, по нашему мнению, следует признать правомерным совершение лицом, проводящим оперативно-розыскное мероприятие, действий, схожих с поведением исполнителя, соисполнителя или пособника. Одновременно необходимо учитывать очевидные противоречия целей и задач оперативно-розыскной деятельности и действий лиц, совершающих преступление, поэтому сотрудник органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или лицо, сотрудничающее с таким органом, за редким исключением, не должны выполнять роль посредственного исполнителя, подстрекателя, организатора или руководителя совершения преступления.

## **Глава 5. ОСНОВАНИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**

### **§ 1. Проблемы уголовно-правового регулирования правомерного причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий**

Исследуя вопрос об уголовно-правовой характеристике оперативно-разыскных мероприятий можно убедиться в том, что, с одной стороны, причинение вреда интересам третьих лиц при их проведении имеет существенные сходства с институтом крайней необходимости, а с другой – рассматриваемые явления содержат собственные черты. Однако отечественная правоприменительная практика идет по иному пути, не признавая какого-либо значения крайней необходимости в оперативно-разыскной деятельности.

В настоящее время, как показало социологическое исследование мнений сотрудников правоохранительных органов и судей, правовой порядок «выведения» из уголовного дела внедренного лица, причинившего вред при проведении оперативно-разыскного мероприятия (то есть непривлечение его к уголовной ответственности), представляет значительные трудности. В результате проведенного нами интервьюирования этот аспект проблемы отметили 65,3 % опрошенных. Как показывает практика, отказ от уголовного преследования происходит либо с нарушением норм материального или процессуального права, либо с использованием личных контактов оперативных сотрудников со следователем, прокурором или судьей. Разумеется, ни тот ни другой вариант не является правильным, поскольку любой из них нарушает сразу несколько принципов уголовного права: принцип законности (ст. 3 УК РФ); принцип равенства граждан перед законом (ст. 4); принцип вины (ст. 5 УК РФ).

В судебной-следственной практике не являются редкостью ситуации, когда правоприменитель вынужден просто «не замечать» факта причинения

вреда лицом, выполняющим оперативно-разыскное мероприятие, или трактовать вред как незначительный или иным образом завуалировать его наличие. Наглядным примером является случай, описанный в приговоре суда по уголовному делу, по которому проводилось оперативное внедрение.

В сентябре 2010 г. М., преследуя цель противоправного личного обогащения, решил совершить разбойные нападения на владельцев дорогостоящих автомобилей, планируя при этом их убийство, завладение транспортными средствами и последующее обращение похищенного имущества в свою пользу.

Для успешной реализации своего преступного плана М. решил приискать соучастника, а также предметы, подходящие для использования в качестве оружия при совершении нападений и убийств. С этой целью он обратился к своему знакомому Р., предложив ему совместно участвовать в задуманных преступлениях.

Достигнув между собой согласия, М. и Р. распределили роли, намеревались по объявлению в газете найти сообщения о продаже дорогого автомобиля. В дальнейшем под видом покупателей они решили оформить доверенность с правом распоряжения им на третье лицо, а после совершения сделки совместно напасть на продавца, лишить его жизни и спрятать труп. После этого соучастники планировали перегнать похищенный автомобиль с целью его дальнейшей продажи, а вырученные денежные средства присвоить.

Осуществляя свой преступный умысел, М. и Р. приобрели веревку и два ножа, которые намеревались использовать при совершении нападений и убийств потенциальных жертв. Позже они обратились к Б., которого посвятили в свои преступные планы. Виновные предложили ему выступить в качестве лица, на которое планировали оформить доверенность и поручить ему перегон автомобиля. Однако Б. отказался. Тогда М. и Р. попросили его подыскать другого человека, способного оказать им помощь в оформлении документов.

Б. привел к М. и Р. своего знакомого П., который являлся оперативным уполномоченным уголовного розыска. С этого момента П. начал участвовать в фактическом проведении оперативного внедрения. М. предложил П. офор-

мить на себя автомобиль, перегнать его в другой город и там продать, пообещав за это 40 000 рублей, при этом, как указано в приговоре, «не ставя его в известность о своих преступных намерениях». П. согласился.

Затем М., реализуя задуманное, по объявлению в газете выбрал автомобиль, продающийся за 1 300 000 рублей и принадлежащий на праве собственности В. и договорился с ним о купле-продаже. Втроем они направились на встречу с В. для оформления доверенности к нотариальной конторе. Однако В. приехал на встречу не один. Присутствие второго человека противоречило их плану, поскольку предполагало наличие лишнего свидетеля. М. и Р. сказали внедренному сотруднику, что сегодня сделка не состоится и разошлись.

Через три дня М. и Р. подыскали новый автомобиль, стоимостью 1 250 000 рублей, принадлежащий Ч. Они решили также под видом покупки оформить доверенность на имя П., напасть на Ч., убить его и присвоить автомобиль и дальше действовать в соответствии с разработанным планом П. Они вновь предложили П. оформить на себя автомобиль и перегнать его в другой город, опять же «не ставя его в известность о своих преступных планах». Впоследствии М. и Р. были задержаны сотрудниками полиции и осуждены к лишению свободы<sup>1</sup>.

Мы не ставим под сомнение окончательное решение суда. Однако позволим себе усомниться в том, что исполнители преступления действительно не поставили в известность П. о своих истинных целях. Необходимо оценить значимость и место действий П. в деяниях М. и Р. Вся логика развития событий говорит о том, что роль П. предполагала его осведомленность о схеме совершения преступления. Иными словами, М. и Р. психологически были просто обязаны объяснить смысл своих действий. Иное их поведение невозможно, поскольку использование соучастника втемную все равно требует каких-либо элементарных разъяснений и толкований. Более того, если бы П. не потребовал объяснений, то это вызвало бы подозрение у М. и Р. Иными слова-

---

<sup>1</sup> См.: Приговор Мурманского областного суда от 14.04.2011 по уголовному делу № 2-15/2011. URL : <http://oblsud.mrm.sudrf.ru> (дата обращения: 2.02.2015).

ми П., был полноценным участником причинения вреда и выполнял функцию пособника.

Однако органы предварительного расследования, а затем и суд, очевидно, столкнулись с проблемой отсутствия прямого уголовно-правового регулирования причинения вреда при проведении оперативного внедрения. Вследствие этого использование правоприменителями в приведенном случае фразы «не ставя его в известность о своих преступных планах» позволило исключить признак согласованности в совместных действиях и вообще не давать уголовно-правовой оценки поведению внедренного сотрудника. По существу, перед нами завуалированная попытка скрыть причинение вреда с его стороны.

По нашему мнению, требуется иной подход к решению анализируемых вопросов, который, как справедливо отмечает Ю. В. Астафьев, заключается в системном изменении качества уголовного, процессуального и оперативно-разыскного законодательства<sup>1</sup>. Следует согласиться с мнением В. В. Николюка, который считает, что предоставление иммунитета от уголовного преследования внедряемым сотрудникам прекратит негативную практику «вывода» указанных лиц из расследования незаконными, договорными способами, граничащими с фальсификацией доказательств<sup>2</sup>.

К сожалению, уголовно-правовому обеспечению оперативно-разыскной деятельности в отечественном уголовном законодательстве и науке уголовного права уделяется недостаточное внимание. Можно лишь говорить об относительном распространении в юридической печати анализа частных вопросов этой проблемы. К их числу следует отнести публикации, содержащие уголовно-правовую оценку вреда, причиненного при проведении оперативного внедрения.

---

<sup>1</sup> См.: Астафьев Ю. В. Границы допустимого поведения сотрудников оперативно-разыскных органов и их доверенных лиц в процессе производства оперативно-разыскной деятельности: уголовное право, уголовный процесс и криминалистика // Правовые реформы в современной России: значение, результаты, перспективы: уголовное право, уголовный процесс и криминалистика : материалы науч.-практ. конф., посвященной 50-летию юбилею юрид. фак. Воронеж. гос. ун-та (Воронеж, 20–21 нояб. 2008 г.). Воронеж, 2009, Вып. 5. Ч. 5. С. 19–20.

<sup>2</sup> См.: Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» : науч.-практ. коммент. / под ред. В. В. Николюка. С. 171.

Определенная часть авторов оценивает вред, причиненный при проведении оперативно-разыскных мероприятий, с позиций уже закрепленных в УК РФ обстоятельств, исключающих преступность деяния. Так, Г. М. Миньковский полагал, что в основе оперативно-разыскной деятельности находится такое обстоятельство, исключающее преступность деяния, как крайняя необходимость<sup>1</sup>. Аналогичную точку зрения высказывает А. В. Маслов<sup>2</sup>. И. Н. Озеров рассматривает сыскную деятельность с позиций обоснованного риска<sup>3</sup>. А. С. Вандышев преломляет все положения, предусмотренные главой 8 УК РФ, к оперативно-разыскным мероприятиям<sup>4</sup>.

Конечно же, при осуществлении оперативно-разыскной деятельности возможно наличие любых из предусмотренных законом обстоятельств, исключающих преступность деяния. Однако ни одно из них напрямую не регулирует рассматриваемые нами ситуации. Как мы уже говорили выше, практика фактически игнорирует применение указанных норм. Подобное положение приводит к единственно верному выводу о необходимости дополнения уголовного законодательства новой нормой о правомерном причинении вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Данный вывод совпадает с мнением большинства из опрошенных нами респондентов (65,5 %). Остальные посчитали, что для этого достаточно ст. 39 УК РФ о крайней необходимости или положений Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (34,5 %) (прил. 1). В связи с этим пред-

---

<sup>1</sup> См.: Миньковский Г. М. Указ. соч. С. 12. Спустя несколько лет после вступления в действие УК РФ Г. М. Миньковский скорректировал свое мнение и совместно с В. П. Ревиним предложили добавить примечание к статье о крайней необходимости. В нем, по их мнению, должно быть предусмотрено обстоятельство, исключающее уголовную ответственность лиц, внедренных в преступные сообщества и вынужденных участвовать в подготовке преступлений (См. подробнее: Миньковский Г. М., Ревин В. П. Некоторые особенности развития организованной преступности в России и направления по повышению эффективности борьбы с нею // Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью. Калининград, 1997. С. 61–62).

<sup>2</sup> См.: Маслов А. В. К вопросу о допустимости и правомерности причинения вреда правоохраняемым интересам субъектами оперативного внедрения // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1. S15. С. 29–31.

<sup>3</sup> См.: Озеров И. Н. Категория риска в оперативно-разыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.

<sup>4</sup> Вандышев А. С. Указ. соч. С. 226–234.

ставляет интерес изучение опубликованных мнений ученых по данному вопросу. Это позволит выявить систему и тенденции научной мысли в этом направлении, а также установить возможные недостатки для недопущения их в собственных изысканиях и будущей работе законодателя.

Мы провели анализ открытых публикаций (это в основном научные статьи), в которых содержались предложения по дополнению уголовного законодательства новым обстоятельством, исключающим преступность деяния, при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. В результате нам удалось сгруппировать мнения ученых по различным основаниям. В зависимости от объема регулирования все изученные нами конструкции предложенных норм можно разделить на две группы. Во-первых, это те, в которых причинение правомерного вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности является всего лишь частью из множества возможных вариантов, и во-вторых, те, которые затрагивают только оперативно-разыскные мероприятия.

Говоря о первой группе обстоятельств, исключающих преступность деяния, следует назвать прежде всего две предполагаемые нормы. Это «Исполнение закона» и «Осуществление профессиональных функций». Оба предложения достаточно давно известны отечественной доктрине уголовного права. Так, о возможности их законодательной регламентации говорил еще Н. С. Таганцев<sup>1</sup>. Впоследствии эти идеи неоднократно находили отражение в более поздних трудах по уголовному праву<sup>2</sup>. Мы не будем останавливаться на большинстве из них, в целом они имеют много общего. Обратим внимание, лишь на некоторые современные публикации, посвященные этим проблемам.

---

<sup>1</sup> См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. Т. 1. С. 188, 191–192.

<sup>2</sup> См., напр.: Ткаченко В. Указ. соч. С. 28; Курбанов Г. С. Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния. Баку, 1991. С. 14–17; Балалаева М. В. Обстоятельства, исключающие преступность действий сотрудников органов внутренних дел, совершенные в сфере их профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2001. С. 24; Кузьмин С. С. К вопросу о сбалансированности уголовного и оперативно-разыскного законодательства // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. Рязань, 2016. С. 101; Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М., 2015. С. 247–248.

Например, А. Ю. Цыганков предлагает дополнить УК РФ статьей 42.1 «Исполнение закона» и примечанием к ней:

«1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него предписаний актов федерального законодательства, если иным образом реализовать такие предписания не представлялось возможным.

2. Превышением мер, необходимых для исполнения предписаний актов федерального законодательства, признается ситуация, когда соответствующим лицом без необходимости причиняется явно чрезмерный, не обусловленный обстоятельствами вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

Примечание. Федеральным законодательством в настоящей статье признается Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы Российской Федерации, федеральные законы Российской Федерации, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации»<sup>1</sup>.

В. И. Михайлов обосновывает необходимость уголовно-правового регулирования выполнения профессиональных (должностных) функций в ст. 41.1 УК РФ, следующего содержания:

«Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при правомерном выполнении лицом своих профессиональных (должностных) функций»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Цыганков А. А. Уголовно-правовая характеристика деяний, причиняющих вред при исполнении закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

<sup>2</sup> Михайлов В. И. Правовое регулирование причинения вреда при правомерном выполнении профессиональных (должностных) функций // Адвокат. 2015. № 5. С. 33–42; Его же. Защита интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и иных угроз: проблемы правоприменения. С. 101; Его же. Выполнение профессиональных (должностных) функций // Уголовное право. Общая часть. Преступление : акад. курс : в 10 т. Т. X. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / под ред. Н. А. Лопашенко. С. 379–397.



По мнению авторов, предлагаемые ими дефиниции охватывают в том числе и правомерность причинения вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Не вдаваясь в подробности юридической характеристики приведенных выше теоретических разработок, выскажем свое сомнение в целесообразности появления их в Уголовном кодексе РФ по следующим основаниям.

Во-первых, предложенные дефиниции отличаются отсутствием описания конкретных условий, обстановки, наличие которых исключало бы преступность деяния. Такого рода обстоятельства должны быть предусмотрены в других источниках. В обоих случаях предполагается, что нормы являются бланкетными. Другими словами, для того чтобы их применить следует обратиться к иным нормативным актам. Это обстоятельство весьма затруднит правоприменительную практику.

Во-вторых, в современной российской правовой системе сама идея включения в уголовное законодательство такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как «исполнение закона» является нерациональной. При ее реализации предполагаемая норма становится бессмысленной «прослойкой» между ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, предусматривающей возможность ограничения прав и свобод федеральным законом, и самим законом о причинение вреда.

Сделанные замечания относятся и к выполнению профессиональных (должностных) функций. Видимо, предполагается, что профессия, при осуществлении которой причиняется вред, должна быть предусмотрена законом или иным нормативным актом, регламентирующими соответствующий вид деятельности. На сегодняшний день существует множество различного рода профессий. Научно-технический прогресс породит еще большее их количество<sup>1</sup>, поэтому регулирование их всех на законодательном уровне практически исключено, а это означает, что к профессии, в

---

<sup>1</sup> О проблемах уголовного права, связанных с развитием научно-технического прогресса, см. также: Козаев Н. Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.

рассматриваемом смысле, можно отнести и социально опасные формы поведения.

В-третьих, существуют как отдельные положения некоторых законов, так и виды профессиональной деятельности, которые прямо не предусматривают возможность причинения вреда. Такой вред зависит от конкретной обстановки. Например, оперативное внедрение предусмотрено Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», но ни о каком вреде непосредственно при его осуществлении речи не идет. Следовательно, предложенные дефиниции не будут регламентировать его правомерность.

Таким образом, по нашему мнению, потенциальные нормы об исполнении закона и выполнении профессиональных (должностных) функций не следует включать в уголовное законодательство. Они не станут решением существующих в рассматриваемой сфере проблем и затруднят правоприменительную практику.

Переходя к рассмотрению второй группы предложений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, посвященных оперативно-разыскным мероприятиям, стоит отметить, что эта идея становилась предметом исследований, представителей как теории уголовного права, так и оперативно-разыскной науки. В свою очередь, данный тип предложений также по объему регламентирования можно дифференцировать на следующие две подгруппы: 1) предусматривающие правомерность причинения вреда только при осуществлении оперативного внедрения; 2) допускающие причинение вреда при осуществлении нескольких оперативно-разыскных мероприятий либо вообще всей оперативно-разыскной деятельности.

К первой подгруппе предполагаемых дефиниций, которые посвящены уголовно-правовому регулированию исключительно оперативного внедрения, можно отнести следующие предложения авторов. Так, Н. Г. Иванов видит выход из сложившейся ситуации в принятии нормы, имеющей название

«Причинение вреда при выполнении задания по предупреждению или раскрытию преступления», содержащей следующие положения:

«1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым интересам лицом, которое в соответствии с действующим законодательством выполняло специальное задание по предупреждению или раскрытию преступления, действуя совместно с другими участниками.

2. Правила части первой настоящей статьи не распространяются на действия лица, причинившего смерть или тяжкий вред здоровью потерпевшего. В таком случае наказание, назначаемое виновному, должно быть смягчено»<sup>1</sup>.

С. Пархоменко, анализируя проблемы уголовно-правовой оценки причинения вреда при проведении оперативного внедрения, пришла к выводу о необходимости включения в УК РФ ст. 38.1. «Причинение вреда при выполнении специального задания» следующего содержания:

«Не совершает преступления тот, кто, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание, принимая участие в организованной группе или преступной организации в целях предупреждения совершения ими преступлений либо выявления и раскрытия их преступной деятельности, вынужденно причинит вред охраняемым уголовным законом интересам.

Лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление против жизни и здоровья человека при выполнении специального задания для достижения целей, указанных в части первой настоящей статьи, подлежит уголовной ответственности на общих основаниях, однако ему не может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, а наказание в виде лишения свободы не может превышать половины срока, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Иванов Н. Г. Модельный кодекс: Общая часть. Опус № 1. М., 2003. С. 93.

<sup>2</sup> Пархоменко С. Причинение вреда при выполнении специального задания // Законность. 2004. № 8. С. 40–41.

А. Савинский для уголовно-правовой оценки поведения внедренных лиц предлагает ввести в законодательный оборот понятие «мнимое соучастие» и закрепить его в ст. 42.1 «Выполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (мнимое соучастие)». Ее редакция видится автору такой:

«1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, внедренным в преступную группу или организацию органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, если это лицо действовало в состоянии мнимого соучастия, то есть во исполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при правомерном выполнении своего служебного или общественного долга.

2. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, выступающему в роли организатора и подстрекателя совершения преступления, а также совершившему особо тяжкое или тяжкое преступление, сопряженное с посягательством на жизнь и здоровье людей либо с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия»<sup>1</sup>.

Схожую с конструкцией А. Савинского идею предлагает Д. В. Мельников, считающий необходимым включить в УК РФ ст. 42.2 «Мнимое соучастие» следующего содержания: «Не признается преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым законом интересам действиями сотрудников правоохранительных органов, внедренных в преступную группу или организацию по специальному заданию органа, осуществляющего следственную, оперативно-розыскную деятельность, направленных на сбор информации и доказательств о готовящихся и совершенных правонарушениях в целях их предупреждения и раскрытия.

Совершение внедренным в преступную структуру агентом преступлений, посягающих на жизнь и здоровье людей, или преступлений, связанных с

---

<sup>1</sup> Савинский А. Мнимое соучастие как обстоятельство, исключаящее преступность деяния. С. 32–33.

особо опасными для людей последствиями, а также организация и подстрекательство к совершению преступлений являются безотлагательным основанием к отмене действий части 1 настоящей статьи»<sup>1</sup>.

В. В. Меркурьев, И. А. Тараканов в своем законодательном предложении в УК РФ ст. 39.1 «Причинение вреда при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий», исходя из названия, хотя и говорят о всех мероприятиях, в диспозиции все же речь ведут только об оперативном внедрении:

«1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, внедренным в организованную группу или преступную организацию и выполняющим в соответствии с законом специальное задание в целях предотвращения, выявления, раскрытия или расследования преступлений, если их предотвращение, раскрытие или расследование, а равно изобличение виновных в совершении преступлений лиц не могло быть осуществлено иным способом.

2. Положения части первой настоящей статьи не распространяются на лиц, совершивших особо тяжкое или тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека.

3. Лицу, совершившему преступление, предусмотренное частью второй настоящей статьи, наказание должно назначаться с учетом положений статьи 64 настоящего Кодекса»<sup>2</sup>.

А. В. Петровский считает, что «уголовной ответственности не должно подлежать лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению или раскрытию преступления и действуя с другими соучастниками, вынужденно совершит преступление»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Мельников Д. В. Мнимое соучастие (некоторые актуальные аспекты проблемы) // Правовые вопросы современности: теория и практика : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 15 мая 2009 г.). Курган, 2009. С. 115–117.

<sup>2</sup> Меркурьев В. В., Тараканов И. А. Причинение вреда при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2007. № 4. С. 106–109.

<sup>3</sup> Петровский А. В. Указ. соч. С. 215.

Ю. Г. Железняков, исследуя вопросы уголовной ответственности лиц, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, приходит к заключению о целесообразности дополнения УК РФ ст. 39.1 «Выполнение специального задания в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации)» в следующей редакции:

«1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам лицом, внедренным в организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) для выполнения специального задания, если это деяние совершено с целью предотвращения, выявления, раскрытия или расследования преступлений, а также если причиненный вред охраняемым интересам менее значителен, чем вред, причиненный указанными преступлениями, и если их предотвращение, раскрытие или расследование, а равно изобличение виновных в совершении преступлений лиц не могло быть осуществлено иным способом.

2. Лицо, указанное в части первой настоящей статьи, подлежит уголовной ответственности лишь за совершенное в составе организованной преступной группы тяжкого или особо тяжкого преступления, совершенного умышленно и связанного с причинением тяжкого телесного повреждения потерпевшему или наступлением иных тяжких или особо тяжких последствий»<sup>1</sup>.

П. В. Агапов свое решение проблемы видит в появлении в УК РФ ст. 42.1 «Выполнение специального задания по пресечению либо раскрытию деятельности организованной группы или преступного сообщества» следующего содержания:

«1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, выполнявшим в соответствии с действующим законодательством специальное задание по пресечению либо раскрытию деятельности организованной группы или преступного сообщества, если отказ от причинения такого вреда был сопряжен с угрозой для жизни этого лица либо с угрозой его разоблачения со стороны участников организованной

---

<sup>1</sup> Железняков Ю. Г. Указ. соч. С. 14.

группы или преступного сообщества и невыполнения этим лицом своего задания.

2. Положения настоящей статьи не распространяются на лиц, совершивших общественно опасное деяние, связанное с посягательством на жизнь человека»<sup>1</sup>.

О. Д. Жук (высказывая идею, во многом схожую с мнением А. Савинского) считает правильным включить в гл. 8 УК РФ ст. 42.1 «Выполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность» в следующей редакции:

«1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, внедренным в преступную группу, сообщество (организацию) органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, если это лицо действовало во исполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, при правомерном выполнении своего служебного или общественного долга.

2. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, выступающему в роли организатора или подстрекателя совершения преступления, сопряженного с посягательством на жизнь и здоровье людей либо с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия»<sup>2</sup>.

Билык В. И. и Петрашева Н. В. также предлагают дополнить Уголовный кодекс РФ новой нормой «мнимое соучастие» следующего содержания:

«Уголовная ответственность сотрудников органов, имеющих право на осуществление оперативно-розыскной деятельности, иных сотрудников, а также граждан, оказывающих содействие ОВД, на основании постановлений,

---

<sup>1</sup> Агапов П. В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности : монография / под науч. ред. Н. А. Лопашенко. СПб., 2011. С. 202–203.

<sup>2</sup> Жук О. Д. Использование результатов оперативного внедрения в пресечении деятельности преступных организаций (сравнительное исследование). С. 14–15.

утвержденных в установленном порядке уполномоченным лицом, при выявлении, пресечении подготавливаемого или совершаемого тяжкого или особо тяжкого преступления, исключается, при условии вынужденного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам лица, предприятия или учреждения, в том числе третьим лицам, если эти лица действовали в состоянии «мнимого соучастия» в форме выполнения специального задания органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность»<sup>1</sup>.

А. П. Дмитренко и Е. А. Русскевич полагают необходимым включить в УК РФ ст. 42<sup>1</sup> «Причинение вреда при проведении оперативного внедрения», которая, по их мнению, должна выглядеть следующим образом:

«1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям лицом, действующим в рамках проводимого в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности оперативного внедрения с целью выявления, предупреждения, пресечения или раскрытия преступной деятельности.

2. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, совершившему тяжкое либо особо тяжкое преступление, сопряженное с насильем, опасным для жизни или здоровья человека, а равно повлекшее наступление тяжких последствий.

3. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное частью второй настоящей статьи, не может быть осуждено к пожизненному лишению свободы, а наказание в виде лишения свободы не может быть назначено ему на срок свыше двух третей максимального срока лишения свободы, предусмотренного законом за это преступление.

4. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, выступающего в роли организатора либо подстрекателя совершения преступления, данное лицо подлежит уголовной ответственности на общих основаниях»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Билык В. И., Петрашева Н. В. Указ. соч. С. 141–144.

<sup>2</sup> Дмитренко А. П., Русскевич Е. А. Социально-правовая обусловленность регламентации правомерного причинения вреда при проведении оперативного внедрения. С. 50–56.



Все приведенные предложения посвящены оперативному внедрению. В некоторых случаях исследователи прямо делают на это указание (А. П. Дмитренко и Е. А. Рускевич, Ю. Г. Железняков, О. Д. Жук, Д. В. Мельников, В. В. Меркурьев и И. А. Тараканов, А. Савинский), либо такой вывод следует исходя из толкования гипотетической нормы. Например, П. В. Агапов, В. И. Билык и Н. В. Петрашева, Н. Г. Иванов, С. Пархоменко, А. В. Петровский говорят о действии с другими соучастниками, что возможно только при проведении рассматриваемого оперативно-разыскного мероприятия.

Следует выделить три предложения, которые посвящены так называемому мнимому соучастию (В. И. Билык и Н. В. Петрашева, Д. В. Мельников, А. Савинский). Действительно, нельзя считать полноценным соучастием ситуацию, когда лицо хотя и совершает совместные действия, но при этом преследует противоположные, социально полезные цели, тем более если такие действия совершаются от имени государства, а сами цели и задачи предусмотрены законодательством. В принципе если в таком случае внедренное лицо причиняет вред объектам уголовно-правовой охраны совместно и согласованно с членами преступной группы, то, на наш взгляд, можно согласиться с мнением указанных авторов, а такое поведение можно считать мнимым соучастием.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что все приведенные законодательные предложения имеют, на наш взгляд, один общий недостаток. Он заключается в том, что в них отражается всего лишь часть многовариантного поведения внедренного лица при осуществлении оперативно-разыскного мероприятия. В действительности вполне вероятны ситуации совершения лицом действий, схожих с преступлением и при отсутствии признаков соучастия. Кроме того, вред объектам уголовно-правовой охраны может быть причинен и при проведении других оперативно-разыскных мероприятий, также не связанных с соучастием.

Таким образом, как мнимое соучастие, так и все другие рассматриваемые в данной подгруппе дефиниции не являются универсальными для

уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности. Отсюда следует вывод о нецелесообразности закрепления в Уголовном кодексе РФ приведенных выше обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ко второй подгруппе результатов теоретических изысканий, в которых предусматривается возможность причинения вреда при проведении различных оперативно-разыскных мероприятий, можно отнести следующие. Так, И. А. Зинченко перед принятием УК РФ 1996 г. предлагал дополнить ст. 14 УК РСФСР («Крайняя необходимость») ч. 2 следующего содержания: «Признаются находящимися в состоянии крайней необходимости должностные лица, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскную деятельность, а также граждане, оказывающие им содействие на конфиденциальной основе, формально совершившие деяния, предусмотренные Особенной частью настоящего Кодекса, но действовавшие с целью пресечения готовящегося или раскрытия совершенного тяжкого преступления, если причиненный при этом вред менее значителен, чем вред предотвращенный, и если пресечение готовящегося и раскрытие совершенного тяжкого преступления не могло быть осуществлено иными средствами»<sup>1</sup>.

Н. П. Водько сразу же после вступления в силу УК РФ предложил внести изменения в ст. 42 и изложить ее ч. 1 в следующей редакции: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа и распоряжения, а также вынужденно совершенное при выполнении специального задания по защите лиц, государственных и общественных интересов от тяжких преступлений, в связи с которыми проводятся оперативно-розыскные мероприятия»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Зинченко И. А. О социальной и правовой защищенности сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России : материалы науч.-практ. конф. (Москва, 17–18 мая 1994 г.). М., 1994. С. 127–128.

<sup>2</sup> Водько Н. Уголовный кодекс о борьбе с организованной преступностью // Рос. юстиция. 1997. № 4. С. 15–17.

Д. В. Саранчин предлагает дополнить гл. 8 УК РФ ст. 42.1:

«1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым Уголовным законом интересам лицом, выполняющим в установленном законом порядке оперативно-розыскные мероприятия по поручению органа, осуществляющего ОРД.

2. Лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление при выполнении оперативно-розыскных мероприятий, несет уголовную ответственность на общих основаниях»<sup>1</sup>.

Н. С. Железняк, рассуждая об имитации преступления при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, приходит к выводу о необходимости дополнения ст. 41 УК РФ «Обоснованный риск» новой частью следующего содержания: «Не является преступлением деяние, хотя и подпадающее под признаки уголовно наказуемого, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершаемое при выполнении полученного в установленном порядке задания подразделения компетентного государственного органа в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, а также розыска совершивших их лиц. При этом причиненный такими действиями вред охраняемым уголовным законом интересам должен быть меньше предотвращенного»<sup>2</sup>.

Д. В. Доманов, в отличие от Н. С. Железняка, рассматривает саму имитацию преступления в качестве разновидности правомерного причинения вреда. Под ней, на его взгляд, следует понимать «действия сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и (или) лиц, действующих по их поручению, обусловленные выполнением задач борьбы с организованной преступностью, формально подпадающие под понятие пре-

---

<sup>1</sup> См.: Саранчин Д. В. О некоторых проблемах социально-правовой защиты граждан оказывающих содействие оперативным аппаратам органов внутренних дел // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 4. С. 304–306.

<sup>2</sup> Железняк Н. С. О необходимости включения имитации преступных действий в перечень оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., (Барнаул, 27 апр. 2006 г.). Барнаул, 2006. С. 10–14.

ступления, но не являющиеся преступными в связи с санкционированием их со стороны государства»<sup>1</sup>. Причем автор считает, что имитацию преступного поведения следует применять одновременно и как самостоятельное обстоятельство, исключаящее преступность деяния, и как основание для освобождения от уголовной ответственности<sup>2</sup>. Разумеется, такое «смешивание» указанных обстоятельств противоречит положениям уголовного права.

А. С. Рабаданов хотя и называет предлагаемую им ст. 42.2 «Выполнение специального задания», но исходя из содержания ее можно применять и при осуществлении иных оперативно-разыскных мероприятий:

«1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда лицом, действующим в соответствии со специальным заданием по предотвращению и пресечению преступлений, а равно по обеспечению обороноспособности и безопасности государства, если это не связано с причинением тяжкого вреда здоровью или смерти третьим лицам»<sup>3</sup>.

С. Н. Радачинский считает, что правомерность причинения вреда при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий следует предусмотреть в ст. 39.1 УК РФ «Правомерный эксперимент»:

«1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии правомерного эксперимента, то есть для защиты жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, если он совершается при правомерном выполнении лицом, уполномоченным на то государством, своего служебного задания или общественного долга, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов правомерного эксперимента.

---

<sup>1</sup> Доманов Д. В. Имитация преступного поведения: проблемы и их решение // Преемственность и новации в юридической науке : материалы науч. конф. адъюнктов и соискателей. Омск, 2010. Вып. 6. С. 166–169.

<sup>2</sup> См.: Там же.

<sup>3</sup> Рабаданов А. С. Выполнение специального задания как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Правовая культура. 2011. № 1. С. 97–104.

2. Превышением пределов правомерного эксперимента признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности со стороны инициатора преступления, когда указанным интересам был причинен вред, равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случае умышленного причинения вреда, при условии, что имелся иной способ устранения опасности и предотвращения более значительного вреда»<sup>1</sup>.

Л. Л. Тузов предлагает дополнить действующее законодательство статьей «Право оперативного работника на профессиональный риск»<sup>2</sup>. Ее содержание он видит следующим: «Не признаются преступными действия субъектов оперативно-розыскной деятельности, формально нарушившие права и законные интересы физических, юридических лиц, но совершенные в экстремальных ситуациях в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости или в условиях профессионального риска. Риск признается оправданным, если совершенное деяние объективно вытекало из криминальной информации о фактах и событиях, которыми располагает оперативный работник правоохранительных органов, а выполнение законной функции не могло быть достигнуто не связанными с профессиональным риском методами и средствами»<sup>3</sup>.

Обобщая рассматриваемую подгруппу законодательных предложений, обратим внимание, что в них уже не идет речь исключительно об оперативном внедрении. В большинстве вариантов предусмотрена возможность причинения вреда при проведении других оперативно-розыскных мероприятий.

---

<sup>1</sup> Радачинский С. Н. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства в части защиты лиц, участвующих в проведении оперативно-розыскных мероприятий // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2013. № 21. С. 152–155.

<sup>2</sup> Аналогичное предложение делает В. В. Волченков. См.: Волченков В. В. Актуальные проблемы развития и совершенствования норм Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестн. Моск. обл. фил. Моск. ун-та МВД России им. В. Я. Кикотя. Вып. 2. 2016. С. 30.

<sup>3</sup> Тузов Л. Л. Совершенствование регламентации оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2014. № 6. С. 183.

Об этом прямо не говорится в предложенных вариантах статей, но такой вывод можно сделать исходя из их логического толкования. В некоторых случаях авторы указывают на непреступность вреда, причиненного при проведении любых оперативно-разыскных мероприятий.

На наш взгляд, этот последний подход является более рациональным. Именно в таком случае отпадает необходимость решать, по какому из обстоятельств, исключая преступность деяния, следует оценивать причинение вреда, не связанного с оперативным внедрением. Например, при наведении справок (п. 2 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), когда добываются сведения, составляющие личную или семейную тайну, либо при сборе образцов для сравнительного исследования (п. 3 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), когда может быть причинен вред отношениям собственности. Подобный вариант также позволит в будущем избежать проблем уголовно-правового обеспечения новых оперативно-разыскных мероприятий, которые, возможно, появятся в оперативно-разыском законодательстве.

Из приведенных теоретических конструкций, на наш взгляд, следует обратить особое внимание на идеи И. А. Зинченко и Д. В. Доманова, которые выделяются из приведенного перечня. Так, И. А. Зинченко один из первых в открытой печати высказал конкретные предложения по уголовно-правовому регулированию причинения вреда при проведении оперативного внедрения. Его статья, на которую мы делали ссылку, «О социальной и правовой защищенности сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» была опубликована более 20 лет назад, уже после принятия Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» 1992 года. В этой работе было высказано одно из первых предложений об изменении уголовного законодательства и применении нормы о правомерности причинения вреда при проведении любых оперативно-разыскных мероприятий. Обращает на себя внимание также, что И. А. Зинченко рассматривает причинение вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности в качестве деяния,

«формально» подпадающего под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Другими словами, все же признается факт совершения преступления, что, на наш взгляд, является неприемлемым. Примечательно также то, что автор не посчитал необходимым ввести в Уголовный кодекс РФ новую статью, а лишь ограничился дополнением уже существующей нормы о крайней необходимости. Аналогичный прием использовали и другие авторы (Н. П. Водько, Н. С. Железняк).

Такой вариант законодательного конструирования скорее является недостатком. Нелогичным выглядит выделение в общей норме ее подвида, распространяющего действие на отдельных субъектов и специальные ситуации. Структура предполагаемых дефиниций (И. А. Зинченко, Н. П. Водько, Н. С. Железняк), а также закрепленные в них условия правомерности указывают на обособленный характер предполагаемой нормы.

Предложение же Д. В. Доманова о дополнении уголовно-правового оборота термином «имитация преступления» отличается оригинальностью решения проблемы. Остановимся на этом понятии подробнее и рассмотрим возможность его использования в законодательной практике.

Имитация преступления как обстоятельство, исключающее преступность деяния, встречается в уголовном законодательстве Литвы. Статья 32 Уголовного кодекса Литвы<sup>1</sup>, принятого в 2000 г., называется «Исполнение задания правоохранительной инстанции». В ней предусматривается исключение уголовной ответственности лица, действовавшего при выполнении задания по имитации преступления. Исходя из логического толкования нормы, под имитацией преступления следует понимать участие лица в деятельности преступного объединения или организованной группы и в ее преступном деянии, выполняя при этом законное задание правоохранительной инстанции, если при этом не было допущено превышения допустимых пределов. Данное мероприятие, по-видимому, включает в себя действия, являющиеся аналога-

---

<sup>1</sup> Уголовный кодекс Литовской Республики. URL : <http://www3.lrs.lt> (дата обращения: 10.03.2015).

ми таких российских оперативно-разыскных мероприятий, как оперативный эксперимент, проверочная закупка, контролируемая поставка.

Приведенное правоположение имеет лишь указание на возможность превышения пределов причинения вреда при проведении мероприятий, при этом не дается самого понятия имитации. Для его толкования необходимо обратиться к другому нормативно-правовому акту и основанному на нем заданию. Согласно ч. 3 анализируемой нормы если лицо «преступило пределы» задания, то оно привлекается к уголовной ответственности, однако мера наказания может быть смягчена.

Литовские законодатели в ч. 4 ст. 32 Кодекса перечислили субъектов причинения правомерного вреда, то есть тех, кто является «правоохранительной инстанцией». К ним относятся «полиция, другие учреждения предварительного следствия и прокуратуры, а также субъекты оперативной деятельности». Как мы видим, по своему содержанию данная норма предусматривает фактическую возможность причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны, поэтому она справедливо относится к группе норм, регулирующих правомерность его причинения.

Однако использовать в качестве аналогии приведенный пример в отечественном уголовном законодательстве было бы неправильным. Так, если исходить из смысла русского языка, то «имитировать» – значит воспроизводить с возможной точностью, подражать кому-нибудь или чему-нибудь<sup>1</sup>. Имитировать преступное деяние – значит совершать действия, схожие с ним, но преступными, в сущности, не являющимися. Имитация преступления необходима для того, чтобы у причастных лиц сформировалось ошибочное мнение об истинности совершаемых действий. Иными словами, это подделка, обман, введение в заблуждение, необходимые для скрывания подлинных мотивов поведения. По своему характеру такое поведение является всего лишь инсценировкой, театральной постановкой, с внешней стороны напоминающей преступление.

---

<sup>1</sup> См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 247.



Подтверждая свою позицию практикой применения уголовного закона, отметим, что в 93 % изученных нами приговоров по уголовным делам об убийствах по найму (неоконченных), по которым осуществлялись оперативно-разыскные мероприятия, указывалось на проведение так называемой имитации, или инсценировки убийства (прил. 2). В оставшихся 7 % случаев подтверждение убийства либо не требовалось (6 %), либо виновный самостоятельно совершил покушение на убийство (1 %).

Как показывает практика, для подтверждения факта совершения преступления заказчику предоставлялись фотографии или видеосъемка деяния. Имитация, подделка состояла в том, что потерпевшего гримировали со следами насильственной смерти. На наш взгляд, подобного рода фикция не нуждается в уголовно-правовой оценке, поскольку никакой вред объектам уголовно-правовой охраны не причиняется.

Анализируя в целом группу авторских проектов по изменению уголовного законодательства, посвященных правовому регулированию причинения вреда как при оперативном внедрении, так и при других оперативно-разыскных мероприятиях, можно выделить и ряд черт, свойственных всем или большинству из них.

Во-первых, во многих случаях говорится о том, что при причинении вреда лицо выполняет некое задание. Во-вторых, практически везде указываются цели причинения вреда при выполнении такого задания. В-третьих, объединяющим началом являются пределы причинения вреда. Проанализируем эти признаки более подробно.

1. Выполнение задания. Раскрывая это понятие, следует отметить, что о нем говорят почти все из перечисленных выше авторов. В большинстве случаев оно называется специальным. Но в некоторых публикациях речь идет просто о задании, полученном в установленном порядке (Н. С. Железняков). С. Н. Радачинский применяет термин «служебное задание», что сразу же ограничивает круг субъектов до лиц, находящихся на службе в подразделениях, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Д. В. Саранчин

и Д. В. Доманов указывают на наличие поручения, которое является синонимом задания<sup>1</sup>.

Таким образом, можно констатировать, что термин «специальное задание» получает распространение в научном обороте при описании исследуемой проблемы. Насколько это оправдано? На наш взгляд, его использование в теории уголовного права, а тем более в законодательстве, не будет способствовать разрешению проблемы, как минимум, по двум основаниям.

Во-первых, термин «специальное задание» не относится исключительно к оперативно-разыскной деятельности. В самом Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» такие слова употребляются лишь единожды – для льготного исчисления выслуги лет. Так, в ч. 5 ст. 16 говорится о времени «выполнения должностными лицами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, специальных заданий в организованных преступных группах». Исходя из толкования этого положения можно сделать вывод о том, что здесь идет речь только об оперативном внедрении, а вот то, что собой представляет «специальное задание» не совсем понятно. Неясно также, необходимо ли оно для проведения других оперативно-разыскных мероприятий.

В соответствии с ч. 7 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» проверочная закупка или контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также оперативный эксперимент или оперативное внедрение должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а равно лиц, оказывающих им содействие, проводятся на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Другими словами, основанием для проведения перечисленных мероприятий является официальный документ правоохранительного органа, имеющий административно-

---

<sup>1</sup> См.: Александрова З. Е. Указ. соч. С. 130.

процессуальный характер, и на уровне федерального законодательства ни о каком специальном задании больше не говорится.

Кроме того, слово «задание», пусть даже оно специальное, является достаточно распространенным и в других сферах профессиональной деятельности. Например, перечень специальных заданий, не связанных с осуществлением оперативно-разыскной деятельности, существует в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы<sup>1</sup>; войсках национальной гвардии Российской Федерации<sup>2</sup>; военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации<sup>3</sup>; спасательных воинских формированиях МЧС России<sup>4</sup>. О выполнении специального задания говорится при подготовке<sup>5</sup> и осуществлении<sup>6</sup> полетов воздушных судов; при выполнении трудовых функций хранителями государственного материально-

---

<sup>1</sup> Об утверждении перечней учреждений, созданных в целях организации профилактики и тушения пожаров на специальных объектах, за прохождение службы в которых сотрудникам федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы выплачивается надбавка к должностному окладу за особые условия службы, и специальных видов работ (специальных заданий), за осуществление (выполнение) которых сотрудникам федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы выплачивается надбавка к должностному окладу за особые условия службы : приказ МЧС России от 11 марта 2013 г. № 173 (в ред. от 19.03.2015) // Рос. газ. 2013. 24 апр.; СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Рос. газ. 2016. 06 июля; СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Об установлении размеров ежемесячной надбавки за особые условия военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту и замещающим должности в военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации : приказ СК России от 5 декабря 2012 г. № 81 // Рос. газ. 2012. 28 дек.; СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> О ежемесячной надбавке за особые условия военной службы военнослужащим спасательных воинских формирований МЧС России и за особые условия службы сотрудникам федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы : приказ МЧС России от 11 апреля 2013 г. № 242 (в ред. от 26.05.2015) // Рос. газ. 2013. 13 июня; СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> Об утверждении Федеральных авиационных правил «Подготовка и выполнение полетов в гражданской авиации Российской Федерации» : приказ Минтранса России от 31 июля 2009 г. № 128 (в ред. от 15.06.2015) // Рос. газ. 2009. 10 сент.; СПС «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> Об обеспечении особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты космической инфраструктуры : постановление Правительства Рос. Федерации от 29 июня 2011 г. № 519 (в ред. от 19.03.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 28. Ст. 4213; СПС «КонсультантПлюс».

го резерва<sup>1</sup> и т. д. Причем в большинстве перечисленных родов деятельности вполне возможно причинение вреда правоохраняемым интересам.

Таким образом, оперативно-разыскная деятельность не может претендовать на монополию использования термина «специальное задание». Более того, его введение в официальный (прикладной) оборот неминуемо повлечет за собой изменение значительной части оперативно-разыскного законодательства и, как следствие, связанные с этим новые трудности и проблемы. Для сравнения приведем пример законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности в Республике Беларусь. В Законе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-З «Об оперативно-розыскной деятельности»<sup>2</sup> рассматриваемый термин употреблялся только один раз, как и в российском варианте, для льготного исчисления выслуги лет. Но в новом законе от 15 июля 2015 г.<sup>3</sup> о специальном задании говорится уже десять раз.

Вторым основанием, по которому, по нашему убеждению, недопустимо в уголовном законе использовать термин «специальное задание», является то, что оно (задание) фактически представляет собой документ, вынесенный должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность. Следуя логике, именно в таком акте должна быть предусмотрена возможность совершения действий, имеющих сходство с преступлением. Получается, что специальное задание становится непосредственным документом определяющим правомерность и пределы причинения вреда. Другими словами, право определять, какие действия можно совершать, а какие нельзя, принадлежит должностному лицу. В результате происходит подмена положений закона позицией должностного лица, то есть мнением, хотя и це-

---

<sup>1</sup> О государственном материальном резерве : федер. закон от 29 декабря 1994 г. № 79-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) // Рос. газ. 1995. 17 янв.; СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Об оперативно-розыскной деятельности : закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-З (утратил силу). URL : <http://etalonline.by> (дата обращения: 23.03.2016).

<sup>3</sup> Об оперативно-розыскной деятельности : закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З. URL : [www.pravo.by](http://www.pravo.by) (дата обращения: 23.03.2016).

лесообразным, необходимым, «разумным», но определяющим границы правомерного деяния по собственному усмотрению.

Судя по количеству точек зрения авторов, предлагающих узаконить в УК РФ «специальное задание», видимо, сторонников высказанной нами позиции найдется немного. Однако будет уместным сказать, что идея, схожая с нашими выводами, высказывается и некоторыми представителями теории оперативно-разыскной деятельности. Так, О. А. Вагин считает недопустимым ставить общественную полезность причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия в зависимость от выполнения полученного задания, а декриминализацию деяния – в зависимость от воли не законодателя, а правоприменителя<sup>1</sup>.

На наш взгляд, приведенных причин достаточно для недопущения использования в уголовном законодательстве и распространения в теории термина «специальное задание». Считаем, что для уголовного права это словосочетание никакого значения не имеет. Было бы правильнее ограничиться использованием юридического термина «оперативно-разыскное мероприятие». Исходя из положений оперативно-разыскного законодательства к таким действиям уже предъявляются определенные требования. Это упомянутые выше вынесение постановления о проведении оперативно-разыскного мероприятия и наличие определенных оснований и условий. Но самое главное, что такое деяние регламентируется федеральным законодательством и не применяется в других сферах.

2. Следующим признаком, характерным для большинства высказанных предложений, является наличие цели причинения вреда. Исключение составляют несколько дефиниций. Так, Д. В. Саранчин вообще не указывает на цель. Д. В. Доманов не пишет, для чего причиняется вред, но обращает внимание на выполнение задач, связанных с борьбой с организованной преступ-

---

<sup>1</sup> См.: Вагин О. А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности (научный доклад) // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов Всерос. круглого стола (С.-Петербург, 3 нояб. 2011 г.). СПб., 2012; СПС «КонсультантПлюс».

ностью. В основном авторы перечисляют несколько целей. К ним относят желаемый результат по отношению к преступлению или к лицу, его совершившему. Мы дифференцировали все цели, упомянутые в предложенных дефинициях, в зависимости от частоты употребления:

– раскрытие преступлений – 9 раз (П. В. Агапов, А. П. Дмитренко и Е. А. Русскевич, Ю. Г. Железняков, Н. С. Железняк, Н. Г. Иванов, С. Пархоменко, Д. В. Мельников, В. В. Меркурьев и И. А. Тараканов, А. В. Петровский);

– выявление преступлений – 6 раз (В. И. Билык и Н. В. Петрашева, А. П. Дмитренко и Е. А. Русскевич, С. Пархоменко, В. В. Меркурьев и И. А. Тараканов, Ю. Г. Железняков, Н. С. Железняк);

– предупреждение преступлений – 6 раз (А. П. Дмитренко и Е. А. Русскевич, Н. С. Железняк, Н. Г. Иванов, С. Пархоменко, Д. В. Мельников, А. В. Петровский);

– пресечение преступлений – 6 раз (П. В. Агапов, В. И. Билык и Н. В. Петрашева, А. П. Дмитренко и Е. А. Русскевич, Н. С. Железняк, И. А. Зинченко, А. С. Рабаданов);

– предотвращение преступлений – 3 раза (Ю. Г. Железняков, В. В. Меркурьев и И. А. Тараканов, А. С. Рабаданов);

– расследование преступлений – 2 раза (Ю. Г. Железняков, В. В. Меркурьев и И. А. Тараканов);

– изобличение виновных в совершении преступления – 2 раза (Ю. Г. Железняков, В. В. Меркурьев и И. А. Тараканов);

– розыск лиц совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, – 1 раз (Н. С. Железняк).

Некоторые авторы выбрали несколько иной вариант определения целей причинения вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Если в подавляющем большинстве случаев цель связана с определенным результатом относительно преступления или соответствующих лиц, то в двух вариантах речь идет о действиях, направленных на обеспечение безопасности правоохраняемых интересов.

Например, Н. П. Водько считает, что вред может причиняться для защиты лиц, государственных и общественных интересов. С. Н. Радачинский в качестве цели указывает защиту жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также обеспечение безопасности общества и государства. А. Савинский и О. Д. Жук вообще не пишут напрямую о наличии целей причинения вреда, но указывают на то, что внедренные лица выполняют свой служебный или общественный долг. При этом в самих научных публикациях эти понятия не раскрываются.

Таким образом, самыми распространенными целями причинения вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, выделяемыми в теории уголовного права и оперативно-разыскной деятельности, являются раскрытие, выявление, предупреждение и пресечение преступлений.

3. К третьему признаку, отмеченному почти во всех публикациях, относится указание на пределы правомерности причинения вреда. В основном говорится о недопустимости наступления определенных последствий или выполнения некоторых ролей соучастников преступления.

Так, большинство авторов считают, что внедренное лицо ни при каких условиях не должно причинять вред жизни и здоровью. О недопустимости таких действий говорится в десяти случаях (П. В. Агапов, А. П. Дмитренко и Е. А. Русскевич, Ю. Г. Железняков, О. Д. Жук, Н. Г. Иванов, Д. В. Мельников, В. В. Меркурьев и И. А. Тараканов, С. Пархоменко, А. С. Рабаданов, А. Савинский).

В пяти предложениях в качестве предела правомерного вреда указывается на недопустимость наступления иных последствий. Так, А. П. Дмитренко и Е. А. Русскевич указывают на недопустимость наступления тяжких последствий. О. Д. Жук и А. Савинский говорят о запрете действий, сопряженных с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия. Другие авторы предлагают включить в уголовное законодательство новые понятия. Например, Ю. Г. Железняков дифференцирует последствия на тяжкие и особо тяжкие, при этом что является критерием такой классификации,

он не поясняет. Д. В. Мельников указывает на запрет действий, «связанных с особо опасными для людей последствиями».

Более универсальный путь избран Н. С. Железняком, И. А. Зинченко и С. Н. Радачинским. В предложенных ими вариантах делается аналогичное норме о крайней необходимости ограничение, согласно которому причиненный вред должен быть менее значителен, чем вред предотвращенный. В целом мы поддерживаем подобную идею.

К числу пределов допустимости действий при осуществлении оперативно-разыскной деятельности относится также упоминаемый в специальной литературе запрет совершения организаторских и подстрекательских действий (О. Д. Жук, А. Савинский, Д. В. Мельников).

Несмотря на относительно небольшой массив предложений по совершенствованию уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности, следует сказать о том, что в России реализация подобной идеи уже рассматривалась и на законодательном уровне. Примером является Федеральный закон «О борьбе с организованной преступностью», принятый Государственной Думой РФ в 1995 г., то есть еще до принятия УК РФ 1996 г.<sup>1</sup> В нем предусматривалось дополнение УК РСФСР ст. 14.1 «Особенности уголовной ответственности при выполнении задания по защите от тяжких преступлений, связанных с созданием и функционированием организованных групп, банд, преступных организаций и преступных сообществ». Норма *de lege ferenda* гласила: «Не является преступлением деяние, хотя и подпадающее под признаки уголовно наказуемого, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершаемое при выполнении полученного в установленном порядке и с соблюдением надлежащей формы задания по проведению оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками специализированных подразделений по борьбе с организованной преступностью либо лицами, содействующими им в проведении оперативно-розыскных меропри-

---

<sup>1</sup> См.: Организованная преступность – 3 / под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. М., 1996. С. 256–257.



ятий, если такое задание выполняется в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, предусмотренных статьями 77, 270–279 настоящего Кодекса, и если при этом:

– лишение жизни или умышленное причинение вреда здоровью, достоинству, свободе личности совершено в условиях необходимой обороны либо крайней необходимости;

– сотрудники специализированных подразделений по борьбе с организованной преступностью не являлись организаторами либо руководителями организованной группы, банды, преступной организации, преступного сообщества либо их преступной деятельности.

Склонение сотрудником, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или предварительное расследование, к совершению преступления лица, которое не имело намерения совершить преступление, наказывается как подстрекательство к совершению преступления в соответствии со статьей 17 настоящего Кодекса».

По мысли законодателя данная статья закрепляла бы новое обстоятельство, исключаящее преступность деяния, регулирующее правомерность причинения вреда лицом, внедренным в наиболее опасные формы преступных групп. Несмотря на всю социальную значимость данной нормы и всего проекта Федерального закона, в целом, он был отклонен Президентом РФ. Отечественным юристам оставалось только сожалеть об этом<sup>1</sup>.

1. Однако, как мы можем убедиться, исходя из анализа теоретических предложений, такой вариант действительно неприемлем для уголовного законодательства. Очевидно, что в неподписанном законе нарушены принципы, на которых строится институт соучастия и соразмерность вреда, лежащий в основе криминализации деяний<sup>2</sup>. Кроме того, такие ситуации фактиче-

---

<sup>1</sup> См.: Миньковский Г. Комментарий письма Президента Российской Федерации об отклонении Уголовного кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 1996. № 2. С. 13.

<sup>2</sup> См.: Сурков К. В. Опыт законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. СПб., 1998. С. 60.

ски распространялись бы на очень маленький круг лиц, то есть значительно ограничивался бы субъектный состав правоприменения.

## **§ 2. Обстановка причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий**

Одно из существенных значений при определении наличия или отсутствия правомерности причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий имеет обстановка. По мнению некоторых авторов, обстановка причинения вреда является как раз тем решающим моментом, который отделяет непроступное поведение от преступного. Так, А. Г. Василиади считает, что обстановка, характерная для крайней необходимости, с социально-нравственной стороны оправдывает в ее условиях деяние, «исключает отнесение его к общественно опасным, а с юридической стороны не позволяет относить соответствующее деяние к противоправным»<sup>1</sup>. Аналогичной позиции придерживается Т. С. Анненкова, полагающая, что обстановка проявляется в институте обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 37–41 УК РФ), и происходит из того, что само возникновение таких обстоятельств определяется внешними явлениями по отношению к обороняющемуся лицу, лицу, задерживаемому преступника или действующему в состоянии крайней необходимости. В совокупности эти элементы образуют социальную среду, детерминирующую деяние. В основе всех этих внешних явлений находятся элементы, типичные для обстановки: общественно опасное поведение человека (которое при необходимой обороне и задержании преступника – обязательный элемент обстановки, при крайней необходимости – возможный ее элемент); природ-

---

<sup>1</sup> Василиади А. Г. Обстановка совершения преступления // Объективная сторона преступления (факультативные признаки) / под ред. А. В. Наумова, С. И. Никулина. М., 1995. С. 63.

но-климатические факторы, в наибольшей степени характерные для состояний крайней необходимости<sup>1</sup>.

Позиция других авторов заключается в том, что обстановка, при которой совершается деяние, может влиять на отсутствие состава преступления.<sup>2</sup> По мнению А. Ш. Курбанова, Ю. В. Трунцевского и Н. А. Шулепова, речи об обстановке при причинении правомерного вреда не идет. Эти авторы полагают, что в подобных ситуациях следует говорить о совокупности объективно-субъективных обстоятельств, свидетельствующих о правомерности таких действий<sup>3</sup>.

На наш взгляд, не является принципиальным называть исключительно обстановкой или обстоятельствами внешние условия, при которых осуществляется оперативно-разыскная деятельность и возникает необходимость причинения вреда. Более важным считаем вопрос о значении обстановки для уголовно-правовой оценки причинения вреда. Ответ в данном случае, кажется, не вызывает сомнения – обстановка причинения вреда имеет существенное значение для уголовно-правовой оценки деяния. Однако она не имеет решающего влияния, и тем более не является единственным условием, которое должно быть положено в основу правомерности таких поступков.

Раскрывая данный тезис, перейдем к уголовно-правовой характеристике обстановки причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий. Составной частью обстановки проведения оперативного внедрения являются внешние факторы, представляющие собой различного рода угрозы правоохраняемым интересам. Они описаны в основаниях проведения опера-

---

<sup>1</sup> См.: Анненкова Т. С. Обстановка совершения преступления и криминалистические методы ее исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 28.

<sup>2</sup> См.: Медведева С. В. Теоретические основания юридических фактов, исключających правовую ответственность личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005; Казакова Е. Б. Самозащита как юридическое средство: проблемы теории и практики : автореф. дис... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006.

<sup>3</sup> См.: Курбанов А. Ш., Трунцевский Ю. В., Шулепов Н. А. Обстановка совершения преступления. М., 2012. С. 21–22.

тивно-разыскных мероприятий (ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»)<sup>1</sup>.

Выделяются три вида таких оснований: формальные, проверочные и фактические. В целом все они тесно связаны с задачами оперативно-розыскной деятельности, закрепленными в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», и являются их объектом реализации, воплощенным в объективной действительности.

1. Формальные (или юридические) основания предусмотрены в пп. 1, 3–6 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Они представляют собой определенные документы, в которых идет речь о существовании фактических оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий или необходимости проверки наличия или отсутствия таких оснований. К ним относятся следующие:

- наличие возбужденного уголовного дела;
- поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве;
- запросы других органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по основаниям, указанным в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»;
- постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, осуществляемых уполномоченными на то государственными органами в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации;

---

<sup>1</sup> Проблемы оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий чаще рассматриваются с точки зрения процессуальных аспектов. См. напр.: Горяинов К. К., Щетнев Л. Е. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий как праводопустимые пределы ограничения прав человека // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 3. С. 7–10.

– запросы международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

2. Проверочные основания предусмотрены ч. 2, 3 ст. 7 Закона и имеют по большей части предупредительное значение. В ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» говорится только о праве органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на сбор данных, необходимых для принятия соответствующих решений. Основанием же для проведения оперативно-розыскных мероприятий является гипотетическая возможность соответствующих лиц действовать вопреки государственным, служебным, профессиональным интересам, то есть речь идет о вероятности причинения вреда проверяемыми лицами. Следует иметь в виду, что лица, в отношении которых принимаются решения, знают о предстоящей проверке и дают предварительное согласие на ее проведение<sup>1</sup>. Это обстоятельство позволяет исключить уголовно-правовое значение оперативно-розыскных мероприятий, проводимых по данным основаниям. Сделанный вывод подтверждается и тем, что в соответствии с ч. 9 ст. 8 Закона по приведенным основаниям запрещено проведение таких мероприятий, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи.

Исключение составляют основания, предусмотренные пп. 5, 8 ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В первом случае (п. 5) говорится об обеспечении безопасности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; во втором (п. 8) – о проведении оперативно-розыскного мероприятия только после установления факта участия лица в террористической деятельности. В обоих случаях речь идет о су-

---

<sup>1</sup> См.: Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. С. 259.

ществовании опасности, что соответственно может характеризовать состояние вынужденности.

В ч. 3 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» законодатель предусмотрел основания проведения оперативно-розыскных мероприятий, связанных с противодействием коррупции, которая как социальное явление представляет самостоятельную и серьезную опасность для общественных и государственных интересов<sup>1</sup>.

3. Фактические основания предусмотрены в п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Для нас они представляют повышенный интерес. К ним относятся ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о различного рода угрозах для объектов уголовно-правовой охраны. Одновременно они могут служить одним из оснований причинения вреда при проведении оперативного внедрения.

Сведения об опасностях могут выражаться в виде различного рода информации, ставшей известной лицам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Такая информация должна соответствовать определенным требованиям. Прежде всего речь идет о достоверности источника информации и ее проверенности. Целесообразно также делать выводы о наличии опасности лишь при совокупности сведений от различных источников. Только при выполнении указанных условий можно говорить с определенной степенью уверенности о наличии или отсутствии опасности интересам личности, общества или государства.

Рассмотрим эту группу оснований подробнее. Первыми являются сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного про-

---

<sup>1</sup> О проблемах правового регулирования данных оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий подробнее см.: Макаров А. В., Фирсов О. В. Проблемы совершенствования норм оперативно-розыскного законодательства, регулирующих проверку достоверности сведений // Рос. следователь. 2012. № 7. С. 35–38.

отивоправного деяния, а также сведения о лицах, которые его подготавливают, совершают или уже совершили<sup>1</sup>.

Обратим внимание на то, что законодатель не употребляет понятие «преступление». Вместо него используется более широкий по своему правовому содержанию термин «противоправное деяние». Однако, если соотнести данное положение с целями и задачами оперативно-разыскной деятельности, а также основаниями и условиями проведения оперативно-разыскных мероприятий, следует признать, что под противоправным подразумевается именно преступление, то есть деяние, которое характеризуется повышенной степенью общественной опасности.

В правоприменительной практике не исключены ситуации, когда в результате оперативно-разыскных мероприятий не подтвердится факт преступления ни на одной из его стадий. При этом будет причинен вред охраняемым интересам. Такие действия, на наш взгляд, следует оценивать с точки зрения фактической ошибки, то есть неправильного представления лица о фактических обстоятельствах, относящихся к объекту или к объективной стороне деяния<sup>2</sup>. В таких случаях лицо, полагающее, что в результате оперативно-разыскной деятельности его права были нарушены, в соответствии с ч. 3–8 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» имеет право на так называемую оперативно-разыскную реабилитацию. Таким образом, использование в Законе термина «противоправное деяние» вполне оправданно.

Итак, содержание угрозы, характеризующей обстановку проведения оперативного внедрения, альтернативно составляют три стадии совершения преступного деяния: во-первых, это приготовление к тяжкому или особо

---

<sup>1</sup> См.: Бабкин Л. М., Лыткин Н. Н., Шкабин Г. С. Информация о подготавливаемом, совершаемом либо совершенном преступлении как основание для проведения оперативно-разыскных мероприятий и использование полученных результатов в доказывании по уголовному делу // Рос. науч. журн. 2015. № 5. С. 273–278.

<sup>2</sup> Об ошибках в уголовном праве см. подробнее: Якушин В. А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988; Фаткуллина М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве (проблемы квалификации) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

тяжкому преступлению, которое в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» обозначается как подготавливаемое преступление; во-вторых, покушение на совершение преступления, в оперативно-розыскной деятельности – совершаемое преступление; в-третьих, оконченное или совершенное преступление. Как мы уже говорили, данные термины «приготовление» и «подготовка», «покушение на преступление» и «совершение преступления», «оконченное преступление» и «совершенное преступление» являются синонимами.

Особенностью подготовительных действий является то, что еще не начинает выполняться объективная сторона преступления, которое субъект намеревается совершить. Лицо только умышленно создает те или иные условия для совершения общественно опасного деяния. Однако, как мы говорили выше, вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям уже причиняется, поэтому если на подготовительные действия лица не оказывать предупредительного воздействия, то при естественном развитии событий они закономерно приведут к более значительным негативным последствиям.

Опасность в данном случае, в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ, возникает с момента приискания, изготовления или приспособления лицом средств или орудий совершения преступления, приискания соучастников преступления или сговор на совершение таких действий. Сюда относится также любое иное умышленное создание условий для совершения общественно опасного деяния. Момент прекращения существования опасности в рассматриваемом случае характеризуется тремя альтернативными моментами: во-первых, когда приготовление к преступлению переходит в стадию покушения; во-вторых, при прекращении подготовительных действий ввиду добровольного отказа; в-третьих, при невозможности продолжать реализовывать свои намерения по не зависящим от лица обстоятельствам.

Говоря о совершаемом преступлении как об основании проведения оперативно-розыскных мероприятий, следует иметь в виду, что в таком случае размер причиняемого вреда гораздо существеннее по сравнению с под-



готовительными действиями. Начальным моментом возникновения опасности следует считать начало выполнения объективной стороны конкретного деяния, то есть действий, непосредственно направленных на достижение преступного результата. Конечный момент, так же как и начало подготовительных действиях, возможен в трех случаях. Это, во-первых, выполнение объективной стороны конкретного состава преступления. Здесь следует говорить уже об оконченом преступлении. Во-вторых, прекращение совершения преступления ввиду добровольного отказа от доведения его до конца. В-третьих, прекращение покушения на преступление по не зависящим от лица обстоятельствам.

Переходя к рассмотрению опасности уже совершенного противоправного деяния, следует сказать, что она не настолько очевидна, как в вышеприведенных случаях. Такая опасность соотносится с задачей раскрытия преступления. Вред в данной ситуации причиняется правоохраняемым интересам общества и государства, которые состоят в том числе в необходимости привлечения виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности. У таких лиц существует предусмотренная законом обязанность претерпеть неблагоприятные последствия и быть подвергнутым уголовному преследованию и наказанию, поэтому когда после совершения преступления лицо скрывается от органов дознания, следствия и суда либо уклоняется от уголовного преследования и наказания, то оно не исполняет такую обязанность. Это соответственно представляет опасность для государства, как ответственного за поддержание правопорядка.

Кроме того, нарушение принципа неотвратимости ответственности создает отрицательный прецедент. Достижение цели уклонение является примером для повторения аналогичных действий как самим виновным, так и другими лицами. Данное обстоятельство негативно влияет на выполнение государством его правоохранительной функции.

Начальным моментом возникновения опасности, имеющей правовое значение, является совершение лицом приготовления или покушения на пре-

ступление, а также оконченого преступления. При этом обязательным условием выступает уклонение от уголовной ответственности. Опасность прекращает существовать (конечный момент), когда возникают обстоятельства, не позволяющие ему избежать ответственности. Это может быть, например, явка с повинной, задержание лица. Такая опасность перестает существовать также в случае смерти виновного.

Проанализированные выше деяния являются результатом осознанного поведения человека, поэтому законодатель в п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в числе оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и оперативного внедрения, приводит сведения о лицах, которые подготавливают, совершают или уже совершили противоправные деяния. Однако выделение человека из указанной системы действий является методическим приемом, используемым в целях наглядности.

Рассматривая события или действия (бездействие), создающие угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, нужно отметить, что опасность в данном случае выражена в фактах, которые являются либо результатом действия людей, либо последствиями опасных природных явлений. О потенциальной или реализованной опасности могут свидетельствовать также сведения о лицах, без вести пропавших, и обнаружение неопознанных трупов. Данные обстоятельства взаимосвязаны с тем, что в обоих случаях затрагивается судьба конкретного человека. Государство в лице его исполнительных органов и общество считают исключительными случаи, когда люди исчезают безвестно<sup>1</sup>. Естественно, что при таких условиях следует полагать, что пропавшему человеку, его жизни, здоровью или свободе угрожает опасность, а человеку, труп которого обнаружен, угрожала опасность, реализация которой

---

<sup>1</sup> См.: Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц : приказ МВД России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16 января 2015 г. // Рос. газ. 2015. 30 марта.

и послужила причиной смерти. При исчезновении человека органы внутренних дел исходят из презумпции того, что лицо стало жертвой преступления.

Однако объективно такие выводы делать рано, точно так же, как и рано говорить об опасности, послужившей причиной смерти при обнаружении неопознанного трупа. Ведь в таких случаях источники опасности могут быть самыми разнообразными: общественно опасные действия человека (допустим, похищение или хорошо замаскированное убийство другого человека), стихийные силы природы, нападение диких животных и пр.

Таким образом, основание проведения оперативно-разыскных мероприятий представляет собой существование описанных в законе источников опасности для правоохраняемых интересов. Наличие такой опасности характеризует обстановку проведения оперативно-разыскного мероприятия<sup>1</sup>.

Непосредственно обстановка, в которой проводятся оперативно-разыскные мероприятия, получила закрепление в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» лишь по отношению к тем из них, которые ограничивают некоторые из прав граждан. Так, в ст. 8 Закона речь идет об обстановке проведения оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих права человека на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также право на неприкосновенность жилища. Такие мероприятия считаются правомерными в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления. Что это за случаи, Закон не разъясняет.

Перечисляя признаки, которыми характеризуется обстановка оперативно-разыскного мероприятия, следует выделить те, которые указывают на необходимость обязательного сокрытия сведений о своей личности: инкогнито внедренного лица, конспирация связей, утаивание прошлого и т. п. Сюда же относится и такая характеристика оперативного внедрения, как длительность и экстремальность ситуации при его проведении. Необычные по

---

<sup>1</sup> См.: Шкабин Г. С. Уголовно-правовая характеристика обстановки проведения оперативно-разыскных мероприятий // Рос. следователь. 2017. № 7. С. 22–25.

трудности условия оперативного внедрения обусловлены рядом объективных и субъективных факторов.

Во-первых, это динамичность обстановки, недостаток времени и информации. Ситуация, в которую попадает лицо, часто развивается столь стремительно и независимо от его желаний, что прогнозировать ее не всегда удается. Необходимость ускоренной обработки информации приводит к тому, что решения в выборе поведения могут иногда являться неверными или противозаконными.

Во-вторых, это высокая психологическая нагрузка сотрудника оперативного подразделения или лица, сотрудничающего с ним. Для них оперативное внедрение в первую очередь означает адаптацию в преступной группе. Под адаптацией в широком смысле понимается оптимизация взаимоотношений личности и группы, сближение целей деятельности, ценностных ориентаций, усвоение индивидуальных норм и традиций, вхождение в ролевую структуру микросреды<sup>1</sup>. Следовательно, такая адаптация для внедренного лица является лишь внешней стороной поведения. Его личность как бы раздваивается, поскольку он постоянно находится, с одной стороны, под групповым давлением, а с другой – в определенной психологической изоляции. В литературе высказывается мнение о возможности возникновения в таких случаях ситуации невинного причинения вреда<sup>2</sup>.

В эмоциональном плане чрезвычайно тяжело на протяжении длительного времени демонстрировать притворную лояльность, внешнюю благожелательность по отношению к членам группы и их поступкам. Состояние стрессового напряжения обусловлено потенциальной угрозой разоблачения и страхом за собственную безопасность. Ведь в случае провала защита внедренного лица правоохранительными органами не просто маловероятна, а

---

<sup>1</sup> См.: Кожухов Н. И. Словарь-справочник по психологии. М., 1996. С. 5.

<sup>2</sup> См.: Плешаков А. М. Невинное причинение вреда при оперативном внедрении (к постановке проблемы) // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. С. 140–148.

практически исключена. Рассчитывать он может только на собственные силы. Возможен вариант и лишения жизни внедренного лица.

Так, в 1994 г. при раскрытии убийства предпринимателя Дмитриева, имевшего место в г. Санкт-Петербурге, в организованную преступную группу был внедрен кадровый сотрудник МВД РФ. Операция по внедрению и закреплению прошла успешно. Благодаря поступившей оперативной информации следствие по этому делу вышло на конкретных заказчиков преступления – криминальных «авторитетов» одного из кавказских организованных преступных сообществ. Однако при невыясненных обстоятельствах оперативный работник оказался разоблачен и был убит<sup>1</sup>.

На сегодняшний день в средствах массовой информации достаточно часто появляются сообщения о лишении жизни внедренных сотрудников правоохранительных органов. Например, члены запрещенной в России экстремистской организации «Исламское государство» неоднократно публиковали видео с такими казнями<sup>2</sup>.

Судебно-следственной практике также известны случаи, когда виновным в совершении преступления предпринимались действия, направленные на создание условий убийства лица, участвовавшего в проведении оперативно-разыскного мероприятия, в результате которого он был разоблачен. Так, Ведерников, являясь соучредителем компании с многомиллионным капиталом, обратился к своему телохранителю Головневу (фамилия изменена) с просьбой подыскать исполнителей убийства своего компаньона за вознаграждение в размере 20 000 евро. Головнев о данном факте сообщил в правоохранительные органы и впоследствии принял участие в проведении оперативного эксперимента (по своему характеру такие действия можно отнести к оперативному внедрению). В результате успешно проведенного оперативно-разыскного ме-

---

<sup>1</sup> См.: Криминальная Россия. Современные хроники: документальный сериал «Ошибка киллера». URL : <http://dokonline.com> (дата обращения 21.07.2016).

<sup>2</sup> См., напр.: BBC. Русская служба: боевики ИГ показали видео расправы над «агентом ФСБ». URL : <http://www.bbc.com/russian> (дата обращения: 23.11.2016).

роприятия Ведерников был привлечен к уголовной ответственности и в отношении его была избрана мера пресечения – подписка о невыезде.

В последующем, желая отомстить Головневу за выполнение им общественного долга, Ведерников с целью его убийства подыскал другое лицо, которое должно было оказать ему в этом содействие. В результате успешно проведенных оперативно-разыскных мероприятий убийство было предотвращено на стадии приготовления, а за совершенные преступления Ведерников был осужден к лишению свободы<sup>1</sup>.

Приведенные примеры подчеркивают повышенную опасность нахождения лица, участвующего в проведении оперативно-разыскных мероприятий, в криминальной среде. Характер поведения в такого рода сложившихся обстоятельствах зависит от психологической устойчивости, мотивации сотрудника, его воли, уравновешенности, способности к длительному перевоплощению. И наконец, не следует забывать, что для социальной микросреды, в которой приходится выполнять оперативно-разыскное мероприятие, является естественным антиобщественное поведение. Внедряясь в объект оперативного интереса, лицо, как мы уже говорили, должно придерживаться определенной линии такого поведения. Иными словами, его действия должны быть адекватны действиям группы и построены на принятых и уважаемых в ней нормах.

Антисоциальное поведение в преступной группе – это прежде всего совершение правонарушений или преступлений и готовность к их совершению. В какой-то момент внедренное лицо будет вынуждено демонстрировать свою компетентность в этих вопросах. А. Ю. Расцветаев по этому поводу пишет, что члены организованной преступной группы, как правило, не терпят нейтральных наблюдателей и посвящают в свои преступные замыслы только лиц, участвующих в их подготовке и реализации<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Приговор Заволжского районного суда г. Ульяновска от 20 декабря 2013 г. № 1-377/2013 1-377/2013. URL : <http://zavolgskiy.uln.sudrf.ru> (дата обращения: 20.12.2016).

<sup>2</sup> Расцветаев А. Ю. Указ. соч. С. 63.

Формы и виды преступного противодействия органам внутренних дел достаточно разнообразны<sup>1</sup>. Нельзя исключать и возможность провокаций со стороны членов группы. Вполне вероятно проверка лица «в деле», в его способности реально пойти на совершение конкретного преступления против личности, собственности, общественной безопасности. Как указывается в научной литературе, каждый новый член преступного сообщества проверяется. Суть проверки состоит в поручении новобранцу или его вовлечении в совершение преступления<sup>2</sup>. Опрос сотрудников подразделений, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, проведенный Н. В. Павличенко, показал, что для получения информации о лицах, внедренных в криминальную среду, «преступники проверяют и перепроверяют членов преступных групп (организаций, сообществ) путем дачи поручений и заданий, выполнение которых связано с совершением преступлений»<sup>3</sup>.

Для иллюстрации приведем пример, который нам стал известен в результате интервьюирования в рамках проводимого исследования. Схожие ситуации неоднократно демонстрировалась в различных художественных фильмах, посвященных деятельности правоохранительных органов. Изменив фактические данные, мы сохранили сущность происходивших событий.

Так, сотрудник одного из правоохранительных органов Киенко (фамилия изменена) был внедрен в организованную группу лиц, подозреваемую в сбыте оружия, под видом потенциального покупателя крупной партии. «Принимающая» сторона не торопилась заключать сделку и в ходе неоднократных встреч пыталась всячески проверить надежность клиента. Все начиналось с подробных опросов и получения информации, которую

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Кувалдин В. П. Виды и формы криминального противодействия // Оперативник (сыщик). 2012. № 1. С. 60–63.

<sup>2</sup> См.: Павличенко Н. В. Досудебное соглашение как основа смягчения ответственности за совершение преступлений лицами, оказывающими содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность // Современное право. 2010. № 2. С. 95.

<sup>3</sup> Павличенко Н. В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. С. 197.

можно было подтвердить. Однако следующий этап проверки свелся к тому, что на одной из встреч, проходившей в кафе, представители сбытчиков явно спровоцировали конфликт с другими посетителями. Завязалась драка, в которую был втянут и внедренный сотрудник. Чтобы сохранить легенду, а соответственно и обеспечить свою безопасность и успех проводимой операции, ему пришлось применить специальные приемы борьбы. В результате им был причинен средней тяжести вред здоровью одному из посетителей кафе. В ходе расследования уголовного дела данный случай не был отражен и факт нанесения телесных повреждений не получил правовой оценки.

Из приведенного примера наглядно видно, что внедренное лицо в такой ситуации всегда балансирует между «дозволенной хитростью и запрещенным обманом»<sup>1</sup>, то есть теми действиями, которые он не должен совершать никогда. Эта обстановка экстремальности оперативного внедрения и вынужденность действий по причинению вреда объектам уголовно-правовой охраны, безусловно, требуют их уголовно-правовой оценки.

Универсальная характеристика обстановки причинения вреда общественным отношениям при выполнении оперативно-разыскных мероприятий дана и в ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», где говорится о вынужденном причинении вреда. Обстановка вынужденности означает предопределенность действий по защите правоохраняемого интереса, их неизбежность и обязательность в конкретном месте и в конкретное время.

В специальной литературе имеются определения вынужденности применительно к причинению вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Например, О. А. Вагин вынужденным признает «причинение вреда, когда иными средствами достижение целей и решение задач ОРД в конкретных условиях осуществить не представилось возможным»<sup>2</sup>. Комментируя это определение, автор к описываемым ситуациям относит и объектив-

---

<sup>1</sup> Кваша Ю. Ф., Сурков К. В., Васильев Н. Н. Законодательные основы оперативно-розыскной деятельности : курс лекций / под общ. ред. Ю. Ф. Квашы. М., 2005. С. 699.

<sup>2</sup> Вагин О. А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности.



ные обстоятельства, которые ставят лиц, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в условия причинения вреда «с целью предотвращения более тяжких последствий, когда иными мерами (действиями) его предотвратить при конкретных обстоятельствах невозможно либо крайне затруднительно»<sup>1</sup>. Аналогичной точки зрения придерживается и К. И. Попов<sup>2</sup>.

Ю. В. Абакумова считает, что под вынужденностью при выполнении так называемого специального задания следует понимать обстановку, при которой у лица отсутствовала реальная возможность без серьезной опасности для себя или третьих лиц или других правоохраняемых интересов выполнить специальное задание, что обуславливает необходимость причинения тяжкого вреда объектам уголовно-правовой охраны<sup>3</sup>. Нам представляется, что данное определение не отражает всего многообразия возможных вариантов развития событий.

Термин «вынужденный» в русском языке означает «поставленный в необходимость, принужденный обстоятельствами», а также «недобровольный, совершаемый по принуждению»<sup>4</sup>. С учетом логического толкования на первый взгляд складывается парадоксальная ситуация. Получается, что, с одной стороны, лицо, участвующее в проведении оперативно-разыскного мероприятия, добровольно проникает в криминальное образование, заведомо предполагая, что, возможно, придется совершить преступление, иными словами, само ставит себя в преступное состояние. С другой стороны, мы говорим о недобровольном причинении вреда, которое обусловлено внешними обстоятельствами.

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> См.: Попов К. И. Правомерное причинение вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности // Труды СГА. 2011. № 2. С. 15–25.

<sup>3</sup> См.: Абакумова Ю. В. Кримінальна відповідальність особи за вчинення злочину при виконанні спеціального завдання з попередження чи розкриття злочинної діяльності організованої групи чи злочинної організації : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2007. С. 12. (Абакумова Ю. В. Уголовная ответственность лица за совершение преступления при выполнении специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации).

<sup>4</sup> Толковый словарь русского языка. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. С. 479.

Дело в том, что состояние непосредственной опасности, то есть фактической вынужденности, возникает опосредованно в момент причинения вреда или незадолго до этого. Подобная ситуация должна быть рассмотрена как один из возможных вариантов хода оперативно-разыскного мероприятия при его планировании. Так называемые принуждаемые обстоятельства могут быть спрогнозированы, и если нет других законных способов достичь поставленных целей, то внедренному лицу необходимо получить соответствующие инструкции по своим дальнейшим действиям. В связи с этим уже на этапе подготовки мероприятия возникает гипотетическая возможность вынужденности причинения вреда.

Рассмотренные выше ситуации не предусматривают физического или психического принуждения в отношении внедренного лица. В подобном случае действия такого лица должны рассматриваться в соответствии со ст. 40 УК РФ. Так, иногда лицо находится перед выбором – либо допустить причинение членами преступной группы вреда ему или другим лицам, либо самому причинить вред объектам уголовно-правовой охраны как условие несовершеня угрожаемых действий.

Следует отметить, что признак вынужденности свойствен и другим обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния, предусмотренным главой 8 УК РФ. По мнению Ю. В. Баулина, вынужденность является общим условием правомерности для всех указанных обстоятельств<sup>1</sup>. Прежде всего, это касается крайней необходимости. Однако разница состоит в отсутствии наличности опасности<sup>2</sup>, ее абстрактности на тот момент, когда уже планируется возможность причинения вреда при оперативном внедрении. Как правило, в таких ситуациях нет достаточных доказательств преступной деятельности группы, не установлены все участники, нет сведений о планируемых по-

---

<sup>1</sup> См.: Баулин Ю. В. Право граждан на задержание преступника. Харьков, 1986. С. 103.

<sup>2</sup> См.: Дмитренко А. П. Проблемы законодательной регламентации совершения преступления при оперативном внедрении как обстоятельства, исключаящего преступность деяния. С. 82.

сягательствах и т. п. Иначе бы вместо оперативно-разыскных мероприятий следовало бы проводить задержание лиц, совершивших преступление. При крайней необходимости вынужденность причинения вреда определяется непосредственной опасностью, которая уже существует в объективной действительности.

Необходимо также иметь в виду, что обстановка вынужденности при проведении оперативно-разыскных мероприятий характеризуется двумя аспектами, ставящими ее в тесную взаимосвязь с целями и задачами оперативно-разыскной деятельности. Так, с одной стороны, оперативно-разыскная деятельность осуществляется в целях защиты правоохраняемых интересов, а также для решения задач, которые происходят из смысла их существования. С другой – в отношении конкретной ситуации поставленные цели не достигнуты и задачи не решены. Проведение оперативно-разыскного мероприятия в таком случае является оптимальным, а чаще всего единственным способом их реализации.

Так, применительно к предупреждению совершения преступлений бандой обстановка вынужденности может характеризоваться тем, что неизвестны место, способ и время совершения подготавливаемых преступлений, не установлены все ее члены, не раскрыты все совершенные бандой преступления. В таком случае проведение оперативно-разыскных мероприятий является фактически вынужденной мерой.

Учитывая вышеприведенные основания, полагаем, что обстановка вынужденности при проведении оперативно-разыскного мероприятия позволяет дифференцировать причиняемый вред на два вида – вспомогательный и сопутствующий. Рассмотрим их более подробно.

Вспомогательным вредом следует считать тот, который направлен на обеспечение, создание необходимых условий для благополучного проведения оперативно-разыскного мероприятия. При проведении оперативного внедрения он может быть вызван двумя обстоятельствами:

1. Необходимостью создания соответствующего образа личности лица, участвующего в проведении оперативно-разыскного мероприятия.

Примеры причинения рассматриваемого вреда приводятся как в научных источниках<sup>1</sup>, так и в судебной практике. Практически типичной по делам о незаконном обороте наркотиков стала ситуация, когда оперативному внедрению предшествует либо совершается одновременно с его началом приобретение наркотических средств, осуществляемое в рамках другого оперативно-разыскного мероприятия – проверочной закупки. Для наглядности приведем следующий пример.

Весной 2011 г. в Котовский МРО (межрайонный отдел) УФСКН России по Тамбовской области стала поступать оперативная информация о том, что неизвестные лица объединились в преступную группу с целью организации поставок из г. Санкт-Петербурга и сбыта на территории Тамбовской области наркотического средства гашиш и психотропного вещества амфетамин. При получении первичной и соответственно непроверенной информации не было данных о составе фигурантов, их количестве и личностях, распределении между ними ролей, механизмах поставок, сбыта и хранения наркотических средств и психотропных веществ. Было только известно, что гражданин Т. не только активно приобретает у одного из участников организованной группы наркотическое средство гашиш и психотропное вещество амфетамин для себя, но и помогает в их приобретении наркозависимым лицам из числа его знакомых.

В целях проверки данной информации и дальнейшего пресечения организованной преступной деятельности группы было принято решение о проведении в отношении Т. и его окружения оперативно-разыскных мероприятий «оперативное внедрение» и «проверочная закупка», в которых согласился принять участие Д. В данном случае факт приобретения наркотиков при проверочной закупке способствовал осуществлению оперативного внедрения Д. в окружение группы и получению им необходимой информации.

---

<sup>1</sup> См., напр.: Топильская Е. В. Указ. соч. С. 157.

В результате проведенных оперативно-разыскных мероприятий были установлены и привлечены к уголовной ответственности другие участники преступной группы<sup>1</sup>.

2. Необходимость поддержания сложившегося имиджа внедренного лица. Такая ситуация возможна, когда лицо уже находится в криминальной среде и имеются основания полагать, что дальнейшее его пребывание там позволит достичь целей оперативно-разыскного мероприятия.

Второй вид вреда – сопутствующий, то есть тот, который причиняется самим фактом проведения оперативно-разыскного мероприятия. Такой вред при оперативном внедрении состоит в участии в совершении тех же деяний, в отношении которых осуществляется оперативно-разыскная деятельность. Это возможно, когда внедренное лицо уже находится внутри объекта оперативного интереса и совершает действия в соответствии с планами и распределением ролей, существующими в преступной группе. Такие деяния, по нашему мнению, могут совершаться для получения информации, имеющей важное оперативное или уголовно-процессуальное значение. К подобной информации следует отнести прежде всего сведения о подготавливаемом или совершаемом преступлении, об установлении руководителя группы и других соучастников, о должностных лицах, поддерживающих преступные связи, и др. В любом случае такого рода сведения должны добываться с целью предотвращения или пресечения преступления. В данной ситуации лицо, находясь внутри криминальной среды, может само изъявить желание совершить «преступление» лично или в соучастии, если это приблизит его к достижению обозначенной цели.

Например, сотрудник полиции, внедренный в банду в качестве ее участника, уже самим этим фактом причиняет общественно полезный вред правоохраняемым интересам и совершает действия, схожие с преступлением. Он может также принимать участие в приготовлении к совершению конкрет-

---

<sup>1</sup> См.: Приговор Советского районного суда г. Тамбова от 2 июня 2014 г. по уголовному делу № 1-5/2014 (1-78/2013). URL : <http://sud25.tmb.sudrf.ru> (дата обращения: 20.12.2014).

ного преступления и даже в нападениях банды. При этом следует помнить, что во всех приведенных случаях причиняемый вред является общественно полезным и соответственно неправомерным.

Другим примером является ситуация, когда внедренное лицо находится в организованной преступной группе, которая готовит похищение человека. С целью получения необходимой информации о месте, времени, способе и участниках совершения преступления внедренное лицо по поручению руководителя группы может совершить угон автомобиля, на котором планируется перевозить потерпевшего. При этом других способов получить данную информацию, а соответственно и пресечь посягательство не было. Подобные действия нельзя рассматривать в качестве преступления, поскольку обстановка характеризовалась вынужденностью и не было допущено превышения причинения вреда.

Следует иметь в виду, что один и тот же вред при проведении разных оперативно-разыскных мероприятий может быть в одном случае вспомогательным, а в другом – сопутствующим. Предположим, что для внедрения в преступную группу торговцев оружием проводится его проверочная закупка. В данной ситуации относительно оперативного внедрения вред будет считаться вспомогательным, поскольку его причинение способствует продвижению лица внутрь группы. Однако применительно к проверочной закупке такой вред является сопутствующим, так как сущность этого мероприятия состоит именно в таких действиях и фактическая цель его проведения будет достигнута.

Продолжая описывать обстановку проведения оперативно-разыскных мероприятий, необходимо обратить внимание на то, что сам факт нахождения тайного сотрудника правоохранительного органа внутри криминальной среды указывает на причинение вреда общественным интересам. Дело в том, что на сотрудников органов внутренних дел возлагается законная обязанность по пресечению совершения любых противоправных

деяний<sup>1</sup>. Получается, что бездействие в виде неисполнения этой обязанности прерывает соответствующие общественные отношения. Такое поведение, в зависимости от обстоятельств, имеет внешнее сходство с деяниями, предусмотренными ст. 285 или 286 УК РФ. Наглядной иллюстрацией такой ситуации может служить следующий пример из судебной-следственной практики.

В 2003 г. в г. Сегежа Республики Карелия следователь местного ГОВД подполковник милиции Фофанов создал организованную преступную группу, в которую вошли граждане Мироненко и Ногтев. Они незаконно приобретали наркотические средства, которые сбывали различным лицам. С целью пресечения деятельности членов данной группы были проведены оперативно-разыскные мероприятия: оперативное внедрение и проверочная закупка. В группу был внедрен сотрудник милиции Г. Находясь внутри криминальной среды, Г. с целью установления характера действий членов группы с согласия своего руководства не пресек преступные действия и позволил членам организованной преступной группы сбыть 21,34 г героина Грицкевичу. Этот героин затем в ходе операции «проверочная закупка» был выкуплен у последнего сотрудником правоохранительных органов<sup>2</sup>.

Таким образом, обстановка причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий характеризуется двумя обстоятельствами. С одной стороны, существованием различного рода опасностей для охраняемых интересов, а для оперативного внедрения еще и необходимостью скрывать свое истинное предназначение под угрозой расправы над собой и другими лицами, с другой – необходимостью достижения поставленных целей и решения соответствующих задач.

Тем не менее сама по себе обстановка причинения вреда не может служить единственным основанием для суждения об общественной полезности

---

<sup>1</sup> О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 05 дек. 2017 г.). П. 2 Ч. 1. Ст. 12 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

<sup>2</sup> См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 августа 2006 г. по уголовному делу № 75-006-8. URL : <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 2.02.2015).

или опасности деяния. Это объясняется прежде всего тем, что ситуации вынужденности совсем не означают возможности причинения любого вреда объектам уголовно-правовой охраны. Другими словами, для определения допустимости таких деяний необходимо установление их пределов, о которых речь пойдет в следующем параграфе работы.

### **§ 3. Пределы причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий и их уголовно-правовая оценка**

Учитывая, что при осуществлении оперативно-разыскной деятельности может причиняться вред правоохраняемым интересам, совершенно логичным будет определить пределы причинения такого вреда, или как говорит А. Ю. Шумилов, установить «ближние и дальние границы» оперативно-разыскной деятельности<sup>1</sup>. Для раскрытия социальной сущности пределов причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий необходимо соотнести цели и избранные для их достижения средства. В нашем случае они фактически вступают в противоречие. Ведь цель органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, – это защита правоохраняемых интересов от преступных посягательств, а основными задачами являются предупреждение и раскрытие преступлений. Однако в рассматриваемых нами случаях при проведении оперативно-разыскных мероприятий тот же правоохранительный орган избирает в качестве способа достижения своих целей и решения задач причинение вреда правоохраняемым интересам.

Фактически речь идет о сравнении двух благ – тех, ради которых причиняется вред, с одной стороны, и тех, которыми приходится жертвовать, –

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Шумилов А. Ю. Начало оперативно-разыскной деятельности и ее пределы (философские раздумья юриста). М., 2008. С. 19–28.



с другой. Здесь в принципе применимо правило Г. В. Ф. Гегеля о «целях и средствах». Так, по его мнению, «праведная цель действительно оправдывает средства, а неправедная их не оправдывает»<sup>1</sup>. Однако, исходя из данной позиции, можно почти всегда оправдать любые цели и признать их «праведными» и считать более значимыми по отношению к средствам, поэтому такой подход нуждается в определении границ допустимости причинения вреда.

Учитывая социальную важность защищаемых объектов, считаем допустимым причинение вреда лицом, участвующим в проведении оперативно-разыскного мероприятия, большинству из правоохраняемых интересов и благ. Исключения, то есть пределы причинения вреда, в зависимости от степени определенности можно дифференцировать на два вида – конкретно-определенные и относительные.

К первым следует отнести запрет на причинение вреда таким объектам уголовно-правовой охраны, нарушение которых ни при каких обстоятельствах недопустимо. Такие объекты следует точно определить в законе.

Относительные пределы причинения вреда представляют собой запрет на действия, которые могут причинить вред неограниченному кругу объектов уголовно-правовой охраны, но только при наличии определенных условий. Фактически такие объекты могут быть самыми разнообразными, а причинение им вреда зависит от сравнения с вредом предотвращаемым.

Рассмотрим оба вида пределов более подробно.

1. Конкретно-определенные пределы причинения вреда. К ним следует отнести прежде всего объекты, связанные с неприкосновенностью личности. На наш взгляд, ни при каких условиях при проведении оперативно-разыскного мероприятия недопустимо совершать действия, причиняющие смерть человеку, тяжкий вред его здоровью, а также посягательства на поло-

---

<sup>1</sup> Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц. М., 1990. С. 189.

вую неприкосновенность и половую свободу личности. Аргументируем свою позицию.

Наиболее сложным в данном случае представляется вопрос о причинении вреда жизни и здоровью. Такие ситуации, на наш взгляд, могут возникнуть только при осуществлении оперативного внедрения. В последнее время этому уголовно-правовому аспекту было уделено определенное внимание<sup>1</sup>. При анализе проблемы отметим противоречие двух моментов. С одной стороны, внедренное лицо, которое действует от имени государства и защищает его интересы, может оказаться в ситуации, когда будет вынуждено причинить вред жизни или здоровью третьего лица, а с другой – это же государство в своем Основном Законе провозглашает жизнь и здоровье человека, право-послушного гражданина, высшей ценностью.

Разрешение данной проблемы предполагает ответы на ряд вопросов: «Допустимо ли причинить смерть третьим лицам в целях предотвращения, пресечения или раскрытия преступления?», «Можно ли причинить вред здоровью третьих лиц в тех же целях?», «Если это допустимо, то до какой степени тяжести?» Ответы на них требуют дополнительного анализа. Постараемся его провести.

Вполне естественно, что при поступлении в преступную группу нового кандидата у его членов возникает желание его проверки, которая может выразиться и в совершении деяний, связанных с насилием, опасным для здоровья или жизни третьего лица. В такой ситуации возникает необходимость причинения вспомогательного вреда для поддержания соответствующего образа. Кроме того, внедренное лицо может оказаться в криминальной среде, деятельность которой направлена исключительно на совершение насиль-

---

<sup>1</sup> См., напр.: Кадников Н. Г. Правомерность причинения вреда при задержании лиц, подозреваемых в совершении терроризма // Научные труды РАЮН : в 2 т. М., 2002. Вып. 2: Т. 1. С. 487–490; Абдуллаев Э. М. Ликвидация террористов – причинение вреда при задержании либо применение исключительной меры уголовного наказания «без суда и следствия» // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 4. С. 42–46.

ственных преступлений. Таким образом, может возникнуть ситуация необходимости причинения вреда жизни или здоровью третьих лиц.

Вначале рассмотрим проблему причинения смерти при выполнении оперативно-разыскного мероприятия. Заведомо понятно, что если предотвращаются или пресекаются действия какой-либо группы, посягающей, например, на собственность или здоровье населения, то ни о каком вреде жизни говорить нельзя. Такой вопрос может встать, только если это мероприятие проводится в связи с преступлениями, направленными против жизни.

В такой ситуации получается конфликт интересов (парадокс, противоречие), который, как правильно считает В. И. Михайлов, характеризуется альтернативностью и выбором из двух возможностей<sup>1</sup>. Существует, с одной стороны, настоятельная и безусловная необходимость предотвращения или пресечения преступлений, а с другой – вынужденное причинение смерти невиновному человеку.

Сразу выскажем собственную точку зрения, состоящую в том, что любая из форм предупреждения, а тем более раскрытия преступлений путем умышленного причинения смерти третьим лицам заведомо недопустима. На протяжении более тринадцати последних лет наша точка зрения по этому поводу не изменилась<sup>2</sup>. Невозможно, разумеется, и убивать других людей при решении иных задач оперативно-разыскной деятельности. Например, раскрытие возможно лишь по отношению к оконченным преступным деяниям. В таком случае только уклонение преступников от уголовной ответственности будет представлять опасность. Абсолютно не вызывает сомнения, что необходимость привлечения лица к ответственности несопоставима по своей значимости с жизнью человека.

---

<sup>1</sup> См.: Михайлов В. И. Конфликт интересов: содержание, порядок предотвращения и урегулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 14–19.

<sup>2</sup> См.: Шкабин Г. С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. С. 130–131.

Сложнее обстоит дело с задачами, направленными на предупреждение преступлений. Логично было бы полагать, что вопрос о причинении смерти при оперативном внедрении возможен при предотвращении или пресечении преступлений. При этом закономерно встает вопрос: «Может ли государство лишить жизни невиновного человека при осуществлении оперативно-разыскной деятельности?» Следует помнить, что и по сегодняшний день в отношении убийц и террористов, признанных судом виновными, не применяется смертная казнь. На поставленный вопрос может быть только один ответ и он должен быть отрицательным. Не должно государство вкладывать в руки своего представителя, пусть даже самого лучшего, «мандат на убийство». Осознавая всю сложность ситуации, выразим свою точку зрения, состоящую в том, что, столкнувшись при выполнении задания с необходимостью причинить смерть другому человеку, внедренное лицо обязано избежать этого.

Вполне понятно, что жизнь настолько многообразна, что лицо может оказаться перед решением сложнейших задач: пожертвовать одним человеком и спасти жизни многих людей либо за счет смерти других спасти жизнь одного. В практическом плане остается актуальным вопрос: «Допустима ли смерть человека, например, для того чтобы предотвратить совершаемые бандой преступления, связанные с посягательством на жизнь, либо разоблачить наемных убийц, готовящих такое преступление, либо пресечь диверсию на железнодорожном пути или предотвратить террористический акт, взрывы и поджоги в густонаселенном районе города?» Ответ заключается в том, что такие случаи выходят за рамки правомерности проведения оперативно-разыскного мероприятия и их разрешение возможно только в пределах необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление либо физического принуждения, исключающего возможность лица руководить своими действиями. При отсутствии этих обстоятельств, исключающих преступность деяния, действия внедренного лица, связанные с умышленным причинением смерти другому че-

ловеку, следует оценивать с учетом условий правомерности крайней необходимости.

Более десяти лет назад мы задавали вопросы сотрудникам правоохранительных органов и судьям о возможности причинения смерти при проведении оперативного внедрения<sup>1</sup>. Тогда подавляющее большинство посчитали, что такие действия категорически недопустимы (85 % опрошенных). Только 5 % – согласились с таким вариантом действий, а 10 % – затруднились с ответом. В настоящий момент мы предложили респондентам ответить на схожий вопрос: «Допустимо ли убийство невиновного (третьего) лица внедренным сотрудником правоохранительного органа по приказу руководителя террористической организации?» (прил. 1). Цифры точно не совпали, но в принципе большинство по-прежнему считает, что не может быть оправдана интересами государства смерть невиновных (более 84,7 %). Более чем в два раза увеличилось число тех, кто оправдывает такое поведение, – таких оказалось 11,5 %. Значительно снизилось количество тех, кто раньше затруднялся с ответом. На сегодняшний день таких оказалось 3,8 %.

Если вопрос о причинении смерти при необходимой обороне и физическом принуждении в теории и практике более или менее решен<sup>2</sup>, то коллизия такого блага, как жизнь, в состоянии крайней необходимости считается дискуссионной и в настоящее время. Постараемся разобраться в ней и мы.

Вообще, «коллизия жизней» – это социально-философская проблема, которую необходимо рассматривать с точки зрения крайней необходимости. В юридической литературе она поднималась и раньше<sup>3</sup>. Ее практическое значение очевидно, особенно для уголовного права. Рассматриваемые ситуации условно можно разделить на три вида: во-первых, когда приходится сравни-

---

<sup>1</sup> См.: Шкабин Г. С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. С. 131.

<sup>2</sup> См., напр.: Якубович М. И. Учение о необходимой обороне в советском уголовном праве. М., 1967; Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969.

<sup>3</sup> См., напр.: Плешаков А. М., Шкабин Г. С. «Коллизия жизней» при крайней необходимости и проблемы уголовной ответственности // Гос-во и право. 2007. № 7. С. 64–71; Степанов Н. В. «Коллизия жизней» как социально-философская проблема : автореф. дис. .. канд. филос. наук. М., 2011.

вать две жизни; во-вторых, при возможности за счет одной жизни спасти многих людей; в-третьих, когда за счет жизней меньшего количества людей можно спасти большее число. Рассмотрим эти варианты более подробно.

Анализ предложенных ситуаций предполагает ответ на один из важнейших философских вопросов права: «Равна ли одна жизнь другой? Равно-велики ли жизни талантливого инженера и безработного, известного художника и лица, виновного в совершении нескольких убийств?»

Конечно, с общебытовых позиций ответ кажется очевидным – одна жизнь не может быть равна другой. С позиции обывателя при сравнении жизни, допустим, ребенка и старика, смертельно больного и здорового, законопослушного гражданина и вора жизнь первого будет более ценной, чем жизнь второго.

С точки зрения права ответ должен быть однозначным – одна жизнь должна быть равна другой. В ином случае нарушение принципа равенства всех перед законом способно подорвать любую систему права. Исключение из этого правила означает, что в практическом плане любой правоприменитель всегда и везде будет определять «ценность» жизни только по своему усмотрению, руководствуясь при этом мотивами целесообразности, социальной необходимости и прочими конъюнктурными обстоятельствами. Разумеется, подобное недопустимо. Наша точка зрения подтверждается и выводом Верховного Суда РФ, который, указывая на отсутствие состояния крайней необходимости в ситуации «коллизии жизней», отметил, что «согласно Конституции РФ жизнь каждого человека охраняется в равной степени, в связи с чем жизнь Г. не являлась большей ценностью, чем жизнь М.»<sup>1</sup>.

Следовательно, если взять за основу принцип равенства жизней, когда любая жизнь равна любой другой, то ситуация, когда при проведении оперативного внедрения перед сотрудником стоит выбор пожертвовать одной

---

<sup>1</sup> Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2005 г. № 59-о05-15 // СПС «КонсультантПлюс».

жизнью ради спасения другой, разрешается достаточно просто. В таком случае причиняется равный вред: одна жизнь спасается за счет другой. С точки зрения действующего закона это недопустимо. Перед нами превышение допустимых пределов.

Таким образом, защищаясь от смертельной опасности, внедренный сотрудник лишен права на жертву другим человеком. Именно такой вывод следует из ст. 39 УК РФ, и формальной альтернативы для другого решения нет. Уголовная ответственность не может быть исключена в ситуации спасения собственной жизни за счет причинения смерти другому.

Рассмотрим второй вариант «коллизии жизней». Вопрос о допустимости жертвовать только одним человеком для того, чтобы спасти большее количество людей, на первый взгляд кажется простым. Ответ на него представляется очевидным: «Да, во имя спасения множества людей, с позиции социальной справедливости и общественной целесообразности, можно причинить смерть одному».

Формально в рассматриваемом случае «коллизии жизней» нет превышения пределов, предусмотренных в норме о крайней необходимости. Поскольку одна жизнь как объект уголовно-правовой охраны равна другой и в законе нет никакого исключения из этого положения, то математический подсчет говорит нам, что вред в виде смерти одного менее значителен, чем вред в виде смерти двух и большего количества человек.

Данная точка зрения получила распространение и в доктрине уголовного права. Так, Н. Н. Паше-Озерский считал, что в ситуации, когда во время кораблекрушения в переполненную людьми шлюпку пытается влезть еще один человек, это создает смертельную опасность всем находящимся в шлюпке людям, поэтому умышленное причинение ему смерти следует признавать правомерными действиями<sup>1</sup>. В свою очередь, Ю. М. Ткачевский утверждает, что если путем лишения жизни человека можно предотвратить смерть

---

<sup>1</sup> См.: Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 125.

нескольких людей, то в исключительных случаях это может быть признано актом крайней необходимости<sup>1</sup>. А. А. Тер-Акопов полагал, что в рассматриваемых ситуациях следует принимать во внимание прежде всего количественный показатель: одна смерть вместо двух или трех смертей и т. д.<sup>2</sup>

Мы полагаем, что такое сложение и вычитание жизней является хотя и объективным, но далеко не основным критерием при правовой оценке события. Если учесть конкретные обстоятельства дела, нередко имеющие субъективный, внутренний характер, то ситуация может выглядеть совершенно иначе.

Представим себе, как должен поступить правоприменитель, если бы ему пришлось оценивать следующую смоделированную, но вполне прагматическую ситуацию. Так, внедренный в террористическую группу сотрудник получает информацию о готовящемся крупном террористическом акте, который может повлечь за собой множество человеческих жертв. Вместе с тем время, место и исполнители преступления ему неизвестны. С целью предотвращения или даже пресечения этого преступления он пытается завоевать большее доверие у руководителя преступной группы, чтобы стать исполнителем, пособником или другим способом получить необходимую информацию. В результате лицу поручают руководить нападением на склад вооружения, убить охранника и захватить взрывчатые вещества для будущего теракта. Другого пути у него нет: если внедренное лицо этого не сделает, то погибнут многие люди.

Оставим за скобками наших рассуждений доказательственную основу этой трудноразрешимой ситуации. Подчеркнем, что с позиций материального права она может быть решена формально. Соотношение «коллидирующих благ» – одна жизнь в обмен на много жизней допустима, но, безусловно, нравственно ущербна, а этого быть не должно.

---

<sup>1</sup> См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 484–485.

<sup>2</sup> См.: Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 182.



Вместе с тем в теории уголовного права существует точка зрения о том, что «коллизия жизней» – жертва одним для спасения многих – необходимо решать без учета формального критерия. Ученые считают, что такой подход неприемлем<sup>1</sup>, считать, что жизнь нескольких людей важнее жизни отдельного человека и использовать математический подход недопустимо и безнравственно<sup>2</sup>. Мы согласны с данной позицией. Статья 2 Конституции РФ называет человека высшей ценностью. Человек в принципе не может быть объектом правоотношений<sup>3</sup>, он никогда не должен рассматриваться в качестве средства, а всегда только в качестве цели<sup>4</sup>. Человек, как говорил И. Кант, есть категорический императив, и его жизнь ни при каких обстоятельствах не должна использоваться в качестве способа правового решения<sup>5</sup>.

Перейдем к последней форме «коллизии жизней»: «Допустимо ли спасение жизни нескольких человек за счет причинения смерти меньшему числу?» Мы снова сталкиваемся с формально-математической проблемой «подсчета жизней», то есть с количественным показателем. Если ограничительно и бессистемно толковать уголовный закон, то в данном случае нет превышения допустимых пределов. На первый взгляд ответ опять представляется однозначным – да, спасти большее число людей можно, пожертвовав меньшим числом. Однако, как мы говорили ранее, такой арифметический подход вряд ли можно считать приемлемым с социально-нравственных позиций.

Подобного рода ситуации «коллизии жизней» все чаще встречаются в современной социальной действительности. Большую известность получило решение властей США после событий 11 сентября 2001 г. об уничтожении воздушных судов, которые не отвечают на запросы и отказываются выполнять указания с земли. Предполагалось, что такие самолеты являются захва-

---

<sup>1</sup> См.: Шаргородский М. Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 397.

<sup>2</sup> См.: Крылова Н., Павлова Н. Крайняя необходимость в медицинской деятельности: некоторые вопросы практического применения // Уголовное право. 2005. № 1. С. 43.

<sup>3</sup> См.: Сырых В. М. Теория государства и права. М., 2007. С. 37.

<sup>4</sup> См. подробнее: Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М., 2000. С. 137, 187 и др.

<sup>5</sup> См.: Кант И. Сочинения : в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 423, 427 и др.

ченными террористами и их следует уничтожить. Исключения не делались даже для пассажирских самолетов. Другими словами, они могли быть принесены в жертву для спасения еще большего числа людей.

Аналогичные ситуации складывались и в работе правоохранительных органов России. В октябре 2002 г. террористами был захвачен концертный зал на Дубровке, где шло представление мюзикла «Норд-Ост» в Москве в 2002 г. В ходе проведения специальной операции по освобождению захваченных зрителей был применен специальный газ. Последствия оказались трагическими. В результате помимо террористов погибли 130 заложников. Всего потерпевших было более 700 человек. Применение такого средства, видимо, являлось крайней мерой. Однако организация самой операции была неудачной.

Учитывая ситуацию в стране и мире, связанную с деятельностью террористических организаций, отечественный законодатель в 2006 г. принимает Федеральный закон «О противодействии терроризму». В нем, пожалуй, впервые в современной российской истории была описана ситуация «коллизии жизней». Так, ст. 7, 8 этого нормативного акта предусмотрено право Вооруженных Сил РФ на уничтожение воздушного судна или плавательного средства, которые были захвачены для совершения террористического акта. При этом в качестве условия правомерности Закон указывает на неисполнение требований о посадке или остановке судна, а также существование реальной опасности гибели людей либо наступления экологической катастрофы. Руководитель контртеррористической операции в целях недопущения смерти большого числа людей в такой ситуации фактически получал право на умышленное причинение смерти меньшему количеству граждан.

В юридической литературе указывалось на недопустимость подобного законодательного решения по уничтожению морских и воздушных судов<sup>1</sup>. Подобное законодательное положение противоречит Конвенции о междуна-

---

<sup>1</sup> См.: Трунов И. Л. 10 лет «Норд-Осту»: что изменилось в борьбе с терроризмом в России // Представительная власть. 2013. № 1. С. 12–14.

родной гражданской авиации, в соответствии с которой «каждое государство должно воздерживаться от того, чтобы прибегать к применению оружия против гражданских воздушных судов в полете, и что в случае перехвата не должна ставиться под угрозу жизнь находящихся на борту лиц и безопасность воздушного судна» (п. «а» ст. 3 bis)<sup>1</sup>.

Данное положение имеет принципиальное значение и для правового регулирования оперативного внедрения. Это означает, что, во-первых, внедренное лицо, находясь внутри группы, планирующей особо тяжкие преступления, осознает, что в случае его неудачи все равно погибнут невинные люди; во-вторых, необходимо учитывать, что принятие Федерального закона «О противодействии терроризму» не повлекло за собой каких-либо существенных изменений в уголовном законодательстве. В УК РФ в плане регулирования обстоятельств, исключающих преступность деяния, все осталось по-прежнему.

Тем не менее такое правоустановление в вышеназванном Законе является на сегодняшний день единственным нормативным предписанием, прямо регулирующим ситуацию «коллизии жизней», поэтому внедренное лицо формально может использовать алгоритм изложенных в рассматриваемом Законе действий, руководствуясь при этом общими положениями уголовного законодательства.

Предписания Федерального закона «О противодействии терроризму» содержат рационально-прагматическую идею выбора меньшего зла. При этом законодатель руководствуется неопределенно-общим положением о защите «жизненно важных интересов личности» (ч. 1 ст. 11). Однако нормативное регулирование действий руководителя контртеррористической операции с учетом возможного количества жертв, по нашему мнению, является неудачным по следующим основаниям.

---

<sup>1</sup> Конвенция о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Во-первых, если на ситуацию уничтожения воздушного или морского судна посмотреть с точки зрения объективной стороны, то сделать однозначные выводы будет почти невозможно. На первый взгляд перед нами описанная выше картина, когда жертвуют меньшим числом граждан для предотвращения террористического акта и спасения гораздо большего числа людей. Однако прогноз в таком случае всегда будет недостаточно определенным. Нельзя быть полностью уверенным в том, что если, допустим, самолет не будет уничтожен, то погибших будет больше. Не исключено, что могут погибнуть только пассажиры захваченного самолета или жертв не будет вообще. Такие ситуации вполне возможны. Так, например, в событиях 11 сентября 2001 г. один из захваченных самолетов был практически отбит заложниками у террористов, однако они не смогли его посадить. Значит, уничтожение многих людей в таком случае будет неоправданным.

Во-вторых, причинение смерти невиновным людям, находящимся в воздушном или морском судне, с точки зрения психического отношения к этому лица, которое принимает решение, выглядит весьма спорно. В соответствии с ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О противодействии терроризму» руководитель контртеррористической операции несет «персональную ответственность» за описываемые действия, включая и смерть людей. Основным мотивом, которым он должен руководствоваться, исходя из положений закона, является военная необходимость. Но она характерна прежде всего для вооруженных конфликтов или боевых действий, которых в рассматриваемой ситуации нет.

Иначе выглядит ситуация, если предположить, что в захваченном самолете летит внедренный в группу террористов сотрудник правоохранительных органов. Убедившись в безысходности ситуации, оценивая обстановку изнутри, он может принять рациональное, на его взгляд, решение – попытаться организовать сопротивление и «отбить» самолет или предпринять меры для его уничтожения. Разница состоит в том, что в нашем случае внедренное лицо находится внутри источника угрозы, само будучи подвержено смертельной опасности. Человек реально воспринимает обстоятельства опас-

ности и, как и любой из пассажиров, волен распоряжаться своей судьбой. Такие действия выходят за рамки существующих законов и не имеют отношения к правовому статусу лица.

Государство не может требовать и вменять в обязанности сотрудников правоохранительных органов прямую жертву собой, за исключением, разумеется, военных действий. Однако противодействие терроризму не является войной, по крайней мере, ее не ведут и не будут вести мирные граждане. Нет сомнений, что в противодействии терроризму требуется участие гражданского общества, однако собственно контртеррористические операции – это прерогатива исключительно правоохранительных органов и спецслужб.

Таким образом, если в предложенной модели ситуации внедренное лицо совершит действия, направленные на гибель нескольких людей ради спасения еще большего количества, то они не могут расцениваться как совершенные в рамках оперативно-разыскного мероприятия. Такие действия могут быть следствием исключительно собственной инициативы лица.

На сегодняшний день ситуации «коллизии жизней» фактически не урегулированы действующим правом. Остается лишь надеяться, что законодатель обратит на это внимание в будущем. На наш взгляд, будет правильным руководствоваться положениями, во-первых, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, во-вторых, Конституции РФ о том, что жизнь любого человека является абсолютной ценностью. Безусловность этой категории означает, что жизнь конкретного человека является первоосновой для общества и государства. Она не может зависеть ни от каких факторов и ситуаций. Жизнь является невозполнимым, бесценным благом и не может быть перевешена ничем.

В современных условиях вышеуказанное превышение допустимых пределов может признаваться обстоятельством, смягчающим наказание (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ – нарушение условий правомерности крайней необходимости) и влечь за собой применение мер уголовно-правового воздействия в пределах санкции ст. 105 УК РФ. Кроме того, возможно признание всей ситуации, возникающей при «коллизии жизней», исключительным об-

стоятельством и в соответствии со ст. 64 УК РФ назначение наказания ниже низшего предела, то есть ниже 6 лет лишения свободы (по ч. 1 ст. 105 УК РФ) или ниже 8 лет лишения свободы (по ч. 2 ст. 105 УК РФ). В любом случае срок лишения свободы может быть снижен до двух месяцев.

При проведении оперативно-разыскного мероприятия оперативный сотрудник или конфиденгент могут быть поставлены в условия, когда будут вынуждены причинить вред здоровью постороннего (третьего) лица. Трудности анализа заключаются прежде всего в том, что существует несколько степеней тяжести вреда здоровью. Вред в таких случаях определяется в рамках действующего УК РФ в зависимости от степени его тяжести (тяжкий вред, средней тяжести вред и легкий вред) на основании квалифицирующих признаков, предусмотренных п. 4 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека<sup>1</sup>, и в соответствии с Медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека<sup>2</sup>. Квалифицирующими признаками тяжести вреда, причиненного здоровью человека, являются:

а) в отношении тяжкого вреда: вред, опасный для жизни человека; потеря зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрата органом его функций; прерывание беременности; психическое расстройство; заболевание наркоманией либо токсикоманией; неизгладимое обезображивание лица; значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть; полная утрата профессиональной трудоспособности;

б) в отношении средней тяжести вреда: длительное расстройство здоровья; значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть;

---

<sup>1</sup> Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : постановление Правительства Рос. Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 (в ред. от 17.11.2011) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 35. Ст. 4308; СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> См.: Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : приказ Минздравсоцразвития Рос. Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н (в ред. от 18.01.2012) // Рос. газ. 2008. 5 сент.; СПС «КонсультантПлюс».

в) в отношении легкого вреда: кратковременное расстройство здоровья; незначительная стойкая утрата общей трудоспособности.

Степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, определяется исходя из квалифицирующих признаков. При наличии нескольких таких признаков тяжесть вреда, причиненного здоровью человека, определяется по тому, который соответствует большей степени тяжести вреда.

Как справедливо отмечает С. В. Расторопов, понятие «вред здоровью» охватывает и тот ущерб здоровью человека, который не связан с нарушением анатомической целостности или физиологических функций органов и тканей. Это, например, такие болезненные расстройства, как реактивные психические и невротические состояния, возникшие вследствие неблагоприятного психического воздействия на потерпевшего. Кроме того, это могут быть отравления, расстройства психики, заболевания наркоманией или токсикоманией, возникшие в результате введения в организм потерпевшего опасной дозы наркотического средства или насильственного контакта с одурманивающими веществами<sup>1</sup>.

Кроме того, здоровье – это та категория, которая очень часто трудно восстановима либо вообще не поддается восстановлению. Другими словами, в отличие от материального вреда оно порой бывает необратимым. Так, например, тяжкий вред здоровью человека характеризуется опасностью для жизни, то есть по своему характеру он непосредственно создает реальную возможность гибели или вызывает развитие угрожающего жизни состояния. Такой вред может влечь за собой и наступление, как правило, необратимых последствий. Именно по причине повышенной значимости и возможной необратимости мы считаем недопустимым причинение при проведении оперативного внедрения тяжкого вреда здоровью третьего лица.

Аналогичного мнения придерживаются 69,2 % опрошенных респондентов (прил. 1). Остальные 30,8 % – посчитали причинение в описываемых условиях такого вреда в принципе допустимым либо затруднились с ответом.

---

<sup>1</sup> См.: Расторопов С. В. Понятие преступлений против здоровья человека в доктрине уголовного права России // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 62–65.

Мы считаем также недопустимым ни при каких условиях совершение внедренным лицом деяний, которые причиняют вред половой неприкосновенности и половой свободе личности. Посягательства на эти блага не могут быть оправданы целями необходимости предупреждения или раскрытия преступления по причине несомненной аморальности таких поступков и возможности отдаленного наступления тяжких последствий.

Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности установлена в главе 18 УК РФ. Половая свобода предполагает, что каждый человек, достигший 16 лет, в соответствии со своим волеизъявлением принимает решение, с кем и в какой форме ему удовлетворять свои сексуальные потребности. Половую неприкосновенность составляют отношения, обеспечивающие нормальное половое и нравственное развитие лиц, не достигших 16-летнего возраста<sup>1</sup>.

Таким образом, конкретно-определенные пределы причинения вреда при проведении оперативного внедрения состоят в запрете причинения третьим лицам смерти, тяжкого вреда здоровью, а также нарушения половой неприкосновенности и половой свободы личности.

2. Относительные пределы причинения вреда. В данном случае необходимо соотнести причиняемый и предотвращаемый вред. Такое сопоставление характерно для большинства обстоятельств, исключающих преступность деяния. Оно применяется при описании пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 37 УК РФ), причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 38), крайней необходимости (ч. 2 ст. 39), физического или психического принуждения (ч. 2 ст. 40). По сравнению с предотвращаемыми последствиями правомерный вред во всех перечисленных случаях в зависимости от характера и объема можно разделить на следующие два вида.

Во-первых, допускается причинение вреда равного и даже большего, чем тот, который может быть или уже причинен (необходимая оборона, причине-

---

<sup>1</sup> См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. С. 434.



ние вреда при задержании лица, совершившего преступление). В этих случаях законодатель употребляет формулировку «явное несоответствие характеру и степени общественной опасности».

Во-вторых, правомерным будет считаться причинение только меньшего вреда по сравнению с грозящей опасностью (крайняя необходимость, психическое принуждение и физическое принуждение, не исключающее возможности лица руководить своими действиями). Здесь в Уголовном кодексе РФ, помимо явного несоответствия характеру и степени грозящей опасности, добавляется, что превышение пределов будет иметь место, если причинен «вред равный или более значительный, чем предотвращенный».

Таким образом, нам необходимо ответить на вопрос: при проведении оперативно-разыскного мероприятия следует признать допустимым причинение меньшего вреда по сравнению с предотвращаемым либо равного и даже незначительно большего? Его же мы задали в ходе проведенного нами опроса респондентов (прил. 1). Из них почти половина (49,8 %) посчитали, что при проведении оперативно-разыскных мероприятий следует рассматривать в качестве правомерного причинение менее значительного вреда охраняемым интересам по сравнению с тем вредом, который причиняется пресекаемым преступлением. Считаем, что подобная позиция является результатом определенной схожести рассматриваемой ситуации с условиями правомерности крайней необходимости, о чем мы писали ранее<sup>1</sup>. Однако подобная точка зрения критикуется учеными из стран, в которых уголовным законом предусмотрено обстоятельство, исключаящее преступность деяния, причиняющего вред при проведении оперативно-разыскных мероприятий<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Шкабин Г. С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук; Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве.

<sup>2</sup> См., напр.: Галиев Б. Б. Борьба с организованной преступностью посредством компромисса // Проблемы изучения и противодействия организованной преступности : сб. ст. по материалам Всерос. круглого стола (С.-Петербург, 20 фев. 2015 г.) / отв. ред. Е. Н. Рахманова. СПб., 2015. С. 19–25.

Высказывая собственное мнение, отметим, что конечно же всегда необходимо стремиться к минимизации последствий. Однако следует признать, что сущность некоторых оперативно-разыскных мероприятий аксиоматично не может состоять в причинении меньшего вреда. Так, лицо, внедренное в преступное сообщество в качестве ее члена, самим фактом нахождения там формально причиняет такой же по объему и характеру вред, как и другие участники.

Приведем характерный пример из судебной практики. В 2015 г. в г. Севастополе Васев (фамилия изменена) решил создать преступную группу с целью похищения состоятельных людей, чтобы требовать выкуп за их освобождение. О данном факте стало известно сотрудникам полиции. Было принято решение для пресечения предполагаемых преступлений внедрить в формируемую преступную группу Пенкина (фамилия изменена), оказывающего конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Последний принял участие в разработке плана совершения преступления, подыскании автомобиля, на котором планировалось совершение преступления. В день похищения одного из местных предпринимателей он совместно с другими членами группы применял насилие к потерпевшему и участвовал в его захвате и перемещении. В дальнейшем виновные были задержаны, а потерпевший благополучно освобожден. Благодаря полученной в результате оперативно-разыскной деятельности информации все участники преступления, кроме внедренного лица, были привлечены к уголовной ответственности и осуждены<sup>1</sup>.

Данный наглядный пример отчетливо показывает, что внедренное лицо, как и члены преступной группы, причинило равный с ними вред общественным отношениям, обеспечивающим свободу перемещения и физическую неприкосновенность человека. Однако его действия носят социально полезный характер, поскольку направлены на пресечение совершения пре-

---

<sup>1</sup> См.: Приговор Гагаринского районного суда г. Севастополя от 15 марта 2016 г. по уголовному делу 1-149/2016. URL : <https://gagarinskiy--sev.sudrf.ru> (дата обращения: 20.01.2017).

ступления. Такой же равноценный вред может быть характерен и для ряда других оперативно-разыскных мероприятий. Это прежде всего контролируемая поставка, оперативный эксперимент, проверочная закупка и др.

Кроме того, не считаем правильным требовать от лица, находящегося в экстремальных условиях, точного соотношения охраняемых и нарушаемых благ. Нередко обстановка проведения оперативно-разыскного мероприятия фактически исключает возможность такого математического подсчета. Провести детальный анализ своих действий и их последствий, находясь во враждебном окружении, значит повысить тем самым риск своего разоблачения. Как справедливо отмечает О. Д. Жук, при проведении оперативно-разыскного мероприятия «нелегко соотносить величину причиненного и предотвращенного вреда»<sup>1</sup>, поэтому не следует признавать превышением пределов и причинение незначительно большего вреда, чем тот, который предотвращается.

Наша точка зрения разделяется 43,1 % опрошенных нами респондентов. Остальные 7,1 % – посчитали недопустимым причинение вреда охраняемым интересам при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Исходя из вышесказанного для описания границ правомерности действий представителя государства было бы обоснованным использование уже устоявшейся правовой формулировки – «явное несоответствие характеру и степени общественной опасности».

В уголовном законодательстве термин «явный» употребляется семь раз. Из них четыре раза при описании условий правомерности трех обстоятельств, исключающих преступность деяния: ч. 2 ст. 37 УК РФ (необходимая оборона), ч. 2 ст. 38 (причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление) и ч. 2 ст. 39 (крайняя необходимость). Он означает: совершенно очевидный, ясный для всех<sup>2</sup>, не вызывающий сомнения, абсолютно наглядный и т. п. Другими словами, «явность» в анализируемом контексте указывает на то, что вред при проведении оперативно-разыскного

---

<sup>1</sup> Жук О. Д. Использование результатов оперативного внедрения в пресечении деятельности преступных организаций (сравнительное исследование). С. 12.

<sup>2</sup> См.: Толковый словарь русского языка. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. С. 1454.

мероприятия должен считаться допустимым если он меньше, равен или незначительно больше по сравнению с тем, который причиняется деянием лиц, в отношении которых осуществляется оперативно-разыскная деятельность. Таким образом, превышением допустимых пределов следует признавать причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени общественной опасности предотвращаемого, пресекаемого или раскрываемого преступления.

Необходимо иметь в виду, что в рассматриваемом случае ориентиром, «отправной точкой» негативных последствий является вред, причиняемый предотвращаемым, пресекаемым или раскрываемым преступлением. По этой причине фактически невозможно превысить пределы допустимого вреда при проведении прослушивания телефонных и иных переговоров. Данное мероприятие может проводиться в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях (ч. 4 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности»). Причинение правомерного вреда в таких случаях будет иметь внешнее сходство с преступлениями, которые не относятся к категориям тяжких или особо тяжких (ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений»; ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну»). Соответственно более значимый вред не может быть причинен в принципе.

Если же вести речь о других объектах уголовно-правовой охраны, то допустимость или запрет, например, причинения средней тяжести или легкого вреда здоровью зависит от характера и степени общественной опасности преступления, в отношении которого проводится оперативно-разыскное мероприятие.

По данным проведенного нами социологического исследования (прил. 1), возможность причинения внедренным в банду меньшего, чем тяжкий, вреда

здоровью постороннему лицу признали и большинство опрошенных нами респондентов – около 70 %. Более 20 % – посчитали такие действия недопустимыми. Остальные – примерно 10 % – затруднились с ответом.

Говоря о пределах причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий, следует обратить внимание не только на объективные признаки такового, но и на субъективную сторону поведения. Здесь также следует применить опыт правового регулирования некоторых из обстоятельств, исключающих преступность деяния. Действия лица, участвующего в проведении оперативно-разыскного мероприятия, должны влечь за собой уголовную ответственность только при умышленном превышении допустимых пределов.

В нашем случае лицо действует по воле органов государства, в его интересах и интересах общества и фактически является их представителем. Если проведение рассматриваемого оперативно-разыскного мероприятия является оптимальной, а в большинстве случаев единственной возможностью пресечения деятельности организованной группы или преступного сообщества, а причинение вреда правоохраняемым интересам вынужденно, то вариативность уголовной ответственности за такие действия должна быть максимально конкретна и сведена к минимуму.

В случае совершения рассматриваемых действий с прямым или косвенным умыслом лицо своим сознанием охватывает не только понимание общественно опасного характера своих действий, но и предвидение того, что в результате этого деяния наступят общественно опасные последствия. Такие действия характеризуются тем, что виновный осознает несоответствие избранных им средств и способов устранения опасности ее характеру, степени и обстоятельствам, при которых совершались действия. В ситуации совершения подобных действий с прямым умыслом лицо желает наступления общественно опасных последствий, а при косвенном умысле, как это установлено законом, сознательно их допускает или относится к ним безразлично.

Соответственно из приведенных размышлений можно сделать вполне обоснованные методологические выводы. Действия лица, участвующего в оперативно-разыскном мероприятии, выходящие за пределы предоставленных ему полномочий, во-первых, будут считаться преступными только в случае, если они совершены с умышленной формой вины; во-вторых, это исключает возможность привлечения его к ответственности за эксцесс проведения оперативно-разыскного мероприятия при неосторожной форме вины.

Представленные аргументы, на наш взгляд, обосновывают необходимость дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации нормой, предусматривающей новое обстоятельство, исключающее преступность деяния. О юридически конкретной формуле (форме) такого обстоятельства мы поговорим ниже. Пока же рассмотрим его содержательную сторону. В такой норме, по нашему мнению, следует предусмотреть ряд требований и ограничений относительно правомерности причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия, то есть необходимо установить их пределы:

Во-первых, превышением правомерности причинения вреда охраняемым интересам при проведении оперативно-разыскного мероприятия необходимо признавать причинение тяжкого вреда здоровью или смерти человеку либо нарушение половой неприкосновенности или половой свободы личности. Самостоятельным видом превышения является причинение иного вреда, явно не соответствующего характеру и степени общественной опасности предотвращаемого, пресекаемого или раскрываемого преступления.

Во-вторых, превышение допустимого вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия должно влечь за собой уголовную ответственность только в случае умышленного его причинения.

Учитывая, что в принципе причинение вреда охраняемым интересам возможно при проведении фактически любых оперативно-разыскных

мероприятий, предложения по законодательному совершенствованию таких ситуаций должны носить универсальный характер. Дополнения подобного рода об исключении преступности деяния, по логике современного законодателя, устанавливаются в Общей части УК РФ (гл. 8).

Конструктивные элементы предложенной идеи детерминированы и наметившейся тенденцией криминализации деяний в исследуемой сфере. Так, впервые в материальном праве в 2012 г. появилось положение об оперативно-разыскной деятельности. В ч. 4 ст. 303 УК РФ предусматривается ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации<sup>1</sup>. Тем самым в какой-то мере устанавливаются пределы его правомерного поведения. Фальсификация результатов деятельности такого лица как основа дальнейшей фальсификации доказательств является крайним, но частным случаем превышения правомерности причинения вреда правоохраняемым интересам. В ситуации *de lege ferenda* обстоятельства, исключая преступность деяния в сфере оперативно-разыскной деятельности, возможно его дополнение и правилом, которое косвенно вытекает из положений ч. 4 ст. 303 УК РФ о превышении допустимых пределов причинения вреда при оперативном внедрении.

---

<sup>1</sup> См. подробнее: Радионов Г. Г. Указ. соч.

**§ 4. Причинение вреда при проведении  
оперативно-разыскного мероприятия:  
направления совершенствования уголовного закона**

Учитывая изложенное выше, следует отметить, что на сегодняшний день в отечественной теории уголовного права и правовом регулировании оперативно-разыскной деятельности существует проблема уголовно-правового обеспечения проведения оперативно-разыскных мероприятий. Несмотря на то что в конце XX века в России впервые на постсоветском пространстве были сделаны попытки законодательного регулирования данного вопроса, на сегодняшний день по-прежнему отсутствует надлежащий правовой механизм проведения большинства из оперативно-разыскных мероприятий. Несостоявшийся отечественный правовой опыт был учтен, и его идеи восприняты законодателями приведенных выше государств – бывших республик СССР.

Таким образом, принимая во внимание, во-первых, современное состояние преступности, имеющее в значительной степени профессиональные, глубоко законспирированные черты, во-вторых, то, что оперативно-разыскная деятельность в целом является наиболее эффективным средством в предупреждении преступлений, в-третьих, сложившуюся практику, существующие теоретические разработки и зарубежный опыт, считаем необходимым дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 39.1 (прил. 3) следующего содержания:

«Статья 39.1. Причинение вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия.

1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при проведении оперативно-разыскного мероприятия уполномоченным лицом, которое действует в целях предотвращения, пресечения или раскрытия преступления, если при этом не было до-



пущено превышения пределов причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия.

2. Превышением пределов причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия признается умышленное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью другого человека, либо нарушение половой неприкосновенности или половой свободы личности, либо умышленное причинение иного вреда, явно не соответствующего характеру и степени общественной опасности предотвращаемого, пресекаемого или раскрываемого преступления.»<sup>1</sup>.

Обобщая характеристику данной дефиниции, можно выделить необходимые признаки предусматриваемого ею деяния. Следует обратить внимание на то, что в уголовном праве такие признаки иногда рассматриваются с точки зрения состава социально полезного поведения<sup>2</sup>. В оперативно-разыскной науке в последнее время получает распространение аналогичный подход, согласно которому оперативно-разыскные мероприятия раскрываются сквозь призму состава правомерного поступка<sup>3</sup>. В целом мы поддерживаем данную идею и воспринимаем ее как перспективную и способствующую совершенствованию применения норм права. Однако в настоящем исследовании мы будем использовать традиционный для уголовного права способ описания обстоятельств, исключаящих преступность деяния, состоящий в анализе условий правомерности. В дальнейшем, после включения в Уголовный кодекс нового обстоятельства, исключającego преступность деяния, такие условия следует раскрыть в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященного всем нормам, предусмотренным главой 8 УК РФ (прил. 5).

Первое условие – право на причинение вреда принадлежит только определенным субъектам, к которым относятся специально уполномоченные

---

<sup>1</sup> См.: Шкабин Г. С. Уголовно-правовая норма (de lege ferenda) о причинении вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия // Гос-во и право. 2017. № 4. С. 56–64.

<sup>2</sup> См., напр.: Меркурьев В. В. Состав необходимой обороны. СПб., 2004.

<sup>3</sup> См.: Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации : в 3 т.: Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. Т. 1. С. 120–123 и др.

лица. В ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» перечислены органы, оперативным подразделениям которых предоставляется право на осуществление оперативно-розыскной деятельности на территории Российской Федерации. К ним относятся:

- органы внутренних дел Российской Федерации;
- органы федеральной службы безопасности;
- федеральный орган исполнительной власти в области государственной охраны;
- таможенные органы Российской Федерации;
- Служба внешней разведки Российской Федерации;
- Федеральная служба исполнения наказаний;
- оперативные подразделения органа внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации.

Соответственно сотрудники этих служб и ведомств при соблюдении необходимых процедур могут проводить оперативно-розыскные мероприятия. Следует также иметь в виду, что главой IV Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривается право граждан с их согласия быть привлеченным к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Таким образом, субъектом причинения правомерного вреда при проведении оперативного внедрения может быть, во-первых, должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность; во-вторых, лицо, оказывающее конфиденциальное содействие оперативному сотруднику и проникшее в криминальную среду извне; в-третьих, конфиденгент, уже находящийся внутри объекта оперативного интереса.

Второе условие – наличие специальной цели причинения вреда. Такими целями являются предотвращение, пресечение или раскрытие преступления.

Цель предотвращения преступлений имеет место в том случае, когда оперативно-розыскное мероприятие проводится в отношении подготавлива-

емого преступления. Как мы говорили ранее, речь идет о стадии приготовления к преступлению. Следует иметь в виду, что причинение вреда допустимо только в случаях предотвращения приготовления к тяжкому или особо тяжкому преступлению.

Цель пресечения ограничивает причинение вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия в отношении действий, совершаемых на стадии покушения на совершение преступления.

Цель раскрытия преступления в данном случае следует понимать и как процесс, и как определенный результат. Она включает в себя выявление преступления и лиц, его совершивших, а также процесс расследования уголовного дела.

Третье условие – вынужденность причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия. Соблюдение данного условия означает, что причинение правоохраняемым интересам вреда обусловлено обстановкой, характеризующейся, с одной стороны, наличием различных опасностей для правоохраняемых интересов, а с другой – законодательно и социально определенной потребностью достижения поставленных целей и решения соответствующих задач. При этом следует иметь в виду, что необходимость причинения вреда должна быть обусловлена фактической невозможностью в данный момент решить поставленные задачи иначе. Другими словами, если есть возможность пресечь или предотвратить преступление способами, не связанными с причинением вреда, то применение таких средств недопустимо<sup>1</sup>.

Четвертым условием является недопущение превышения пределов причинения вреда. Нельзя признать допустимым умышленное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью третьих лиц, а также нарушение половой свободы и половой неприкосновенности лица. Во всех остальных случаях вред правоохраняемым интересам может быть равен или незначительно

---

<sup>1</sup> Аналогичная точка зрения высказывается и другими авторами. См., напр.: Турецкий Н. Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Алматы, 2012. С. 125.

большим по сравнению с вредом от преступления, в отношении которого проводится оперативно-разыскное мероприятие.

Пятое условие состоит в том, что причинение вреда возможно только в определенные временные рамки. Начальным моментом является совершение уголовно наказуемого приготовления к преступлению, покушения или оконченного преступления, конечным моментом – истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности. При этом необходимо учитывать, что лица, виновные в совершении преступлений против мира и безопасности человечества, военные преступники привлекаются к уголовной ответственности независимо от времени, истекшего после совершения ими преступлений, поэтому причинение вреда в целях раскрытия этих преступлений может быть совершено в любой срок, прошедший после преступления.

Считаем, что закрепление в Уголовном кодексе РФ только дискреционных полномочий лиц, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, было бы незавершенным решением этой проблемы. На практике не исключены ситуации, когда лицо, участвующее в проведении оперативно-разыскного мероприятия, может нарушить условия правомерности причинения вреда, поэтому считаем правильным внести изменение и в перечень обстоятельств, смягчающих наказание. Необходимо п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ после слов «крайней необходимости,» дополнить словами «причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия,».

Кроме того, вполне обоснованно и внесение изменений в ст. 62 УК РФ. В ней следует закрепить ограничение назначения наказания, не превышающего  $\frac{3}{4}$  максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ за совершение преступления при нарушении условий правомерности причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия (прил. 3).

В соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ суд с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности при наличии

смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих обстоятельств имеет право понизить категорию преступления и тем самым еще более понизить суровость наказания. Допустимо и применение условного осуждения (ст. 73 УК РФ).

Ситуации, возникающие при превышении пределов причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия, возможно признавать исключительными обстоятельствами. В соответствии со ст. 64 УК РФ назначение наказания в таких случаях предусмотрено ниже низшего предела, либо суд может перейти и к другим, более мягким видам наказания.

В законе нет перечня исключительных обстоятельств, поэтому их оценка является прерогативой суда, и решение этого вопроса в конечном счете зависит от конкретного случая, то есть учета как субъективного, психического состояния виновного, мотивов и целей его поведения, так и объективной, экстремальной ситуации, при которой была причинена смерть другому человеку. К этим экстраординарным случаям, по нашему мнению, может относиться и причинение вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Приведенные нами варианты, возможно, вызовут критику оппонентов. Она может быть связана с отсутствием предложения дополнить Особенную часть УК РФ привилегированными составами преступлений, в которых предусматривалась бы уголовная ответственность за убийство и причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия. Однако это наша принципиальная позиция. Считаем, что нет необходимости включать в УК РФ новые нормы по аналогии со ст. 108 и 114. Для такого вывода приведем ряд контраргументов.

Во-первых, для того чтобы вводить подобные законодательные изменения, отсутствует достаточный эмпирический материал, поэтому делать такие предложения основываясь только на логико-юридическом методе, было бы нарушением принципов криминализации.

Во-вторых, если дополнять уголовное законодательство составами преступлений о превышении пределов причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий, то, следуя логике, в Особенной части УК РФ нужно устанавливать ответственность за превышение пределов любого обстоятельства, исключающего преступность деяния. Такое развитие нам представляется нецелесообразным.

В-третьих, уголовное законодательство стран ближнего зарубежья, в котором имеются аналоги предлагаемого нами нового обстоятельства, исключающего преступность деяния, не содержит составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за их превышение. Вместе с тем, напротив, о необходимости разрешения данного вопроса путем внесения изменений в институт назначения наказания указывается и учеными этих стран<sup>1</sup>.

Гипотетически такое предложение имеет право на существование. Но это возможно только по истечении времени и при накоплении эмпирического материала, чтобы соблюсти основные принципы криминализации деяния – его общественную опасность и распространенность.

С уголовной ответственностью тесно связан и вопрос освобождения от нее. Несмотря на то что анализ освобождения от уголовной ответственности выходит за рамки нашего исследования, учитывая повышенную значимость этого уголовно-правового института, необходимо отдельно остановиться на проблемах его использования в части, касающейся оперативно-разыскной деятельности. Данный вопрос представляется актуальным еще и потому, что в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» уже содержится положение, предусматривающее специальный вид освобождения от уголовной ответственности лиц, принявших участие в осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Согласно ч. 4 ст. 18 Закона «лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние,

---

<sup>1</sup> См., напр.: Турецкий Н. Н. Теоретические проблемы обстоятельств, исключающих преступность деяния, по уголовному законодательству Республики Казахстан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 14.

не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Данная норма далека от совершенства и фактически не применяется. По результатам нашего исследования она ни разу не использовалась на практике (прил. 2). Ее законодательная конструкция позволяет говорить о конкуренции между положениями двух законов. Как мы отмечали во второй главе диссертации, такие ситуации должны решаться в пользу уголовного законодательства. В настоящее время рассматриваемая норма фактически представляет собой фикцию, то есть провозглашение в нормативном акте существования факта или обстоятельства, в действительности не имеющих места<sup>1</sup>.

Вместе с тем сам факт существования оперативно-розыскного вида освобождения от уголовной ответственности указывает на существование потребности в уголовно-правовом регулировании таких ситуаций. По этой причине мы предлагаем дополнить главу 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности» статьей 75.1 следующего содержания:

«Статья 75.1. Освобождение от уголовной ответственности в связи с участием в проведении оперативно-розыскного мероприятия.

Лицо, совершившее преступление в составе группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества, может быть освобождено от уголовной ответственности, если приняло участие в проведении оперативно-розыскного мероприятия и способствовало раскрытию преступления, возместило ущерб, причиненный в результате его совершения, или иным образом загладило причиненный вред.».

---

<sup>1</sup> См.: Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Сов. гос-во и право. 1978. № 3. С. 113–118.

Данное дополнение уголовного законодательства, должно повлечь за собой изменение ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В ней следует указать, что лицо, совершившее преступление и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, может быть освобождено от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Соответствующие изменения необходимо будет внести и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование проблем уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов и предложений.

1. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности является комплексной межотраслевой проблемой, решение которой направлено на повышение эффективности противодействия преступности. Под ней следует понимать процесс и результат правоформирования, а также реализацию уголовно-правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие при деятельности, осуществляемой гласно и негласно уполномоченными на то оперативными подразделениями государственных органов в пределах своих полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

2. Уголовно-правовая категория вреда является базисной точкой соприкосновения уголовного и оперативно-разыскного законодательства. С одной стороны, в отрасли уголовного права предусматривается ответственность за вредоносное преступное поведение, а в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплены действия, направленные на предупреждение, выявление и раскрытие причинения такого вреда. С другой стороны, при осуществлении оперативно-разыскной деятельности возможны ситуации причинения уже общественно полезного правомерного вреда правоохраняемым объектам, который должен быть урегулирован в уголовном законе.

Кроме того, в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплены три вида норм, которые предусматривают возможность причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны. Во-первых, это нормы, сочетающие в себе одновременно процессуальный и материаль-

ный характер (например, пп. 8–11 ч. 1 ст. 6). В них достаточно подробно описываются порядок и условия совершения дискреционных действий, которые должны сопровождаться санкцией должностного лица. Ко второму виду следует отнести норму о новом обстоятельстве, исключающем преступность деяния (ч. 4 ст. 16). К третьей группе относятся нормы, при реализации которых причинение вреда является возможностью, зависящей от определенных обстоятельств (например, пп. 12, 14 ч. 1 ст. 6).

3. Предупреждение преступлений, являясь одной из основных задач уголовного законодательства, имеет корреспондирующее значение для Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», определяя его цели и задачи. Одновременно предупреждение преступлений фактически устанавливает границы правомерности применения правоохранительными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, обстоятельств, исключающих преступность деяния, соучастия, неоконченного преступления, используемых при защите общественных отношений от преступных посягательств.

4. С точки зрения уголовного права оперативное внедрение – это действия сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или лица, сотрудничающего с таким органом, имеющие внешнее сходство с соучастием в преступлении, совершаемые с целью предотвращения, пресечения или раскрытия преступления и сопряженные с правомерным причинением вреда объектам уголовно-правовой охраны.

5. Лицо, участвующее в проведении оперативно-розыскного мероприятия среди соучастников преступления, может выполнять роли исполнителя, соисполнителя или пособника преступления. Поведение такого лица внешне может иметь сходство с поведением организатора или руководителя конкретного преступления, подстрекателя либо посредственного исполнителя, однако при условии, что такие действия явились следствием исполнения поручения, указания или приказа руководителя организованной преступной группы либо преступного сообщества.

6. При проведении оперативно-разыскного мероприятия возможны ситуации, при которых лицо вынуждено причинить вред объектам уголовно-правовой охраны. Данный вред в силу наличия определенных целей и обстановки не является преступным и одновременно фактически не подпадает ни под одно из закрепленных в главе 8 УК РФ обстоятельств, исключающих преступность деяния.

7. Фактические основания для проведения оперативно-разыскных мероприятий, закрепленные в п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», характеризуют обстановку причинения вреда. Соответственно они являются и основаниями для причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия. К ним относятся ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, сведения о различного рода опасностях объектам уголовно-правовой охраны.

8. Обстановка причинения вреда как элемент обстоятельств, исключающих преступность деяния, при проведении оперативно-разыскных мероприятий характеризуется вынужденностью, то есть, с одной стороны, наличием различного рода опасностей для правоохраняемых интересов, а с другой – нормативно и социально обусловленной потребностью достижения поставленных целей и решения соответствующих задач.

9. В зависимости от непосредственных целей причинения вреда при оперативном внедрении его можно дифференцировать на два вида. Первый – вспомогательный, может причиняться для формирования или поддержания соответствующего образа и последующего внедрения в преступную среду. Вторым видом вреда – сопутствующим, предполагает участие внедренного лица в тех же деяниях, которые совершают лица (лицо), в отношении которых (которого) проводится оперативно-разыскное мероприятие.

10. Анализ зарубежного опыта правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности показывает, что правовое регулирование причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий в зависимости от господствующей в стране системы права и правовых традиций может

быть предусмотрено в процессуальном законодательстве, уголовном законодательстве либо сочетает в себе применение норм уголовного материального и процессуального законодательства. В большинстве случаев условия правомерности причинения вреда сводятся к указанию субъектов, целей и пределов его причинения, а также санкционированности таких действий.

11. Правовое регулирование правомерного причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия необходимо предусмотреть в предлагаемой «*de lege ferenda*» статье 39.1 Уголовного кодекса Российской Федерации с условным названием «Причинение вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия».

12. Учитывая отсутствие в действующем законодательстве правового регулирования причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия, предлагается в настоящее время такие действия рассматривать по правилам обстоятельства, исключающего преступность деяния, – крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Подобная аналогия закона в нашем случае выступает в качестве механизма воспроизведения в последующем из института крайней необходимости (его репродуктивной функции) нового обстоятельства, исключающего преступность деяния.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

### 1. Нормативные акты, официальные документы и судебная практика

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) [Электронный ресурс] // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3; СПС «КонсультантПлюс».

2. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [Электронный ресурс] : заключена в г. Вене 20.12.1988 // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. – Вып. XLVII. – М., 1994. – С. 133–157; СПС «КонсультантПлюс».

3. Конвенция против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (с изм. от 15.11.2000) // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 2. – С. 3–33; СПС «КонсультантПлюс».

4. Конвенция о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

5. Модельный закон СНГ об оперативно-розыскной деятельности (новая редакция) : принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ [Электронный ресурс] : постановление от 16 ноября 2006 г. № 27-6. – URL : <http://docs.cntd.ru/document/902050857> (дата обращения: 17.05.2017).

6. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398; СПС «КонсультантПлюс».

7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31 дек. 2017)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; СПС «КонсультантПлюс».

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 18 дек. 2001 г. №174-ФЗ (в ред. от 31 дек. 2017)] // Российская газета. – 2001. – 22 дек.; СПС «КонсультантПлюс».

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 31 дек. 2017 г.)] // Российская газета. – 2001. – 31 дек.; СПС «КонсультантПлюс».

10. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : закон Рос. Федерации: [от 11 марта 1992 (в ред. от 05 дек. 2017)] // Российская газета. – 1992. – 30 апр.; СПС «КонсультантПлюс».

11. О государственном материальном резерве [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 29 дек. 1994 г. № 79-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2013)] // Российская газета. – 1995. – 17 янв.; СПС «КонсультантПлюс».

12. О Федеральной службе безопасности [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ (в ред. от 18 июня 2017 г.)] // Российская газета. – 1995. – 12 апр.; СПС «КонсультантПлюс».

13. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06 июля 2016 г.)] // Российская газета. – 1995. – 18 авг.; СПС «КонсультантПлюс».

14. О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2017 г.)] // Российская газета. – 1998. – 15 янв.; СПС «КонсультантПлюс».

15. О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 06 июля 2016 г.)] // Российская газета. – 2006. – 10 марта; СПС «КонсультантПлюс».

16. О таможенном регулировании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2017 г.)] // СПС «КонсультантПлюс».

17. О безопасности [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. от 5 окт. 2015 г.)] // Российская газета. – 2010. – 29 дек.; СПС «КонсультантПлюс».

18. О полиции [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 05 дек. 2017 г.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900; СПС «КонсультантПлюс».

19. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ] // Российская газета. – 2016. – 28 июня; СПС «КонсультантПлюс».

20. О войсках национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон : [от 03 июля 2016 г. № 226-ФЗ (в ред. от 05 дек. 2017 г.)] // Российская газета. – 2016. – 06 июля; СПС «КонсультантПлюс».

21. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента Рос. Федерации : [от 6 сент. 2008 г. № 1316 (в ред. от 31 дек. 2017 г.)] // Российская газета. – 2008. – 10 сент.; СПС «КонсультантПлюс».

22. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента Рос. Федерации : [от 31 дек. 2015 г. № 683] // СПС «КонсультантПлюс».

23. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента Рос. Федерации : [от 5 апр. 2016 г. № 157 (в ред. от 30 сент. 2016 г.)] // Российская газета. – 2016. – 7 апр.; СПС «КонсультантПлюс».

24. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации : [от 17 авг. 2007 г. № 522 (в ред. от 17 нояб. 2011 г.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 35. – Ст. 4308; СПС «КонсультантПлюс».

25. Об обеспечении особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты космической инфраструктуры [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации : [от 29 июня 2011 г. № 519 (в ред. от 25 июля 2017 г.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 28. – Ст. 4213; СПС «КонсультантПлюс».

26. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [Электронный ресурс] : приказ Минздравсоцразвития Рос. Федерации : [от 24 апр. 2008 г. № 194н (в ред. от 18 янв. 2012 г.)] // Российская газета. – 2008. – 5 сент.; СПС «КонсультантПлюс».

27. Об утверждении Федеральных авиационных правил «Подготовка и выполнение полетов в гражданской авиации Российской Федерации» [Электронный ресурс] : приказ Минтранса России : [от 31 июля 2009 г. № 128 (в ред. от 18 июля 2017 г.)] // Российская газета. – 2009. – 10 сент.; СПС «КонсультантПлюс».

28. Об установлении размеров ежемесячной надбавки за особые условия военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту и замещающим должности в военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ СК России : [от 5 дек. 2012 г. № 81] // Российская газета. – 2012. – 28 дек.; СПС «КонсультантПлюс».

29. О ежемесячной надбавке за особые условия военной службы военнослужащим спасательных воинских формирований МЧС России и за особые условия службы сотрудникам федеральной противопожарной службы



Государственной противопожарной службы [Электронный ресурс] : приказ МЧС России : [от 11 апр. 2013 г. № 242 (в ред. от 30 марта 2016 г.)] // Российская газета. – 2013. – 13 июня; СПС «КонсультантПлюс».

30. Об утверждении перечней учреждений, созданных в целях организации профилактики и тушения пожаров на специальных объектах, за прохождение службы в которых сотрудникам федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы выплачивается надбавка к должностному окладу за особые условия службы, и специальных видов работ (специальных заданий), за осуществление (выполнение) которых сотрудникам федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы выплачивается надбавка к должностному окладу за особые условия службы [Электронный ресурс] : приказ МЧС России : [от 11 марта 2013 г. № 173 (в ред. от 19 марта 2015 г.)] // Российская газета. – 2013. – 24 апр.; СПС «КонсультантПлюс».

31. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [Электронный ресурс] : приказ МВД России : [от 1 апр. 2014 г. № 199 (в ред. от 17 апр. 2017 г.)] // СПС «КонсультантПлюс».

32. Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц [Электронный ресурс] : приказ МВД России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16 янв. 2015 г. // Российская газета. – 2015. – 30 марта; СПС «КонсультантПлюс».

33. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL : [http://www.etalonline.by/De-fault.aspx?type=text&regnum=НК99\\_00275#load\\_text\\_none\\_1\\_2](http://www.etalonline.by/De-fault.aspx?type=text&regnum=НК99_00275#load_text_none_1_2) (дата обращения: 10.03.2015).

34. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL : [http://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=31575252](http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252) (дата обращения: 06.03.2015).

35. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс]. – URL : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14/page2> (дата обращения: 10.03.2015).

36. Уголовный кодекс Литовской Республики [Электронный ресурс]. – URL : <http://www3.lrs.lt/pls/inter3/oldsearch.preps2?a=434533&b=> (дата обращения: 10.03.2015).

37. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : закон Республики Казахстан : [от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ]. – URL : [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=36369977](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36369977) (дата обращения: 06.01.2017).

38. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : закон Республики Беларусь : [от 15 июля 2015 г. № 307-3]. – URL : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=Н11500307&p1=1&p5=0> (дата обращения: 23.03.2016).

39. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года [Текст] (утратил силу) // Уголовное законодательство России 1919-1991гг. : сборник уголовных законов в 3-х частях. Ч. 1. – Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России, 2003. С. 12–48.

40. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [Текст] (утратил силу) // Уголовное законодательство России 1919-1991гг. : сборник уголовных законов в 3-х частях. Ч. 2. – Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России, 2003. С. 18–62.

41. О безопасности [Текст] : закон Рос. Федерации : [от 5 марта 1992 г. № 2446-1] (утратил силу) // Российская газета. – 1992. – 6 мая.

42. Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : закон Рос. Федерации : [от 13 марта 1992 г. № 2506-1 (утратил силу)] // Российская газета. – 1992. – 29 апр.; СПС КонсультантПлюс.

43. Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] : приказ Министерства юстиции Российской Федерации [от 20 ноября 2006] (утратил силу) // СПС КонсультантПлюс.

44. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : закон Республики Беларусь : [от 9 июля 1999 г. № 289-3] (утратил силу). – URL : [http://etalonline.by/?type=text&regnum=N19900289#load\\_text\\_none\\_1\\_](http://etalonline.by/?type=text&regnum=N19900289#load_text_none_1_) (дата обращения: 23.03.2016).

45. Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян против Российской Федерации» [Текст] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2006. – № 7.

46. Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. по делу «Худобин против России» [Текст] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – № 11.

47. Постановление ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова против Российской Федерации» [Текст] // Российская хроника Европейского Суда. – 2011. – № 4.

48. Постановление ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. по делу «Веселов и другие заявители против Российской Федерации» [Текст] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2013. – № 3.

49. Постановление ЕСПЧ от 30 мая 2013 г. по делу «Давитидзе (Davitidze) против России» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

50. Постановление ЕСПЧ от 18 сентября 2014 г. по делу «Аванесян (Avanesyan) против Российской Федерации» [Текст] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – Российское издание. – 2015. – № 5.

51. По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В. М. Гурджиянца, В. Н. Синцова, В. Н. Бугрова и А. К. Никитина» [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 27 марта 1996 г. № 8-П] // СПС «Консультант-Плюс».

52. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Л. Верещака, В. М. Гладкова, И. В. Голышева и К. П. Данилова» [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 27 февр. 2003 г. № 1-П] // СПС «Консультант-Плюс».

53. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 29 июня 2004 г. № 13-П] // СПС «КонсультантПлюс».

54. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 14 июля 1998 г. № 86-О] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 34. – Ст. 4368; СПС «Консультант-Плюс».

55. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Чумакова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статей 123 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 18 дек. 2003 г. № 498-О] // СПС «КонсультантПлюс».

56. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трифоновой Валентины Степановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 15 июля 2004 г. № 304-О] // СПС «КонсультантПлюс».

57. По жалобе граждан С. В. Бородина, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 8 нояб. 2005 г. № 439-О] // СПС «КонсультантПлюс».

58. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киштыкова Далхата Карабашевича на нарушение его конституционных прав статьей 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 24 янв. 2006 г. № 27-О] // СПС «КонсультантПлюс».

59. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мальцева Вячеслава Павловича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 19 февр. 2009 г. № 114-О-О] // СПС «КонсультантПлюс».

60. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 26 янв. 2010 г. № 158-О-О] // СПС «КонсультантПлюс».

61. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богородицкого Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона Российской Федерации «О милиции» [Электронный ресурс] :

определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 27 мая 2010 г. № 644-О-О] // СПС «КонсультантПлюс».

62. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дворянкина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 8, статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 23 дек. 2014 г. № 2980-О] // СПС «КонсультантПлюс».

63. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новичкова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации : [от 17 февр. 2015 г. № 388-О] // СПС «КонсультантПлюс».

64. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 20 дек. 1994 г. № 10 (в ред. от 6 февр. 2007 г.)] // СПС «КонсультантПлюс».

65. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 17 янв. 1997 г. № 1] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 1997. – № 3.

66. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 16 окт. 2009 г. № 19] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2009. – № 12.

67. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 10

июня 2010 г. № 12] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2010. – № 8.

68. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 3 нояб. 2016 г.)] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2011. – № 8.

69. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 9 февр. 2012 г. № 1 (в ред. от 3 нояб. 2016 г.)] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2012. – № 4.

70. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 18 окт. 2012 г. № 21] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2012. – № 12.

71. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 3 дек. 2013 г.)] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2013. – № 9; СПС «КонсультантПлюс».

72. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 7 июля 2015 г. № 32] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2015. – № 9.

73. О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Текст] :

постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 3 нояб. 2016 г. № 41] // Российская газета. – 2016. – № 259.

74. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2002 года [Текст] / Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 17.07.2002 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2002. – № 12.

75. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ [Текст] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2012. – № 10.

76. Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 29 декабря 2005 г. № 59-о05-15 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».

77. Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 9 августа 2006 г. № 75-006-8 [Электронный ресурс]. – URL : [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=149380](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=149380) (дата обращения: 11.02.2015).

78. Кассационное определение Верховного Суда РФ Рос. Федерации от 30 августа 2007 г. № 89-007-33 [Электронный ресурс]. – URL : [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=179894](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=179894) (дата обращения: 02.12.2016).

79. Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 23 августа 2011 г. № 48-О11-81 [Электронный ресурс]. – URL : [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=457362](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=457362) (дата обращения: 25.07.2015).

80. Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 9 января 2013 г. № 45-О12-77 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».

81. Постановление Президиума Верховного суда Чувашской Республики от 20 марта 2015 г. № 44-У-19/15 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».



82. Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 1 декабря 2011 г. по уголовному делу № 2-77/2011 [Электронный ресурс]. – URL : <http://vs.tat.sudrf.ru/> (дата обращения: 11.01.2017 г.).

83. Кассационное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 16 мая 2013 г. № 22-80/2013 [Электронный ресурс]. – URL : [http://vs.jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=232129&delo\\_id=4&text\\_number=1](http://vs.jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=232129&delo_id=4&text_number=1) (дата обращения: 22.01.2017).

84. Постановление Президиума Тверского областного суда от 19 сентября 2016 г. № 44У-118/2016 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».

85. Приговор Тюменского областного суда от 16 марта 2010 г. по уголовному делу № 33-378/2017 [Электронный ресурс]. – URL : <https://rospravosudie.com/court-tyumenskij-oblastnoj-sud-tyumenskaya-oblast-s/act-455114049/> (дата обращения: 12.03.2017).

86. Приговор Мурманского областного суда от 14 апреля 2011 г. по уголовному делу № 2-15/2011 [Электронный ресурс]. – URL : [http://oblsud.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=277345&delo\\_id=1540006&new=&text\\_number=1](http://oblsud.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=277345&delo_id=1540006&new=&text_number=1) (дата обращения: 2.02.2015).

87. Приговор Орловского областного суда от 20 марта 2013 г. по уголовному делу № 2-1/2013 (2-22/2012) [Электронный ресурс]. – URL : [http://oblsud.orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=237399&delo\\_id=1540006&new=&text\\_number=1&case\\_id=948](http://oblsud.orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=237399&delo_id=1540006&new=&text_number=1&case_id=948) (дата обращения: 06.02.2015).

88. Приговор Трусовского районного суда г. Астрахани от 1 июля 2011 г. по уголовному делу № 1-129/2011 [Электронный ресурс]. – URL : <http://trusovsky.ast.sudrf.ru> (дата обращения: 06.09.2015).

89. Приговор Ковровского городского суда Владимирской области от 20 марта 2013 г. по уголовному делу № 1-2013-30-А/Г [Электронный ресурс]. – URL : <https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=2a03a84a34dcca64f08fe33335d1f9ad&shard=%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%>

BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0&fieldName=court\_document\_documenttext1\_tag&from=p (дата обращения: 01.03.2017).

90. Приговор Замоскворецкого районного суда Москвы от 14 июня 2013 г. по уголовному делу № 1-240/2013 [Электронный ресурс]. – URL : [http://http://zamoskvoretsky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=case&case\\_id=110776468&delo\\_id=1540006](http://http://zamoskvoretsky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=110776468&delo_id=1540006) (дата обращения: 21.02.2017).

91. Приговор Ингодинского районного суда г. Читы Забайкальского края от 30 сентября 2013 г. по уголовному делу № 1-360/2013 [Электронный ресурс]. – URL : <http://sudact.ru> (дата обращения: 06.09.2015).

92. Приговор Зеленоградского районного суда г. Москвы от 26 ноября 2013 г. по уголовному делу № 1-370/2013 [Электронный ресурс]. – URL : [https://zelenogradsky--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=163446432&delo\\_id=1540006&new=0&text\\_number=1](https://zelenogradsky--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=163446432&delo_id=1540006&new=0&text_number=1) (дата обращения: 17.12.2016).

93. Приговор Кромского районного суда Орловской области от 21 октября 2013 г. по уголовному делу № 1-70/2014 [Электронный ресурс]. – URL : [http://kromskoy.orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=4581858&delo\\_id=1540006&new=&text\\_number=1&case\\_id=4526032](http://kromskoy.orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4581858&delo_id=1540006&new=&text_number=1&case_id=4526032) (дата обращения: 03.12.2014).

94. Приговор Заволжского районного суда г. Ульяновска от 20 декабря 2013 г. по уголовному делу № 1-377\2013 1-377/2013 [Электронный ресурс]. – URL : [http://zavolgskiy.uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=17601978&delo\\_id=1540006&new=&text\\_number=1&case\\_id=12932215](http://zavolgskiy.uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17601978&delo_id=1540006&new=&text_number=1&case_id=12932215) (дата обращения: 20.12.2016).

95. Приговор Советского районного суда г. Тамбова от 2 июня 2014 г. по уголовному делу №1-5/2014 (1-78/2013) [Электронный ресурс]. – URL : [http://sud25.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=8554217&delo\\_id=1540006&new=&text\\_number=1&case\\_id=3698963](http://sud25.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8554217&delo_id=1540006&new=&text_number=1&case_id=3698963) (дата обращения: 20.12.2014).

96. Приговор Катайского районного суда Курганской области от 6 августа 2014 г. по уголовному делу № 1-70/2014 [Электронный ресурс]. – URL : [http://kataysky.krg.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=3786020&delo\\_id=1540006&new=&text\\_number=1&case\\_id=917180](http://kataysky.krg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3786020&delo_id=1540006&new=&text_number=1&case_id=917180) (дата обращения: 06.01.2015).

97. Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 1 сентября 2015 г. по уголовному делу № 1-541/2015 [Электронный ресурс]. – URL : [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=78df1cecf8791fcd4e280873c354322c&shard=%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0&fieldName=court\\_document\\_documenttext1\\_tag&from=p](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=78df1cecf8791fcd4e280873c354322c&shard=%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0&fieldName=court_document_documenttext1_tag&from=p) (дата обращения: 04.01.2017).

98. Приговор Спасского районного суда Рязанской области от 30 июня 2016 г. по уголовному делу № 1-2/2016 [Текст] // Архив Спасского районного суда Рязанской области.

99. Приговор Советского районного суда г. Рязани от 20 декабря 2016 г. по уголовному делу № 1-42/2016 [Текст] // Архив Советского районного суда г. Рязани.

100. Приговор Гагаринского районного суда г. Севастополя от 15 марта 2016 г. по уголовному делу 1-149/2016 [Электронный ресурс]. – URL : [https://gagarinskiy--sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&name\\_op=doc&number=195061377&delo\\_id=1540006&new=0&text\\_number=1](https://gagarinskiy--sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=195061377&delo_id=1540006&new=0&text_number=1) (дата обращения 20.01.2017).

101. Приговор Ленинского районного суда г. Владимира от 10 августа 2017 г. по уголовному делу № 1-5/2017 [Электронный ресурс]. – URL : [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=0922bf5a6683a571d66ca6100e920078&shard=%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0&fieldName=court\\_document\\_documenttext1\\_tag&from=p](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=0922bf5a6683a571d66ca6100e920078&shard=%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B0&fieldName=court_document_documenttext1_tag&from=p) (дата обращения: 06.10.2017).

102. О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда СССР : [от 16 авг. 1984 г. № 14 (утратило силу)] // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1984. – № 5.

103. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации : [от 10 февр. 2000 г. № 6 (в ред. от 22 мая 2012 г.)] (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2000. – № 4.

## **2. Монографии, комментарии законодательства, учебники, учебные пособия**

104. Агапов, П. В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности [Текст] : монография / П. В. Агапов ; под науч. ред. Н. А. Лопашенко. – СПб. : Изд-во С.-Петербур ун-та МВД России, 2011. – 328 с.

105. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : практ. справ.: ок. 11 000 синоним. рядов [Текст] / З. Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с.

106. Алексеев, С. С. Проблемы теории права [Текст] : курс лекций : в 2 т. / С. С. Алексеев. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – Т. 1. – 396 с.

107. Алексеев, С. С. Общая теория права [Текст] : курс : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит. – Т. 1. – 1981. – 359 с.; Т. 2. – 1982. – 359 с.

108. Антонян, Ю. М. Криминология [Текст] / Ю. М. Антонян. – М. : Юрайт, 2012. – 523 с.

109. Арутюнов, А. А. Соучастие в преступлении [Текст] / А. А. Арутюнов. – М. : Статут, 2013. – 408 с.

110. Арямов, А. А. Правомерное причинение вреда [Текст] / А. А. Арямов. – Челябинск : Изд-во Татьяны Лурье, 2004. – 340 с.

111. Аتماжитов, В. М. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности [Текст] : науч. докл. / В. М. Аتماжитов, В. Г. Бобров. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2003. – 24 с.

112. Ахкубеков, А. Х. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности за рубежом и использования ее результатов в уголовном процессе [Текст] / А. Х. Ахкубеков. – М. : Рос. криминол. асоц., 2004. – 120 с.

113. Бабаев, М. М. Социальные последствия преступности [Текст] / М. М. Бабаев. – М. : Академия МВД СССР, 1982. – 82 с.

114. Бабаев, В. К. Теория государства и права [Текст] : учеб. для бакалавров / В. К. Бабаев [и др.] ; под ред. В. К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – 715 с.

115. Бакланов, Л. А. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [Текст] : монография / Л. А. Бакланов. – Тюмень : Тюмен. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. – 126 с.

116. Баулин, Ю. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния [Текст] / Баулин Ю. В. – Харьков : Основа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1991. – 360 с.

117. Баулин, Ю. В. Право граждан на задержание преступника [Текст] / Ю. В. Баулин. – Харьков : Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1986. – 157 с.

118. Бачило, И. Л. Организация советского государственного управления. Правовые проблемы [Текст] / И. Л. Бачило ; отв. ред. Б. М. Лазарев. – М. : Наука, 1984. – 237 с.

119. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях [Текст] : пер. с итал. / Ч. Беккариа ; сост. М. Ю. Юмашев; пер. Ю. М. Маринин, Г. В. Черданцев. – 5-е изд., испр. и увелич. – М. : Стелс, 1995. – 304 с.

120. Блинников В. А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве России [Текст] : монография / В. А. Блинников. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 216 с.

121. Бодренков, В. А. Проблемы оперативно-розыскного обеспечения предупреждения совершения преступлений [Текст] / В. А. Бодренков ; под ред. В. К. Зникина, А. Г. Халиулина, А. И. Шумилова. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2009. – 256 с.

122. Бойко А. И. Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации [Текст] / А. И. Бойко // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Бойко. – Ростов-н/Д : Феникс, 1996. – 736 с.

123. Борисов, С. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности [Текст] / С. В. Борисов, А. В. Жеребченко. – М. : ИД «Юриспруденция» 2015. – 264 с.

124. Борков, В. Н. Квалификация должностных преступлений [Текст] : монография / В. Н. Борков. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 288 с.

125. Вагин, О. А. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) [Электронный ресурс] / О. А. Вагин, А. П. Исиченко, А. Е. Чечетин. – М. : Деловой двор, 2009. – 328 с.; СПС «КонсультантПлюс».

126. Вагин, О. А. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов [Текст] : учеб.-практ. пособие / О. А. Вагин, А. П. Исиченко, Г. Х. Шабанов. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2006. – 119 с.

127. Вопленко, Н. Н. Реализация права [Текст] : учеб. пособие / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2001. – 48 с.

128. Гаманенко, Л. И. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначенного наказания [Текст] / Л. И. Гаманенко. – Пермь, 2012. – 170 с.

129. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика [Текст] / Л. Д. Гаухман. – М. : ЗАО «ЮрИнфоР», 2013. – 576 с.

130. Гаухман, Л. Д. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) [Текст] : комментарий / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. – М. : Учеб.-консультац. центр «ЮрИнфоР», 1997. – 32 с.
131. Гегель, Г. В. Ф. Философия права [Текст] : пер. с нем. / Г. В. Ф. Гегель ; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 526 с.
132. Горяинов, К. К. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст] : комментарий / К. К. Горяинов, Ю. Ф. Кваша, К. В. Сурков. – М. : Новый Юрист, 1997. – 576 с.
133. Головненков, П. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия [Текст] : науч. практ. коммент. и пер. текста закона / П. Головненков, Н. Спица. – М. : МГЮА, 2012. – 408 с.
134. Гражданское право [Текст] : в 2 т. / М. М. Агарков и др. ; под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. Т. 1. – 419 с.
135. Гусев, К. В. Рыцари террора [Текст] / К. В. Гусев. – М. : Луч, 1992. – 143 с.
136. Дигесты Юстиниана [Текст] : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2005. – Т. VII. – Полутом 2. – 564 с.
137. Дмитренко, А. П. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации [Текст] : монография / А. П. Дмитренко. – М. : Илекса, 2010. – 344 с.
138. Дорогин, Д. А. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность [Текст] / Д. А. Дорогин. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 624 с.
139. Дубоносов, Е. С. Оперативно-розыскная деятельность [Текст] : учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Е. С. Дубоносов. – 5-е изд. пераб. и доп. – М. : Юрайт. 2016. – 477 с.
140. Дубягин, Ю. П. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) [Электронный ресурс] /

Ю. П. Дубягин, О. П. Дубягина, Е. А. Михайлычев – М. : Юстицинформ, 2005. – 144 с.; СПС «КонсультантПлюс».

141. Дурманов, Н. Д. Понятие преступления [Текст] / Н. Д. Дурманов ; отв. ред. М. Д. Шаргородский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 315 с.

142. Ендольцева, А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения [Текст] / А. В. Ендольцева. – М. : Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 231 с.

143. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право [Текст] / А. Э. Жалинский. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 560 с.

144. Жидков, Э. В. Частное предупреждение преступлений как цель применения уголовного наказания в виде лишения свободы и средства ее реализации [Текст] / Э. В. Жидков, В. Е. Южанин. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 235 с.

145. Захарцев, С. И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения [Текст] / С. И. Захарцев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 259 с.

146. Захарцев, С. И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом [Текст] : монография / С. И. Захарцев ; под общ. ред. В. П. Сальникова – СПб. : Университет, 2005. – 128 с.

147. Захарцев, С. И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке [Текст] : монография / С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенко, В. П. Сальников. – М. : Норма, 2015. – 400 с.

148. Зубарев, С. М. Правовое обеспечение реформы уголовно-исполнительной системы [Текст] : монография / С. М. Зубарев. – М. : Изд-во ГУУ, 2004. – 164 с.

149. Иванов, Н. Г. Модельный кодекс: общая часть. Опус № 1 [Текст] / Н. Г. Иванов. – М., 2003. – 143 с.

150. Иванов, Н. Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части [Текст] / Н. Г. Иванов. – М., 2003. – 343 с.



151. Иеринг, Р. Дух римского права на различных ступенях его развития [Текст] : пер. с 3-го испр. нем. изд. / Р. Иеринг, орд. проф. прав. в Геттингене. – СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко, 1875. – Ч. 1. – 321 с.
152. Кант, И. Сочинения [Текст] : в 6 т. / И. Кант. – М., 1965. – Т. 4. – Ч. 1. – 544 с.
153. Карпец, И. И. Проблемы преступности [Текст] / И. И. Карпец. – М. : Юрид. лит., 1969. – 168 с.
154. Кирин, В. А. Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь [Текст] / В. А. Кирин. – М. : Юрид. лит., 1978. – 280 с.
155. Кваша, Ю. Ф. Законодательные основы оперативно-розыскной деятельности [Текст] : курс лекций / Ю. Ф. Кваша, К. В. Сурков, Н. Н. Васильев ; под общ. ред. Ю. Ф. Кваши. – М., 2005. – 1725 с.
156. Климов, И. А. Оперативно-розыскная деятельность [Текст] : учебник / И. А. Климов, Е. С. Дубоносов, Л. Л. Тузов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 383 с.
157. Козак, В. Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости [Текст] / В. Н. Козак. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981. – 154 с.
158. Козбаненко, В. А. Правовое регулирование и правовое обеспечение государственного управления: сущность и содержание [Текст] : учеб.-метод. пособие / В. А. Козбаненко. – М. : ИПК госслужбы, 2002. – 103 с.
159. Кожухов, Н. И. Словарь-справочник по психологии [Текст] / Н. И. Кожухов. – М., 1996. – 125 с.
160. Козлов, А. П. Понятие преступления [Текст] / А. П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 819 с.
161. Конституционное (государственное) право зарубежных стран [Текст] : учеб. для вузов / А. А. Мишин. – 15-е изд., перераб. и доп. – М. : Юстицинформ, 2009. – 560 с.
162. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] : в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов и др. ; под

ред. А. В. Бриллиантова. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2015. – Т. 1. – 792 с.; СПС «КонсультантПлюс».

163. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) [Текст] / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юриспруденция, 2015. – 1036 с.

164. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст] / отв. ред. А. Ю. Шумилов. – М. : Вердикт-1М, 1997. – 208 с.

165. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) [Текст] / под ред. А. И. Алексеева, В. С. Овчинского. – М. : Проспект, 2011. – 176 с.

166. Копытов, Ю. А. Правовое обеспечение организации и деятельности систем управления [Текст] : конспект лекций / Ю. А. Копытов. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1977. – 48 с.

167. Криминальная среда. Понятие, генезис, оперативно-разыскное воздействие [Текст] : монография / О. Б. Абакумов и др. ; под. ред. Б. П. Михайлова, Е. Н. Хазова. – М. : Юнити-Дана, 2015. – 598 с.

168. Криминология [Текст] : учеб. пособие / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. – М. : Проспект, 2007. – 328 с.

169. Кругликов, Л. Л. Проблемы теории уголовного права [Текст] : избр. ст., 2000–2009 гг. / Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 591 с.

170. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология [Текст] / В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 287 с.

171. Кузнецова, Н. Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву [Текст] / Н. Ф. Кузнецова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 204 с.

172. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений [Текст]: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова ; науч. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Городец, 2007. – 336 с.

173. Курбанов, А. Ш. Обстановка совершения преступления [Текст] / А. Ш. Курбанов, Ю. В. Трунцевский, Н. А. Шулепов. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. – 173 с.

174. Курбанов, Г. С. Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния [Текст] / Г. С. Курбанов. – Баку : Гянджлик, 1991. – 123 с.

175. Курляндский, В. И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия [Текст] / В. И. Курляндский. – М. : Юрид. лит., 1965. – 142 с.

176. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении [Текст] / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – 592 с.

177. Лаутс, Е. Б. Рынок банковских услуг: правовое обеспечение стабильности [Текст] / Е. Б. Лаутс. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 134 с.

178. Лейст, О. Э. Санкции в советском праве [Текст] / О. Э. Лейст. – М. : Госюриздат, 1962. – 237 с.

179. Лекарь, А. Г. Профилактика преступлений [Текст] / А. Г. Лекарь. – М. : Юрид. лит., 1972. – 104 с.

180. Лист, Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление [Текст] / Ф. Лист ; сост. и предисл. : В. С. Овчинский. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 110 с.

181. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика [Текст] / Н. А. Лопашенко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 339 с.

182. Луговик, В. Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации [Текст]: проект / В. Ф. Луговик, В. В. Лихарев ; под общ. ред. А. А. Агеева. – М. : Проспект, 2015. – 64 с.

183. Малахов, В. П. Теория государства и права [Электронный ресурс] : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В. П. Малахов, И. А. Горшенёва, А. А. Иванов. – М. :

ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 159 с.; URL : <http://www.iprbookshop.ru/52572.html> (дата обращения: 20.05.2017).

184. Малеин, Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях [Текст] / Н. С. Малеин ; отв. ред. В. В. Лаптев. – М. : Наука, 1968. – 207 с.

185. Мальцев, В. В. Введение в уголовное право [Текст] / В. В. Мальцев ; науч. ред. А. С. Сенцов. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 2000. – 204 с.

186. Мальцев, В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть [Текст] : в 4 т. Т. II. Уголовный закон : научное исследование / В. В. Мальцев. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 536 с.

187. Маркушин, А. Г. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. для акад. бакалавриата [Текст] / А. Г. Маркушин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 399 с.

188. Мейер, Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях [Текст] / Д. И. Мейер. – Казань, 1854. – 127 с.

189. Меркурьев, В. В. Состав необходимой обороны [Текст] / В. В. Меркурьев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 216 с.

190. Мелехин, А. В. Административное право Российской Федерации [Электронный ресурс] : курс лекций / А. В. Мелехин // СПС «КонсультантПлюс».

191. Мельникова, Ю. Б. Уголовная ответственность за бандитизм [Текст] / Ю. Б. Мельникова, Т. С. Устинова. – М. : Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1995. – 32 с.

192. Мешков, В. М. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия [Текст] : учеб.-практ. пособие / В. М. Мешков, В. Л. Попов. – М. : Щит-М, 1999. – 80 с.

193. Милюков, С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа [Текст] : монография / С. Ф. Милюков – СПб. : Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. – 279 с.

194. Милюков, С. Ф. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние [Текст] / С. Ф. Милюков, А. В. Никуленко. – СПб. : Юрид. центр, 2015. – 560 с.

195. Михайлов, В. И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция [Текст] : учеб.-практ. пособие / В. И. Михайлов ; под ред. А. Ю. Шумилов. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 1998. – 96 с.

196. Михайлов, В. И. Правомерный вред в уголовном законодательстве и правовой доктрине [Текст] / В. И. Михайлов. – СПб. : РИО С. Петерб. им. В. Б. Бобкова фил. РГА, 2011. – 200 с.

197. Михайлов, В. И. Таможенные преступления: уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности [Текст] / В. И. Михайлов, А. В. Федоров ; под ред. А. В. Федорова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 1999. – 336 с.

198. Михлин, А. С. Последствия преступления [Текст] / А. С. Михлин. – М. : Юрид. лит., 1969. – 104 с.

199. Монтескье, Ш. Л. О духе законов [Текст] / Ш. Л. Монтескье. – М. : Мысль, 1999. – 672 с.

200. Назаров, А. Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности [Текст] / А. Д. Назаров. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 152 с.

201. Наумов, А. В. Применение уголовно-правовых норм. По материалам следственной и прокурорско-судебной практики [Текст] : учеб. пособие / А. В. Наумов. – Волгоград : Изд-во ВСШ МВД СССР, 1973. – 176 с.

202. Наумов, А. В. Реализация уголовного права [Текст] : учеб. пособие / А. В. Наумов. – Волгоград : Изд-во ВСШ МВД СССР, 1983. – 84 с.

203. Наумов, А. В. Российское уголовное право [Текст] : курс лекций : в 3 т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. – 4-е изд. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 736 с.

204. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) [Текст] /

С. В. Борисов и др. ; отв. ред. Н. Г. Кадников. – М. : Юриспруденция, 2012. – 192 с.

205. Новая редакция оперативно-розыскного закона России : открытый проект [Текст] : науч.-справ. пособие / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2004. – 32 с.

206. Объективная сторона преступления (факультативные признаки) [Текст] : учеб. пособие / под ред. А. В. Наумова, С. И. Никулина. – М. : Эксмо, 1995. – 369 с.

207. Овчинский, С. С. Оперативно-розыскная информация [Текст] : монография / С. С. Овчинский ; под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. – 2-е изд., доп. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 415 с.

208. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1992. – 924 с.

209. Оксамытный, В. В. Общая теория государства и права [Электронный ресурс] : учебник / В. В. Оксамытный. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 511 с.; URL : <http://www.iprbookshop.ru/52525.html> (дата обращения: 20.05.2017).

210. Ольшанецкий, А. Г. Правовое обеспечение автоматизированных систем управления [Текст] / А. Г. Ольшанецкий. – М. : Юрид. лит., 1979. – 128 с.

211. Оперативно-розыскная деятельность [Текст] / под ред. И. А. Климова. – М., 2015.

212. Оперативно-розыскная деятельность [Текст] : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М. : ИНФРА-М., 2001. – 794 с.

213. Организованная преступность – 3 [Текст] / под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. – М. : Криминол. ассоц., 1996. – 352 с.

214. Орехов, В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния [Текст] / В. В. Орехов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 217 с.

215. Основы оперативно-розыскной деятельности [Текст] : учеб. пособие. – 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. А. Е. Чечетина. – Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2007. – 236 с.

216. Павличенко, Н. В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность [Текст] : монография / Н. В. Павличенко. – Омск : Изд-во Ом. юрид. ин-та, 2011. – 248 с.

217. Павличенко, Н. В. Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории [Текст] : препринт / Н. В. Павличенко. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2008. – 47 с.

218. Пархоменко, С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости [Текст] / С. В. Пархоменко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 267 с.

219. Паше-Озерский, Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву [Текст] / Н. Н. Паше-Озерский. – М. : Госюриздат, 1962. – 181 с.

220. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности [Текст] / Л. И. Петражицкий. – М. : Лань, 2000. – 608 с.

221. Петров, В. В. Правовое регулирование осуществления оперативно-розыскных мероприятий по противодействию незаконному обороту наркотиков [Текст] : монография / В. В. Петров – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2005. – 131 с.

222. Пикуров, Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей [Текст] / Н. И. Пикуров. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 1998. – 220 с.

223. Плешаков, А. М. Проблемы теории и практики крайней необходимости в уголовном праве [Текст] : монография / А. М. Плешаков, Г. С. Шкабин. – М. : Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2005. – 196 с.

224. Плешаков, А. М. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве [Текст] : монография / А. М. Плешаков, Г. С. Шкабин. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 240 с.

225. Попов, В. А. Преступное сообщество (преступная организация). Вопросы теории и практики [Текст] : монография / В. А. Попов. – М. : Издательство «Прспект», 2017. – 128 с.
226. Правоприменение в Советском государстве [Текст] / Е. В. Болдырев и др. ; отв. ред. И. Н. Кузнецов, И. С. Самощенко. – М. : Юрид. лит., 1985. – 304 с.
227. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности [Текст] : курс лекций / И. И. Алгази и др. – Тюмень : Тюмен. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. – 151 с.
228. Принс, А. Защита общества и преобразование уголовного права [Текст] : пер. с фр. / А. Принс. – М. : Кн-во торг. д. «В. И. Знаменский и Ко», 1912. – 167 с.
229. Провокация преступлений в теории и практике уголовного права [Текст] : науч.-аналит. обзор / под ред. А. А. Чистякова, Г. С. Шкабина. – Рязань : Ряз. фил. Моск. ун-та МВД России им. В. Я. Кикотя, 2016. – 62 с.
230. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о составе преступления [Текст] : учеб. пособие / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 248 с.
231. Пудовочкин, Ю. Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств [Текст] / Ю. Е. Пудовочкин, С. С. Пирвагидов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 297 с.
232. Расцветаев, А. Ю. Оперативное внедрение в общей системе оперативно-розыскных мероприятий [Текст] / А. Ю. Расцветаев. – Краснодар : КубИСЭП ОУП ВПО «АТ и СО», 2013. – 121 с.
233. Решетов, Ю. С. Реализация норм советского права: системный анализ [Текст] / Ю. С. Решетов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 158 с.
234. Розова, С. С. Классификационная проблема в современной науке [Текст] / С. С. Розова. – Новосибирск : Наука, 1986. – 223 с.



235. Савинский, А. В. Актуальные проблемы юридической регламентации оперативно-розыскной деятельности [Текст] : монография / А. В. Савинский. – Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 2010. – 405 с.
236. Современное уголовное право. Общая и Особенная части [Текст] : учебник / под ред. А. В. Наумова. – М. : Илтекса, 2007. – 1040 с.
237. Словарь по уголовному праву [Текст] / отв. ред. А. В. Наумов. – М. : Бек, 1997. – 686 с.
238. Смирнов, М. П. Оперативно-розыскная деятельность полиции зарубежных стран [Текст] / М. П. Смирнов. – М. : Щит, 2001. – 240 с.
239. Смирнов, М. П. Оперативно-розыскная деятельность в Российской империи в документах и комментариях (XVIII в. – февраль 1917 г.) [Текст] / М. П. Смирнов, А. Ю. Шумилов. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2010. – 184 с.
240. Сулейманов, Т. А. Механизм и формы реализации норм уголовного права [Текст] : монография / А. Н. Павлухин, Н. Д. Эриашвили, Т. А. Сулейманов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 290 с.
241. Сурков, К. В. Опыт законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации [Текст] / К. В. Сурков. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 1998. – 277 с.
242. Сырых, В. М. Теория государства и права [Текст] : учеб. для вузов / В. М. Сырых. – М. : Юстицинформ, 2007. – 704 с.
243. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право [Текст] : лекции : в 2 т. / Н. С. Таганцев. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. Часть общая. – 380 с.
244. Теория оперативно-розыскной деятельности [Текст] : учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 762 с.
245. Тер-Акопов, А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве [Текст] / А. А. Тер-Акопов. – М. : Юркнига, 2003. – 480 с.

246. Тишкевич, И. С. Условия и пределы необходимой обороны [Текст] / И. С. Тишкевич. – М. : Юрид. лит., 1969. – 191 с.
247. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Астрель, 2000. – Т. 1. – 848 с.; Т. 2. – 528 с.; Т. 3. – 720 с.; Т. 4 – 752 с.
248. Топильская, Е. В. Криминология организованной преступности [Текст] : в 2 т. / Е. В. Топильская. – СПб. : ООО Издат. дом «Алеф-Пресс», 2015. – 2 т.
249. Турецкий, Н. Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния [Текст] : учеб. пособие / Н. Н. Турецкий. – Алматы : ТОО «Издательство "Норма-К"», 2012. – 164 с.
250. Уголовное право. Общая часть [Текст] : учебник / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. – М. : Новый Юрист, КноРус, 1997. – 592 с.
251. Уголовное право. Общая часть [Текст] : учебник / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой. – М. : Норма, Инфра-М, 1998. – 516 с.
252. Уголовное право. Общая и Особенная части [Текст] : учеб. для вузов / Н. И. Ветров и др. ; под ред. Н. Г. Кадникова. – М. : Городец, 2006. – 911 с.
253. Уголовное право. Общая часть. Преступление [Текст] : академ. Курс : в 10 т. Т. 10. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 512 с.
254. Уголовное право России. Общая часть [Текст] : учебник / под ред. В. П. Ревина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юстицинформ, 2010. – 495 с.
255. Уголовное право России. Общая и Особенная части [Текст] : учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. – М. : Союз криминалистов и криминологов, Криминол. б-ка, Рос. криминол. взгляд, 2015. – 990 с.
256. Уголовное право России. Общая и Особенная части [Текст] : учеб. для вузов / Н. Г. Иванов. – М. : Экзамен, 2003. – 768 с.

257. Уголовный кодекс Австралии 1995 г. [Текст] / науч. ред. и предисл. И. Д. Козочкина, Е. Н. Трикоз ; пер. с англ. Е. Н. Трикоз – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 388 с.

258. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст] : науч.-практ. коммент. / под ред. В. В. Николюка, В. В. Кальницкого, А. Е. Чечетина. – Омск : Юрид. ин-т МВД РФ, 1999. – 180 с.

259. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст] : науч.-практ. коммент. / под ред. В. В. Николюка. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Спарк, 2003. – 198 с.

260. Ферри, Э. Уголовная социология [Текст] / Э. Ферри ; сост. и предисл.: В. С. Овчинский – М. : ИНФРА-М, 2012. – 658 с.

261. Фефелов, П. А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы) [Текст] / П. А. Фефелов. – М. : Наука, 1992. – 230 с.

262. Филимонов, В. Д. Охранительная функция уголовного права [Текст] / В. Д. Филимонов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 198 с.

263. Философский словарь [Текст] / под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2001. – 719 с.

264. Философский словарь [Текст] : основан Г. Шмидтом. – 22-е изд., перераб. изд. под ред. Г. Шишкоффа ; пер. с нем. ; общ. ред. В. А. Малинина. – М. : Республика, 2003. – 576 с.

265. Фирсов, О. В. Правовые основы оперативно-розыскных мероприятий [Текст] : учеб. пособие / О. В. Фирсов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Юр. Норма, ИнФрА-М, 2016. – 208 с.

266. Фристер, Г. Уголовное право Германии. Общая часть = Strafrecht. Allgemeiner Teil [Текст] : пер. с нем. / Г. Фристер. – 5-е изд. – М. : Инфотропик Медиа, 2013. – 712 с.

267. Халиков, А. Н. Юридическое, техническое и информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности [Текст] : учеб. пособие / А. Н. Халиков, Е. Н. Яковец, Н. И. Журавленко ; под ред. А. Н. Халикова. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 472 с.

268. Хейфец, И. Я. Подстрекательство к преступлению [Текст] / И. Я. Хейфец. – М. : Изд. юрид. кн. магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1914. – 128 с.

269. Хромов, И. Л. Противодействие преступности в учреждениях, исполняющих наказания. Криминологические и оперативно-розыскные аспекты [Текст] / И. Л. Хромов. – М. : Юриспруденция, 2011. – 240 с.

270. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права [Текст] / А. Ф. Черданцев : учеб. для вузов. М. : Юрайт-М, 2002. 432 с.

271. Чечетин, А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура [Текст] : препринт / А. Е. Чечетин. – Барнаул : Изд-во БЮИ МВД России, 2004. – 49 с.

272. Чечетин, А. Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий [Текст] / А. Е. Чечетин. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2006. – 180 с.

273. Чечетин, А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий [Текст] : монография / А. Е. Чечетин. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та МВД России, 2016. – 232 с.

274. Чечетин, А. Е. Опыт борьбы с организованной преступностью в США [Текст] : учеб. пособие / А. Е. Чечетин, Е. В. Буряков. – Омск : Юрид. ин-т МВД России, 1998. – 84 с.

275. Шаргородский, М. Д. Избранные работы по уголовному праву [Текст] / М. Д. Шаргородский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 434 с.

276. Шиткина, И. С. Правовое обеспечение деятельности акционерного общества [Текст] / И. С. Шиткина. – М. : Правовая культура, 1997. – 256 с.

277. Шматов, А. М. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук [Текст] / А. М. Шматов. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 228 с.

278. Шумилов, А. Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст] / А. Ю. Шумилов. – М., 1999.

279. Шумилов, А. Ю. Начало оперативно-разыскной деятельности и ее пределы (философские раздумья юриста) [Текст] : препринт/ А. Ю. Шумилов. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2008. – 31 с.

280. Шумилов, А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность: вопросы и ответы [Текст] : учеб.-практ. пособие : в 2 кн. – Кн. 2 : Оперативно-розыскные мероприятия и меры / А. Ю. Шумилов. – 4-е изд., пересмотр. и испр. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2010. – 144 с.

281. Шумилов, А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации [Текст] : монография : в 3 т. / А. Ю. Шумилов. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2013. Т. 1 : Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. – 455 с.

282. Шумилов, А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации [Текст] : монография : в 3 т. / А. Ю. Шумилов. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2014. Т. 2 : Философия оперативно-разыскной науки. – 416 с. (Теория и практика профессионального сыска (Теория и практика профессионального сыска)).

283. Шумилов, А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность [Текст] : в 2 кн. Кн. I : Общие положения : науч.-практ. пособие / А. Ю. Шумилов. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2005. – 147 с.

284. Шумилов, А. Ю. Основы уголовно-правовой оценки сыскной информации [Текст] : монография / А. Ю. Шумилов. – М. : Издат. дом Шумилова И. И., 2000. – 140 с.

285. Шумилов, А. Ю. Проблемы законодательного регулирования в оперативно-разыскной деятельности: десять лет спустя (конституционные, административные, уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-сыскные аспекты) [Текст] : монография / А. Ю. Шумилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2008. – 260 с.

286. Шумилов, А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности [Текст] : учебник / А. Ю. Шумилов. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 2006. – 368 с.

287. Шумилов, А. Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий [Текст] : учеб. пособие / А. Ю. Шумилов. – М. : Издат. дом Шумиловой И. И., 1999. – 128 с.

288. Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления [Текст] / Н. И. Коржанский и др. – СПб. : Изд-во профессора Малинина, 2005. – 796 с.

289. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда [Электронный ресурс] / А. М. Эрделевский // СПС «КонсультантПлюс». 2013.

290. Юридическая энциклопедия [Текст] / М. Ю. Тихомиров, Л. В. Тихомирова ; под ред. М. Ю. Тихомирова – М. : Юринформцентр, 1997. – 525 с.

291. Якубович, М. И. Учение о необходимой обороне в советском уголовном праве [Текст] / М. И. Якубович. – М. : Высш. шк., 1967. – 100 с.

292. Якушин, В. А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение [Текст] / В. А. Якушин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 128 с.

### **3. Статьи, периодические издания**

293. Абдуллаев, Э. М. Ликвидация террористов – причинение вреда при задержании либо применение исключительной меры уголовного наказания «без суда и следствия» [Текст] / Э. М. Абдуллаев // Юрист-Правоведь. – 2011. – № 4. – С. 42–46.

294. Агапов, П. В. Организация террористического сообщества и участие в нем: проблемы криминализации и правоприменения [Текст] / П. В. Агапов // Российская юстиция. – 2015. – № 7. – С. 23–25.

295. Агапов, П. Постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» [Текст] / П. Агапов, В. Комиссаров // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 62–68

296. Агарков, А. В. К вопросу о принуждении при проведении гласно оперативно-розыскных мероприятий оперативными подразделениями УИС

(приглашение к дискуссии) [Текст] / А. В. Агарков // Оперативник (сыщик). – 2017. – № 4. – С. 24–27.

297. Алферов, В. Ю. Оперативный эксперимент и провокация [Текст] / В. Ю. Алферов, В. Л. Ильиных // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 169–170.

298. Астафьев, Ю. В. Границы допустимого поведения сотрудников оперативно-розыскных органов и их доверенных лиц в процессе производства оперативно-розыскной деятельности: уголовное право, уголовный процесс и криминалистика [Текст] / Ю. В. Астафьев // Правовые реформы в современной России: значение, результаты, перспективы: уголовное право, уголовный процесс и криминалистика : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию юбилею юрид. фак. Воронеж. гос. ун-та (Воронеж, 20–21 нояб. 2008 г.). – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009, – Вып. 5. – Ч. 5. – С. 16–27.

299. Атмажитов, В. М. О некоторых Направлениях развития теории оперативно-розыскной деятельности [Текст] / В. М. Атмажитов // Оперативник (сыщик). – 2014. – № 1. – С. 19–27.

300. Атмажитов, В. М. К вопросу о законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности [Текст] / В. М. Атмажитов, В. Г. Бобров // Государство и право. – 2004. – № 11. – С. 26–33.

301. Бабкин, Л. М. Информация о подготавливаемом, совершаемом либо совершенном преступлении как основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий и использование полученных результатов в доказывании по уголовному делу [Текст] / Л. М. Бабкин, Н. Н. Лыткин, Г. С. Шкабин // Российский научный журнал. – 2015. – № 5. – С. 273–278.

302. Бадалянц, Э. Ю. Проблемы отграничения подстрекательства к преступлению от его провокации [Текст] / Э. Ю. Бадалянц // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : материалы регион. круглого стола (Рязань, 9 апр. 2015 г.) / под ред. Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2015. – С. 47–50.

303. Баженов, С. В. Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации» [Текст] / С. В. Баженов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 2. – С. 31–33.

304. Барина, Л. В. Концепция проекта федерального закона «Об основах предупреждения преступлений» [Текст] / Л. В. Барина, Г. М. Миньковский, В. П. Ревин // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 43–49.

305. Белоцерковский, С. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения [Текст] / С. Белоцерковский // Уголовное право. – 2010. – № 2. – С. 9–14.

306. Билык, В. И. «Мнимое соучастие» как обстоятельство, исключающее преступность деяния должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и лиц оказывающих им содействие [Текст] / В. И. Билык, Н. В. Петрашева // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 1. – С. 141–144.

307. Борин, Б. В. Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений [Текст] / Б. В. Борин, Я. Г. Ищук // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 381–386.

308. Борков, В. Н. Должностные преступления и административные правонарушения: два уровня охраны [Текст] / В. Н. Борков // Библиотека криминалиста. – Научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 62–67.

309. Борков, В. Н. Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов [Текст] / Борков В. Н. // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 16–21.

310. Борков, В. Н. Оперативная провокация как способ фальсификации (ч. 4 ст. 303 УК РФ) [Текст] / В. Н. Борков // Законность. – 2017. – № 6. – С. 30–34.

311. Борков, В. Н. Нужно предусмотреть ответственность за участие в фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности [Текст] / В. Н. Борков // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : материалы



межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2016. – С. 24–30.

312. Бохан, А. П. Уголовное законодательство и оперативное внедрение [Текст] / А. П. Бохан // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2016. – С. 30–34.

313. Бриллиантов, А. В. Применение норм о соучастии: аналогия или толкование? [Текст] / А. В. Бриллиантов, П. С. Яни // Законность. – 2013. – № 6. – С. 31–36.

314. Быков, А. В. Особенности проведения оперативно-розыскной деятельности ФБР США [Текст] / А. В. Быков // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2015. – № 2. – С. 23–24

315. Вагин, О. А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности (научный доклад) [Электронный ресурс] / О. А. Вагин // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов Всерос. круглого стола (С.-Петербург, 3 нояб. 2011 г.). – СПб., 2012. – С. 7–68; СПС «КонсультантПлюс».

316. Важенин, В. В. Гласное обследование: подготовка, проведение, использование результатов [Текст] / В. В. Важенин, С. В. Баженов, А. А. Сафронов // Общество и право. – 2014. – № 3. – С. 183–189.

317. Вандышев, А. С. Проблема обстоятельств, исключающих преступность деяния при осуществлении оперативно-розыскной деятельности [Текст] / А. С. Вандышев // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. / под ред. К. К. Горяинова, И. А. Климова. – М. : ВНИИ МВД России, 2002. – С. 226–234.

318. Винокуров, В. Регулятивная функция уголовного права : объект преступления и квалификация деяний [Текст] / В. Винокуров // Уголовное право. – 2012. – № 1. – С. 9–15.

319. Водько, Н. Уголовный кодекс о борьбе с организованной преступностью [Текст] / Н. Водько // Российская юстиция. – 1997. – № 4. – С. 15–17.

320. Возный, А. Ф. Оперативно-розыскная деятельность и уголовно-правовое отношение [Текст] / А. Ф. Возный // Сборник статей адъюнктов и соискателей. – М. : Изд-во ВШ МООП СССР, 1968. – С. 129–137.

321. Возный, А. Ф. Роль оперативно-розыскной деятельности в реализации уголовно-правовых отношений [Текст] / А. Ф. Возный // Юридические гарантии применения советских правовых норм и укрепление социалистической законности : тез. докл. и сообщ. (Киев, 5–7 окт. 1971 г.). – Киев, 1971. – С. 48–52.

322. Волченков В. В. Актуальные проблемы развития и совершенствования норм Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст] / В. В. Волченков // Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. – Вып. 2. – 2016. – С. 29–31.

323. Воробьев, С. М. Социально-экономическая методика определения размера компенсации морального вреда потерпевшим от преступлений в России: постановка проблемы [Текст] / С. М. Воробьев // Право и современные государства. – 2013. – № 4. – С. 14–17.

324. Воронин, М. Ю. Об обстоятельствах, исключаящих преступность деяния в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности / М. Ю. Воронин // Вестник ВИПК МВД России. – 2015. – № 1. – С. 49–51.

325. Галахов, С. С. Проблемы и перспективы оперативно-розыскной профилактики [Текст] / С. С. Галахов, Х. М. Ибрагимов // Научный портал МВД России. – 2010. – № 2. – С. 82–88.

326. Галахов, С. С. Проблемы применения норм Уголовного кодекса Российской Федерации в решении превентивных задач оперативно-

розыскной деятельности [Текст] / С. С. Галахов // Международный пенитенциарный журнал. – 2016. – № 4. – С. 10–16.

327. Галахов, С. С. Роль уголовного законодательства в решении превентивных задач оперативно-розыскной деятельности [Текст] / С. С. Галахов // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2016. – С. 35–44.

328. Галахов, С. С. Роль уголовно-правовых норм в регулировании оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и возможные направления их совершенствования [Текст] / С. С. Галахов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2013. – № 4. – С. 26–31.

329. Галиев, Б. Б. Борьба с организованной преступностью посредством компромисса [Текст] // Проблемы изучения и противодействия организованной преступности : сб. ст. по материалам Всерос. круглого стола (С.-Петербург, 20 февр. 2015 г.) / отв. ред. Е. Н. Рахманова. – СПб. : ИД «Петрополис», 2015. – С. 19–25.

330. Гордиенко, В. В. Конспирация и конспиративность в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-методологический анализ) [Текст] / В. В. Гордиенко, К. М. Лобзов // Оперативник (сыщик). – 2012. – № 2. – С. 6–11.

331. Горшенев, В. М. Нетипичные нормативные предписания вправе [Текст] / В. М. Горшенев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113–118.

332. Горяинов, К. К., Щетнев, Л. Е. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий как праводопустимые пределы ограничения прав человека [Текст] / К. К. Горяинов, Л. Е. Щетнев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 3. С. 7–10.

333. Грачева, Ю. В. Соблюдение и исполнение как самостоятельные формы реализации уголовно-правовых норм [Текст] / Ю. В. Грачева // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 388–395.

334. Дикарев, В. Г., Гаврюшкин, Ю. Б. Некоторые особенности правового регулирования оперативного внедрения в странах Европы и США [Текст] / В. Г. Дикарев, Ю. Б. Гаврюшкин // Вестник ВИПК МВД России. – 2016. – № 1. – С. 97–101.

335. Динека, В. И. Особенности объективных и субъективных признаков соучастия [Текст] / В. И. Динека // Значение уголовного закона для подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие преступности : сб. науч. ст. по итогам межвуз. науч.-метод. семинара «Научно-методическое обеспечение подготовки сотрудников органов внутренних дел в целях противодействия преступности (посвященного 20-летию принятия Уголовного кодекса Российской Федерации)» (Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Руза, 13 мая 2016 г.) / под ред. Н. Г. Кадникова, И. М. Мацкевича. – М. : ИД Юриспруденция, 2017. – С. 22–29.

336. Дмитренко, А. П. Зарубежный опыт законодательной регламентации причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны при проведении оперативного внедрения [Текст] / А. П. Дмитренко, Е. А. Русскевич // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы регион. круглого стола (Рязань, 9 апр. 2015 г.) / под ред. Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2015. – С. 24–31.

337. Дмитренко, А. П. Применение уголовно-правовых норм, регламентирующих обстоятельства, исключают преступность деяния, как форма их реализации [Текст] / А. П. Дмитренко // Российский криминологический взгляд. – 2007. – № 2. – С. 127–131.

338. Дмитренко, А. П. Проблемы законодательной регламентации совершения преступления при оперативном внедрении как обстоятельства, исключают преступность деяния [Текст] / А. П. Дмитренко // Современное

уголовное законодательство России и вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. ст. по итогам науч.-практ. семинара в Моск. ун-те МВД России, посвящ. 10-летию принятия УК РФ. – М., 2007. – С. 81–84.

339. Дмитренко, А. П. Реализация уголовно-правовых норм, регламентирующих обстоятельства, исключющие преступность деяния [Текст] / А. П. Дмитренко // Черные дыры в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 126–127.

340. Дмитренко, А. П. Социально-правовая обусловленность регламентации правомерного причинения вреда при проведении оперативного внедрения [Текст] / А. П. Дмитренко, Е. А. Русскевич // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2016. – С. 50–56.

341. Доманов, Д. В. Имитация преступного поведения: проблемы и их решение [Текст] / Д. В. Доманов // Преемственность и новации в юридической науке : материалы науч. конф. адъюнктов и соискателей. – Омск, 2010. – Вып. 6. – С. 166–169.

342. Дубоносов, Е. С. Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»: содержание и проблемы проведения [Текст] / Е. С. Дубоносов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 2–2. – С. 24–30.

343. Дурманов, Н. Д. Нормы советского уголовного права и их предупредительная и воспитательная роль [Текст] / Н. Д. Дурманов // Роль права в развитии социалистической экономики и демократии на современном этапе : тез. докл. и науч. сообщ. на межвуз. теорет. конф. – М., 1966. – С. 103–106.

344. Елеонский, В. А. Проблема позитивной ответственности в советском уголовном праве [Текст] / В. А. Елеонский // Проблемы юридической ответ-

ственности и совершенствования законодательства в свете новой Конституции СССР : сб. науч. тр. – Рязань : Изд-во РВШ МВД СССР, 1979. – С. 64–87.

345. Елинский, В. И. Проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности [Текст] / В. И. Елинский // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 2. – С. 15–18.

346. Ендольцева, А. Классификация обстоятельств, позволяющих не привлекать лицо к уголовной ответственности [Текст] / А. Ендольцева // Уголовное право. – 2003. – № 3. – С. 24–26.

347. Есаков, Г. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике [Текст] / Г. Есаков // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 10–15.

348. Железняк, Н. С. О необходимости включения имитации преступных действий в перечень оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст] / Н. С. Железняк // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 27 апр. 2006 г.). – Барнаул, – 2006. – С. 10–14.

349. Железняк, Н. С. О правовом обеспечении защиты конфиденентов от неправомерного привлечения к уголовной ответственности [Текст] / Н. С. Железняк // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 2004. – Вып. 7. – С. 213–230.

350. Жук, О. Д. Использование результатов оперативного внедрения в пресечении деятельности преступных организаций (сравнительное исследование) [Текст] / О. Д. Жук // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 3. – С. 10–15.

351. Жук, О. Д. К вопросу о должностных лицах, участвующих в проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» [Текст] / О. Д. Жук // Оперативник (сыщик). – 2014. – № 4. – С. 29–31.

352. Зинченко, И. А. О социальной и правовой защищенности сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [Текст] /

И. А. Зинченко // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России : материалы науч.-практ. конф. (Москва, 17–18 мая 1994 г.). – М., 1994. – С. 127–128.

353. Зникин, В. К. Уголовный процесс и раскрытие преступлений [Текст] / В. К. Зникин // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 361. – С. 109–110.

354. Зубарев, С. М. Понятие и сущность правового обеспечения реформы уголовно-исполнительной системы Минюста РФ [Электронный ресурс] / С. М. Зубарев // СПС «КонсультантПлюс», 2003.

355. Иванов, В. Д. Провокация преступления [Текст] / В. Д. Иванов, В. А. Черепяхин // Российский следователь. – 2013. – № 14. – С. 29–32.

356. Исиченко, А. П. Еще раз о языке оперативно-розыскного закона [Текст] / А. П. Исиченко // Научный портал МВД России. – 2016. – № 2. – С. 56–60.

357. Кадников, Н. Г. К вопросу об ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни граждан при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий, связанных с негласным получением информации [Текст] / Н. Г. Кадников, Б. Н. Кадников // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2016. – С. 66–71.

358. Кадников, Н. Г. Правомерность причинения вреда при задержании лиц, подозреваемых в совершении терроризма [Текст] / Н. Г. Кадников // Научные труды РАЮН : в 2 т. – М., 2002. – Вып. 2 : Т. 1. – С. 487–490.

359. Каплунов, В. Уголовно-правовая охрана детства [Текст] / В. Каплунов, В. Широков // Законность. – 2007. – № 8. – С. 46–48.

360. Келина, С. Г. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния [Текст] / С. Г. Келина // Уголовное право. – 1999. – № 3. – С. 4–6.

361. Козак, В. Н. О расширении уголовно-правовых гарантий участия граждан в укреплении правопорядка в свете новой Конституции СССР

[Текст] / В. Н. Козак // Вопросы развития и защиты прав граждан и социальных организаций : межвуз. темат. сб. – Калинин : Изд-во Калин. ун-та, 1978. – С. 140–148.

362. Комиссаров В. Постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)»: общая характеристика, спорные моменты и их критический анализ [Текст] / В. Комиссаров, П. Агапов // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 62–68.

363. Крылова, Н. Крайняя необходимость в медицинской деятельности: некоторые вопросы практического применения [Текст] / Н. Крылова, Н. Павлова // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 41–44.

364. Кувалдин, В. П. Виды и формы криминального противодействия [Текст] / В. П. Кувалдин // Оперативник (сыщик). – 2012. – № 1. – С. 60–63.

365. Кувалдин, В. П. К вопросу об организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в преступных сообществах [Текст] / В. П. Кувалдин // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 2. – С. 168–169.

366. Кувалдин, В. П. Контролируемая поставка оружия и боеприпасов: роль и место оперативных подразделений пограничных органов [Текст] / В. П. Кувалдин, Э. В. Ольцонов // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 2. – С. 160–164.

367. Кудрявцев, А. В. Оперативно-розыскная деятельность в системе средств обеспечения безопасности при исполнении наказания в виде лишения свободы / А. В. Кудрявцев // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 3. – С. 21–23.

368. Кудрявцев, А. В. Проблемы оперативно-розыскного обеспечения исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы / А. В. Кудрявцев // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 2. – С. 29–31.

369. Кузьмин, С. С. К вопросу о сбалансированности уголовного и оперативно-розыскного законодательства [Текст] / С. С. Кузьмин // Проблемы



применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2016. – С. 96–102.

370. Кузьмин, С. С. Проблемы уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности [Текст] / С. С. Кузьмин // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы регион. круглого стола (Рязань, 9 апр. 2015 г.) / под ред. Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2015. – С. 17–24.

371. Лапшин, В. Ф. Совершение уголовно-наказуемого деяния лицом, внедрённым в преступную группу: проблемы регламентации и квалификации [Текст] / В. Ф. Лапшин // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы регион. круглого стола (Рязань, 9 апр. 2015 г.) / под ред. Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2015. – С. 36–42.

372. Луговик, В. Ф. О концепции правового регулирования оперативно-розыскной деятельности [Текст] / В. Ф. Луговик // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 2012. – С. 71–86.

373. Луговик, В. Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) [Текст] / В. Ф. Луговик // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 1. – С. 109–135.

374. Макарова, Т. В. Правовое обеспечение коллегиальности в уголовно-исполнительной системе [Текст] / Т. В. Макарова // Управление и экономика в условиях модернизации: проблемы и пути их решения : материалы науч.-практ. конф. (г. Вологда, 12 апр. 2013 г.). – Вологда, 2013. – С. 79–84.

375. Макаров, А. В. Проблемы совершенствования норм оперативно-розыскного законодательства, регулирующих проверку достоверности сведений [Текст] / А. В. Макаров, О. В. Фирсов // Российский следователь. – 2012. – № 7. – С. 35–38.

376. Маслов, А. В. К вопросу о допустимости и правомерности причинения вреда правоохраняемым интересам субъектами оперативного внедрения / А. В. Маслов // Центральный научный вестник. – 2016. – Т. 1. – S15. – С. 29–31.

377. Мельников, Д. В. Мнимое соучастие (некоторые актуальные аспекты проблемы) [Текст] / Д. В. Мельников // Правовые вопросы современности: теория и практика : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 15 мая 2009 г.). – Курган, 2009. – С. 115–117.

378. Меркурьев, В. В. Причинение вреда при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий как обстоятельство, исключающее преступность деяния [Текст] / В. В. Меркурьев, И. А. Тараканов // Вестник Владимирского юридического института. – 2007 – № 4. – С. 106–109.

379. Милюков, С. Ф. Актуальные проблемы применения оружия сотрудниками правоохранительных органов [Текст] / С. Ф. Милюков, Э. Ф. Побегайло // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2006. – № 11. – С. 39–54.

380. Милюков, С. Ф. Неиспользованные возможности Уголовного кодекса Российской Федерации в противодействии коррупции [Текст] / С. Ф. Милюков, А. В. Никуленко // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2016. – С. 121–129.

381. Милюков, С. Ф. Провокация в борьбе с коррупцией : диалектическое противоречие и пути выхода из него [Текст] / С. Ф. Милюков, А. В. Никуленко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – № 4. – С. 45–53.

382. Миньковский, Г. Комментарий письма Президента Российской Федерации об отклонении Уголовного кодекса Российской Федерации [Текст] / Г. Миньковский // Российская юстиция. – 1996. – № 2. – С. 11–14.

383. Миньковский, Г. М. Криминальная милиция (полиция): проблемы организации, функции, содержания и формы деятельности [Текст] / Г. М. Миньковский // Криминальная милиция (полиция): проблемы органи-

зации, функции, содержания и формы деятельности. – М. : Академия МВД СССР, ученый совет, 1991. – С. 3–19.

384. Миньковский, Г. М. Некоторые особенности развития организованной преступности в России и направления по повышению эффективности борьбы с нею [Текст] / Г. М. Миньковский, В. П. Ревин // Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью. – Калининград, 1997. – С. 61–62.

385. Михайлов, В. И. Правовое регулирование причинения вреда при правомерном выполнении профессиональных (должностных) функций [Текст] / В. И. Михайлов // Адвокат. – 2015. – № 5. – С. 33–42.

386. Михайлов, В. И. Защита интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и иных угроз: проблемы правоприменения [Текст] / В. И. Михайлов // Журнал российского права. – 2015. – № 2. – С. 91–101.

387. Михайлов, В. И. Конфликт интересов: содержание, порядок предотвращения и урегулирования [Текст] / В. И. Михайлов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 4. – С. 14–19.

388. Михайлов, В. И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния / В. И. Михайлов // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 59–69.

389. Михайлов, В. И. Развитие уголовного законодательства и некоторые вопросы оперативно-розыскной деятельности спецслужб государств - участников СНГ [Текст] / В. И. Михайлов // Вестник Межпарламентской ассамблеи. – 1995. – № 4. – С. 61–73.

390. Нагиева, Э. Э. К вопросу о соотношении терминов «вред», «ущерб», «последствия», «результат» [Текст] / Э. Э. Нагиева // Российский следователь. – 2009. – № 18. – С. 12–16.

391. Новоселов, Г. П. Без преступных последствий нет преступления [Текст] / Г. П. Новоселов // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 56.

392. Овчинский, С. С. Значение уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов для оперативно-розыскной деятельности в борь-

бе с организованной преступностью [Текст] / С. С. Овчинский // Следователь. – 1999. – № 9. – С. 26–31.

393. Ожжало, В. В. Освобождение от уголовной ответственности членов преступных групп, активно способствовавших раскрытию и пресечению преступлений [Текст] / В. В. Ожжало, Э. С. Сандрукян // Российский следователь. – 2004. – № 9. – С. 30–35.

394. Омелин, В. Н. Понятие оперативно-розыскных мероприятий [Текст] / В. Н. Омелин // Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики : материалы науч.-практ. семинара. – М. : Академия управления МВД России, 2005. – С. 18–23.

395. Омелин, В. Н. Проблемы совершенствования законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности [Текст] / В. Н. Омелин // Алтайский юридический вестник. – 2017. – № 18. – С. 124–128.

396. Орешкина, Т. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [Электронный ресурс] / Т. Орешкина // Уголовное право. – 2013. – № 2. – С. 23–28; СПС «КонсультантПлюс».

397. Орешкина, Т. Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера [Электронный ресурс] / Т. Ю. Орешкина // Уголовное право. – 2016. – № 4. – С. 66–76; СПС «КонсультантПлюс».

398. Орешкина, Т. Ю. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния [Электронный ресурс] / Т. Ю. Орешкина // Lex russica. – 2015. – № 3. – С. 73–85; СПС «КонсультантПлюс».

399. Орешкина, Т. Ю. Соотношение ряда положений Федерального закона «О противодействии терроризму» и некоторых других федеральных законов с нормами Уголовного кодекса об обстоятельствах, исключающих преступность деяния [Текст] / Т. Ю. Орешкина // Уголовное право: стратегия

развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 января 2007 г. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 200–204.

400. Павличенко, Н. В. Досудебное соглашение как основа смягчения ответственности за совершение преступлений лицами, оказывающими содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность [Текст] / Н. В. Павличенко // Современное право. – 2010. – № 2. – С. 95–98.

401. Пархоменко, С. Причинение вреда при выполнении специального задания [Текст] / С. Пархоменко // Законность. – 2004. – № 8. – С. 40–41.

402. Пархоменко, С. В. Юридическая характеристика нормативной основы деяний, преступность которых исключается [Текст] / С. В. Пархоменко // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 1. – С. 74–81.

403. Петровский, А. В. Оперативно-розыскная деятельность и обстоятельства, исключающие преступность деяния [Текст] / А. В. Петровский // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне : сб. науч. тр. – М. ; Ставрополь, 2007. – С. 209–216.

404. Питецкий, В. В. Виды исполнителя преступления [Текст] / В. В. Питецкий // Российская юстиция. – 2009. – № 5. – С. 19–22.

405. Плешаков, А. М. «Коллизия жизней» при крайней необходимости и проблемы уголовной ответственности [Текст] / А. М. Плешаков, Г. С. Шкабин // Государство и право. – 2007. – № 7. – С. 64–71.

406. Плешаков, А. М. Невинное причинение вреда при оперативном внедрении (к постановке проблемы) [Текст] / А. М. Плешаков // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2016. – С. 140–148.

407. Плешаков, А. М. Уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности: проблемы правового регулирования [Текст] / А. М. Плешаков // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : материалы ре-

гион. круглого стола (Рязань, 9 апр. 2015 г.) / под ред. Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2015. – С. 42–44.

408. Поляков, М. П. Некоторые аспекты нарушения законности при реализации гласного оперативного обследования (как проявление методологической проблемы проявления дифференциации ОРД на гласную и негласную) [Текст] / М. П. Поляков, В. В. Терехин // Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 17. – С. 240–244.

409. Попов, К. И. Правомерное причинение вреда при осуществлении оперативно-разыскной деятельности [Текст] / К. И. Попов // Труды СГА. – 2011. – № 2. – С. 15–25.

410. Рабаданов, А. С. Выполнение специального задания как обстоятельство, исключающее преступность деяния [Текст] / А. С. Рабаданов // Правовая культура. – 2011. – № 1. – С. 97–104.

411. Радачинский, С. Н. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства в части защиты лиц, участвующих в проведении оперативно-разыскных мероприятий [Текст] / С. Н. Радачинский // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 21. – С. 152–155.

412. Расторопов, С. В. Понятие преступлений против здоровья человека в доктрине уголовного права России [Текст] / С. В. Расторопов // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 3. – С. 62–65.

413. Русскевич, Е. А. Уголовно-правовые аспекты проведения оперативно-разыскного мероприятия «Получение компьютерной информации» [Текст] / Е. А. Русскевич // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования : сб. науч. ст. по итогам межвед. науч.-практ. конф. (Рязань, 20 окт. 2017 г.). – Рязань : Юриспруденция, 2017. – С. 114–117.

414. Савинский, А. В. О перечне обстоятельств, исключающих преступность деяния [Электронный ресурс] / А. В. Савинский // Российская юстиция. – 2014. – № 5. – С. 57–59; СПС «КонсультантПлюс».

415. Савинский, А. В. О правовой природе мнимого соучастия [Текст] / А. В. Савинский // Вестник Поморского университета : специальный выпуск. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 2006. – С. 183–188.

416. Савинский, А. В. Юридическое обеспечение оперативного внедрения требует совершенствования [Текст] / А. В. Савинский, И. М. Циммерман // Российский следователь. – 2005. – № 11. – С. 50–52.

417. Савинский, А. Мнимое соучастие как обстоятельство, исключающее преступность деяния [Текст] / А. Савинский // Законность. – 2005. – № 10. – С. 32–33.

418. Саранчин, Д. В. О некоторых проблемах социально-правовой защиты граждан, оказывающих содействие оперативным аппаратам органов внутренних дел [Текст] / Д. В. Саранчин // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2006. – № 4. – С. 304–306.

419. Синельников, И. Ю. Агентурная работа правоохранительных структур царской России в начале XX века: проблемы организации и правового регулирования [Текст] / И. Ю. Синельников, Г. С. Шкабин // Российский научный журнал. – 2015. – № 3. – С. 279–284.

420. Солодовников, С. А. Оперативно-розыскная профилактика: понятие, особенности, сфера функционирования [Текст] / С. А. Солодовников // Вестник Московского университета МВД России. – 2004. – № 4. – С. 77–79.

421. Сулейманов, Т. А. Реализация уголовно-правовой нормы в форме исполнения [Текст] / Т. А. Сулейманов // Российский следователь. – 2006. – № 9. – С. 17–20.

422. Титова, Н. В. Проблемы сопоставления оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных и уголовно-правовых правоотношений [Текст] / Н. В. Титова // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 4. – С. 134–136

423. Ткаченко, В. Принуждение к повиновению и выполнению правовой обязанности [Текст] / В. Ткаченко // Советская юстиция. – 1990. – № 3. – С. 28.

424. Топильская, Е. В. Уголовно-правовая оценка действий членов организованных преступных групп, привлеченных к сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность [Текст] / Е. В. Топильская // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2016. – С. 153–159.

425. Трунов, И. Л. 10 лет «Норд-Осту»: что изменилось в борьбе с терроризмом в России [Текст] / И. Л. Трунов // Представительная власть. – 2013. – № 1. – С. 12–14.

426. Трунцевский, Ю. В. Российское уголовно-превентивное право: признаки отрасли [Текст] / Ю. В. Трунцевский // Российский криминологический взгляд. – 2010. – № 3. – С. 165–173.

427. Тузов, Л. Л. Совершенствование регламентации оперативно-розыскной деятельности в российской федерации [Текст] / Л. Л. Тузов // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 6. – С. 181–183.

428. Уханов, В. В. Освобождение от уголовной ответственности и исключение ее в отношении лиц, внедренных в организованные преступные группы: взгляд через положения оперативно-розыскной науки [Текст] / В. В. Уханов // Оперативник (сыщик). – 2014. – № 4. – С. 38–41.

429. Хелльманн, У. Критический анализ современного уголовного законодательства ФРГ [Текст] / У. Хелльманн // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 янв. 2011 г.) – М. : Проспект, 2011. – С. 573–579.

430. Хелльманн, У. Уголовно-процессуальные полномочия как уголовно-правовые основания исключения противоправности [Текст] / У. Хелльманн // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (24–25 янв. 2013 г.). – М., 2013. – С. 404–406.

431. Хлебушкин, А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ): уго-



ловно-правовая характеристика и квалификация [Текст] / А. Хлебушкин // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 82–87.

432. Цуканов, Н. Н. О соотношении норм Закона «О полиции» и УК РФ в регулировании права сотрудника полиции применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие [Текст] / Н. Н. Цуканов // Административное право и процесс. – 2012. – № 3. – С. 68–71.

433. Чечетин, А. Е. Гласные оперативно-разыскные мероприятия и принуждение [Текст] / А. Е. Чечетин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2015. – № 13-1. – С. 66–68.

434. Чечетин, А. Е. О некоторых проблемах применения оперативного эксперимента в оперативно-разыскной деятельности [Текст] / А. Е. Чечетин // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности : материалы межвед. круглого стола (Рязань, 14 апр. 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2016. – С. 159–164.

435. Чечетин, А. Е. Проблемы применения оперативного эксперимента в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел [Текст] / А. Е. Чечетин // Оперативно-разыскное противодействие организованной преступности (посвящается памяти профессора Д. В. Ривмана) : материалы регион. науч.-практ. конф. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2015. – С. 164–169.

436. Чистяков, А. А. М. Д. Шаргородский о теории позитивной уголовной ответственности [Текст] / А. А. Чистяков // Актуальные проблемы уголовного права в новом тысячелетии : материалы межвуз. науч.-практ. семинара, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора М. Д. Шаргородского (Рязань, 24 апр. 2004 г.). – Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2004. – С. 14–20.

437. Чистяков, А. А. Уголовное право и оперативно-разыскная деятельность: проблемы межотраслевых исследований [Текст] / А. А. Чистяков // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной дея-

тельности : материалы регион. круглого стола (Рязань, 9 апр. 2015 г.) / под ред. Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. – Рязань : Концепция, 2015. – С. 6–9.

438. Шкабин, Г. С. Агентурная работа правоохранительных структур царской России в начале XX века: проблемы организации и правового регулирования [Текст] / Г. С. Шкабин, И. Ю. Синельников // Российский научный журнал. – 2015. – № 3. – С. 279–284.

439. Шкабин, Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование [Текст] / Г. С. Шкабин // Lex russica. – 2016. – № 8. – С. 62–80.

440. Шкабин, Г. С. Зарубежный опыт уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности [Текст] / Г. С. Шкабин // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2017. – № 4. – С. 15–18.

441. Шкабин, Г. С. Обнаружение умысла и провокация преступления: проблемы правомерности проведения оперативно-разыскных мероприятий [Текст] / Г. С. Шкабин // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 11. – С. 214–216.

442. Шкабин, Г. С. Понятие и уголовно-правовые признаки оперативно-го внедрения [Текст] // Оперативник (сыщик). – 2017. – № 1. – С. 39–43.

443. Шкабин, Г. С. Правомерное причинение вреда сотрудниками полиции: законодательные и прикладные проблемы [Текст] / Г. С. Шкабин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 3. – С. 50–53.

444. Шкабин, Г. С. Проблема «замышляемого преступления» в науках уголовного права и оперативно-разыскной деятельности [Текст] / Г. С. Шкабин // Оперативник (сыщик). – 2017. – № 2. – С. 36–38.

445. Шкабин, Г. С. Уголовно-правовая норма (de lege ferenda) о причинении вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия [Текст] / Г. С. Шкабин // Государство и право. – 2017. – № 4. – С. 56–64.

446. Шкабин, Г. С. Уголовно-правовая характеристика обстановки проведения оперативно-разыскных мероприятий [Текст] / Г. С. Шкабин // Российский следователь. – 2017. – № 7. – С. 22–25.

447. Шкабин, Г. С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности в Австралии и США: опыт для российского законодателя [Текст] / Г. С. Шкабин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 3. – С. 82–87.

448. Шкабин, Г. С. Формы правомерного поведения лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность среди соучастников преступления [Электронный ресурс] / Г. С. Шкабин // Полицейская деятельность. – 2017. – № 5. – С. 30–38; DOI : 10.7256/2454-0692.2017.5.24468. – URL : [http://e-notabene.ru/ppd/article\\_24468.html](http://e-notabene.ru/ppd/article_24468.html).

449. Шкабин, Г. С. Цели и задачи предупреждения преступлений в уголовном и оперативно-разыском законодательстве [Текст] / Г. С. Шкабин // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 2. – С. 74–81.

450. Яни, П. С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике [Электронный ресурс] / П. С. Яни // Законность. – 2013. – № 7. – С. 44–49; № 8. – С. 24–28; СПС «КонсультантПлюс».

#### **4. Диссертации и авторефераты диссертаций**

451. Абдуллаева, Н. Д. Оперативное внедрение в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Абдуллаева Наргиз Джаббаровна. – Иркутск, 2007. – 213 с.

452. Анненкова, Т. С. Обстановка совершения преступления и криминалистические методы ее исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Анненкова Татьяна Сергеевна. – Саратов, 2007. – 25 с.

453. Афанасьева, О. Р. Теоретические основы криминологического исследования и минимизации социальных последствий насильственной преступности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Афанасьева Ольга Романовна. – М., 2014. – 450 с.

454. Балалаева, М. В. Обстоятельства, исключаящие преступность действий сотрудников органов внутренних дел, совершенные в сфере их

профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Балалаева Марина Викторовна. – Н. Новгород, 2001. – 32 с.

455. Бойко А. И. Системная среда уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Бойко Александр Иванович. – М., 2008. – 49 с.

456. Богданов, О. В. Вред – как условие гражданско-правовой ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Богданов Олег Валерьевич. – Саратов, 2001. – 24 с.

457. Бондаренко, И. В. Уголовно-правовое понятие вреда, причиненного преступлением, и проблемы его возмещения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бондаренко Иван Васильевич. – Рязань, 1995. – 158 с.

458. Булатов, Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Булатов Борис Борисович. – Н. Новгород, 2003. – 490 с.

459. Васильченко, А. А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Васильченко Андрей Александрович. – Волгоград, 2005. – 199 с.

460. Вершинина, С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Вершинина Светлана Ивановна. – Тольятти, 2017. – 452 с.

461. Герасименко, А. С. Возмещение вреда, причиненного преступлением, как институт уголовно-процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Герасименко Алексей Сергеевич. – М., 2008. – 20 с.

462. Глазкова, Л. В. Бандитизм и преступное сообщество : вопросы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Глазкова Лилия Владимировна. – М., 2012. – 193 с.

463. Гончаров, Д. Ю. Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Гончаров Денис Юрьевич. Екатеринбург. 2014. – 515 с.

464. Дмитренко, А. П. Институт обстоятельств, исключających преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Дмитренко Андрей Петрович. – М., 2010. – 51 с.

465. Дралов, В. В. Теоретические и организационно-методические вопросы совершенствования правового обеспечения управления органами внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Дралов Василий Викторович. – М., 2001. – 190 с.

466. Дубовик, О. Л. Принятие решения в механизме преступного поведения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / Дубовик Ольга Леонидовна. – М., 1976. – 16 с.

467. Дударенко, В. В. Юридическая природа провокации преступления в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Дударенко Вероника Викторовна – Екатеринбург, 2017. – 196 с.

468. Железняков, Ю. Г. Уголовная ответственность субъектов оперативно-розыскной деятельности, совершивших преступления при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Железняков Юрий Григорьевич. – Тамбов, 2009. – 219 с.

469. Жук, М. С. Институт российского уголовного права : понятие, система и перспективы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Жук Максим Сергеевич. – Краснодар, 2013. – 62 с.

470. Зеленская, Т. В. Соотношение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Зеленская Татьяна Валерьевна. – Иркутск, 2007. – 233 с.

471. Землюков, С. В. Преступный вред: теория, законодательство, практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Землюков Сергей Валентинович. – М., 1994. – 320 с.

472. Иванчин, А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Иванчин Артем Владимирович. – Ярославль. 2014. – 462 с.

473. Кадников, Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Кадников Николай Григорьевич. – М., 2000. – 349 с.

474. Казакова, Е. Б. Самозащита как юридическое средство : проблемы теории и практики : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Казакова Евгения Борисовна. – Тамбов, 2006. – 24 с.

475. Клейменов, М. П. Уголовно-правовое прогнозирование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Клейменов Михаил Петрович. – Екатеринбург, 1992. – 36 с.

476. Краснопеев, С. В. Последствия преступления в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Краснопеев Сергей Владимирович. – Кисловодск, 2003. – 197 с.

477. Коваленко, О. Н. Задачи и функциональные возможности уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Коваленко Оксана Николаевна. – Самара, 2012. – 22 с.

478. Козаев, Н. Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Козаев Нодар Шотаевич. – М., 2016. – 630 с.

479. Кочубей, М. А. Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение экономической безопасности Российской Федерации в сфере таможенной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Кочубей Марианна Анатольевна. – М., 2005. – 44 с.

480. Лазуткин, Н. Н. Предупреждение преступлений на различных стадиях их совершения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Лазуткин Николай Николаевич. – Ростов н/Д, 2001. – 182 с.

481. Литвинов, А. С. Механизм и формы реализации норм уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Литвинов Алексей Станиславович. – М., 2012. – 217 с.

482. Медведева, С. В. Теоретические основания юридических фактов, исключающих правовую ответственность личности : автореф. дис. ... канд.

юрид. наук : 12.00.01 / Медведева Светлана Валентиновна. – Тамбов, 2005. – 30 с.

483. Мелешко Д. А. Сопричинение вреда без признаков соучастия в доктрине уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Мелешко Денис Анатольевич. – М., 2016. – 233 с.

484. Меркурьев, В. В. Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Меркурьев Виктор Викторович. – Рязань, 2006. – 54 с.

485. Мирошниченко, Н. В. Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: проблемы уголовно-правовой теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Мирошниченко Надежда Викторовна. – М., 2015. – 480 с.

486. Новосельцев, С. П. Преступления с формальным составом в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Новосельцев Сергей Павлович. – Красноярск, 1998. – 190 с.

487. Озеров, И. Н. Категория риска в оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Озеров Игорь Николаевич. – СПб., 2001. – 202 с.

488. Петрова, Г. О. Уголовно-правовое регулирование и его средства : норма и правоотношение : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Петрова Галина Олеговна. – Н. Новгород, 2003. – 304 с.

489. Пикуров, Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Пикуров Николай Иванович. – Волгоград, 1998. – 410 с.

490. Полубинская, С. В. Соотношение общего и специального предупреждения, как целей наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1987. – 23 с.

491. Полупан, Г. Ю. Уголовная ответственность за создание опасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Полупан Галина Юрьевна. – М., 2013. – 178 с.

492. Радачинский, С. Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Радачинский Сергей Николаевич. – Н. Новгород, 2011. – 51 с.

493. Радионов, Г. Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Радионов Григорий Геннадьевич. – М., 2015. – 202 с.

494. Редкоус, В. М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Редкоус Владимир Михайлович. – М., 2011. – 431 с.

495. Романов, В. С. Моральный вред как институт гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Романов Виктор Сергеевич. – М., 2006. – 24 с.

496. Рябченко, О. Н. Уголовно-правовое обеспечение предметов управленческой деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Рябченко Оксана Николаевна. – М., 2013. – 237 с.

497. Саркисова, В. Г. Уголовно-правовое обеспечение безопасности объектов транспортной инфраструктуры : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Саркисова Виктория Глебовна. – Краснодар, 2014. – 195 с.

498. Серебренникова, А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Серебренникова Анна Валерьевна. – М., 2008. – 36 с.

499. Сидоренко, Э. Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Сидоренко Элина Леонидовна. – М., 2013. – 418 с.



500. Степанов, В. Г. Общественно опасные последствия в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Степанов Вячеслав Геннадьевич. – Самара, 2006. – 204 с.

501. Степанов, Н. В. «Коллизия жизней» как социально-философская проблема : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Степанов Николай Викторович. – М., 2011. – 23 с.

502. Сучков, О. Ю. Особенности производства предварительного расследования по делам о контрабанде наркотических средств и психотропных веществ : дис.... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Сучков Олег Юрьевич. – М., 2000. – 244 с.

503. Трофимов, В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Трофимов Василий Владиславович. – СПб., 2011. – 50 с.

504. Титов, С. Н. Уголовно-правовое обеспечение охраны интеллектуальной собственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Титов Сергей Николаевич. – М., 2013. – 209 с.

505. Толмачева, Н. Н. Правовое обеспечение деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Толмачева Наталья Николаевна. – М., 2002. – 226 с.

506. Турецкий, Н. Н. Теоретические проблемы обстоятельств, исключающих преступность деяния, по уголовному законодательству Республики Казахстан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Турецкий Николай Николаевич. – СПб., 2005. – 50 с.

507. Фаткуллина, М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве (проблемы квалификации) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Фаткуллина Маргарита Борисовна. – Екатеринбург, 2001. – 23 с.

508. Халишхова, Э. Р. Организованная преступность: уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам Южного федераль-

ного округа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Халишхова Элла Радиковна. – Ростов н/Д, 2006. – 24 с.

509. Хасиев, У. А. Организованная преступность в Российской Федерации: уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Хасиев Умар Ахмадиевич. – Саратов, 2006. – 260 с.

510. Цыганков, А. А. Уголовно-правовая характеристика деяний, причиняющих вред при исполнении закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Цыганков, Александр Юрьевич. – М., 2011. – 19 с.

511. Чистяков, А. А. Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме, формирующем ее основание : автореф. дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Чистяков Алексей Алексеевич. – Рязань, 2003. – 59 с.

512. Шаповалов, А. А. Отрасль современного российского права (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шаповалов Алексей Александрович. – Белгород, 2011. – 21 с.

513. Шевелева, С. В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Шевелева Светлана Викторовна. – Курск, 2015. – 403 с.

514. Шкабин, Г. С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Шкабин Геннадий Сергеевич. – М., 2004. – 191 с.

515. Шубина, В. Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Шубина Вероника Юрьевна. – Краснодар, 2012. – 34 с.

516. Шулепова, Л. Ф. Дополнительное уголовное право Федеративной Республики Германии: понятие, система, источники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Шулепова Людмила Федотовна – М., 2005. – 18 с.

## **5. Источники на иностранных языках**

517. Абакумова, Ю. В. Кримінальна відповідальність особи за вчинення злочину при виконанні спеціального завдання з попередження чи розкриття злочинної діяльності організованої групи чи злочинної організації : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Абакумова Юлія Вікторівна / Національна юридична академія України ім. Ярослава Мудрого. – Х., 2007. – 23 с.

518. Crimes act 1914. – URL : <https://www.legislation.gov.au/Series/C1914A00012> (дата обращения: 05.10.2016).

519. Criminal Code of Canada. – URL : <http://laws-lois.justice.gc.ca> (дата обращения: 20.10.2016).

520. Measures to Combat Serious and Organised Crime Act 2001. – URL : <https://www.legislation.gov.au/Series/C2004A00908> (дата обращения: 05.10.2016).

521. Criminal law (undercover operations). Act 1995. – URL : [https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/CRIMINAL%20LAW%20\(UNDERCOVER%20OPERATIONS\)%20ACT%201995/2001.12.13\\_\(1995.06.15\)/1995.46.PDF](https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/CRIMINAL%20LAW%20(UNDERCOVER%20OPERATIONS)%20ACT%201995/2001.12.13_(1995.06.15)/1995.46.PDF) (дата обращения: 05.10.2016).

522. Bill C-24. – URL : <http://www.parl.gc.ca/HousePublications/Publication.aspx?Language=E&Mode=1&DocId=2330914&File=16#1> (дата обращения: 20.10.2016).

523. Codice penale italiano. – URL : <http://www.anvu.it/wp-content/uploads/2016/03/codice-penale-navigabile-4-marzo-2016.pdf> (дата обращения: 07.06.2016).

524. Code pénal français. Version consolidée au 16 novembre 2016. – URL : [https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=2EEE698043AB3EE612CEE77CBE9003F5.tpdila22v\\_1?cidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20161117](https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=2EEE698043AB3EE612CEE77CBE9003F5.tpdila22v_1?cidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20161117) (дата обращения: 17.11.2016).

525. Code de la defense française. Version consolidée au 27 octobre 2016. – URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071307> (дата обращения: 17.11.2016).

526. Code de la sécurité intérieure France. – URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000025503132&dateTexte=20120618> (дата обращения: 17.11.2016).

527. Code de l'entrée et du séjour des étrangers et du droit d'asile. Version consolidée au 1 novembre 2016. – URL : [https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=56CBDD1C16C395E8DEE0C97CEF62DC8E.tpdila22v\\_1?cidTexte=LEGITEXT000006070158&dateTexte=20161117](https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=56CBDD1C16C395E8DEE0C97CEF62DC8E.tpdila22v_1?cidTexte=LEGITEXT000006070158&dateTexte=20161117) (дата обращения: 17.11.2016).

528. Code de procédure pénale en France. – URL : [https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=224B1571D6A1C6286A5A123D6A4EFABA.tpdila09v\\_2?cidTexte=LEGITEXT000006071154&dateTexte=20161106](https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=224B1571D6A1C6286A5A123D6A4EFABA.tpdila09v_2?cidTexte=LEGITEXT000006071154&dateTexte=20161106) (дата обращения: 03.11.2016).

529. Code des douanes françaises. Version consolidée au 15 novembre 2016. – URL : [https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=49E8FA28C0CE29DFDBFD149E4BD24D6D.tpdila22v\\_1?cidTexte=LEGITEXT000006071570&dateTexte=20161117](https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=49E8FA28C0CE29DFDBFD149E4BD24D6D.tpdila22v_1?cidTexte=LEGITEXT000006071570&dateTexte=20161117) (дата обращения: 03.11.2016).

530. Code du travail. Version consolidée au 16 novembre 2016. – URL : <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 18.11.2016).

531. Code minier (nouveau) français. Version consolidée au 10 août 2016. – URL : <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 18.11.2016).

532. Decreto legislativo 25 luglio 1998, n. 286. Testo unico delle disposizioni concernenti la disciplina dell'immigrazione e norme sulla condizione dello straniero. – URL : <http://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:1998-07-25;286!vig=2013-06-18> (дата обращения 07.09.2016).

533. Legge 15 dicembre 2001, n. 438. Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 18 ottobre 2001, n. 374, recante disposizioni urgenti per contrastare il terrorismo internazionale. – URL : <http://www.parlamento.it> (дата обращения: 21.07.2016).

534. Legge 20 febbraio 1958, n. 75. Abolizione della regolamentazione della prostituzione e lotta contro lo sfruttamento della prostituzione altrui. – URL : [https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/legge\\_20\\_febbraio\\_1958\\_n\\_75.pdf](https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/legge_20_febbraio_1958_n_75.pdf) (дата обращения 07.09.2016).

535. Legge 26 giugno 1990, n. 162. Recante disciplina degli stupefacenti e sostanze psicotrope, prevenzione, cura e riabilitazione dei relativi stati di tossicodipendenza. – URL : <http://www.altalex.com/documents/news/2014/07/18/tes-to-unico-sulla-droga-titolo-viii-della-repressione-delle-attivita-illecite> (дата обращения 07.07.2016).

536. Legge 7 agosto 1992, n. 356. Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 8 giugno 1992, n. 306, recante modifiche urgenti al nuovo codice di procedura penale e provvedimenti di contrasto alla criminalita' mafiosa. – URL : <http://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1992/08/07/092G0398/sg> (дата обращения: 07.07.2016).

537. Legge 3 agosto 1998, n. 269. Norme contro lo sfruttamento della prostituzione, della pornografia, del turismo sessuale in danno di minori, quali nuove forme di riduzione in schiavitù. – URL : <http://www.camera.it/parlam/leggi/98269l.htm> (дата обращения: 07.07.2016).

538. Legge 16 marzo 2006, n. 146. Ratifica ed esecuzione della Convenzione e dei Protocolli delle Nazioni Unite contro il crimine organizzato transnazionale, adottati dall'Assemblea generale il 15 novembre 2000 ed il 31 maggio 2001. – URL : <http://www.parlamento.it/parlam/leggi/06146l.htm> (дата обращения: 11.10.2016).

539. Gesetz zur Bekämpfung des illegalen Rauschgifthandels und anderer Erscheinungsformen der Organisierten Kriminalität. – Vom 15. – Juli 1992. – URL : <https://www.jurion.de/gesetze/orgkg> (дата обращения: 21.11.2016).

540. Strafgesetzbuch (StGB) Bundesrecht. – URL : <https://www.jurion.de/gesetze/stgb-1?from=0:140531,2,19920922> (дата обращения: 20.11.2016).

541. Inanspruchnahme von Informanten, Einsatz von V-Personen und Verdeckten Ermittlern vom 21. Februar 1994, zuletzt geändert durch Gemeinsamen

Runderlass vom 30. November 2015. – URL : <http://bravors.brandenburg.de/verwaltungsvorschriften/vperson> (дата обращения: 25.11.2016).

542. Attorney General's Investigative Guidelines, May 30, 2002. FBI Undercover Operations. – URL : <https://fas.org/irp/agency/doj/fbi/fbiundercover.pdf> (дата обращения 10.03.2016).

543. United States v. Gonzales, 539 F.2d 1238, 1239 (9th Cir. 1976). – URL : <https://casetext.com/case/united-states-v-gonzales-2> (дата обращения: 10.10.2016).

544. Ridgeway v The Queen [1995] HCA 66. – URL : <http://eresources.hcourt.gov.au/showbyHandle/1/232982> (дата обращения: 30.10.2016).

545. R v Campbell [1999] 1 SCR 565. – URL : <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/1692/index.do> (дата обращения: 20.10.2016).

546. Measures to Combat Serious and Organised Crime Act 2001. – URL : <https://www.legislation.gov.au/Series/C2004A00908> (дата обращения: 05.10.2016).

547. Barrocu G. Le indagini sotto copertura : Tesi di dottorato. Università degli studi di Trieste. 2009. – 152 p. – URL : <http://hdl.handle.net/10077/3077> (дата обращения: 07.09.2016).

548. Wagner Georg A. United States' Policy Analysis on Undercover Operations // Int'l J. Police Sci. & Mgmt, 2007, no. 9, p. 371–379.

549. Gary T. Marx Undercover: Police Surveillance in America. Copyright Date: Published by : University of California Press, 1988. – 280 p.

550. Ross Jacqueline E. Impediments to Transnational Cooperation in Undercover Policing: A Comparative Study of the United States and Italy // American Society of Comparative Law, 2004, vol. 52, no. 3 , pp. 569–623.

551. Ross Jacqueline E. Tradeoffs in Undercover Investigations: A Comparative Perspective // The University of Chicago Law Review, 2002, vol. 69, no. 3, pp. 1501–1541.

552. Ross Jacqueline E. Undercover Policing and the Shifting Terms of Scholarly Debate: The United States and Europe in Counterpoint // *The Annual Review of Law and Social Science* is online at [lawsocsci.annualreviews.org](http://lawsocsci.annualreviews.org). 2008, pp. 239–273.

553. Joh Elizabeth E. Breaking the Law to Enforce It: Undercover Police Participation in Crime // *Stanford Law Review*. 2009, vol. 2, Iss. 1, pp. 154–199.

554. Delogu F. La responsabilita penale dell'agente provocatore. Stud. Sassaesi, 1938.

555. Kirkpatrick D. Der Einsatz von Verdeckten Ermittlern: Handbuch für die Praxis der Strafverfolgungsbehörde. Verlag Deutsche Polizeiliteratur. – Germany. 2011. – 192 s.

556. Krey V. Rechtsprobleme des strafprozessualen Einsatzes Verdeckter Ermittler. – Wiesbaden, BKA, 1993. – 331 s.

557. Bronitt S. The Law in Undercover Policing: A Comparative Study of Entrapment and Covert Interviewing in Australia, Canada and Europe // *Common Law World Review*. – January 2004, vol., pp. 35–80.

558. Joh Elizabeth E., Joo Thomas Wuil, Sting. Victims: Third-Party Harms in Undercover Police Operations (February 27, 2015). – URL : <https://ssrn.com/abstract=2571386> (дата обращения: 20.08.2016).

559. Levy R. Les Livraisons Surveillees de Stupefiants: Legaliser pour Mieux Controler? // *Quest. P'enal*. 2002. XV:5.

## VI. Интернет-ресурсы

560. BBC. Русская служба : Боевики ИГ показали видео расправы над «агентом ФСБ» [Электронный ресурс]. – URL : [http://www.bbc.com/russian/news/2015/12/151202\\_isis\\_russia\\_fsb\\_agent\\_video](http://www.bbc.com/russian/news/2015/12/151202_isis_russia_fsb_agent_video) (дата обращения: 23.11.2016).

561. Состояние преступности в России [Электронный ресурс]. – URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 20.07.2017).

562. Криминальная Россия. Современные хроники : документальный сериал «Ошибка киллера» [Электронный ресурс]. – URL :

<http://dokonline.com/dokumentalnie-filmi/2356-kriminalnaya-rossiya-sovremennye-hroniki-oshibka-killera.html> (дата обращения: 23.05.2014).

563. Провокация (значения) : википедия [Электронный ресурс]. – URL : [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F\\_\(%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_(%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F)) (дата обращения: 25.09.2015).

564. Сайт национальной полиции Франции. – URL : <http://www.police-nationale.interieur.gouv.fr> (дата обращения: 03.05.2016).



## ПРИЛОЖЕНИЯ

*Приложение 1*

### ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

**по изучению мнения судей, сотрудников правоохранительных органов  
и профессорско-преподавательского состава юридических вузов**

*Уважаемый коллега!*

Кафедрой уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя проводится исследование по вопросам уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности.

Просим Вас внимательно прочитать вопросы и варианты ответов к ним. Ответ, который в наибольшей степени соответствует Вашему мнению, обведите кружком.

*Опрос анонимный.* Указывать свою фамилию или расписываться не нужно.

Благодарим Вас за содействие!

Вопросы и варианты ответов		%
1	<b>Что, на Ваш взгляд, включает в себя термин «уголовно-правовое обеспечение»?*</b>	
a)	Это то же самое, что уголовно-правовое регулирование	7,7
b)	Это процесс формирования уголовно-правовых норм (правоформирование)	3,9
c)	Включает в себя правоформирование и правовое регулирование	76,9
d)	Это более широкое понятие	11,5
2	<b>Считаете ли Вы возможным применение уголовного закона по аналогии?*</b>	
a)	Применение уголовного закона по аналогии недопустимо ни в каких случаях	36,7
b)	Недопустима только аналогия норм Особенной части УК РФ	11,5
c)	Аналогия уголовного закона фактически уже применяется	51,8
3	<b>Считаете ли Вы допустимым причинение вреда правоохраняемым интересам при проведении оперативно-разыскных мероприятий для пресечения совершения преступления?</b>	
a)	Причинение такого вреда недопустимо	7,1
b)	Допустимо причинение меньшего вреда по сравнению с пресека-	49,8

---

\* Вопрос задавался только представителям профессорско-преподавательского состава юридических вузов.

	емым преступлением	
c)	Допустимо причинение равного вреда по сравнению с пресекаемым преступлением	43,1
4	<b>Считаете ли Вы необходимым дополнить гл. 8 УК РФ нормой об исключении преступности причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия?</b>	
a)	Нет, преступность таких деяний исключается ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»	9,8
b)	Нет, такие действия подпадают под признаки крайней необходимости	24,7
c)	Такая норма необходима	65,5
5	<b>Какие, по Вашему мнению, действия может выполнять лицо, внедренное в банду? (допустимы два и более ответа)</b>	
a)	Схожие с действиями соисполнителя преступления	49,8
b)	Схожие с действиями пособника преступления	61,5
c)	Схожие с действиями подстрекателя к преступлению	22,1
d)	Схожие с действиями организатора преступления	23,3
e)	Внедренное лицо не имеет права совершать никакие из перечисленных действий	34,6
6	<b>Допустимо ли вынужденное причинение тяжкого вреда здоровью невинного (третьего) лица, внедренным сотрудником полиции по приказу руководителя террористического сообщества?</b>	
a)	В принципе причинение такого вреда допустимо	21,6
b)	Допустимо причинение вреда здоровью меньшего, чем тяжкий	15,4
c)	Причинение такого вреда недопустимо	53,8
d)	Затрудняюсь ответить	9,2
7	<b>Необходимо ли давать уголовно-правовую оценку действиям, порядок осуществления которых подробно регламентирован в законодательстве, причиняющим вред правоохраняемым объектам (например, прослушивание телефонных переговоров)?</b>	
a)	Нет, такие действия подробно урегулированы и не вызывают сомнений в уголовно-правовой правомерности	46,2

b)	Такие действия необходимо оценивать с позиций гл. 8 УК РФ	34,6
c)	Это процессуальная норма и уголовно-правовой оценки не требует	19,2
8	<b>Допустимо ли убийство невинного (третьего) лица введенным сотрудником правоохранительного органа по приказу руководителя террористической организации?</b>	
a)	Нет, смерть невинных не может быть оправдана интересами государства	84,7
b)	Да, в исключительных случаях такие действия следует признать допустимыми	11,5
c)	Затрудняюсь с ответом	3,8
9	<b>Считаете ли Вы возможным проводить оперативно-разыскные мероприятия в отношении лица, лишь обнаружившего умысел на совершение преступления?</b>	
a)	Да, проведение оперативно-разыскных мероприятий возможно, но только в целях профилактической работы с таким лицом	61,5
b)	Да, проведение оперативно-разыскных мероприятий возможно в целях привлечения к уголовной ответственности такого лица	29
c)	Нет, проводить оперативно-разыскные мероприятия в отношении лица, обнаружившего умысел на совершение преступления, недопустимо	9,5
10	<b>Считаете ли Вы допустимым провоцировать лицо на совершение преступления с целью привлечения его к уголовной ответственности?</b>	
a)	Да, провокация преступления возможна, если это отвечает интересам общества и государства	0
b)	Да, если есть предположение, что лицо все равно совершит преступление, но имеющихся данных недостаточно для возбуждения уголовного дела	3,9
c)	Нет, провокация преступления недопустима ни при каких обстоятельствах	92,3
d)	Затрудняюсь ответить	3,8
11	<b>Допустимо ли проведение проверочной закупки у гражданина, в отношении которого имеется информация лишь о незаконном хранении им огнестрельного оружия?</b>	

a)	Допустимо, так как проведение данного оперативно-разыскного мероприятия является самым эффективным способом выявления преступления	57,7
b)	Недопустимо, в данном случае проверочная закупка будет являться провокацией преступления	42,3
12	<b>Считаете ли Вы допустимым причинение вреда правоохраняемым интересам лицом, внедренным в преступное сообщество, для создания себе образа «преступника»?</b>	
a)	Да, такое в принципе возможно	80,8
b)	Нет, в указанном случае причинение такого вреда недопустимо	7,7
c)	Затрудняюсь ответить	11,5
13	<b>Место работы:</b>	
a)	суд	6,2
b)	прокуратура	12,6
c)	следственные подразделения	17,4
d)	органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность	45,5
e)	Образовательное учреждение	18,3
14	<b>Стаж работы по специальности:</b>	
a)	менее 1 года	3,3
b)	от 1 года до 3-х лет	10,4
c)	от 3-х до 5-ти лет	27,4
d)	более 5-ти лет	58,9

**Результаты  
изучения приговоров и материалов уголовных дел,  
в которых использовались рассекреченные материалы  
оперативно-разыскных мероприятий**

Общее количество изученных материалов уголовных дел – 455.

Период, за который изучались материалы уголовных дел – 2009–2017 гг.

Субъекты Российской Федерации, в которых изучались уголовные дела:

Владимирская, Московская, Рязанская,  
Тамбовская, Тульская, Тюменская обла-  
сти и город Москва

**1. Статья УК РФ, по которой виновные были привлечены к уго-  
ловной ответственности**

- a) ст. 105 УК РФ – 22 %
- b) ст. 126 УК РФ – 2,7 %
- c) ст. 127.1 УК РФ – 1,6 %
- d) ст. 138.1 УК РФ – 9,6 %
- e) ст. 146 УК РФ – 9,1 %
- f) ст. 158 УК РФ – 8,7 %
- g) ст. 159 УК РФ – 8,2 %
- h) ст. 161 УК РФ – 9,6 %
- i) ст. 162 УК РФ – 12,7 %
- j) ст. 163 УК РФ – 2,7 %
- k) ст. 186 УК РФ – 13,2 %
- l) ст. 204 УК РФ – 4,2 %
- m) ст. 209 УК РФ – 6 %
- n) ст. 210 УК РФ – 3,5 %
- o) ст. 222 УК РФ – 13,2 %
- p) ст. 228.1 УК РФ – 44,1 %

- q) ст. 290 УК РФ – 9,2 %
- r) ст. 291 УК РФ – 2 %
- s) другие статьи УК РФ – 11 %.

В сумме более 100 %, так как действия виновных квалифицировались по совокупности преступлений.

**2. Оперативно-разыскные мероприятия, о которых имеется указание в материалах уголовного дела:**

- a) Опрос – 4,2 %
- b) Наведение справок – 3,8 %
- c) Сбор образцов для сравнительного исследования – 5,1 %
- d) Проверочная закупка – 68 %
- e) Исследование предметов и документов – 2,4 %
- f) Наблюдение – 68,4 %
- g) Отождествление личности – 1,9 %
- h) Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств – 7,8 %
- i) Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений – 14 %
- j) Прослушивание телефонных переговоров – 78,7 %
- k) Снятие информации с технических каналов связи – 0
- l) Оперативное внедрение – 39 %
- m) Контролируемая поставка – 12 %
- n) Оперативный эксперимент – 58 %
- o) Получение компьютерной информации – 2,4 %.

В сумме более 100 %, так как проводилось несколько оперативно-разыскных мероприятий по одному уголовному делу.

**3. Стадия преступления, в отношении которого проводилось оперативно-разыскное мероприятие:**

- a) Подготовка к преступлению – 68 %

- б) Покушение на преступление – 31 %
- с) Оконченное преступление – 19 %.

В сумме более 100 %, так как действия виновных квалифицировались по совокупности преступлений.

**4. Количество случаев применения ч. 4 ст. 16, ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также ст. 39 УК РФ в отношении лиц, причинивших вред при проведении оперативно-розыскных мероприятий:**

- а) применение ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» – 0,2 %
- б) применение ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» – 0
- с) применение ст. 39 УК РФ – 0.

**5. Количество случаев проведения оперативного внедрения с другими оперативно-розыскными мероприятиями:**

- а) С прослушиванием телефонных переговоров – 68 %
- б) С проверочной закупкой – 49 %
- с) С оперативным экспериментом – 31 %
- д) С другими оперативно-розыскными мероприятиями – 23 %.

В сумме более 100 %, так как оперативное внедрение проводилось одновременно с несколькими оперативно-розыскными мероприятиями.

**6. Цели проведения оперативно-розыскных мероприятий:**

- а) Вместо «предотвращения преступления» указывалось на его «пресечение» – 18,3 %
- б) Правильное применение цели предотвращения преступлений – 10,6 %
- с) В целях «документирования преступления» – 11,8 %

d) Различное сочетание целей: «пресечение преступлений», «предотвращение преступлений», «прекращение преступной деятельности», «документирование», «защита потерпевшего», «контроль действий преступной группы» – 59,3 %.

**7. Оперативное внедрение проводилось в отношении преступления или лица, его совершающего:**

- a) В составе группы лиц по предварительному сговору – 35,6 %
- b) В составе организованной преступной группы – 30,2 %
- c) В составе банды и различных преступных сообществ – 9,5 %.
- d) Единолично – 24,7 %.

**8. Совершение при проведении оперативно-разыскного мероприятия действий, имитирующих преступление по уголовным делам о «заказных» убийствах (неоконченных):**

- a) Указывалось на проведение так называемой имитации, или инсценировки, убийства – 93 %
- b) Подтверждение убийства не требовалось – 6 %
- c) Виновный самостоятельно совершил покушение на убийство – 1 %.



**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН**

о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации  
и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»

**Статья 1.** Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1) дополнить статьей 39.1 следующего содержания:

«Статья 39.1. Причинение вреда при проведении оперативно-розыскного мероприятия.

1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при проведении оперативно-розыскного мероприятия уполномоченным лицом, которое действует в целях предотвращения, пресечения или раскрытия преступления, если при этом не было допущено превышения пределов причинения вреда при проведении оперативно-розыскного мероприятия.

2. Превышением пределов причинения вреда при проведении оперативно-розыскного мероприятия признается умышленное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью другого человека, либо нарушение половой неприкосновенности или половой свободы личности, либо умышленное причинение иного вреда, явно не соответствующего характеру и степени общественной опасности предотвращаемого, пресекаемого или раскрываемого преступления.»;

2) пункт «ж» части 1 статьи 61 после слов «крайней необходимости,» дополнить словами «причинения вреда при проведении оперативно-розыскного мероприятия,»;

3) статью 62 добавить частью 1.1 следующего содержания:

«1.1. При наличии смягчающего обстоятельства – совершение преступления при нарушении условий правомерности причинения вреда при проведении

оперативно-разыскного мероприятия (пункт «ж» части 1 статьи 61 настоящего Кодекса) и при отсутствииотягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «б», «г», «е», «е.1», «ж», «з», «и», «п», и «р» части 1 статьи 63 настоящего Кодекса, срок или размер наказания не могут превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.»;

4) дополнить статьей 75.1 следующего содержания:

Статья 75.1. Освобождение от уголовной ответственности в связи с участием в проведении оперативно-разыскного мероприятия.

Лицо, совершившее преступление в составе группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества, может быть освобождено от уголовной ответственности, если приняло участие в проведении оперативно-разыскного мероприятия и способствовало раскрытию преступления, возместило ущерб, причиненный в результате его совершения, или иным образом загладило причиненный вред.

**Статья 2.** Внести в Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» следующие изменения:

1) статью 1 после слов «преступных посягательств» дополнить словами «, а также предупреждение преступлений»;

2) в статье 2:

а) после слов «являются:» дополнить словами:

«выявление лиц, имеющих намерение совершить преступление, для проведения с ними профилактической работы;»;

б) слово «предупреждение» заменить словом «предотвращение».

3) часть 1 статьи 4 после слов «Конституция Российской Федерации,» добавить словами «Уголовный кодекс Российской Федерации,»;

4) часть 1 статьи 15 дополнить пунктом 6 следующего содержания:

«6. В целях предупреждения преступления, при наличии достаточных и предварительно подтвержденных сведений о действиях физического лица,

намеревающегося совершить преступление, и при отсутствии оснований для его привлечения к уголовной ответственности, должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, может объявить этому лицу обязательное для исполнения официальное предостережение о недопустимости совершения преступления.

Порядок объявления официального предостережения о недопустимости совершения преступления, включая порядок его направления (вручения), форма официального предостережения, а также перечни категорий должностных лиц, уполномоченных объявлять официальное предостережение, устанавливаются нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, имеющих право осуществлять оперативно-разыскную деятельность.»;

5) часть 4 статьи 16 изложить в следующей редакции:

«Должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, а также лицо, оказывающее ему содействие, имеют право на причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны в случаях, предусмотренных статьями главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации.»;

б) часть 4 статьи 18 изложить в следующей редакции:

«Лицо, совершившее преступление и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, может быть освобождено от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.».

Президент Российской Федерации

**ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА****к проекту Федерального закона «О внесении изменений  
в Уголовный кодекс Российской Федерации  
и Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности"»**

Законопроект основан на результатах изучения и обобщения практики реализации норм Уголовного кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Проведенное исследование выявило ряд пробелов и противоречий законодательного регулирования этой деятельности, нечеткость и декларативность некоторых норм права.

В законопроекте приводится в системное соответствие статей двух законов, совершенствуется правовая защита лиц, участвующих в проведении оперативно-розыскных мероприятий.

**ПЕРЕЧЕНЬ**

**актов федерального законодательства,  
подлежащих признанию утратившими силу,  
приостановлению, изменению, дополнению или принятию  
в связи с принятием Федерального закона  
«О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации  
и Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности"»**

Принятие и реализация Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности"» не потребует признания утратившими силу, приостановления, изменения, дополнения или принятия законов и иных нормативных правовых актов.

**ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ**  
**проекта Федерального закона «О внесении изменений**  
**в Уголовный кодекс Российской Федерации**  
**и Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности"»**

Для реализации Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности"» не потребуется дополнительного финансирования из средств федерального бюджета.

**ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****ПОСТАНОВЛЕНИЕ****О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ  
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

1. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 03.11.2016 № 41):

абзац третий пункта 27 изложить в следующей редакции:

«Преступление в форме участия лица в незаконном вооруженном формировании считается оконченным с момента вхождения в состав такого формирования с намерением действовать для реализации его целей.».

2. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»:

абзац второй пункта 15 изложить в следующей редакции:

«Преступление в форме участия лица в преступном сообществе (преступной организации) считается оконченным с момента вхождения в состав такого сообщества (организации) с намерением действовать для реализации его целей.».

3. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»:

пункт 9 изложить в следующей редакции:

«Под участием в банде надлежит понимать вхождение лица в ее состав с намерением участвовать в действиях банды, либо участие в совершаемых ею нападениях, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности банды (снабжение информацией, ведение документации и т. п.).

Преступление в форме участия лица в банде считается оконченным с момента вхождения в состав банды с намерением действовать для реализации ее целей.

При совершении участником банды конкретного преступления его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений.».

**ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**  
**ПОСТАНОВЛЕНИЕ**  
**«О ПРИМЕНЕНИИ СУДАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**  
**О ПРИЧИНЕНИИ ПРАВОМЕРНОГО ВРЕДА,**  
**ПРЕДУСМОТРЕННОГО ГЛАВОЙ 8**  
**УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**  
**(извлечения)**

1. Обратить внимание судов на то, что право на причинение вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий принадлежит лицам, уполномоченным на их проведение. К ним относятся должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также лица, оказывающие на конфиденциальной основе содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность в соответствии со статьей 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

2. Причинение правомерного вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия должно быть обусловлено, с одной стороны, состоянием вынужденности, характеризующейся обстановкой, при которой существует угроза причинения правоохраняемым интересам со стороны лица, подготавливающего, совершающего или совершившего преступление либо иных источников, а с другой – необходимостью достижения целей и решения задач оперативно-разыскной деятельности.

3. Под превышением пределов причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия следует понимать причинение смерти или тяжкого вреда здоровью другого человека, либо нарушение половой неприкосновенности или половой свободы личности, либо причинение иного вреда, явно не соответствующего характеру и степени общественной опасности предотвращаемого, пресекаемого или раскрываемого преступления. Такое



превышение пределов влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

4. Причинение правомерного вреда возможно только в определенные временные рамки. Начальным моментом является совершение уголовно наказуемого приготовления к преступлению, покушения или оконченного преступления. Конечным моментом является истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности. При этом необходимо учитывать, что лица, виновные в совершении преступлений против мира и безопасности человечества привлекаются к уголовной ответственности независимо от времени, истекшего после совершения ими преступлений, поэтому причинение вреда в целях раскрытия этих деяний может быть совершено в любой срок, прошедший после преступления.